

GLOBAL NEOLIBERAL CAPITALISM AND THE ALTERNATIVES

From Social Democracy to State Capitalisms

David Lane

Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ»

ДЭВИД ЛЭЙН

**ГЛОБАЛЬНЫЙ
НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ
КАПИТАЛИЗМ
И АЛЬТЕРНАТИВЫ**

ОТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ
К ДРУГИМ ФОРМАМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Монография

Перевод с английского языка

Научный редактор С.Д. Бодрунов

**Москва
2025**

УДК 17.022+82-43

ББК 87.7+84.4

Л192

Книга впервые опубликована в Великобритании в 2023 году под названием Global Neoliberal Capitalism and the Alternatives: From Social Democracy to State Capitalisms издательством Bristol University Press

Бристольский университет

1-9 Олд Парк Хилл

Бристоль

BS2 8BB

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Каталогизация данных Британской библиотеки

Каталогизационная запись для этой книги доступна в Британской библиотеке

ISBN 978-1-5292-2090-2 твердый переплет

ISBN 978-1-5292-2092-6 ePub

ISBN 978-1-5292-2093-3 ePdf

Право Дэвида Лэйна быть указанным в качестве автора этой работы было заявлено им в соответствии с Законом об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 года.

Дэвид Лэйн

Л192

Глобальный неолиберальный капитализм и альтернативы: от социал-демократии к другим формам государственного капитализма: Монография / Дэвид Лэйн; науч. ред. издания на русском языке С.Д. Бодрунов. — М. : ИНИР им. С.Ю. Витте : Центркаталог, 2025. — 354 с. — (серия «Современная экономическая мысль»).

Перед читателем первый полнотекстовый перевод книги английского теоретика Дэвида Лэйна, который для русскоязычной аудитории выходит под названием «Глобальный неолиберальный капитализм и альтернативы: от социал-демократии к другим формам государственного капитализма». Впервые книга была опубликована в 2023 г. издательством Бристольского университета (Великобритания). Будучи специалистом в области исследования экономик стран постсоциалистического периода (включая Россию и Китай), Лэйн демонстрирует тонкое понимание специфики разворачивающихся в мире событий и процессов. Автор поднимает остронаучные вопросы о социально-экономических, геополитических, цивилизационно-идеологических, психологических и прочих основах трансформации общественно-хозяйственного мироустройства. Особое внимание уделяется вопросам исследования неолиберальной формы экономической глобализации, которая под покровительством влиятельных западных (в основном ультралиберальных) властных элит и подведомственных им международных альянсов и институтов (МВФ, ВТО и пр.) ведет к масштабным процессам монетизации и коммерциализации многих областей жизнедеятельности, дегуманизируя и примитивизируя природу и ценностные установки человека. Профессор Лэйн не просто ставит проблему исчерпанности парадигмы субъективного экономического поведения в мировом масштабе, но и предлагает несколько теоретически обоснованных моделей альтернативного общественного развития. В свою очередь, гибридная форма рыночного социализма с регулирующей ролью государства рассматривается как серьезный вызов теории и практике глобального неолиберального капитализма XXI в.

УДК 17.022+82-43

ББК 87.7+84.4

ISBN 978-5-00020-122-0 (ИНИР им. С.Ю. Витте)

ISBN 978-5-907825-07-9 (Центркаталог)

© ИНИР им. С.Ю. Витте, 2025:
перевод, верстка, дизайн
обложки

ОБ АВТОРЕ

Дэвид Лэйн является заслуженным профессором социологии Кембриджского университета и почетным членом Эммануил-колледжа. Он также является членом Академии социальных наук (Великобритания), был приглашенным профессором в следующих университетах: Пекинский, Гарвардский, Корнеллский, Оденсе, Харьковский, Сабанчи (Стамбул), Шаньдун и Грац. В России принимал участие в мероприятиях и публикациях Санкт-Петербургского экономического конгресса, Валдайского дискуссионного клуба, Вольного экономического общества России и журнала «Альтернативы». Является почетным членом Европейской социологической ассоциации.

Среди его книг:

- ❑ Changing Regional Alliances for China and the West (2018, ed, with Guichang Zhu).
- ❑ The Eurasian Project in Global Perspective (2018, ed).
- ❑ The Eurasian Project and Europe (2015, ed, with Vsevolod Samokhvalov).
- ❑ The Capitalist Transformation of State Socialism (2014); Капиталистическая трансформация государственного социализма. Создание и развал государственного социализма и что произошло дальше (2022, науч. ред. С.Д. Бодрунов).
- ❑ Elites and Classes in the Transformation of State Socialism (2011).
- ❑ Rethinking the 'Coloured Revolutions' (2010, ed, with Stephen White).
- ❑ The European Union and World Politics (2009, ed, with Andrew Gamble).
- ❑ Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries (2007, ed, with Martin Myant).
- ❑ The Transformation of State Socialism: System Change, Capitalism or Something Else? (2007, ed).

ВЫРАЖЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ

В подготовке книги мне помогли многие люди и учреждения. Некоторые главы были написаны на основе лекций, прочитанных мною в виде специального курса для магистрантов в Кембриджском университете, а также для студентов и сотрудников Пекинского университета, Шаньдунского университета и Харьковского национального университета. Я также благодарен Сергею Бодрунову за приглашения на многочисленные конференции и за публикацию в журналах некоторых связанных с их тематикой статей. Я должен поблагодарить Кристель Лэйн за ее многочисленные подробные комментарии, которые значительно дополнили книгу. Я благодарю издательство Бристольского университета за публикацию издания на английском языке, а также сотрудников Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте за помощь в переводе и публикации этой работы.

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА К ИЗДАНИЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Это уже не первый перевод книг Дэвида Лэйна, который предлагает читателям Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте. Ранее, в 2022 г., нами уже была издана монография Дэвида Лэйна «Капиталистическая трансформация государственного социализма: создание и развал государственного социализма и что произошло дальше» (М.: ИНИР им. С.Ю. Витте, Центркаталог, 2022).

Сотрудничество Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте и Дэвида Лэйна продолжается уже длительное время, которое включает в себя и организацию совместных научных семинаров в Кембридже (Великобритания), и участие профессора Лэйна в международных конференциях, проводимых ИНИР им. С.Ю. Витте в Европе и Китае. Дэвид Лэйн является активным участником Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК) и Московского академического экономического форума (МАЭФ).

В новой книге Дэвида Лэйна привлекает прежде всего неординарный подход автора к анализу как самого неолиберального капитализма, так и возможных альтернатив ему. В отличие от большинства и критиков, и адептов неолиберальной экономической политики, Дэвид Лэйн не ограничивается рассмотрением слабых или сильных сторон неолиберальной модели. Он ищет прежде всего причины, приведшие к ее формированию. И поэтому рассмотрение проблем неолиберальной модели капитализма профессор Лэйн начинает не с нее самой, а с исследования экономических систем, предшествовавших ей. В качестве таковых он обращает внимание на модель государственного социализма, сформировавшуюся в СССР и в странах, последовавших

его примеру, и на социал-демократическую модель, наиболее последовательно проявившую себя в Западной Европе, но черты которой присутствовали и в других развитых странах Запада, в том числе и в США.

Модель государственного социализма представляла собой пример наиболее радикального разрыва с капиталистической системой. Но, несмотря на первоначальные экономические и социальные успехи, эта модель не смогла справиться со многими задачами развития, и в особенности с очередной волной технологического прогресса, которую она не смогла оседлать. В результате она столкнулась с приближением экономической стагнации и с разочарованием населения.

Социал-демократическая модель, которая пыталась лишь реформировать капитализм, сделав его несколько более справедливым и социально ориентированным, также исчерпала свой потенциал к 70-м гг. XX в. Хотя именно в ее рамках были достигнуты высокие темпы экономического роста и было смягчено социальное неравенство, применяемые в ней экономические инструменты пришли в конфликт с природой капиталистического строя. Перераспределение ВВП через государственный бюджет натолкнулось на абсолютные пределы, повышение налогов, позволявшее смягчать социальные проблемы, сдерживало инвестиционную активность бизнеса.

Реакцией на эти проблемы стал практически повсеместный (за немногими исключениями, наиболее важное из которых — КНР) поворот к неолиберализму, к идеологии минимизации государственного вмешательства. Не стоит думать, что этот поворот означал демонтаж государственного регулирования экономики, вовсе нет — но многие ограничения, налагавшиеся на бизнес ранее, были сняты. Один из американских экономистов назвал такую экономическую политику «ублюдочным кейнсианством». Радикальная минимизация государственного вмешательства в экономику проповедовалась в рамках Вашингтонского консенсуса лишь «на экспорт» — для развивающихся стран, и стран, перешедших от плановой к рыночной экономике.

Именно для этих последних негативные последствия неолиберализма обнаружили себя наиболее быстро и наиболее радикально. Что же касается развитых стран, то неолиберализм поначалу обеспечил даже определенное оживление экономики и проведение того, что получило название информационной революции — широкое и повсеместное применение информационно-коммуникационных технологий.

В книге Дэвида Лэйна хорошо показано, что неолиберальная модель нашла также резервы для развития стран Запада в распространении глобализации и в финансовализации экономики. Глобализация позволила транснациональному капиталу использовать относительно более дешевые ресурсы развивающихся стран и углубила кооперацию между развитыми странами, в целом дав определенный импульс развитию мировой экономики.

Финансиализация открыла новые возможности для инвестиционной активности. Но очень скоро выяснилось, что глобализация обостряет проблемы международной конкуренции, приведя к формированию новых сильных экономических игроков в виде новых индустриальных стран, одновременно ведя к относительному сокращению индустриального потенциала развитых стран и углублению отставания беднейших стран. Финансиализация же при-

вела к замыканию инвестиционных процессов в кругу финансовых активов, приобретавших все более изощренные и все более рискованные формы, и стабилизировала финансовый рынок, что неизбежно отразилось на реальной экономике. Очевидным стал рост социального неравенства, что привело и к нарастанию социальной нестабильности в развитых странах. Глобализация способствовала скорее нарастанию экологического кризиса, чем его преодолению, несмотря на всю «зеленую повестку».

В конечном счете теперь уже неолиберальная модель столкнулась с угрозой экономической стагнации, с финансовой нестабильностью и с сопротивлением политике неолиберальной глобализации со стороны крупных национальных государств (прежде всего объединенных в БРИКС+).

Эта ситуация логично приводит профессора Лэйна к постановке проблемы о возможных альтернативах неолиберальной экономической модели. Такие альтернативы конструируются им не умозрительно, а отталкиваясь от опыта самого неолиберализма и предшествующих ему попыток строить нелиберальную экономику. Подобных альтернативных моделей Дэвид Лэйн видит пять.

Помимо двух вышеназванных моделей экономической системы, это так называемый «государственный капитализм». Под этим названием Дэвид Лэйн подразумевает экономическую модель, где государство выступает основным регулятором функционирования частного и государственного бизнеса. При этом сама формулировка «государственного капитализма» является для Лэйна «зонтичным термином», состоящим из трех основных политических формаций (государственного социализма, государственно-бюрократического капитализма и регулируемого государством капитализма), каждый из которых, в той или иной мере используя государственно-бюрократические формы координации и контроля, выступает теоретической альтернативой либеральному капитализму.

В-третьих, это государственно-бюрократический капитализм, при котором государство является еще и основным владельцем экономических активов. В-четвертых, это капитализм с государственным управлением, основным бенефициаром в котором выступает частный бизнес, хотя и подконтрольный государству. Это также государственный социализм — но с учетом проблем исторически предшествующих моделей государственного социализма, профессор Лэйн полагает, что это может быть государственно регулируемый рыночный социализм, избавленный от пороков сверхбюрократизации централизованного государственного социализма.

Как государственно-бюрократический капитализм, так и регулируемый государством капитализм выступают, с точки зрения Дэвида Лэйна, как альтернатива неолиберализму не только в силу существенно более высокой роли государства. В этих моделях могут быть реализованы интересы национальных государств в противоположность нивелирующей роли неолиберальной глобализации, за которой скрываются попытки диктата крупнейших капиталистических держав Запада.

Профессор Лэйн полагает возможным и более радикальный разрыв с неолиберальной моделью путем перехода к рыночному социализму с регулирующей ролью государства. Такая гибридная модель делает переход к новой экономической системе как можно менее болезненным и конфликтным, со-

храня широкие возможности использования потенциала рыночной конкуренции и рыночного саморегулирования как эффективного механизма сопряжения производства и потребления. Эта модель сделает необходимым разрыв с традициями «общества потребления» и отход от самодовлеющего экономического эгоизма более плавным и постепенным. Некоторые черты такой модели можно увидеть в современной экономике КНР, хотя сам Лэйн определяет нынешнюю систему КНР как регулируемый государством капитализм с социалистическими чертами.

Наконец, в-пятых, это нечто вроде союза самоуправляющихся экономических ассоциаций, хотя возникновение такой модели представляется наименее вероятным. Однако как теоретическая (не утопическая) альтернатива неолиберализму такая модель может быть рассмотрена, поскольку некоторые ее черты можно проследить в реальной экономике.

Важно отметить, что профессор Лэйн видит причины кризиса неолиберальной модели капитализма в том числе и в тех технологических сдвигах, которые произошли в период господства этой модели, что сближает его подход с теми направлениями исследования, которые ведутся специалистами ИНИР им. С.Ю. Витте, и что является хорошей основой для нашего сотрудничества. В книге показано, что современные технологические сдвиги меняют характер труда значительной части занятых и социально-профессиональную структуру занятого населения. Перспективы дальнейших сдвигов являются в какой-то мере неопределенными, хотя уже сейчас можно предвидеть, что автоматизация и развитие искусственного интеллекта приведут к сокращению занятости в сфере рутинного («тейлоризированного») труда и расширению креативных рабочих мест — однако недостаточно ясно, каково будет точное количественное выражение этих сдвигов. Еще более неопределенным является решение вопроса о том, какова будет конфигурация интересов креативного класса и иных групп занятых, какую позицию они займут с точки зрения выработки альтернатив неолиберальному капитализму.

Несомненно, привлекательной чертой книги Лэйна является то, что он проводит детальный сравнительный анализ различных альтернатив неолиберальному капитализму. При этом рассматривается не только внутренняя экономическая структура этих альтернатив, но проводится анализ с точки зрения их осуществимости, принимая во внимание сложившиеся интересы и предпочтения различных социальных групп и политических движений, а также национальные особенности ряда стран.

Вопрос об альтернативах неолиберальному экономическому порядку поставлен в повестку дня самой жизнью. Необходимость перемен назрела. И книга профессора Лэйна — хороший шаг к осмыслению возможных вариантов нашего общего ближайшего будущего.

*С.Д. Бодрунов,
член-корреспондент РАН, директор Института нового
индустриального развития им. С.Ю. Витте,
Президент Вольного экономического общества России*

ПРЕДИСЛОВИЕ ДЭВИДА ЛЭЙНА К ИЗДАНИЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Я рад, что моя книга переведена на русский язык, и в предисловии хотелось бы рассказать о некоторых фактах, побудивших меня к ее написанию.

Моя искренняя симпатия к социализму возникла под влиянием победы Советского Союза в 1945 г. Причем в данном случае я имею в виду вовсе не итоги Второй мировой войны, а победу московского футбольного клуба «Динамо» над «Арсеналом» со счетом 4:3. В начале матча произошел самый главный исторический момент — каждый советский футболист подарил своему сопернику цветок — невиданный для англичан жест, символизирующий собой знак дружбы и доброй воли. Это было встречено настоящим зрительским ликованием. А сама победа заставила меня всерьез задуматься. В самом деле, если Советская армия смогла одолеть Германию в войне, а московское «Динамо» стало первой иностранной футбольной командой, выигравшей матч в Англии, — значит в социализме должно быть нечто важное и полезное. И поведение советских игроков, и радушный прием зрителей, и результат этой игры — все наглядно иллюстрирует то, почему социализм проник в общественное сознание, завоевал сердца людей и получил политическое признание. И действительно, сначала Советский Союз, а затем и Китай показали, что существуют альтернативы рыночной конкуренции и частной собственности, такие как плановая социалистическая экономика. В западноевропейских капиталистических странах в послевоенный период также использовались многие социалистические методы: достаточно упомянуть о государственной собственности на основные отрасли промышленности и политике перераспределения, нацеленной на создание государства всеобщего благосостояния. Социализм породил и развил культуру и ценности, противопоставленные капитализму.

Однако к началу XXI в. в мире произошли существенные геополитические и идеологические изменения. В Западной Европе к началу 2020-х гг. ни одному правительству с традиционной социал-демократической программой не удалось добиться успеха, а коммунистические партии стали играть незначительную роль в политической жизни стран. СССР и европейский социалистический блок остались в далеком прошлом. Те восторженные и полные энтузиазма коммунисты, с которыми я познакомился на Всемирном фестивале молодежи в Москве в 1957 г., разочаровались в своих убеждениях. На смену «миру товарищества» пришел так называемый консьюмеризм, или культура потребления, коллективистскую мотивацию вытеснил собственнический индивидуализм. Даже Китай перенял частную собственность и рыночную конкуренцию. Привлекательность коллективного обеспечения значительно снизилась. В Европе бывшие социалистические и социал-демократические партии, даже вернув себе политическую власть, не отказывались от реализации либеральной программы, а напротив, продолжали ее развивать. Государство всеобщего благосостояния превратилось в государство, «благоприятствующее труду» (от англ. «workfare state»).

Теперь настала очередь членов социалистических и социал-демократических партий адаптироваться к новым реалиям и доминирующей идеологии — неолиберализму. И руководство социал-демократических партий Европы, и реформаторы социалистических стран приняли эту политику. Новоявленные реформаторы начали ее активно реализовывать: открыли рынки, провели приватизацию, стали поощрять рыночную конкуренцию. Маргарет Тэтчер с гордостью заявила, что своим величайшим триумфом она считает обращение социалистов (она имела в виду Тони Блэра и Михаила Горбачева) в свою веру. Критики-марксисты (например, Дэвид Харви) смотрели на эти события иначе. Они утверждали, что наступил новый этап капиталистического империализма, ставший средством «восстановления классовой власти».

Фактически все происходящее и побудило меня написать эту книгу. Почему неолиберальное движение завоевало столь значительный авторитет мирового сообщества в 1980-х гг.? В книге описываются первоначальные успехи социалистического строительства, а также взлет и падение идеи государства всеобщего благосостояния в Западной Европе. В ней также затрагиваются вопросы планирования, например, почему разработки в данной сфере в начале XX в. оказались не у дел. Справедливости ради отметим, что западные элиты сыграли ведущую роль в продвижении неолиберальной политики. Она была навязана всему миру посредством финансовой мощи МВФ и правил ВТО.

Но расцвет неолиберализма является не только следствием западного господства и манипулирования. Это еще и ответная реакция на провал государственной политики, а также результат существенных изменений в социальной структуре постиндустриального общества, которые я анализирую в книге. Правительства различных стран активно проводили неолиберальную политику для борьбы с отсталостью и упадком национальной экономики. Часто цитируется фраза Маргарет Тэтчер об «отсутствии альтернативы» капиталистическим формам неолиберализма. В первой главе своей книги я изла-

гаю взгляды западной критической социалистической интеллигенции. Какие же альтернативы предлагают ее представители? Очень немногие считают классическую идею социализма, т.е. создание бесклассового общества, в котором каждый получит «по потребностям», осуществимой в западных странах. Это, может быть, и желаемое, но реальных способов по превращению его в действительное на сегодняшний день пока нет.

Некоторые рассматривают Китай как средство достижения этой цели, хотя все признают, что современные китайцы, несмотря на ускоренную индустриализацию, вряд ли доживут до светлых дней социализма. В данной книге не предлагается использовать ни практику Китая, ни опыт какой-либо еще восходящей державы в качестве модели для развития социализма в западном постиндустриальном обществе. На самом деле все государства уникальны и имеют свою собственную историю и собственный путь; существенно различаются и их социально-политические структуры. Именно поэтому довольно сложно в точности следовать чьему-либо примеру, учитывая разницу в историческом, политическом и экономическом развитии. Цель моей работы заключается в анализе конкретных задач построения социалистического общества (в различных вариантах), а также примеров их успешной реализации и провалов. Каждый может учиться на чужих ошибках и достижениях. Я поставил перед собой задачу изучить западные общества, богатые индустриальные капиталистические страны, которые Маркс и Ленин считали ведущими силами социализма, способными перейти к нему. Я анализирую основные характеристики неолиберализма, его преимущества и недостатки, а также объясняю, почему его следует заменить. Мне представляется важным выявить как сильные, так и слабые стороны неолиберализма, на чем зиждется его широкая привлекательность и существуют ли способы устранения его недостатков. Но, самое главное, я задаюсь вопросом, существует ли вообще жизнеспособная альтернатива неолиберализму и каким образом ее можно реализовать.

Чему же можно научиться у строителей социализма? Я постарался выделить позитивные тенденции в послереволюционных социалистических странах: эффективные способы социальной трансформации с минимальными проблемами индустриализации (такими как безработица, отсутствие базовых услуг) по сравнению с капиталистическими странами. Государственное планирование было впервые внедрено Советским Союзом в неблагоприятных условиях, однако механизм планирования на закате существования СССР был недостаточно эффективен для того, чтобы качественно управлять экономикой. Сегодня ИКТ способны эффективно решать задачи вычислений для современного сложного знаниеинтенсивного производства. Однако этого еще недостаточно.

Чтобы быть эффективным, социалистическому планированию необходимо располагать нечто большим, чем механизмы рыночного капитализма: оно должно избегать дефицита демократии. Подобно тому как политическая демократия после долгой борьбы стала частью западной политической системы, экономическая демократия могла бы встроиться в экономическую си-

стему государственного планирования. Социалистическим системам, в которых отсутствует класс капиталистов, присуща способность быть более демократичными, чем капитализм. Однако на практике они унаследовали свои собственные имперские амбиции и иерархические способы ведения дел.

В современных политических условиях внедрение и реализация идей социализма требуют широкой общественной поддержки. Можно извлечь урок из негативных последствий революций XX в. в России и Китае, также необходимо учитывать и «темные страницы» их истории. В переходный период крайне важно не допустить гражданской войны, избежать экономических разногласий и сохранить высокий уровень благосостояния населения. Социалистические общества в XX в. возникли в результате гражданских и отечественных войн. Применение методов физического насилия не только отрицательно сказывается на имидже социализма, но и порождают репрессивную политическую культуру, которая негативно влияет на социалистический строй. Задача постиндустриального капиталистического общества состоит в том, чтобы разработать средства перехода к социализму, гарантирующие мирное и прогрессивное развитие.

Проблема заключается в видении социализма как демократически организованной системы планирования, отвечающей потребностям людей. Вместо того, чтобы продвигать его как долгосрочную политическую цель, необходимо показать, что жизнь при социализме улучшится — точно так же, как стало лучше при капитализме по сравнению с феодализмом. Важно не подвергать опасности граждан, владеющих личными активами, созданными за счет их личных сбережений и труда. Кроме того, не все должно основываться на государственной собственности и контроле. Необходимо вырабатывать механизмы стимулирования социалистического предпринимательства и инноваций.

В последней главе я анализирую способы расставания с современным глобальным неолиберализмом для развитых капиталистических стран на примере Великобритании. Здесь я не обращаюсь к странам Глобального Юга, имеющим собственный исторический путь и усиливающим в настоящее время свое влияние в мире. Цель состоит в разработке политики, которая упразднит классовую эксплуатацию труда, улучшит благосостояние населения и позволит избежать экономических потрясений, предотвратит политический саботаж и свести к минимуму социальные конфликты в переходный период. Со своей стороны я предлагаю гибридную форму регулируемого рыночного социализма, которая может заинтересовать развитые страны. Регулируемый рыночный социализм — это экономическая система, увязывающая преимущества плановой экономики с возможностями реализации потребительского выбора и индивидуального предпринимательства. Я предлагаю «синтез планирования и рыночного регулирования»¹. И это не утопия, а реальная альтернатива современному неолиберализму.

¹ Bodrunov S. *The Coming New Industrial State: Reloaded*. Boston: Academic Studies Press, 2023. P. 221.

В заключение я хотел бы поблагодарить коллег, которые помогли мне опубликовать эту книгу и представили свои комментарии к ней. Прежде всего, выражаю свою признательность, директору Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, Президенту Вольного экономического общества России Сергею Бодрунову за его помощь и приглашение участвовать в организуемых им многочисленных научных конференциях. Публикация этой книги не состоялась бы без его поддержки. Я выражаю глубокую признательность покойному Александру Бузгалину, который предоставил мне возможность для обсуждения в дружеской обстановке многих вопросов, затронутых в этой книге. Также я хочу поблагодарить Александра Золотарева, Зенфиру Хабибуллину и коллектив переводчиков за их помощь в работе над изданием.

Дэвид Лэйн

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА РЕДАКЦИИ

В процессе подготовки книги к публикации мы столкнулись со сложностью перевода понятий «state capitalism» и «state-capitalism» (через дефис), которые Дэвид Лэйн использует в оригинальном англоязычном варианте своего произведения. Терминологическая сложность перевода заключалась в том, чтобы исходные понятия — абсолютно идентичные по звучанию и различающиеся в тексте исключительно дефисным написанием — в русской интерпретации не только максимально соответствовали логике Лэйна, но (что особенно важно) не вызывали у читателя ощущение внутреннего когнитивного диссонанса и непонятности суждений. Ровно поэтому было принято решение отойти от техники буквального (дословного) перевода, отдав предпочтение системе понятий с отличной друг от друга речевой конструкцией.

Таким образом, русская интерпретация термина «state capitalism» звучит как «государственный капитализм», а «state-capitalism» (через дефис) — «государственно-бюрократический капитализм». Тем самым, как нам кажется, удалось не только разграничить термины в части их произношения, сохранив при этом дефисное написание исходного понятия «state-capitalism» на русском языке, но и деликатно «уйти» от путаницы понятий.

Напомним, авторская интерпретация двух феноменов в основе своей содержит разную смысловую нагрузку. В понимании Лэйна «state capitalism» представляет собой некий собирательный термин, означающий экономику, в которой государство играет основную роль в экономической координации и контроле. «State-capitalism», в свою очередь, специфицируется в качестве системы, в которой государство само владеет экономическими активами, контролирует их, а извлечение прибыли происходит в интересах государственных чиновников высшего ранга. То есть институт государства не просто имеет значительное влияние в капиталистической экономике, но и действует как коллективный капиталист, как государство-капитал.

Что касается вопроса адекватности использования в тексте терминов «государственный капитализм» и «государственно-бюрократический капитализм», то здесь редакция надеется, что в процессе знакомства с книгой русский читатель положительно отнесется к нашему выбору и даже сочтет вполне корректным. В противном случае содержание некоторых частей текста стало бы крайне затруднительным для восприятия, а позднее — и в ходе дискурса.

1 ВВЕДЕНИЕ

В той или иной степени неолиберальный глобальный капитализм формирует современную жизнь не только в западных капиталистических обществах, но и в поднимающихся державах Азии и Латинской Америки. Его составными частями являются корпоративная собственность на активы, свободные конкурентные рынки, передовые технологии, конкурентная избирательная политика и международные формы взаимодействия и обмена. Его достижения, неудачи и противоречия являются маркерами, которые разделяют людей на всех уровнях. Защитники капитализма утверждают, что он строится на крепкой основе, способствует свободе человека, его развитию и достижению значительных успехов в научной сфере. Даже его критики вынуждены признать, что материальные условия жизни людей значительно улучшились во всем мире. Люди живут дольше и имеют более крепкое здоровье. Потребление товаров и воздействие глобальной культуры растет в геометрической прогрессии. Благодаря мировому распространению достижений современной науки и развитию общества в плане технологий улучшилось благосостояние людей. В конце XX в. изменились их социальные установки. Все люди ожидают большего равенства между полами, этническими группами и классами. Однако не все эти изменения можно отнести на счет капиталистической формы организации экономики, не говоря уже о ее неолиберальной разновидности. Развитие научных знаний, биотехнологий, распространение высоких технологий — все то, что лежит в основе глобализации, а также появление роботизации в сфере производства, проектирования и распределения также оказали важное положительное влияние на уровень жизни и современную жизнь в целом.

Существуют политические аргументы в пользу капитализма в его современной либеральной форме. Капитализм заключен в демократическую либеральную оболочку, которая, как утверждается, предотвратила возникновение войн между демократическими странами на протяжении последних 75 лет. Считается, что глобальный капитализм способствовал развитию свободы и мира. Неолиберализм стал «здравым смыслом» экономической и социальной политики. Когда экономическая политика не работает, ошибки приписываются скорее ее неправильному применению, чем идеологическим предпосылкам, на которых основаны институты и политика. В конце XX в. основные влиятельные державы работали в рамках неолиберального мировоззрения, и голос критиков был приглушенным.

Однако с начала XXI в. неолиберальная глобализация оказалась под вопросом из-за несоответствия политического праксиса теории, т.е. того, как все было сделано, тому, как все должно быть сделано. В сентябре 2007 г. британский банк Northern Rock оказался не в состоянии удовлетворить требования своих клиентов. Тогда ему оказал финансовую помощь Банк Англии, а затем британское правительство национализировало его. За этим последовало банкротство американской финансовой компании *Lehman Brothers*. В 2008 г. наступил глобальный экономический кризис, за которым последовала рецессия в мировой экономике. Эти события обострили чувство неуверенности и незащищенности, вызванное глобализацией неолиберализма. Несмотря на все достижения общества потребления, многие жители развитых западных стран разочаровались в последствиях американских интервенций, целью которых являлось развитие демократии и свободного рынка. Жители других, постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы, в свою очередь, разочаровались в демократических и экономических обещаниях преобразований из-за неспособности их реализации. Разрушительные последствия экономического кризиса, последовавшего за финансовым крахом 2007–2008 гг. в мировом масштабе, привели к отчаянию.

Мировая рецессия в экономике подняла в обществе вопросы об экономических, политических и моральных основах либерального капитализма и его глобальном проявлении. Хотя господство капитализма на протяжении нескольких столетий привело к беспрецедентному росту уровня жизни, развитие человеческого потенциала сосуществовало с крайне неравномерным экономическим развитием и неоправданным неравенством. В основных капиталистических странах экспорт капитала в сочетании с технологическим прогрессом привел к изменениям в сфере занятости, а для многих даже к снижению уровня жизни. Государства значительно утратили свою власть, а «общий суверенитет» не означал равного доступа к общему бюджету. Перемещение капитала в регионы с дешевой рабочей силой и продвижение либеральной политики западными региональными альянсами и международными институтами в широком смысле рассматривались как поддержание гегемонии западных неолиберальных интересов. Рост богатства и доходов, обещанный экономическими обозревателями и политиками, привел к крайне неравномерному распределению как внутри стран, так и между ними. Такая поля-

ризация привела к нестабильности в развитых странах. Свободное перемещение людей и капитала, товаров и услуг укрепило гегемонистское ядро ведущих западных стран, в то время как постсоциалистические общества и страны Юга не могли сократить экономический разрыв. Глобализация сохранила власть основных государств и зависимость от них всех других. Это одна сторона уравнения; с другой же стороны, произошло удивительное экономическое развитие в ряде «поднимающихся государств».

Поднимающиеся государства из бывшей полупериферии не стали частью унитарной мировой системы. Следствием роста Китая как промышленной и политической державы стало формирование контрдержавы против ядрообразующих государств. Перенос индустриализации в развивающиеся страны привел к массовому увеличению в них рабочего класса и росту процветающего среднего класса, включая меньший класс мелких буржуазных капиталистов. Во всех западных постиндустриальных обществах глобализация способствовала перемещению высокооплачиваемых рабочих мест, занятых в ручном и неручном труде, в географические регионы с низкой себестоимостью производства. В основных постиндустриальных обществах глобализация способствовала тому, что из развивающихся стран стала поставляться более дешевая продукция за счет значительного сокращения рабочих мест в результате аутсорсинга. Благодаря техническому прогрессу и компьютеризации произошли также значимые социальные изменения.

КРИТИКА ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА

Политическая элита приняла неолиберальные ценности и смирилась с внутренними социальными издержками, связанными с перемещением производства на глобальный Юг, которые, по их мнению, перевешивались положительными эффектами от глобализации. Однако экономический кризис 2007 г. обострил множество социальных, политических и экономических проблем. Финансализация, ключевой компонент неолиберализма, повысила уровень коллективного риска, что одновременно способствовало неоправданному росту различий в уровне доходов. Критики утверждали, что конфликты, возникающие из-за господства одних слоев общества над другими слоями и одних государств над другими государствами, а также из-за эксплуатации бедных богатыми, являются следствием капиталистической конкуренции, экономики, основанной на корпоративной собственности, управляемой доминирующими глобальными и национальными капиталистическими классами. Не отрицая тех позитивных изменений, которые произошли в условиях глобализованного неолиберализма, предлагаю рассмотреть семь основных структурных проблем современных обществ, которые обосновывают призывы к реформам:

- Повторяющиеся экономические кризисы в капиталистическом обществе, приводящие к недоиспользованию капитала (резкое снижение) и труда (неполная занятость и безработица).

- ❑ Необоснованное неравенство в уровне богатства и доходов, обусловленное узким кругом собственников материального богатства.
- ❑ Серьезные социальные потрясения, вызванные нестабильной занятостью и миграцией. Первая является следствием изменений в технологическом процессе, а именно замены ручного, а затем и неручного труда машинами, а массовая миграция — результатом бегства от отсталости и бедности. И в итоге затронутые социальные слои испытывают высокий уровень незащищенности и социального стресса.
- ❑ Системные недостатки демократического правления привели к дефициту политической легитимности. Политические элиты оказались «оторванными» от социальных классов. Правящие элиты доминируют в политике, а политические партии не в состоянии позитивно реагировать на требования общества.
- ❑ Системное неравенство между основными странами, странами «второго уровня» и странами на периферии мировой системы. Несмотря на значительный рост уровня жизни, повышение уровня образования и снижение уровня смертности, не все получили одинаковые выгоды. А внутри государств выросло неоправданное неравенство, создающее психологический стресс и неудовлетворенные потребности, приводящие к ухудшению здоровья, преступности и преждевременной смерти.
- ❑ Нерегулируемое развитие, ориентированное на получение прибыли, влечет за собой социальные издержки, наносит ущерб окружающей среде и способствует ее разрушению. Возможно, будет достигнут предел доступности природных ресурсов, что положит конец потребительству и необходимому для его поддержания капитализму.
- ❑ Угроза войны между промышленно развитыми государствами в ядре мировой системы (особенно США и Великобританией) и другими странами «второго уровня» и на периферии не ослабевает. Хотя демократические государства не воюют друг с другом, они регулярно вступают в войну с другими, по их определению, автократическими недемократическими государствами.

Многие из описанных дилемм существовали до неоллиберализма и глобализации или независимо от них, и важно проводить между ними различие. Важно не объединять все мировые проблемы и не приписывать их одной-единственной причине — «неолиберальному капитализму». Как подчеркивал Карл Полаanyi, капитализм встроен в исторически и социально обусловленные институты¹, которые также вносят свой вклад в социальную жизнь.

Современные критики² из области социальных наук упорно предсказывают «конец капитализма». Они утверждают, что кризисы порождают не про-

¹ Polanyi K. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Boston: Beacon Press, 1957 (originally published 1944).

² Три сборника научных трудов начала XXI века (один из них – в трех томах) посвящены недавним кризисам капитализма и его грядущему краху. Calhoun C., Derluigan G. *Business as Usual: The Roots of the Global Financial Meltdown* (Vol. 1); *The Deepening Crisis: Governance, Challenges After Neoliberalism* (Vol. 2); *The Aftermath: A New Global Economic*

сто нестабильность, а противоречия, которые ведут к краху и замене на что-то другое. К таким кризисам относятся: инфляция 1970-х гг., взрыв государственного долга в 1980-х, стремительный рост частной задолженности в 1990-х, крах финансовых рынков в 2008 г. и последовавший за ним мировой экономический кризис, кризис изменения климата и экологической неустойчивости, экспансия капитализма, порождающая войны, энергетический кризис 2022 г. и российско-украинская война, а также рост неравенства, разрушающий социальную сплоченность³. К другой литературе я вернусь позже, но статьи, собранные Крэггом Калхуном и Георгием Дерлугьяном, обобщают современное критическое мышление в области социальных наук. Авторы этих томов подчеркивают, что «неолиберализм» усугубляет противоречия капитализма и приводит к пагубным последствиям.

В настоящее время существует три общих варианта разрешения этих проблем. Первый — произойдет спонтанный крах капитализма и неизвестно, что его заменит. Второй — неолиберальный глобализованный капитализм может быть реформирован или заменен другой, более приемлемой разновидностью либерального капитализма, или государственным капитализмом. (Под государственным капитализмом я понимаю экономику, в которой государство играет главную роль в экономической координации и контроле, под государственно-бюрократическим капитализмом я понимаю систему, в которой государство владеет и контролирует экономические активы, а извлечение прибыли происходит в интересах государственных функционеров.) И третий вариант — капитализм будет преодолен с появлением другой формы экономики и общества — высшей формы экономической и социальной организации; среди тех, кто придерживается этой позиции, наиболее предпочтительной является разновидность социализма. Большинство влиятельных мыслителей утверждают, что неолиберальный капитализм может быть модифицирован, но не преодолен полностью. Капитализм вышел из описанных ранее кризисов измененным, но уцелевшим.

Те, кто предсказывает капитализму спонтанный крах, видят в нем тенденции к саморазрушению, а также рост политических движений, направленных на контроль и (или) замену капитализма. Карл Маркс и Фридрих Энгельс отмечали, что тенденции к саморазрушению вытекают из экономической эксплуатации в форме труда, которая приводит к перепроизводству, падению нормы прибыли, с одной стороны, и росту безработицы и нищеты — с другой. Параллельно с этим масштабное развитие производительных сил привело бы к замене труда машинами, способными создать мир изобилия, и, таким образом, к коммунизму. Эту линию мысли развивают такие писатели, как Ник Срничек и Алекс Уильямс⁴. В 1930-х гг. Мейнард Кейнс утверждал, что именно падение производства, вызванное отсутствием спроса, приведет к самопроизвольному кризису. Дж. К. Гэлбрейт, Дэниел Белл и Йозеф Шум-

Order (Vol. 3). New York and London: New York University Press, 2011; Wallerstein I. et al Does Capitalism Have a Future? Oxford University Press, 2013; Wolfgang Streeck. How Will Capitalism End? London: Verso, 2016. Другие книги перечислены ниже.

³ См. дискуссию в: Streeck N. How Will Capitalism End? P. 16.

⁴ Srnicek N., Williams A. Inventing the Future. London: Verso, 2015.

петер утверждали, что развитие индустриального общества приведет к становлению построенной на технологической основе классовой структуры и к росту государства, что сократит буржуазный класс и его стремление к предпринимательству. В этом случае на смену капитализму придет жесткое государственное регулирование экономики, которое может принять социальную форму. В XXI в. такие авторы, как российские ученые — Сергей Бодрунов, Александр Бузгалин и Андрей Колганов, утверждают, что капитализм достиг «пострыночной» формы, воплощающей в себе социалистические элементы⁵.

Эти дестабилизирующие системные события, которые, если не принять меры, по прогнозам, приведут к дезинтеграции, краху и в конечном счете к смене капитализма на какую-то другую, часто не называемую социальную формацию. Иммануил Валлерстайн заявил, что капитализм «больше не жизнеспособен»⁶. Вслед за Марксом он считает, что капитализм больше не дает капиталистам возможности заниматься накоплением капитала. Он считает, что «ситуация запутана... в интеллектуальном, моральном и политическом плане», а ее исход «в корне непредсказуем и неопределим». Другие авторы, например Майкл Манн, указывают на возможность ядерной войны и экологических катастроф, вызванных «нарастающей угрозой, связанной с изменением климата» и неустойчивостью нынешней культуры потребления⁷. В рассуждениях авторов, придерживающихся левых взглядов, лейтмотивом звучит прогноз о том, что капитализм не сможет избежать погружения в свой непрекращающийся кризис. Самир Амин утверждает, что «реальность современного глобализованно-монополистического капитализма ... [заклучается] в том, что эта система не может выжить и что ее продолжающийся распад неизбежен»⁸.

В отличие от авторов сборника Иммануила Валлерстайна и др., среди авторов тома Крэга Калхуна и Георгия Дерлугьяна есть те, кто не только осуждает условия, приведшие к финансовым пузырям, но и размышляет над изменениями, которые необходимо внести в национальные экономические и финансовые механизмы для достижения стабильного финансового порядка. Некоторые считают нынешние экономические (и особенно монетарные) институты непригодными в условиях глобализации и глобализации экономики и ищут решения в новой экономической и финансовой архитектуре. Предложения здесь относятся ко второй категории реформ капитализма, о ко-

⁵ Buzgalin A., Kolganov A. *Twenty-first-century Capital*. Manchester: Manchester University Press, 2021. Pp. 192–193. Они говорят об экономической роли государства, планировании крупных бизнес-корпораций, росте «социально ответственного бизнеса и некоммерческого производства, росте общедоступных товаров, которые не находятся в частной собственности или под частным контролем; Бодрунов С.Д. *Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка*. М.: Культурная революция, 2016. Я еще вернусь к этим дискуссиям в главе 11.

⁶ Wallerstein I. *Dynamics of (unresolved) global crisis*, in Calhoun and Derluigan. *The Deepening Crisis*. Pp. 69–88, quotation P. 84.

⁷ Mann M. *The end may be neigh, but for whom?* In: Wallerstein et al. *Does Capitalism Have a Future?* Pp. 71–98, quotation Pp. 86–87, 97.

⁸ Amin S. *The Implosion of Capitalism*. Лондон: Pluto Press, 2014. P. 155.

торых говорилось ранее, и призывают к реформам институтов глобального капитализма, таких как Всемирная торговая организация (ВТО), Всемирный банк и Международный валютный фонд (МВФ). Тех, кто ратует за реформирование глобализованного капитализма, можно найти среди представителей элиты, причем не только в политике, но и в СМИ, экономике и научных кругах. Они делают акцент на изменении или контроле неолиберальных форм глобализации в рамках существующего капитализма.

Преждевременно отвергать такие реформы, за которые ратует Рэндалл Коллинз, считающий, что для капитализма больше нет путей «избежать» своей конечной судьбы. Многие, как и он, утверждают, что развитие технологий больше не может создавать новые рабочие места, что нет места для географического расширения рынков, что расширение финансового сектора не может обеспечить источник рабочей силы, что занятость в государственном секторе и инвестиции не решат проблему безработицы⁹. Такой подход является решительным. В качестве возможных мер можно предложить сокращение продолжительности рабочего дня, превращение государства в работодателя последней инстанции и выплату всем гражданам прожиточного минимума¹⁰. Международные организации способны к реформированию. Например, баланс контролирующих государств в совете директоров МВФ можно изменить в пользу представителей от развивающихся стран.

Скептики, однако, сомневаются в возможности значительного реформирования глобальной системы. Как говорит Ха-Джун Чанг: «На кону просто слишком много денег, слишком много власти и слишком много интеллектуального престижа, чтобы неолиберальные режимы могли просто так уйти»¹¹. Вольфганг Штрик оценивает нынешний интеллектуальный этос, когда приходит к выводу, что капитализм «исчезает сам по себе, разрушаясь из-за внутренних противоречий... то, что придет после капитализма... — это... не социализм или какой-то другой определенный общественный строй, а длительное междувластие... период неопределенности и неясности»¹². В отличие от критиков XX в., которые видели в социализме противоядие, современные социологи представляют себе конец неолиберального капитализма как длительный период неопределенности и социального «беспорядка».

Важный ответ на этот вопрос озвучивают те, кто отвергает основные постулаты современной цивилизации, основанной на экономическом росте и урбанистической индустриальной форме общества. Это направление мысли сформулировано Дж.К. Гибсон-Грэмом¹³, который предлагает альтернативные локальные общинные кооперативные автономные формы общества — это третий подход, о котором говорилось выше. Такие общественные движе-

⁹ Collins R. The end of middle-class work, in Wallerstein et al, *Does Capitalism Have a Future?* Pp. 39–56.

¹⁰ Srnicek N., Williams A. *Inventing the Future*. London: Verso, 2015.

¹¹ Ha-Joon Chang. The 2008 world financial crisis and the future of world development. In: Calhoun and Derlugian. *The Deepening Crisis*. Pp. 39–64, quotation P. 61.

¹² Streeck N. *How Will Capitalism End?* P. 13. Italics in original.

¹³ Gibson-Graham J.K. *Postcapitalist Politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2006.

ния призывают к большей социальной автономии и деглобализации. Существуют различные группы, сформированные людьми, стремящимися к более демократичным и автономным формам объединения, «альтернативным» типам местного самоуправления и самодостаточной экономики. Их главная цель — создать альтернативные автономные формы экономической координации, сосуществующие с глобальным капитализмом. Некоторые уже видят, что на смену капитализму приходят посткапиталистические формы производства и потребления, подрывающие капиталистический способ производства. Эти движения особенно важны как противодействие стремлению к экономическому росту и развитию, которое лежит в основе экономики потребления. Экологическая безопасность и охрана природы являются основными политическими целями. С другой стороны, выступают громко заявляющие о себе и повышающие сознание активисты движения «против капитализма» и «против Уолл-Стрит», чьи цели заключаются в разоблачении различных форм господства и несправедливости.

Здесь мы также видим популистские политические движения, стремящиеся укрепить национальное государство, чтобы облегчить контроль над национальными экономиками и способствовать принятию кейнсианской политики, проводимой государством. Их мишенью является глобализация — иногда как компонент капитализма, но чаще как отдельное явление. Популистское движение состоит из контрэлиты, набранной из недовольных членов доминирующей элиты, а также недовольных представителей общественности, пострадавших от постиндустриализма и деиндустриализации. Их целью является переход к такой форме «интернационализации», при которой государства взаимозависимы, но сохраняют суверенитет и осуществляют контроль над своими границами. Государства могут проводить макроэкономическую политику для защиты собственной промышленности и граждан с помощью стратегий государства всеобщего благосостояния.

Предыдущие альтернативы (государственный социализм, как в СССР, национальный капитализм, как в Германии в межвоенный период) в значительной степени отвергаются как политические и экономические провалы. Авторы статей сборника научных трудов в трех томах Калхуна и Дерлугьяна ставят под сомнение вероятность смены капитализма на социализм после финансового и экономического кризиса 2007 г. Например, Даниэль Чирот утверждает, что марксисты ошибаются, рассматривая кризис как начало конца капитализма. Взяв в качестве примера события 1930-х гг., он считает, что более вероятными исходами являются депрессия и война, и это мнение подкрепляется прокси-войной между членами НАТО и Россией в 2022 г.¹⁴ Большинство критических замечаний в адрес неолиберализма представляют собой вызовы скорее отдельным аспектам капитализма, чем капитализму в целом. Формы противостояния неолиберализму определяют границы левой политики, а не суждения в пользу социализма. Например, придерживающиеся-

¹⁴ Развитие этой точки зрения см. в: Desai R. Capitalism, Coronavirus and War. London: Routledge, 2022. Chapter 7.

ся левых взглядов президенты, избранные после Чавеса в Латинской Америке, определяют свою политику как «углубление демократии и ограничение неолиберализма [...] Стремление к углублению демократии стало их общей позицией»¹⁵. Социализм не рассматривается как жизнеспособная контридеология, а в этих книгах идея коммунистической альтернативы вообще не имеет сторонников в сборниках, цитируемых мною выше. Для критиков XXI в. противоречие существует между демократией и автократией, а не между социализмом и капитализмом. Социалистическое государственное регулирование, на мой взгляд, было преждевременно отвергнуто критиками¹⁶.

Обсуждение социализма и социал-демократии является одним из основных компонентов этой книги. Социал-демократия начала XX в., а также марксистско-ленинский «государственный социализм» представляли собой единственный последовательный и всеобъемлющий теоретический и организационный вызов капитализму. Изучение причин их провала помогает понять, почему неолиберализм был принят в мировом масштабе. Замена государственным планированием рынков традиционно была серьезным вызовом капитализму и пересматривается в контексте цифровых коммуникационных технологий и компьютеризации.

Известные специалисты, такие как Дэвид Харви и Бранко Миланович, считают, что Китай развивается по траектории политического капитализма с китайской спецификой, который представляет собой серьезную альтернативу либеральному капитализму (об этом говорится в главе 15). Китай представляет собой гибридную экономическую систему с административными формами собственности, контроля и экономического планирования, сосуществующими с частными и капиталистическими корпорациями, торгующими на национальных и международных рынках. Китайская экономика, воплощающая в себе как макропланирование, так и рыночный обмен, может содержать ключ к будущим альтернативам. В этой книге я утверждаю, что формы капитализма с государственным управлением представляются наиболее вероятными альтернативами неолиберальной глобализации. Концепция управляемой формы государственного планирования рассматривается как серьезный вызов рыночному обществу. Идеи, лежащие в основе социалистического государственного планирования, изложены в главе 4. Причины его неудачи и вызовы рыночного социализма представлены в главе 5, где я рассматриваю некоторые преимущества и проблемы рыночного социализма.

Современные взгляды комментаторов предполагают лишь различные формы капитализма. Мартин Вандер Вейер¹⁷ считает капитализм «величайшим из когда-либо изобретенных двигателей человеческого прогресса», а Бранко

¹⁵ Coronil F. The future in question: History and Utopia in Latin America (1989–2010). In: Calhoun and Derlugian. *Business as Usual*. Pp. 231–264, quotation Pp. 240–241.

¹⁶ Такую возможность отвергает: Derlugian G. What communism was. In: Wallerstein I. et al. *Does Capitalism Have a Future?* Pp. 99–130.

¹⁷ Weyer. M.V. *The Good, the Bad and the Greedy: Why We've Lost Faith in Capitalism*. London: Biteback, 2021; Collier P. *The Future of Capitalism*. London: Biteback, 2021; Collier P. *The Future of Capitalism*. London: Allen Lane, 2018.

Миланович видит будущее только в условиях глобального капитализма¹⁸. Тем не менее такие авторы признают, что существуют недостатки, требующие «устранения». Даже статьи в *Financial Times* указывают на его недостатки: «Неолиберальная политика [с 1970-х гг.] способствовала росту вопиющего неравенства, подпитывала подъем популистских демагогов, усугубляла расовое неравенство и ограничивала нашу способность справляться с такими кризисами, как изменение климата»¹⁹. Эту линию подхода разделяют и многие красноречивые критики «левых взглядов». Ти Джей Кларк, написавший в 2012 г. в *New Left Review* статью под метким названием «Для левых без будущего», утверждал: «Важным фактом на основных территориях капитализма... является то, что ни одна из устоявшихся политических партий или движений больше даже не претендует на то, чтобы предложить программу «реформ». Реформирование капитализма молчаливо признается невозможным; вместо этого политики соглашались на его возрождение, оживление»²⁰. Такую альтернативу вслед за президентом Дональдом Трампом предлагает Гэри Герстл²¹ для американской Демократической партии под руководством Джо Байдена. Существуют альтернативные формы капитализма, а не альтернативы капитализму. Вопрос о том, что представляет собой реформированный капитализм, является одной из главных тем книги. Но это еще не все; я рассматриваю, как предыдущие попытки потерпели неудачу, и утверждаю, что капитализм должен и может быть преобразован.

В современных дискуссиях о построении «альтернативного будущего» не обсуждается вопрос о средствах изменения: как перейти отсюда туда. Все они придерживаются интранзитивного подхода: системы разрушаются без последующего возникновения новой социальной формации. Но социальные формации и способы производства не «рушатся» спонтанно, они изменяются и заменяются в результате человеческих действий. А для того чтобы действия человека были успешными, необходимо понимание того, как функционируют и не функционируют общества. Без социальной оценки альтернативы не может быть видения реалистичной альтернативы. Маргарет Тэтчер, как известно, утверждала, что «неолиберальному капитализму нет альтернативы». Однако современный дискурс пошел дальше и излагает мысль Тэтчер в несколько иной форме: в XXI в. неолиберализм признается не лучшей экономической системой, но альтернативы еще хуже. В этой книге описываются такие альтернативы, и, несмотря на их несовершенство, некоторые из них при рассмотрении оказываются лучше по сравнению с неолиберализмом.

¹⁸ Milanovic B. *Capitalism, Alone*. Cambridge, MA: Belknap Press, 2019.

¹⁹ Kramer L. The market must not become an end in itself. *Financial Times* (London) 17 September 2022.

²⁰ Clarke T.J. For a Left with no future. *New Left Review*. 74 (March–April 2012). Pp. 53–76, quotation P. 74.

²¹ Gerstle G. *The Rise and Fall of the Neoliberal Order*. Oxford: Oxford University Press, 2022.

АЛЬТЕРНАТИВЫ

В исключительных случаях Рэндалл Коллинз представляет пример третьего подхода, о котором говорилось выше. «Схематически единственным способом разрешения кризиса будет замена капитализма некапиталистической системой, что означает социалистическую собственность и жесткое централизованное управление и планирование»²². Эрик Олин Райт²³ развивает сильные аргументы в пользу эмансипационного социализма и «радикального демократического эгалитаризма». Эта работа, однако, носит несколько спекулятивный характер и исследует теоретические предложения. Ник Срничек и Алекс Уильямс²⁴ критикуют политику с левым уклоном и призывают к проекту контргегемонии, трансформации капитализма. Есть и другие критические замечания и предложения по реформированию, например: призыв Лео Панича и Колина Лейса к новому левому типу социализма²⁵ и Криса Роджерса к альтернативе «снизу вверх»²⁶. Но они не были сформулированы в виде набора альтернатив политическим стратегиям, которых придерживаются нынешние политические партии, чтобы воплотить эту политику в жизнь. Проблема, которую необходимо решить, заключается в том, почему, когда в XX в. ее сторонники воплотили предложенные «альтернативы» в жизнь, они не только не прижились, но и были заменены экономическими и политическими формациями, находящимися под сильным влиянием неолиберального образа мышления и деятельности. Эти вопросы я рассматриваю в части II данной книги.

Даже реформистская социал-демократия оказалась сильно подорвана ростом партий «новых лейбористов», которые усвоили многие неолиберальные установки. В начале XXI в. в Европейском союзе (ЕС) социал-демократические партии предъявляют слабые притязания в отношении выборов; в 2019 г. самые успешные из них (в Дании и Испании) получили лишь около четверти голосов избирателей. Важнейшую функцию социал-демократии взяли на себя популистские протестные движения с большим идеологическим разбросом, которые стремятся восстановить политический и экономический контроль над границами своих стран. Они настроены скорее против глобализации, чем против капитализма. Тем не менее заметным событием стало появление политиков социал-демократического толка, имеющих значительную социальную поддержку, таких как Джереми Корбин в Великобритании и Берни Сандерс в США — но оба они не имеют поддержки со стороны устоявшихся политических классов, и ни один из них не достиг положения в политической власти. В своей программе Корбин принял на вооружение неко-

²² Collins R. The end of middle-class work. Pp. 37–70, quotation, P. 68.

²³ Wright E.O. Envisioning Real Utopias. London: Verso, 2010.

²⁴ Srnicek N., Williams A. Inventing the Future. London: Verso, 2015.

²⁵ Panitch L., Leys C. Searching for Socialism: The Project of the Labour New Left from Benn to Corbyn. London: Verso, 2020.

²⁶ Rogers C. Capitalism and Its Alternatives. London: Zed Books, 2014.

торые из предложений Срничека и Уильямса (например, безусловный базовый доход), а также участие рабочих в советах директоров компаний, расширение государственной собственности и создание государственных банков. В 2017 г. лейбористы под руководством Корбина получили 12,9 млн голосов (около 40% избирателей), что свидетельствует о значительной поддержке альтернативной политики. Однако он потерпел значительное поражение на выборах 2019 г. и был маргинализован и исключен последующим руководством парламентской Лейбористской партии под руководством Кита Стармера²⁷. Сборник статей Лео Панича и Грега Альбо, симпатизирующих социализму²⁸, ставит под сомнение возможность перехода к альтернативной социал-демократии в Великобритании, к чему я вернусь в заключительной главе этой книги.

На первый план как вызов вышли преобразования в Китае, и они привлекли внимание к капитализму под государственным управлением²⁹, что вызвало разногласия среди комментаторов. Одни считают, что Китай просто переходит к корпоративной форме капитализма, в то время как другие видят в этом обещание возможного перехода к социализму. «Государственный капитализм» — неоднозначный термин. Я различаю экономику, в которой государство играет главную роль в координации частной экономики (в которой могут существовать государственные активы), экономику, в которой государство владеет и контролирует средства производства (государственно-бюрократический капитализм), и капитализм, контролируемый государством, в котором политические институты превосходят экономические (либо частные, либо государственные). Китай относится к последней категории. Преобразования в Китае подробно рассматриваются в главе 15.

Альтернативные варианты можно изучать с точки зрения идеологий и программ (и (или) политических движений и правительств, которые воплощают их в жизнь. В теории альтернативы часто выглядят как выдача желаемого за действительное: у них может быть мало поддержки; существует повсеместная инерция; недостаточное лидерство; слабые политические инструменты; превосходство противостоящих сил в идеологическом и политическом плане. Однако именно к Милтону Фридману мы можем обратиться за вдохновением. В предисловии к своей книге «*Капитализм и свобода*» он отметил важность:

сохранения возможности выбора до тех пор, пока обстоятельства не вызовут необходимости изменений. В частных и особенно государственных структурах существует огромная инерция, «тирания статус-кво». Только реальный кризис или процесс, воспринимаемый как кризис, приводит к реальным изменениям. Когда этот кризис наступает, действия, которые предпринимают

²⁷ См.: Beveridge M. *The Socialist Ideal in the Labour Party: From Attlee to Corbyn*. London: Merlin Press, 2021.

²⁸ Panitch L., Albo G. (Eds). *Beyond Market Dystopia*. London: Merlin, 2019.

²⁹ Calhoun C. What threatens capitalism now? In: Wallerstein A. et al. *Does Capitalism Have a Future?* Pp. 131–162, quotation P. 151.

ся, зависят от распространяющихся идей. В этом, как мне кажется, и заключается наша основная функция: разрабатывать альтернативы существующей политике, поддерживать их в доступном виде до тех пор, пока политически невозможное не станет политически неизбежным³⁰.

В этой книге рассматривается вопрос о том, какая политика должна быть доступна для «достижения политически невозможного».

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И АЛЬТЕРНАТИВЫ

Неолиберализм — это доминирующая идеология, которая определяет форму современного глобализованного капитализма. Чтобы преодолеть его, любая альтернатива должна постичь его идеологию и организационную форму. Неолиберализм необходимо исследовать как в идеологии, так и в экономической политике и политической практике, чтобы выяснить, дает ли он то, чего не хватало организованному капитализму и социализму. В следующей главе будет описан его разнообразный и неоднозначный характер, а также то, как его допущения повлияли на капитализм и глобализацию. Будут затронуты философские и экономические принципы, которые определяют неолиберальный проект и формируют внутреннюю и международную политику. В главе 3 будут рассмотрены некоторые его недостатки. Основное внимание в книге уделяется критическому анализу «альтернативных» идеологических и политических движений — альтернатив, которые уже были опробованы и потерпели неудачу, а также текущих предложений, которые еще предстоит опробовать. К ним относятся альтернативные типы капитализма, а также общественно-экономические формации, альтернативные капитализму. Я также провожу различие между капитализмом и глобализацией и утверждаю, что глобализация может принимать различные формы. Цель состоит в том, чтобы разобрать различные подходы с комментариями и критическим анализом, а также описать их сильные и слабые стороны и представить вероятную политическую реакцию.

Метод, который я использую, заключается в том, чтобы описать благоприятные и неблагоприятные последствия глобального капитализма в том виде, в каком они существуют в современных обществах, и предложить вариант того, как прогресс человечества можно достигнуть с помощью чего-то лучшего. При этом не только пересматривается опыт социализма XX в., но и рассматриваются предложения, касающиеся его актуальности сегодня. Среди них — расширение государственной собственности, политика, способствующая полной занятости, расширение государства всеобщего благосостояния до социального государства, экологическая устойчивость и поддержание мира, полагание на планирование, а не на рыночные силы. Развитие высокотехнологичных коммуникаций и компьютеризация создают новые

³⁰ Friedman M. Capitalism and Freedom. Chicago: Chicago University Press, 1982 (1962). P. 7.

и более эффективные методы экономической координации через планирование.

Сохраняет свою актуальность понимание Маркса и Энгельса о том, что капитализм как механизм, позволяющий добиться освобождения человека, не оправдывает себя, потому что его движущей силой является экономическая эксплуатация. Я провожу различие между политическим господством и социальным угнетением, с одной стороны, и экономической эксплуатацией — с другой. Требования справедливости и акцент на поощрении разнообразия для обеспечения равенства возможностей — достойные цели для противодействия реальным формам угнетения. Но мой аргумент заключается в том, что противостояние иерархии и автократии, а также запросы на демократию и разнообразие перевешивают классовые интересы. Социальные классы — это форма, которую принимает экономическая эксплуатация: доминирующие классы являются движущей силой современных обществ, они формируют законодательство и контролируют средства массовой информации, а также обладают непропорционально высоким и неоправданным уровнем экономического богатства и доходов. В этой книге я возвращаю классы в центр анализа капитализма.

В заключительной главе исследуется пересмотренная форма рыночного социализма, встроенного в государственное планирование, в качестве альтернативы либеральной рыночной конкуренции. Регулируемый рыночный социализм предлагается как экономическая система, предлагающая преимущества плановой экономики и сохранение возможности потребительского выбора и индивидуального предпринимательства в рыночном секторе. Цель — совместить преимущества экономического планирования на макроуровне с рыночными отношениями, удовлетворяющими индивидуальные потребности и стимулирующими предпринимательство и инновационную деятельность. Планирование осуществляется на макроуровне государства, в то время как рынки и сети способствуют индивидуальным достижениям и удовлетворяют потребление на микроуровне. Регулируемый рыночный социализм дает минималистский ответ на проблему перехода к социализму. Выделяются шесть основных структурных альтернатив. Это не взаимоисключающие категории, а классификация более или менее последовательных способов мышления о том, как должна быть организована экономика.

- ❑ Государственный социализм (государственная собственность и управление экономикой, организованной по плану, претворяющему в жизнь социалистические цели).
- ❑ Социал-демократический корпоративизм (координация на основе коалиции заинтересованных сторон — социалистических партий, профсоюзов, бизнеса, правительства, гражданского общества).
- ❑ Государственно-бюрократический капитализм (государственная собственность и контроль над экономическими активами, приносящими прибыль в интересах государственной бюрократии).
- ❑ Капитализм, контролируемый государством (государственные институты, руководящие частными и (или) квазигосударственными корпорациями, работающими ради прибыли).

- ❑ Рыночный социализм (государственная собственность при рыночной координатии).
- ❑ Автономная самофинансируемая экономика, состоящая из сетей самодостаточных, самоуправляемых экономических и социальных субъектов.

СТРУКТУРА КНИГИ

Для рассмотрения вышеуказанных альтернатив в книгу включены три вводные главы, за которыми следуют часть I, посвященная оппозиции XX в. с социалистическими взглядами, и часть II, в которой рассматривается современная критика глобального капитализма. В главе 1 описывается значение глобального неоллиберального капитализма. В главе 2 дается определение *неолиберального капитализма* как всеобъемлющей модели того, как экономика и общество должны быть упорядочены в психологическом, политическом, экономическом и социальном планах. В главе 3 объясняется не только то, почему он нуждается в замене, но и то, почему, несмотря на многочисленные кризисы и широкую критику в обществе и научных кругах, он сохраняется как ошибочная, но гегемонистская идеология начала XXI в.

В части I, в главах 4 и 5, рассматриваются вызовы, которые предъявлялись капитализму XX в., направленные на построение социализма в Советском Союзе и социал-демократии в Западной Европе. Здесь автор следует подходу Сидни Тарроу, сравнивая два разных типа общества³¹: социал-демократический капитализм и государственный социализм на примере Великобритании и Советского Союза. Сравнение стран в паре с присущими им различиями и схожими результатами дает возможность увидеть причинные механизмы социальных изменений. В главе 4 излагаются идеи, которые лежали в основе социалистического движения — как социал-демократического, так и социалистического. В главе 5 рассказывается о первых успехах государственного социализма, первой всеобъемлющей формы индустриализации под руководством государства, обеспечившей не только экономический рост, но и трансформацию социальной структуры. По мере снижения темпов экономического роста требования общественности не удовлетворялись. Государственному социализму был брошен идеологический вызов со стороны реформаторов, выступавших за рыночный социализм и представительную демократию. Аналогичная судьба ждала и социал-демократические партии Западной Европы, которые после Второй мировой войны продвигали плюралистические общества всеобщего благосостояния в Западной Европе. В главах 6 и 7 показывается, как эти политические режимы, несмотря на свои различия, не смогли завоевать уважение и поддержку общества.

Одна из пояснительных тем книги заключается в том, что изменения в социальной структуре обществ оказали значительное влияние на формы соци-

³¹ Tarrow S. The strategy of paired comparison: Toward a theory of practice. *Comparative Political Studies*, 2010. Vol. 43 (2). Pp. 230–259.

альной солидарности и политической оппозиции и стали движущей силой неолиберальных реформ. Неолиберализм 1980-х гг. стал мощной международной силой, потому что он предложил возможные и приемлемые ответы на недостатки поствоенных форм экономической и политической координации — как в Великобритании, так и в Советском Союзе.

Главы 7–8 посвящены тому, как социал-демократическая и государственно-социалистическая формации оказались неадекватными и не смогли противостоять неолиберальной альтернативе, которой так вдохновлялась премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер. Левый тип либерализма, олицетворением которого стал приход к власти «новых лейбористов», представленный в категориях индивидуальных прав, поощрения разнообразия и равенства возможностей, представлял собой более привлекательную систему ценностей, совместимую с неолиберализмом. Опираясь на опыт СССР, показывается, как сближение с неолиберализмом возникло в результате неспособности скоординированной государственной экономики адаптироваться к технологическим достижениям, которые происходили в процессе перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Реформа государственного социализма под руководством президента Горбачева также проходила под влиянием реформ Тэтчер и при поддержке растущих слоев образованных и профессиональных людей, которые формировали «класс служащих». Как показала история, геополитическое измерение в пользу неолиберальных реформ имело решающее значение для демонтажа государственного социализма. При сравнении двух регионов можно сделать вывод, что как в западных социал-демократических, так и в восточноевропейских социалистических партиях внутренняя социальная поддержка политических реформ была обеспечена зарождающимися профессиональными социальными слоями «белых воротничков».

В конце XX в. неолиберализм повсеместно утвердился во власти, что, в свою очередь, вызвало противодействие со стороны его критиков. Этот процесс рассматривается в части II. В главах 9–10 дается определение глобализации и обсуждается изменение социально-экономической структуры конца XX — начала XXI в.: движение от индустриальных к постиндустриальным структурам, а также социальные, экономические и политические компоненты глобализации. Проводится различие между глобализацией как пространственной взаимосвязью сетей и операций и формой неолиберального международного капитализма, в которую она по-разному встроена. Проигравшие и выигравшие определяются в масштабе стран и социальных групп. В главе 10 рассматривается вопрос перехода от национальной к международной политике, а также о формировании и составе транснационального или глобального политического класса. Утверждается, что основные капиталистические государства больше не являются гегемоном, им противопоставят страны «второго уровня» во главе с Китаем, которые угрожают капиталистической глобализации. Санкции, наложенные на Россию и Китай, ведут к деглобализации и формированию региональных блоков, представляющих собой конкурентную взаимозависимость между странами ядра и странами «второго уровня».

В главах 11–13 объясняются критические замечания в отношении глобального капитализма с политической и социологической точек зрения, даются ответы. В главе 11 излагаются взгляды тех, кто убежден, что развитие глобального капитализма ведет к формированию нового восходящего класса, основанного на информационных технологиях, экономическом изобилии и совместном производстве. Утверждается, что современный капитализм движим восходящим классом — так называемым креариатом, ведущим к новой форме производства — посткапитализму (не обязательно социализму). Разочарование в прежних формах электоральной политики социал-демократов и «авангардной партии» приводит к отказу от организационных форм лидерства. Призыв к автономным действиям по созданию спонтанных некапиталистических, кооперативных социальных форм, которые, если их размножить, придут на смену глобальному капитализму. Такой подход считается чрезмерно оптимистичным в качестве средства борьбы с доминированием транснациональных корпораций (ТНК) и гегемонистских государств.

В главе 12 исследуется позиция критиков, желающих обратить глобализацию вспять и сформировать самоуправляемые автономные сообщества, которые могут действовать параллельно с промышленным капитализмом. Акцент делается на действии «здесь и сейчас»: на движение «Оссиру». Многие из этих тенденций принимают стратегию «выхода», целью которого является либо замена глобализации автономными экономическими демократическими кооперативными объединениями, либо сосуществование с глобальными капиталистическими силами. Неформальные социальные сети, «Твиттер-революции» позволяют мобилизоваться. Эти движения считаются выражением социального и политического недовольства, которое выявляет и идентифицирует важные формы угнетения, но многие движения ограничиваются микроизменениями и представляют собой формы сосуществования с глобальным капитализмом. В главе 13 автор обращается к критике защитников окружающей среды по поводу эксплуатации природы западным промышленным развитием, которое они считают угрозой для цивилизации. В этой главе противопоставляются марксистский подход и подход защитников окружающей среды. Приверженцы первого считают индустриализацию положительным явлением, а угрозу видят в капиталистической природе глобального капитализма, тогда как защитники окружающей среды ставят под сомнение роль урбанистическо-индустриальной цивилизации, выступая за политику отрицательного экономического роста. Проводится сопоставление сущности рыночной и государственной политики, которая способствует устойчивому развитию, а также то, кто возьмет на себя расходы.

В главе 14 излагаются взгляды тех, кто рассматривает глобализацию как положительное экономическое явление, но считает необходимым демократизировать или контролировать глобализацию. Все эти предложения ограничивают текущую политику глобализации, дают государствам больше полномочий и фактически ведут к интернационализации. Реформистский социал-демократический подход предполагает сделать глобальные организации более демократичными и отвечающими интересам общества, одним из кото-

рых является корпоративная социальная ответственность (КСО). Социалисты предлагают другую форму глобализации — здесь институты капитализма упраздняются и глобализация преследует иные цели. Некоторые, в том числе китайцы, выступают за социалистическую политику, чтобы изменить форму глобализации. Основные вызовы глобализованному капитализму бросают различные разновидности «государственного капитализма». В главе 15 приводится различие трех типов политической экономики, в которых государство играет доминирующую роль: государственный социализм, государственно-бюрократический капитализм и капитализм, контролируемый государством. Все три представляют собой теоретические альтернативы либеральному капитализму, а два последних — это вызовы современности. В рамках этих определенных рассматривается то, как ученые используют их для описания социалистических обществ, в частности того государственно-капиталистического строя, который существовал в Советском Союзе и существует в настоящее время в современном Китае. Делаются выводы о том, могут ли страны перейти от предкапитализма к социализму, минуя этап капитализма. В этих рамках рассматриваются дебаты о государственном капитализме и политическом капитализме, представленном на примере современного Китая.

В заключительной главе, после краткого изложения основных альтернатив, обсуждаемых в книге, исследуется вопрос о том, как форма регулируемого рыночного социализма может стать вызовом неолиберальной теории и практике в XXI в. Автор выступает за движение к гибридной экономике с государственной и частной собственностью. В этой социальной формации социалистическое планирование пересматривается в контексте компьютеризированных механизмов планирования. Экономические излишки, полученные от государственной собственности, распределяются через государственный план, который позволяет производить потребительские ценности в государственном секторе. В розничном секторе экономическая координация продолжает функционировать через рынки. Предполагается, что «социальное государство» обеспечит видение посткапиталистического социалистического политического и морального порядка — без потери удовлетворения плюралистического демократического общества потребления. Сохраняется самомотивирующий индивидуализм и вводится экономическая демократия. Регулируемый рыночный социализм представлен как реалистичная альтернатива, способная преодолеть неолиберальную капиталистическую глобализацию.

2 ГЛОБАЛЬНЫЙ НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Капитализм может принимать различные формы. Макс Вебер различал политический капитализм и современный промышленный капитализм. Политический капитализм в форме государственного капитализма исследуется в главе 15. Современный капитализм отличается от своих ранних форм постоянным стремлением к прибыли за счет капиталовложений, отделением бизнеса от домашнего хозяйства, денежными операциями на обезличенном рынке и эксплуатацией наемного труда. Для Вебера предметом современного капитализма является производство товаров и оказание услуг с целью получения прибыли, подкрепленное рациональным учетом, а не спекулятивным зарабатыванием денег. *Современный капитализм* можно определить как «погоню за прибылью и постоянно возобновляемой прибылью посредством непрерывного, рационального капиталистического предпринимательства»³².

Карл Маркс разработал концепцию капитализма как исторически обусловленного способа производства. В марксистской концепции важное место занимают социальные классы. Однако отличие идеи Маркса заключается в том, что инвестиции являются производными от эксплуатации через извлечение прибыли (прибавочный труд). Классом капиталистов движет стремление к постоянной прибыли, получаемой от инвестиций посредством рынка. Этот процесс порождает классы и классовые конфликты. Оба мыслителя соглашались с тем, что капитализм — это не просто экономическая си-

³² См.: Gerth H.H., Wright Mills C. From Max Weber. London: Routledge, 1961. Pp. 65–69.

стема, это форма общества³³ с разделением труда и взаимозависимыми институтами государства, права, финансов, рынков, семьи, образования и исследований. То, как различные части капиталистической системы по-разному сочетаются друг с другом, является темой «разновидностей капитализма».

Неолиберализм — это доминирующая экономическая и социальная форма, которую принимает капитализм в XXI в. В этой главе рассматривается, как неолиберализм перерос классический либерализм и какие положительные черты видят в нем его сторонники, а также их доводы, почему его следует внедрять в качестве государственной политики. В следующей главе рассмотрены его недостатки.

«Неолиберализм» — неоднозначное понятие. Один из комментаторов перечисляет шесть вариантов использования этого термина: «универсальная обличительная категория», «то, как обстоят дела», институциональная структура для описания форм национального капитализма, доминирующая идеология, форма государственности, а также теоретический и политический вариант либерализма³⁴.

В большей части научной литературы «неолиберализм» рассматривается через призму других теоретических позиций (марксистских, фукоалдианских, консервативных, либеральных), которые редко определяют суть «неолиберализма». Происходит процесс создания типов неолиберализма в соответствии с определенными предубеждениями, определяющими «неолиберализм» в угоду политическому электорату наблюдателя. Многие критики считают неолиберализм причиной любого экономического или политического развития, которое они не одобряют: неравенство, миграция, экономические кризисы, «популизм», высокий уровень убийств, чрезмерная смертность от COVID-19, внутренние войны и иностранные вторжения — все это изображается как «последствия неолиберализма». Роль неолиберализма состоит не более чем в «прикрытии для действий, касающихся исключительно поддержания, реконструкции, восстановления власти элиты»³⁵.

С другой стороны, для его сторонников неолиберальная политика с момента ее принятия в последней четверти XX в. обеспечила значительный рост богатства и благосостояния людей. Там, где она была внедрена, утверждают они, она принесла свободу, мир и процветание. Следовательно, эти контрастные и противоречивые подходы привели к тому, что неолиберализм был «широко признан... как противоречивое, непоследовательное и подверженное кризисам явление»³⁶.

Мой подход заключается в определении неолиберальной экономической парадигмы, которая имеет предшественников в либеральной экономической

³³ Актуальное обсуждение его общественной формы см. в: Streeck N. *How Will Capitalism End?*

³⁴ Flew T. *Six theories of neoliberalism*. Thesis Eleven, 2014. Vol. 122 (1). Pp. 49–71.

³⁵ Harvey D. *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press, 2005. Pp. 188.

³⁶ Venugopal R. *Neoliberalism as concept*. *Economy and Society*, 2015. Vol. 44 (2), quotation P. 165.

и политической теории. Элементы этой основной идеологии были приняты в политике международных агентств, национальных правительств, политических партий и практике экономических и политических институтов. Кроме того, неолиберализм следует рассматривать как часть процесса глобальной либерализации. Недостаточно анализировать неолиберализм «как практику... "образ действий", направленный на достижение целей и регулирующий себя путем постоянной рефлексии»³⁷. Такой «образ действий» может состоять как из неолиберальных, так и из нелиберальных компонентов.

Я поставил себе цель — раскрыть компоненты того, что сторонники неолиберализма считают неолиберализмом. Как отмечают Кэхилл и Конингс, чтобы понять неолиберализм, необходимо выявить «реконфигурированные институциональные отношения, возникшие в результате таких процессов, как приватизация, дерегулирование и новые подходы к макроэкономической политике»³⁸. В этой связи неолиберализм рассматривается как теория общества с взаимозависимыми компонентами: формой экономики, набором психологических предпосылок, институциональной структурой, состоящей из закона, правительства и гражданского общества; глобальный неолиберализм предполагает мировую экономику с размахом, который стирает границы между государствами. В неолиберализме присутствует сильный нормативный компонент: пропаганда того, что необходимо для создания желаемого капиталистического общества.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

В основе неолиберализма лежит теория экономической жизни. Главным теоретиком неолиберализма является Фридрих фон Хайек³⁹, который популяризировал и развил идеи Людвиг фон Мизеса⁴⁰. Его экономическая теория была развита в США Милтоном Фридманом⁴¹. Они заложили интеллектуальные основы современного экономического неолиберализма и широко признаны его основателями. Хайек был удостоен Нобелевской премии по экономике в 1974 г., и он прямо или косвенно повлиял на то, как проходили реформы европейских «благоденствующих режимов» и преобразования государственных социалистических обществ. Его аргументы привели к при-

³⁷ Foucault M. *The Birth of Biopolitics*. New York and Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. P. 319.

³⁸ Cahill D., Konings M. *Neoliberalism*. Cambridge: Polity, 2017. P. 3.

³⁹ Основные книги Фридриха фон Хайека: F. von Hayek. *The Constitution of Liberty*. Chicago: University of Chicago Press, 1960; F. von Hayek. *The Individualism and Economic Order*. London: Routledge, 1948; F. von Hayek. *The Road to Serfdom*, London: Routledge, 1944.

⁴⁰ Ludwig von Mises. *Liberalism*. Indianapolis, In: Liberty Fund, 2005.

⁴¹ Friedman M. *Essays in Positive Economics*. Chicago: Chicago University Press, 1953; Friedman M. *Capitalism and Freedom*. Chicago: Chicago University Press, 1982 (1962).

нению мнения о том, что лучшей экономической альтернативы рыночной капиталистической конкуренции не существует. Иерархические формы плановой координации не только считаются нежелательными, но и технически не могут быть эффективно реализованы. Он сформулировал идеологическое обоснование не только неолиберальной экономики, но и фундаментальной критики социализма. Неолиберализм — это нормативная теория, которая в процессе принятия в реальных обществах сливается с историческими особенностями принимающего общества.

Доктрина неолиберализма развилась из экономической философии либерализма XIX в., которая отстаивала беспрепятственную деятельность индивидов по реализации своих собственных предпочтений через рыночный механизм, ограниченный законом. Акцент на активности индивидов дает неолиберализму психологическую основу. Руководящие принципы классического либерализма предполагали наличие законов, поддерживающих частную собственность, отсутствие ограничений на торговлю, действия фирм, направленные на максимизацию собственной прибыли, а индивидов — их личной «полезности»; политики выступали за свободную торговлю на международном уровне. Государство выполняло важные функции — обеспечивало оборону, выпускало деньги, обеспечивало исполнение контрактов, поддерживало нормативно-правовую базу для торговли и обеспечивало общественные работы, определяло условия торговли с иностранными государствами. Либералы признавали, что социальные условия могут препятствовать свободе личности, и соглашались с тем, что государство должно предпринимать меры по преодолению бедности, улучшению здоровья, обеспечению начального образования и улучшению жилищных условий. В классическом либерализме присутствовал компонент доброжелательности.

Глобальная неолиберализация⁴², однако, идет гораздо дальше; она расширяет экономический либерализм XX в. по четырем направлениям. Во-первых, область свободного взаимодействия распространяется не только на экономическую деятельность, но и на многие другие аспекты человеческой жизни.

⁴² См. обзорные статьи: Harvey D. *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press, 2003; Saad-Filho A., Johnston D. (Eds). *Neoliberalism: A Critical Reader*. London: Pluto Press, 2005. Important interpretations include: Foucault. *The Birth of Biopolitics. A Marxist understanding*; Dumenil G., Levy D. *The Crisis of Neoliberalism*. Harvard: Harvard University Press, 2011. Study of different state formations can be found in: *South Atlantic Quarterly*, 2019. Vol. 118 (2). Pp. 343–361. Issue on Authoritarian Neoliberalism. Particularly, Bob Jessop, *Authoritarian neoliberalism: Periodization and Critique*. Pp. 343–361. These articles conflate neoliberal policies with other practices. Matthew Eagleton-Pierce. *Neoliberalism: The Key Concepts*. London: Routledge, 2016; Huw Macartney (Ed). *Variegated Neoliberalism*. London: Routledge, 2011; Burkin A. *The Great Persuasion*, Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012; Mirowski P., Plehwe D. *The Road from Mont Pelerin*. London and Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009; Plant R. *The Neoliberal State*. Oxford: Oxford University Press, 2010; Kotz D. *The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015; Van Apeldoorn B., Overbeek H. (Eds). *Neoliberalism in Crisis*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.

ни; социальная экономика включает в себя «множество различных рынков»⁴³. Во-вторых, сфера рыночных отношений становится глобальной. Вследствие глобализации государство утрачивает прежние полномочия по контролю над собственными границами и, следовательно, над многими аспектами внутренних дел; рыночные отношения все больше заменяют государственное регулирование и координацию в процессе «де-регулирования». В-третьих, государства не только обеспечивают выполнение правил социально-экономического порядка, но и продвигают либеральный порядок. С точки зрения предоставления услуг государство оказывается слабее, чем с точки зрения обеспечения соблюдения правил. Государственные институты сами становятся объектами экономических правил, определяемых внешними организациями, согласованными в договорах и (или) соглашениях. В-четвертых, к экономическому либерализму добавляется аспект финансиализации, в смысле монетаризации отношений социального обмена, что расширяет область действия экономического механизма рынка. Эти изменения связаны набором философских и экономических принципов, которые расширяют неolibеральный проект и превращают его в теорию общества.

Либеральная экономика предлагает само собой разумеющиеся допущения, на которые опираются политики. В настоящее время она является «здоровым смыслом», который лежит в основе экономической и социальной политики крупнейших правительств современного мира. Как доктрина, она отдает приоритет экономическому, а не политическому и социальному. Экономический либерализм, отстаиваемый Фридрихом фон Хайеком, оказал сильное влияние на политиков и политические институты. С 1980-х гг. он стал сочетать академический анализ Хайека с популярным дискурсом. Маргарет Тэтчер в 1975 г., прочитав книгу Хайека «*Конституция свободы*», как говорят, заявила: «Вот во что мы верим!»⁴⁴. Позже, находясь у власти, она сказала:

Что меня раздражает во всем направлении политики за последние 30 лет, так это то, что она всегда была направлена на коллективистское общество. Люди забыли о личном обществе. И они спрашивают: а имею ли я значение, представляю ли какую-нибудь ценность? На что короткий ответ — да. И поэтому я не ставлю своей целью экономическую политику; я ставлю своей целью изменить подход, а изменение экономики — это средство изменения этого подхода. Если вы меняете подход, вы действительно охотитесь за сердцем и душой нации. Экономика — это средство достижения цели; цель — изменить сердце и душу⁴⁵.

Рональд Рейган в США обратился к неolibерализму примерно в то же время и внес большой вклад в его внедрение в международном масштабе. Что-

⁴³ Gamble A. The free economy and the strong state: The rise of the social market economy. In: Miliband R., Saville J. (Eds). The Socialist Register. London: Merlin Press, 1979. Pp. 1–25, quotation. P. 6.

⁴⁴ В 1984 г. она сделала его Кавалером почета; позже, в 2011 г., Джордж Буш наградил его Президентской медалью свободы.

⁴⁵ Margaret Thatcher in an interview with The Sunday Times. 1 May 1981. Available at: www.marharethather.org/document/104475

бы «изменить сердце и душу», неолиберальная экономика начинает приобретать психологические, социальные и политические черты.

ЛИБЕРАЛИЗМ КАК ВСЕОБЪЕМЛЮЩАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Я провожу различие между неолиберализмом, изложенным в работах Фридриха фон Хайека и Милтона Фридриха, а также более поздними разработками, представленными Маргарет Тэтчер и Рональдом Рейганом и их экономическими и политическими советниками. Хотя неолиберализм был и остается в основе своей экономической доктриной, для правильного функционирования экономического механизма необходимы соответствующие политические, правовые и социальные институты. Неолиберализм XX в. имел различные направления⁴⁶. Мишель Фуко, например, делает акцент на государственности, в то время как другие, вслед за Хайеком, подчеркивают, что «экономическая свобода» основана на открытых рынках. Для всех экономических либералов рыночная капиталистическая экономика управляется предпринимателями с активами, находящимися в частной собственности, которые стремятся получить прибыль от продажи товаров и услуг, удовлетворяющих желания потребителей.

Для эффективного функционирования либеральной экономики необходима соответствующая общественная структура. Ее природу можно проиллюстрировать индексами, определяющими и измеряющими степень экономической свободы; критериями «того, как все должно быть сделано». Наиболее известные индексы, составленные организацией «Freedom House» и Институтом Фрейзера, а также действенные показатели, составленные Европейским банком реконструкции и развития⁴⁷.

База данных Института Фрейзера была основана Милтоном и Роуз Фридман вместе с Майклом Уокером, учеником Хайека⁴⁸. Его текущий индекс свободы основан на 42 пунктах данных, включая размер правительства, правовую систему и права собственности (включая гражданское общество), свободу международной торговли и регулирование (право на обмен, получение кредита, наем или работа, ведение бизнеса). В 2018 г. Институт Катона и Фрейзера опубликовали Индекс человеческой свободы, который включает 79 по-

⁴⁶ Исторический обзор становления неолиберализма см. в: Gerstle. *The Rise and Fall of the Neoliberal Order*. Part 2.

⁴⁷ Европейский банк реконструкции и развития публикует доклад о процессе перехода, в котором перечисляет степень перехода бывших государственных социалистических обществ к современному неолиберальному обществу. Его показатели указывают на важность различных компонентов экономики. См., например: *Transition Report 1999*. London: EBRD, 1999 and other years.

⁴⁸ Множество статей об экономической свободе и смежных темах см. в: <https://www.atlasnetwork.org/news/article/economic-freedom-of-the-world-index>

казателей личной и экономической свободы⁴⁹. Эти показатели отражают общественные аспекты нынешней глобализирующейся либерализации. Эти категории можно свести к их основным социологическим составляющим: государство, социальная сфера (гражданское общество), формы экономической жизни и координация. Сферы экономической и политической деятельности дополняют друг друга, формируя неолиберальное общество⁵⁰.

Неолиберальная модель адаптируется к исторически обусловленным структурам и процессам различных обществ. Возникающая в результате гибридность (измеряемая диапазоном оценок по Индексу свободы человека и Индексу Freedom House) является одной из причин разногласий комментаторов по поводу того, является ли то или иное общество неолиберальным или нет, а также по поводу того, являются ли действия правительств неолиберализмом или нет.

Исходя из этих идеологических и практических политических установок, *глобальный неолиберализм* можно определить как доктрину рыночной конкуренции, поощряющую и поддерживающую беспрепятственное движение капитала, рабочей силы, товаров, услуг и право учреждения⁵¹, действующую в рамках закона; в основе экономики лежит частная собственность, обеспеченная минималистским регулирующим государством. К классическому либерализму добавились финансиализация «неэкономических» отношений, подчинение государства рыночному регулированию и глобализация национальных экономик.

Компоненты неолиберализма кратко изложены во вставке 2.1 и будут объяснены ниже. Элементы, добавленные к классическому либерализму, выделены *курсивом*.

ПОДДЕРЖАНИЕ СТАБИЛЬНОСТИ И СОДЕЙСТВИЕ ПРОГРЕССУ

В основе неолиберального проекта лежит предположение о том, что спонтанные обмены и постоянные корректировки, мотивированные собственными интересами экономических субъектов, поддерживают равно-

⁴⁹ К ним относятся: верховенство закона, безопасность и защита, передвижение, религия, ассоциации, собрания и гражданское общество, выражение мнений и информация, личность и отношения, размер правительства, правовая система и права собственности, доступ к надежным деньгам, свобода международной торговли, регулирование кредита, труда и бизнеса. См.: <https://www.cato.org/human-freedom-index-new>

⁵⁰ Индекс Freedom House, публикуемый совместно с Институтом Катона и Институтом Фрейзера, включает 79 показателей личной и экономической свободы, в том числе: Верховенство закона, безопасность и охрана, передвижение, религия, ассоциации, собрания, гражданское общество, самовыражение, отношения, размер правительства, правовая система и права собственности, доступ к надежным деньгам, свобода международной торговли, регулирование кредита, труда и бизнеса. См.: <https://freedomhouse.org/>

⁵¹ Это право корпораций на создание и торговлю без ограничений в рамках закона.

весие, необходимое для функционирования современной экономики⁵². Такое равновесие — это «оптимальное положение», обеспечивающее удовлетворение всех социальных потребностей⁵³. В основе этих допущений лежит субъективное восприятие индивидов, выражающееся в их выборе. Индивидуальные склонности служат психологической основой неolibеализма и классической экономики⁵⁴. Эти идеи следуют за Альфредом Маршаллом, который подчеркивал, что стабильное равновесие возникает, когда цены колеблются вокруг центральной точки⁵⁵.

Отклонения от равновесия приводят к тому, что противодействующие силы восстанавливают его и одновременно обеспечивают оптимальное удовлетворение всех материальных потребностей. Либеральные экономисты предполагают, что в конкурентной рыночной системе существует саморегулирующийся механизм, который представляет собой подвижное равновесие, в котором регулирование происходит непрерывно.

Координация экономики достигается за счет повторяющихся спонтанных взаимодействий между индивидуальными предпочтениями и их корректировки.

Вставка 2.1: Социальные компоненты неolibеализма

Психологический — мотивы личной выгоды выступают в качестве движущих сил экономического развития. Такие психологические мотивы должны иметь возможность процветать в свободных ассоциациях, не сдерживаемых государством;

Правовой — верховенство закона: закон защищает свободу, определяет права на собственность, устанавливает пределы деятельности государства и правила рынка;

Экономический — неограниченная рыночная координация через конкуренцию на всех уровнях экономики; маркетизация дополняется монетаризацией и финансиализацией «неэкономического» обмена для содействия эффективному распределению;

Политический — государство обеспечивает правопорядок, легитимизированный электоральной демократией; поддерживает право собственности и активно продвигает институты рыночного обмена; деятельность государства подлежит рыночной координации и открыта для проверки на предмет злоупотреблений (через захват государства и коррупцию); государство подчиняется закону и не может его отменить;

⁵² F. von Hayek. Economics and knowledge. Републикация: F. von Hayek. Individualism and Economic Order. Chicago and London: University of Chicago Press, 1948. Pp. 33–56. P. 45.

⁵³ «Потребности» — это то, что люди выражают в своих намерениях приобрести товар, и их не следует путать с «потребностями», которые необходимы для поддержания цивилизованной жизни.

⁵⁴ F. von Hayek. The use of knowledge in society. American Economic Review, 1945. Vol. 35 (4). Pp. 519–530.

⁵⁵ Marshall A. Principles of Economics. London: Macmillan, 1956. Он использует аналогию, что яйцо не может стоять вертикально на одном из своих концов (см.: Pp. 288–229).

Социальный — права на частную собственность, самостоятельное гражданское общество, поощрение борьбы с дискриминацией и неравенством, монетаризация человеческих отношений;

Координация — рынок является основной формой обмена; процесс каталлаксии (взаимного спонтанного приспособления) и обмена между субъектами способствует росту благосостояния. Международные институты устанавливают и обеспечивают соблюдение правил между национальными и глобальными экономическими субъектами. Границы — международная система, опосредованная соглашениями между государствами, способствует свободному географическому перемещению капитала, рабочей силы, товаров и услуг. Глобальные институты обеспечивают соблюдение правил, способствующих свободному капиталистическому обмену в мировом масштабе. Политическое вмешательство в дела «несвободных» государств со стороны либеральных государств является законным для обеспечения свободы.

Примечание. Курсивом выделены пункты, добавленные к классическому либерализму в рамках неолиберализма.

Важнейшим является допущение о существовании саморегулирующихся экономических механизмов, которые требуют политического вмешательства. Рынок создает условия для предпринимательства, которое выявляет новые потребности, новые продукты и новые формы объединения. Государство устанавливает правила, чтобы все это работало. Конкуренция необходима для эффективного функционирования рынков и повышения их эффективности. Стагнации удается избежать, поскольку противодействующие силы преодолевают инерцию⁵⁶. Например, зоны распространения безработицы привлекают капитал, поскольку цена труда падает, индивидуальные предприниматели продвигают новые продукты, и таким образом рынок приводит к новому равновесию. Все эти процессы — спонтанные действия и реакции отдельных людей. Если позволить таким процессам работать, прогресс обеспечен⁵⁷.

Конкуренция между индивидами сосуществует в отдельных сферах политики и экономики и разрешается посредством процесса каталлаксии. Для Адама Смита и классических экономистов координация обеспечивалась скрытой или «невидимой рукой». В его представлении общество состоит из отдельных самомотивированных единиц. Хайек развивает эту мысль в своей концепции «каталлаксии»⁵⁸. «Таким образом, каталлаксия — это особый вид спонтанного порядка, создаваемого рынком посредством людей, действующих в рамках норм права собственности, деликтов и контрактов»⁵⁹.

⁵⁶ См.: Gamble A. Hayek and the left. Political Quarterly, 1996. Vol. 67 (1). Pp. 46–53, discussion Pp. 49–50.

⁵⁷ Современное описание см. в: Acemoglu D., Robinson J.A. Why Nations Fail. London: Profile Books, 2012.

⁵⁸ F. von Hayek. Law, Legislation, and Liberty (Vol. 2). London: Routledge, 1976. Pp. 108–109.

⁵⁹ Ibid. P. 109.

Именно через такие взаимные корректировки происходит координация экономики; утверждается, что это более эффективно и действенно, чем любая форма государственного планирования. Идея Фуко о «неолиберальной государственности»⁶⁰ плохо вписывается в этот процесс, поскольку неолиберальная идея заключается в минимизации государственного контроля и замене государственной деятельности каталлактическим обменом. Действительно, Фуко считает, что этот процесс зародился в Средние века, задолго до неолиберализма. С помощью рынка автономные бизнес-единицы, конкурирующие друг с другом, приводятся в гармонию. Для неолибералов рынок считается механизмом, действующим благодаря сознательному выбору участников, а не результатом «невидимой» руки, как у Адама Смита. Экономический расчет», координирующий индивидуальные предпочтения, действует через систему цен, встроенную в экономический рынок⁶¹.

Прогресс обеспечивается поощрением автономного гражданского общества. Неравенство существует, но оно оправдано в той мере, в какой оно заслужено и заработано. Дискриминация по признаку расы, пола и социального происхождения противоречит неолиберализму:

Великое достоинство системы свободного рынка заключается в том, что ей безразлично, какого цвета люди; ей безразлично, какую религию они исповедуют; ее интересует только то, могут ли они производить то, что вы хотите купить. Это самая эффективная система, которую мы открыли для того, чтобы люди, ненавидящие друг друга, могли иметь дело друг с другом и помогать друг другу⁶².

Правительства не придерживаются политики свободного рынка. Целью политики является создание равных условий для всех, чтобы все могли конкурировать на равных: таким образом, вопрос поощрения разнообразия включается в политическую повестку дня правительства. Такая политика широко внедряется во всем политическом спектре, включая различных лидеров — начиная с Джорджа Буша и заканчивая Бараком Обамой. В Великобритании их активно поддерживали «новые лейбористы» Тони Блэра, а также Маргарет Тэтчер. Поощрение разнообразия и равенство возможностей соответствуют неолиберальным принципам.

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

Основополагающим убеждением неолибералов является то, что удовлетворение личных интересов индивидуума обеспечивает «рост населения

⁶⁰ См.: Foucault. *The Birth of Biopolitics*. P. 246. Фуко полностью игнорирует идею каталлактики, важнейший компонент парадигмы Хайека.

⁶¹ F. von Hayek. *The use of knowledge in society*. P. 525.

⁶² Friedman M. *Why Government Is the Problem*. *Essays in Public Policy*, No 39. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1993. P. 11.

и богатства»⁶³. По Хайеку, цель экономической системы — «обеспечить наилучшее использование ресурсов, известных каждому члену общества, для целей, чья относительная важность известна только этим индивидам». Социальные целостности, такие как «общество» или «коллективы»⁶⁴ — это абстракции, созданные в сознании людей. Методологический индивидуализм является краеугольным камнем неолиберальной мысли. Как отмечал Карл Поппер, поведение не может быть сведено к коллективам. «[Все] социальные явления ... всегда следует понимать как результат решений, действий, установок ... человеческих индивидов, и ... нас никогда не должно удовлетворять объяснение с точки зрения так называемых "коллективов" (государств, наций, рас и т.д.)»⁶⁵. Этого подхода придерживаются неолибералы в экономической сфере. «Не может быть коллективного сознания, превосходящего совокупность интересов отдельных людей»⁶⁶.

Неолиберализм, кроме того, расширяет рамки классического либерализма: «Все ... становится открытым для рыночных форм выбора»⁶⁷. В неолиберальной парадигме рыночный тип обмена должен применяться ко многим формам «неэкономического поведения». Финансиализация (процесс обмена посредством денежных операций) деятельности способствует повышению эффективности и расширению возможностей личного выбора. Это существенный отход от классической экономики, в которой поле для рынков ограничивалось экономической сферой. Примерами здесь могут служить введение цен на услуги в государственном секторе, такие как здравоохранение, образование, использование частных компаний для управления тюрьмами и службами пробации, плата за парковку автомобилей на дорогах общего пользования, за пользование общественными игровыми площадками и туалетами.

Частная собственность⁶⁸ — это сердце либерализма⁶⁹. Такие экономисты, как Фрэнк Х. Найт, Ф.А. Хайек и Людвиг фон Мизес, подчеркивают, что в основе капитализма лежит частная собственность на производственные ресурсы, которая обеспечивает основу для самостоятельности экономического предприятия. «Поэтому программа либерализма, если ее свести к одному слову,

⁶³ F. von Hayek. *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*. Edited by W.W. Bartley III. Vol. 1 of the collected works of F. von Hayek. London: Routledge, 1988. P. 6; F. von Hayek. *Individualism and the Economic Order*. Chicago and London: University of Chicago Press, 1980. P. 78.

⁶⁴ Обзор см. в: Gamble A. *Hayek: The Iron Cage of Liberty*. Cambridge: Polity, 1996. Pp. 53–56.

⁶⁵ Popper K. *The Open Society and its Enemies*. Vol. 2. London: Routledge, 1945. См.: Chapter 14, quotation P. 91.

⁶⁶ О том, как мысль Людвиг фон Мизеса повлияла на формирование неолиберальной социологической теории, см.: Gane N. *Sociology and neoliberalism: A missing history*. *Sociology*, 2014. Vol. 48 (6). Pp. 1092–1106, в частности, Pp. 1094–1095.

⁶⁷ Gane. *Sociology and neoliberalism*. P. 1095.

⁶⁸ Система частной собственности «является самой важной гарантией свободы», *Road to Serfdom*. P. 78.

⁶⁹ Примечательно, что многие комментаторы либо маргинализируют, либо вообще игнорируют частную собственность. Например, в Foucault's. *The Birth of Biopolitics* нет даже упоминания о собственности.

должна звучать так: собственность, то есть частная собственность на средства производства... Все остальные требования либерализма вытекают из этого фундаментального требования»⁷⁰. Хайек считал, что развитие торговли в условиях становления капитализма, породившего систему цен, зависело от безопасности частной собственности, а для этого необходимо государственное принуждение, узаконенное законом. Собственность и (в меньшей степени) наследование обеспечивают индивидуальную свободу. Логика этой позиции заключается в том, что любая экономическая система, альтернативная либерализму, должна заменить частную собственность.

Хотя Хайек признает, что частная собственность снижает равенство возможностей, она оправдана, так как способствует свободе, а альтернатива в виде государственной или коллективной собственности этому не способствует. Люди «получают то, что они заслуживают», поскольку вознаграждение зависит от их «способностей и предприимчивости», а также от счастливого стечения обстоятельств⁷¹. Милтон Фридман ясно выразил это, заявив: «Этический принцип, который непосредственно оправдывает распределение доходов в обществе свободного рынка, гласит: «Каждому по продукту, произведенному им самим и принадлежащими ему орудиями труда»⁷². Поэтому сокращение неравенства возможностей желательно, так как оно поощряет «свободное предпринимательство» и тем самым способствует прогрессу. Равенство возможностей пришло в социал-демократическую политику и фактически «неолиберализировало» традиционную социалистическую заботу о социальном равенстве.

Спонтанность, а не сознательный замысел человека формирует индивидуальное поведение. На первой странице первого тома своих коллективных трудов Хайек утверждает:

Чтобы понять нашу цивилизацию, необходимо осознать, что сложившийся порядок возник не в результате человеческого замысла или намерения, а спонтанно: он возник в результате непреднамеренного следования определенным традиционным и в значительной степени *моральным* [курсив автора] практикам, многие из которых людям обычно не нравятся, значение которых они обычно не понимают, обоснованность которых они не могут доказать и которые, тем не менее, довольно быстро распространились путем эволюционного отбора — сравнительного роста населения и богатства — среди тех групп, которым довелось им следовать⁷³.

Эта парадигма отрицает любое целостное понимание общества. Неолибералы утверждают, что «общество» не существует и является творением ума социологов (и социалистов).

⁷⁰ Ludwig von Mises. *Liberalism in The Classical Tradition*. San Francisco: Cobden Press, 1985. P. 19.

⁷¹ Дальнейшее изложение см: Offer A. *The market turn: From social democracy to market liberalism*. *Economic History Review*, 2017. Vol. 70 (4). Pp. 1051–1071.

⁷² Friedman M. *Capitalism and Freedom*. Pp. 161–162.

⁷³ F. von Hayek. *The Fatal Conceit*. P. 6.

Социологи, такие как Эмиль Дюркгейм, напротив, утверждали, что индивиды не могут жить и преуспевать в одиночку, а общество создается людьми и поддерживает их жизнеобеспечение. Социализм стремился изменить общество, а для этого нужно было понять законы его развития. В основе социализма лежит утверждение о том, что человеческое развитие основано на «сознательном, рациональном регулировании социальной жизни человека»⁷⁴. Все это отрицается неолибералами, которые, тем не менее, имеют свои взгляды на то, как должен вести себя человек. Они «навязывают [свое] видение» того, как должно быть устроено общество, и в этом смысле поддерживают мнение Фрэнсиса Фукуямы о предельной обоснованности своих теорий»⁷⁵. Только рыночные механизмы, действующие через конкуренцию, могут достичь оптимальных результатов — удовлетворить желания людей⁷⁶. Из этих рассуждений следует один важный вывод: планирование, осуществляемое правительствами, не может удовлетворить индивидуальные человеческие желания, поскольку необходимая информация не может быть известна ни одной агрегирующей единице (которой на практике является государство)⁷⁷.

Либеральное рыночное общество плюралистично: в нем нет единого центра управления. Ни один коллектив не может знать желания индивидов: правительства не могут правдиво отстаивать «интересы общества»⁷⁸. Государство продвигает свои собственные интересы, которые не совпадают с интересами индивидов. Свобода достигается благодаря «спонтанным процессам упорядочивания, которые возникают в результате действий индивидов и находят конкретное выражение в актах обмена и конкуренции на рынках»⁷⁹. В институциональном смысле политические и экономические власти должны быть отдельными автономными компонентами гражданского общества. Координация многочисленных секторов происходит через процесс взаимного обмена (каталлактически). Постоянное вмешательство государства не может быть согласовано с либеральной теорией рынка, поскольку государство не может «знать лучше», чем свободно функционирующий рынок.

Рост государственного регулирования и вмешательства в рыночные процессы вызывает сожаление у неолибералов, которые стремятся ликвидировать государственные учреждения⁸⁰. Как отмечает Фридман: «В целом рыночная конкуренция, когда ей позволено работать, защищает потребителя лучше, чем альтернативные государственные механизмы, которые все чаще

⁷⁴ Bottomore T. *Sociology and Socialism*. Brighton: Wheatsheaf books, 1984. P. 1.

⁷⁵ Обсуждение см. в: Mirowski P., Plehwe D. *The Road from Mont Pelerin*. London and Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. P. 445.

⁷⁶ F. von Hayek. *Individualism and the Economic Order*. P. 79.

⁷⁷ См. в частности: F. von Hayek. *Economics and knowledge*.

⁷⁸ F. von Hayek. *Individualism: True and False*. 1945. P. 19. Available at: <http://econ.dse.org/wp-content/uploads/2014/09/hayek.pdf>

⁷⁹ Gane. *Sociology and neoliberalism*. P. 1102.

⁸⁰ Обсуждение см. в: Choat S. *The iron cage of enterprise or the restoration of class power? Approaches to understanding neoliberalism*. *Political Studies Review*, 2019. Vol. 17 (4). Pp. 416–327; 420.

накладываются на рынок»⁸¹. Милтон и Роуз Фридман осуждают бюрократическое правительство, которое «все чаще выступает посредником между гражданами и представителями, которых они выбирают»⁸². Что касается монополий, то аргумент неolibе́ралов заключается в том, что в условиях свободной международной торговли их будет очень мало. В отношении тех, которые существуют, Фридман ясно дает понять, что считает частную монополию более желательной, чем государственное регулирование или государственная монополия⁸³. Эти взгляды предполагают, что любая форма коллективизма «по сути своей авторитарна». Критику о том, что для функционирования рынков требуется «постоянное вмешательство» государства, неolibе́ралы считают совершенно неверной. Для обеспечения свободного функционирования рынка должны строго соблюдаться законы, но при этом государство не должно вмешиваться в рыночные процессы.

ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА

Границы рыночной системы и соблюдение законных рыночных отношений обеспечиваются с помощью правовой системы. Неolibе́ральная экономика — это не только форма экономического обмена, но и социальная система, основанная на широком спектре психологических норм и плюралистических политических институтов, ценностях и конкуренции, а также на личном удовлетворении от потребления и предпринимательских инноваций, в условиях контроля за выполнением закона в рамках независимой правовой системы.

Политические и правовые институты обеспечивают рамки, в которых может действовать неolibе́рализм. Неolibе́ралы поощряют гражданское общество, формируя «промежуточные образования и ассоциации», которые являются «важнейшими факторами сохранения нормального функционирования человеческого общества»⁸⁴. Участвуя в социальных процессах, человек «должен быть готов и желать приспособляться к изменениям и подчиняться конвенциям», чтобы способствовать развитию свободы личности⁸⁵.

Свобода не может быть подорвана демократией (в понятии принципа большинства или парламентского решения). Все государства, в том числе и демократические, обязаны соблюдать закон, способствующий «демократическому выбору». Фридрих фон Хайек утверждает, что принцип большинства должен соответствовать общим убеждениям или принципам сообщества

⁸¹ См., в частности: Friedman M., Friedman R. *Free to Choose*. London and New York: Harcourt Brace, 1990. P. 222.

⁸² Ibid. P. 295.

⁸³ Friedman M. *Capitalism and Freedom*. P. 28. О роли свободной международной торговли см.: Friedman M., Friedman R. *Free to Choose*. P. 53.

⁸⁴ F. von Hayek. *Individualism: True and False*. P. 22.

⁸⁵ Ibid.

и не может их отменять: «необходимо, чтобы большинство подчинялось этим общим принципам даже тогда, когда в его непосредственных интересах их нарушить». Власть большинства ограничена этими общепризнанными принципами и не может быть легитимной вне их⁸⁶. Демократия — это «правила процедуры, целью которых является продвижение свободы»⁸⁷. Следовательно, существуют важные юридически закрепленные ограничения на то, как должны действовать государства, в том числе демократические.

Все формы деятельности правительства должны быть определены законом; важным следствием этого является то, что закон ограничивает демократию. Следует подчеркнуть, что либеральное государство должно быть сильным в определении и применении правил, которые поддерживают либеральное рыночное общество. Верховенство закона, обеспечиваемое государством, поддерживает фундаментальные черты капитализма, которые не могут быть изменены даже демократическим решением большинства. Таким образом, сфера власти ограничена: государственная бюрократия подчиняется закону, который не могут отменить даже избранные правительства. В политике конкурентные выборы — это параллель свободному экономическому рынку. Они обеспечивают рациональный политический механизм для обеспечения индивидуальных интересов — через конкуренцию, предполагающую свободный вход кандидатов и рациональный выбор со стороны избирателей. Следовательно, необходимо развивать выборную демократию.

Прогрессу способствуют институты, обеспечивающие как стабильность, так и развитие; конкуренция и собственный интерес гарантируют успех свободного предпринимательства; законы, соблюдаемые государством, обеспечивают вознаграждение за инновации и усердие. Для Хайека:

спонтанные действия индивидов при условиях, которые мы можем определить, приведут к распределению ресурсов, которое можно понять так, как если бы оно было сделано в соответствии с единым планом, хотя никто этого не планировал. [Это] кажется мне действительно ответом на проблему, которая иногда метафорически описывается как проблема «общественного сознания»⁸⁸.

Не существует ни государственного планирования, ни анархии: свободные автономные социальные институты взаимодействуют через процесс каталаксии для обеспечения благосостояния человека. Право и социальные институты обеспечивают необходимые рамки, в которых свобода может быть реализована. Таким образом, на мой взгляд, в неолиберализме существует противоречие между государством, поддерживающим институты капитализма, и свободой индивидов, действующих через рынок. Свобода достигается через рыночную конкуренцию, которая в идеале должна лежать в основе взаимодействия между людьми.

⁸⁶ F. von Hayek. *The Constitution of Liberty*. P. 106–107.

⁸⁷ Цитата, приписываемая Хайеку, приводится по: Mirowski P. Postface: Defining Neoliberalism. In: Mirowski, Plehwe. *The Road from Mont Pelerin*. Pp. 417–456, quotation P. 446.

⁸⁸ F. von Hayek. *Economics and knowledge*. P. 54.

НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Идеализированная версия неолиберальной социальной системы представлена на рис. 2.1. Социальная система функционирует как саморегулирующееся целое, способствующее благополучию человека. Диаграмма иллюстрирует взаимосвязь психологических, правовых, экономических и политических процессов. Неолиберальные правительства продвигают неолиберальный тип общества, своего рода «социологический либерализм». Более того, сторонники глобальной либерализации проявляют миссионерское рвение — данная парадигма может и должна быть применена во всем мире.

Глобализация одобряется, поскольку она расширяет рынок и укрепляет экономику. Ценности, воплощенные в либерализме XXI в., выходят за пределы границ интересов национальных государств; неолиберальные институты и процессы должны быть воспроизведены на глобальной основе без препятствий со стороны государств, сохраняющих экономические, личные и финансовые границы. Осенью 2007 г. Алан Гринспен, бывший председатель Федеральной резервной системы США, отвечая на вопрос, кого из кандидатов он поддержит на президентских выборах, сказал: «[Нам] повезло, что благодаря глобализации политические решения в США в значительной степени заменились глобальными рыночными силами. Если отбросить национальную безопасность, то вряд ли есть разница, кто будет следующим президентом. Миром управляют рыночные силы»⁸⁹. Возможно, здесь есть некоторое принятие желаемого за действительное, поскольку позднее президентство Дональда Трампа продемонстрировало, что государственная политика США может сдерживать и ограничивать влияние глобализации. Но суть в том, что политическая власть опосредована через глобальный рынок. В неолиберальной парадигме свободное сочетание факторов производства способствует росту благосостояния и богатства людей в мировом масштабе, т.е. происходит глобальная либерализация. В этом неолибералы следуют за ранними либеральными мыслителями, которые превозносили цивилизационный эффект международной торговли. Такие организации, как Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), ВТО и МВФ, продвигают эти неолиберальные экономические цели.

Поэтому открытые процессы глобализации, получившие развитие в XXI в., находят поддержку среди неолиберальных писателей и политиков, утверждающих, что блага «хорошего общества» не должны оставаться привилегией лишь Запада. «Продвижение демократии» одобряется, если оно приносит свободу. Глобализацию, однако, не следует сводить исключительно к компоненту неолиберализма; глобализация — это явление, которое может принимать различные формы, даже социалистические (см. главу 14).

⁸⁹ Цитируется по: Tooze A. Crashed. London: Allen Lane, 2018. P. 574.

Рис. 2.1. Неолиберальные плюралистические аспекты общества

ФИНАНСИРОВАНИЕ И СПЕКУЛЯЦИЯ

Финансовая система играет важнейшую роль в распределении активов, координации экономики и повседневной жизни. В некоторых формах она согласуется с неолиберальным нарративом Хайека и является его развитием. Финансовые мотивы и критерии, финансовые субъекты и институты выступают посредниками между человеком и социальной жизнью. Финансиализация отношений способствует режиму накопления — финансовые критерии определяют распределение инвестиций; экономические и неэкономические организации и ассоциации подвергаются финансовому контролю; повседневная жизнь становится ориентированной на финансы через монетаризацию отношений⁹⁰. Эти процессы поощряют индивидуальный выбор одновременно с созданием прибыли. Спекуляции на различных инструментах в форме оценки валюты (деривативы, фьючерсы) заменяют продажу товаров и услуг. Поэтому такие критики, как Жерар Дюмениль и Доминик Леви, признают неолиберализм «новым социальным порядком», обу-

⁹⁰ N. van der Zwan. State of the art: Making sense of financialisation. *Socio-Economic Review*, 2014. Vol. 12. Pp. 99–129; Orhangazi O. Financialisation and capital accumulation in the non-financial corporate sector: A theoretical and empirical investigation on the US economy: 1973–2003. *Cambridge Journal of Economics*, 2008. Vol. 32. Pp. 863–886.

словленным утверждением интересов «финансовой фракции правящих классов»⁹¹.

Они рассматривают подъем и доминирование финансовых институтов в XX в. как новую стадию капитализма. Финансиализация облегчает проведение транзакций и позволяет банкам увеличивать уровень долга, что дает возможность «долговым инструментам значительно преобладать над долевыми инструментами» в качестве источника дохода по отношению к валовому внутреннему продукту⁹².

Государственный (или центральный) банк должен быть независимым от правительства и, таким образом, иметь возможность выступать в качестве экономического или политического игрока. Финансиализация, однако, является процессом, который был привит на неолиберальную экономику и, в некоторых отношениях, несовместим с ее первоначальными формами. Финансиализация способствовала росту «долговой экономики», и считается, что именно она, а не экономический либерализм, ответственна за финансовый кризис 2007 г. Многие неолибералы подчеркивают необходимость жесткого регулирования финансового сектора со стороны правительства. Поэтому неолиберальные политики в США выступили против «спасения» правительством финансовых компаний, которые действовали спекулятивно и не имели достаточного запаса капитала. Утверждается, что вина за это лежит на несовершенном и неадекватном регулировании, а не на неолиберальном рыночном механизме.

Однако эти «недостатки» указывают на более серьезные проблемы либеральных механизмов. Рынки при современном капитализме работают с деньгами, и сделки на фондовой бирже не обязательно ведут к экономическому развитию и созданию богатства, хотя и могут увеличить прибыль. Финансиализация повышает транзакционные издержки, не увеличивая реальную стоимость национального продукта. Либеральная экономика не проводит достаточного различия между спекуляцией и предпринимательством. Финансовые рынки приводят к увеличению «риска преобладания спекуляций»⁹³. Эта тенденция была признана Мейнардом Кейнсом задолго до неолиберализма, когда он указал на то, что инвесторы руководствуются не перспективностью инвестиций (которая может быть низкой), а ищут «благоприятного изменения общепринятого базиса оценки» — проще говоря, спекулятивной выгоды⁹⁴.

⁹¹ Duménil G., Lévi D. Costs and benefits of neoliberalism: A class analysis. *Review of International Political Economy*, 2001. Vol. 8 (4). Pp. 578–607, quotation Pp. 596; 578.

⁹² См.: T. Di Muzio, Robbins R.H. *Debt as Power*. Manchester: Manchester University Press, 2016.

⁹³ Keynes J.M. *General Theory of Employment, Interest and Money*. London: Palgrave Macmillan, 1936. P. 158.

⁹⁴ «Когда развитие капитала страны становится побочным результатом деятельности казино, работа, скорее всего, будет выполнена плохо. Мера успеха, достигнутая на бирже Уолл-стрит, рассматриваемая как институт, надлежащее социальное назначение которого заключается в направлении новых инвестиций в наиболее выгодные с точки зрения будущей доходности каналы, не может быть названа одним из выдающихся триум-

Финансовые рынки предполагают спонтанные обмены, но не всегда такие эффективные, как предполагали писатели вроде Милтона Фридмана. Они способствуют развитию электронной торговли, в которой спекулянты получают прибыль от роста и падения цен на фондовом рынке. Инвестиции направляются в финансовые инструменты, которые, благодаря спекуляциям, приносят очень высокую прибыль. Секьюритизация (процесс, способствующий приобретению денежных потоков, поступающих от долговых обязательств, таких как ипотечные кредиты) также значительно усилила спекуляции в финансовом секторе, что привело к глобальной финансовой нестабильности. Как следствие, всеобщее стремление к финансовой прибыли привело к финансовым и экономическим кризисам. Это не отклонение финансового капитализма, а тенденция, заложенная в способах функционирования нерегулируемых финансовых рынков. Это следствие нерегулируемого движения капитала в глобальном масштабе.

Неолиберальные экономисты, однако, сетуют на отсутствие правил, упорядочивающих рынок, что, по их мнению, является максимумом неолиберализма. Отсутствие взаимной экономической коррекции стало очевидным в 2007 г. после финансового краха британского банка *Northern Rock*, а затем и американского *Lehman Brothers*, повлекшего за собой серьезные сбои в работе финансовой системы. В сентябре и октябре 2008 г., по словам Бена Бернанке, экономика столкнулась с «тяжелейшим финансовым кризисом в мировой истории, включая Великую депрессию»⁹⁵. Однако Великая депрессия имела очень жесткие правила, регулирующие выдачу кредитов, и была вызвана неадекватным уровнем спроса. Чтобы справиться с резкими колебаниями в экономике, а также с финансовыми кризисами необходим не самонастраивающийся экономический механизм, а политика вмешательства государства, направленная на преодоление провала рынка.

РЕГУЛИРУЮЩАЯ РОЛЬ ГОСУДАРСТВА

В рамках неолиберальной парадигмы государство должно обеспечивать прочную правовую базу для реализации системы частной собственности и рыночного обмена, а также обеспечивать неизменную ценность денег. Его роль заключается в обеспечении соблюдения свода правил, а не в продвижении политических целей, таких как справедливость или благосостояния⁹⁶. Милтон Фридман признает, что основное различие между тем, что он называет «либерализмом XIX века» (классическим либерализмом) и «новым ли-

фов капитализма, основанного на принципах «laissez-faire». Keynes. General Theory. P. 159.

⁹⁵ Цитируется по: Tooze A. Crashed. P. 163.

⁹⁶ Обсуждение неолиберализма и государства см. в: Plant R. The Neoliberal State (особенно в главе 1).

берализмом» (неолиберализмом), заключается в более позитивной роли государства в последнем⁹⁷.

По его словам, «[Неолиберализм] должен отдавать важное место жесткому ограничению полномочий государства по вмешательству в деятельность индивидов; в то же время он должен четко признавать, что существуют важные положительные функции, которые должно выполнять государство»⁹⁸. Оно обеспечивает основу для исполнения законов рыночного общества. Государство призвано содействовать развитию рыночной экономики и обеспечивать условия для эффективной конкуренции. Доктрина не исключает задачи обеспечения справедливости и благосостояния, но это не ее основные задачи.

Фридман отмечает, что экономическая координация должна основываться на «добровольном сотрудничестве... технических решениях рынка и договоренностях, предполагающих добровольный обмен»⁹⁹. Понимание неолиберализма как продвижения своего рода «неолиберального бюрократизированного государства», предлагаемое некоторыми его критиками, не встречается в работах ни одного из основных экономических теоретиков неолиберализма. Милтон Фридман прямо отвергает такого рода вмешательство: «Правительство никогда не сможет воспроизвести разнообразие и многообразие действий индивида... Навязывая единые стандарты... при этом правительство заменит прогресс стагнацией, оно подменит единообразной посредственностью разнообразие, необходимое для экспериментальных исследований, которые могут поднять завтрашних отстающих сегодняшних середняков»¹⁰⁰.

В рамках нового либерализма «государственные субъекты неизбежно иницируют распространение рыночных отношений»¹⁰¹. В практике современной неолиберальной политики государство взяло на себя функции, не предусмотренные и не теоретизированные такими экономистами, как Хайек. Операции, необходимые для поддержания равного и конкурентного рынка, требуют государственного регулирования. Внутренняя организация государственных институтов также должна следовать неолиберальным принципам — должны существовать внутренние рынки и по возможности конкуренция. Процессы каталаксии подчиняются таким законам. Цель поощрения «честной конкуренции» в этом случае перевешивает важность свободы отдельных субъектов. Во всех этих видах деятельности рыночный обмен все чаще заменяется государственным регулированием, что создает напряженность в рамках неолиберализма.

Фуко подчеркивает степень проникновения государства в социальную жизнь в том, что он называет «сеткой государственности»¹⁰², которая приме-

⁹⁷ Friedman M. Capitalism and Freedom.

⁹⁸ Friedman M. Neoliberalism and its prospects. Oslo: Farmand, 1951. Pp. 89–93. Собрание сочинений можно найти на сайте: https://miltonfriedman.hoover.org/friedman_images/Collections/2016c21/Farmand.

⁹⁹ Friedman M. Neoliberalism and its prospects. P. 4.

¹⁰⁰ Friedman M. Capitalism and Freedom. P. 4.

¹⁰¹ Mirowski. The Road from Mont Pelerin. P. 437.

¹⁰² Обсуждение см. в: Foucault. The Birth of Biopolitics. Pp. 186–187.

няется к широкому спектру поведения — например, рыночные правила применяются к процессам внутри правительства или государственных учреждений (таких как университеты или больницы государственной службы здравоохранения). Я утверждаю, что такая форма «неолиберальной управляемости»¹⁰³ несовместима со взглядами ведущих неолибералов, таких как Хайек и Милтон Фридман, которые осуждают зависимость от бюрократических правил и выступают за прямые каталлактические обмены между подразделениями, которые поддерживают друг друга. Вмешательство «правительственного персонала и советников» в США¹⁰⁴ не является следствием неолиберализма, а происходит вопреки ему. Идеи Фуко о «социологическом правительстве», которое продвигает «общество, ставшее теперь объектом вмешательства и практики правительства»¹⁰⁵, вызывают противодействие неолибералов. Как сетуют Фридманы: «Бюрократия, необходимая для управления правительством, растет и все больше навязывает необходимость своего использования между гражданами и поставителями, которых они выбирают. Она становится как средством, с помощью которого особые заинтересованные круги могут достигать своих целей, так и важным особым интересом, который сам по себе является важной частью нового класса»¹⁰⁶.

Однако, как ни парадоксально, неолиберальная политика распространения рынка на неэкономические объединения и государственные органы привела к бюрократическому регулированию, направленному на аудит и контроль рыночных обменов. Как выразился один из комментаторов: чтобы обеспечить беспрепятственную «маркетинговую государственность», «процессы, институты и субъекты должны проходить контроль, проверку, оценку и сертификацию, чтобы обеспечить их эффективность, рентабельность, прозрачность и подотчетность»¹⁰⁷.

Такие разработки могут стать бюрократическими искажениями (как и авторитарные структуры) и не являются частью неолиберального образа мышления — бюрократия является извращением неолиберализма, поскольку она сдерживает рынок. Неолибералы осуждают «бюрократическую инфляцию» регулирующих органов и одобряют «склонность людей к мене, торговле и обмену», как сказал Адам Смит¹⁰⁸, без навязывания чрезмерных бюрократических процедур и правил. Ирония заключается в том, что привнесение рынков в государственное управление и подчинение процедур правилам (для противодействия покровительству и коррупции) повышает уровень бюрократии. Регулирующие органы, созданные для развития конкуренции, имеют те же бюрократические последствия.

¹⁰³ Foucault. *The Birth of Biopolitics*. P. 192.

¹⁰⁴ *Ibid.* P. 193.

¹⁰⁵ *Ibid.* Pp. 145–147, quotation P. 146.

¹⁰⁶ Freidman M., Friedman R. *Free to Choose*. P. 295.

¹⁰⁷ Обсуждение см. в: Choat S. *The iron cage of enterprise*. Quotation P. 419. Чоат анализирует это развитие с точки зрения Фуко.

¹⁰⁸ Choat S. *The iron cage of enterprise*. P. 418.

САМОРЕГУЛИРУЮЩИЕСЯ РЫНКИ

Милтон Фридман в книге «Неолиберализм и его перспективы» ясно дает понять, что «цель конкурентного порядка... превосходит цель *laissez-faire* XIX века». Координация для Фридмана обеспечивается не «административным порядком», а «проявлением индивидуальной инициативы миллионами независимых хозяйствующих субъектов»; это «безличная система цен, [которая координирует] подробным образом экономическую деятельность этих субъектов»¹⁰⁹. Что здесь не предусмотрено, так это рассмотрение очень высоких транзакционных издержек, которые связаны с тем, чтобы «заставить рынки» работать.

Фридман совершенно ясно дает понять, что статистические формы координации подразумевают, что «люди говорят другим людям, что делать», в то время как при неолиберализме это происходит через «добровольное сотрудничество»¹¹⁰. В книге «Почему правительство — это проблема» (*Why Government Is the Problem*)¹¹¹ он прямо заявляет, что деятельность правительства привела к тому, что оно «превратилось в самогенерирующееся чудовище... Что мы имеем сейчас, так управление народом, воплощенное бюрократами, включая законодателей, которые стали бюрократами для бюрократов». Вместо того чтобы продвигать неолиберализм, политические и экономические элиты действуют в интересах своих частных интересов, устанавливая выгодные для себя правила¹¹². Я соглашусь с Фридманом в том, что комментаторы, рассматривающие навязчивую и растущую роль государственного регулирования как форму неолиберализма, сильно ошибаются. Как возражают Фридманы: «Высокопоставленные бюрократы... [издают] правила и постановления в виде "интерпретаций" законов, которые на самом деле тонко, а иногда и грубо изменяют их суть; затягивают с исполнением тех частей законов, которые они не одобряют, и в то же время продолжают исполнять те, которые им благоволят»¹¹³.

Бюрократизация государственного управления и повседневной жизни не может быть объяснена предположениями неолиберализма. Здесь последователи Фуко впадают в редукционизм — ищут причину всего в «неолиберализме». Функции «аудита», «мониторинга» и контроля, выполняемые интервенционистским государством¹¹⁴, и «активная государственность» в терминах Фуко все не являются частью неолиберальной философии, а представляют интересы элиты, захватившей государственные аппараты. Фридман ясно дает это понять, когда, критикуя «рост правительства на всех уровнях», приходит к выводу, что «в государственной сфере, как и на рынке, вроде бы есть неви-

¹⁰⁹ Friedman M. Neoliberalism and its prospects. Pp. 3–4.

¹¹⁰ Friedman M. Capitalism and Freedom. P. 6.

¹¹¹ Friedman M. Why Government Is the Problem. P. 7.

¹¹² См. примеры по теме «Протекционизм как стратегия элиты» в: Vo Phuong Mai Le. Patrick Minford and Eric Nowell, European economic policy: Protectionism as an elite strategy. In: Gamble A., Lane D. (Eds). The European Union and World Politics. Palgrave: London, 2009. Pp. 217–234.

¹¹³ Friedman M., Friedman R. Free to Choose. P. 296.

¹¹⁴ См.: Choat. The iron cage of enterprise. P. 420.

димая рука, но она действует в прямо противоположном направлении, чем у Адама Смита»¹¹⁵. Государственные бюрократии предоставляют пространство для реализации бюрократических корыстных интересов и возможности для коррупции. Неолиберальное решение состоит не в том, чтобы ввести бюрократический контроль за деятельностью руководителей, а в том, чтобы заменить их частными конкурирующими организациями.

Неолиберализм, даже в теории, признает и другие человеческие ценности: «Все мы готовы пожертвовать некоторой эффективностью ради других целей, рынки имеют некоторые нежелательные последствия (например, загрязнение окружающей среды), которые требуют государственного регулирования»¹¹⁶. Хотя индивиды должны страховать себя от рисков (таких как болезни и безработица), Хайек признает, что для нуждающихся должна быть предусмотрена «система соцзащиты». Хотя государство (как и благотворительность) должно взять на себя функцию «облегчения страданий и бедствий», оно не должно вмешиваться в работу рынка. Предоставление социальных услуг не должно быть монополией правительства, которое должно сталкиваться с конкуренцией за предоставление услуг со стороны частного сектора¹¹⁷. Согласно неолиберальному подходу благотворительности отводится отдельное моральное место в обеспечении нуждающихся. Однако предоставление социального обеспечения (в отличие от социализма) не является частью какой-либо концепции социальной справедливости. Люди должны сами заботиться о своем благополучии (например, путем страхования).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неолиберальный капитализм предполагает, что активы находятся в частной собственности, а сделки осуществляются на рынке, движимом конкурирующими единицами с целью получения прибыли. В политическом плане государство обеспечивает правовую базу, способствующую рыночным процессам и политической свободе. В социальном плане гражданское общество в виде свободных автономных ассоциаций отделяет индивида от контроля государства, обеспечивая тем самым освобождение. Институты и процессы обеспечиваются законом, который автономен и превосходит политику, в том числе демократическую. Частный бизнес, а не коллективное государственное обеспечение, считается наиболее эффективным способом предоставления услуг. Сфера применения неолиберализма универсальна и не ограничивается границами национальных государств, а его институты воспроизводимы в мировом масштабе. Неолибералы утверждают, что их механизмы обеспечивают наилучшую экономическую систему, способствующую росту

¹¹⁵ Friedman M., Friedman R. Free to Choose. P. 5.

¹¹⁶ Friedman M. Market or Plan? London: Centre for Research into Communist Societies, 1984. P. 20.

¹¹⁷ F. von Hayek. The Constitution of Liberty. P. 150.

и благосостоянию человека, поэтому они оправдывают продвижение и принятие ее другими нелиберальными обществами.

Ни одно «реально существующее» государственное устройство не вписывается полностью в описанную мной модель. В процессах, происходящих в нелиберальных режимах, есть противоречия и нестыковки¹¹⁸. Однако расхождений между теорией и практикой следовало ожидать, поскольку либеральная экономическая философия нормативна, а государства, укорененные в собственной истории и культуре, во многом отходят от перечисленных ранее принципов. Милтон Фридман признает, что любая экономическая система представляет собой сочетание добровольного сотрудничества и органов управления: «Проблема заключается в пропорциях», в сохранении баланса между рыночными процессами и обеспечением других человеческих целей вне рынков¹¹⁹. Государства избирательно проводят политику неолиберализации. Например, «неолиберальные» режимы в Латинской Америке, как показывает практика, несут авторитарный характер¹²⁰; Китай принял многие постулаты либеральной конкуренции, но государство сохраняет монопольные полномочия над функционированием значительных отраслей экономики. Самоопределяющиеся неолиберальные правительства могут также возглавлять бюрократию, иногда контролируруемую политической и (или) экономической элитой, которая внедряет рыночные процессы в государстве, чтобы противостоять захвату государства экономическими интересами и коррупции со стороны государственных руководителей. Это часть традиционной роли государства — определять и обеспечивать соблюдение законов рынка.

Авторы часто ошибочно определяют исторически обусловленные элементы режимов как неолиберальные практики. Описанные здесь неолиберальные рецепты необходимо рассматривать в контексте институциональных структур и ценностей, в которых они развивались, — консервативных, либеральных, патриархальных, социал-демократических, популистских и государственно-капиталистических. Режимы охватывают свою собственную зону присутствия. Идет процесс либерализации, поддерживаемый политическими и экономическими элитами, который опосредован существующими структурами и процессами. Глобальный неолиберализм включает в себя противоречивые экономические формации и приводит к различным результатам. Преждевременно говорить о том, что инициированный президентом Дональдом Трампом «новый политический порядок» неолиберализма был обращен вспять при Джо Байдене¹²¹. Пока неолибералы выявляют положительные черты доктрины, в следующей главе мы приступим к рассмотрению недостатков неолиберального подхода и причин необходимости поиска альтернатив.

¹¹⁸ Ha-Joon Chang. Breaking the mould: An institutionalist political economy alternative to the neoliberal theory of the market and the states. Cambridge Journal of Economics, 2002. Vol. 26. Pp. 539–559.

¹¹⁹ Friedman M. Market or Plan? P. 16.

¹²⁰ Plehwe D. Introduction. In: Mirowski, Plehwe. The Road from Mont Pelerin. Plehwe cites the example of 'authoritarian' neoliberal regimes in Latin America, P. 3.

¹²¹ См.: Gerstle. The Rise and Fall of the Neoliberal Order. Chapter 8.

3

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ: КРИТИКА

Оценивая неолиберализм как социальную и экономическую теорию, следует избегать ловушки приписывания неолиберализму всех достоинств и (или) недостатков современного капиталистического общества. Зачастую критики связывают неприятные им действия правительств с политическими и экономическими результатами, не имеющими или имеющими лишь косвенное отношение к какой-либо неолиберальной идеологии или политике. Многие осуждают или восхваляют «существующий порядок вещей» как последствия неолиберализма. Рассмотрим список достижений глобального неолиберализма, составленный Аланом Гринспенем:

За последнее столетие экономический рост привел к появлению ресурсов, значительно превышающих те, которые необходимы для поддержания средств к существованию. Этот избыток в демократических капиталистических обществах в значительной степени использовался для повышения качества жизни по многим параметрам. Вот лишь небольшой их перечень: (1) большая продолжительность жизни, в первую очередь благодаря повсеместному распространению чистой питьевой воды, а затем и быстрому развитию медицинских технологий; (2) всеобщая система образования, обеспечившая значительное повышение социальной мобильности; (3) значительно улучшенные условия труда; (4) способность улучшать окружающую среду, откладывая природные ресурсы, а не используя их для поддержания минимального уровня существования. На основополагающем уровне мы использовали значительный рост благосостояния, порожденный нашей рыночной экономикой, для приобретения того, что многие считают большей цивилизованностью¹²².

¹²² Greenspan A. On Globalisation. Лекция, прочитанная в Институте международной экономики на Первой ежегодной лекции Фонда Ставрпоса Ниархоса 24 октября 2001 г. Available at: <https://www.piie.com/events/greenspan-globalization>

Какими бы обоснованными ни были подобные утверждения об экономическом и цивилизационном прогрессе, эти достижения не могут быть следствием исключительно неолиберальной политики. Достижения в области научных технологий, обеспечение всеобщего образования и улучшение условий труда все равно бы произошли, поскольку они имели место в таких государственных обществах, как нацистская Германия, социал-демократическая Британия, социалистический СССР и современный Китай — все страны, работающие в условиях экономических и политических систем, отличных от неолиберализма. Капиталистические страны принимали неолиберальную политику по частям, и ее внедрение было опосредовано историей и институтами обществ, в которые она была встроена. Например, развитые капиталистические страны с неолиберальными правительствами часто манипулируют процентными ставками, субсидируют обанкротившиеся отрасли и поддерживают социальные субсидии.

В качестве вклада в экономическую теорию неолиберализм добился определенных успехов. Сетевая идея каталлаксии превосходит концепцию «невидимой руки» Адама Смита. Устранение входных барьеров на рынках труда побудило правительства проводить дальнейшую политику инклюзивности и поддержания разнообразия, а также повышать мобильность рабочей силы. Либеральная рыночная политика, принятая в таких странах, как Китай, открыла экономику, поощряя предпринимательство и предприимчивость; политика Всемирной торговой организации способствовала свободной торговле, перемещению капитала и рабочей силы и, как следствие, промышленному развитию Азии и, в более умеренной степени, Латинской Америки. Включение рынков в планирование дало положительный эффект, в частности, в Китае. Зачастую справедлива неолиберальная критика того, что продвижение интересов «общества» отвечает личным интересам политиков и элиты; политики могут быть корыстными и коррумпированными, но не всегда. Свобода личности и представление о том, что люди получают «то, что они заслуживают», имеют широкую популярность в условиях собственнического индивидуализма. Неолиберализм пользуется широкой поддержкой, и как нормативная теория был принят самыми разными политическими партиями для формирования государственной политики. Однако не все страны выиграли от этого, и многие страны с либеральной экономикой столкнулись с деиндустриализацией, безработицей, бедностью и экономическими кризисами. Государственная индустриализация также достигла определенных успехов. Неолиберальная экономика основана на максимизации удовлетворения потребностей отдельных людей, в то время как экономикой часто руководят интересы корпораций и фирм, у которых иные принципы работы.

Здесь мы рассматриваем не применение неолиберальной политики, а теоретические предположения, лежащие в основе глобального неолиберализма. Неолиберализм создает контекст и влияет на то, как действуют политика, экономика и глобализация. Для начала перечислим кратко семь аспектов, в которых капитализм, основанный на неолиберализме, может быть поставлен под сомнение (более подробно рассмотрим их в последующем тексте):

- ❑ совокупность рыночного поведения отдельных людей является неадекватной основой для экономической политики;
- ❑ индивидуалистические каталлактические обмены в совокупности не удовлетворяют потребности коллективов;
- ❑ уравнивающая экономическая сила не действует для преодоления инерции или стабилизации экономических циклов;
- ❑ финансиализация экономических отношений зачастую порочна и может привести к спекуляциям;
- ❑ частная собственность на производственные активы может исказить экономические стимулы, подавлять предпринимательство и приводить к праздности;
- ❑ неолиберальная политика игнорирует конфликты, вызванные классовыми отношениями;
- ❑ постоянное и нарастающее стремление к потреблению не удовлетворяет человеческие потребности, а функционирование рынков не всегда дает людям «то, что они заслуживают».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТИВИЗМ

Неолиберальная методология основывается на субъективной склонности людей делать свой собственный выбор. Такое экономическое мышление представляет собой форму субъективизма: предположения и мотивы в сознании людей определяют их поведение. Достоинством такого подхода является то, что в центре экономики находится индивид, но при этом игнорируются повторяющиеся человеческие объединения, такие как компании и социальные классы. Корпорации — это коллективы, преследующие множество целей. Собственность и разделение труда порождают социальные классы, чьи лидеры и ассоциации продвигают коллективные интересы. Ставя в центр своего анализа индивида, неолиберализм не учитывает в должной мере неравное разделение экономической и политической власти. Это скорее психологический, чем социологический подход. Для объяснения экономического поведения необходимо принимать во внимание институциональные структуры, а также доминирующие и подчиненные социальные классы.

Для обеспечения коллективного благополучия и оптимального благосостояния необходимо учитывать социальное распределение физических и финансовых активов. Спрос, удовлетворяемый с помощью рыночного механизма, удовлетворяет индивидуальные желания. Однако те, кто обладает наибольшими финансовыми активами, оказывают непропорциональное влияние на рынок, одновременно ущемляя тех, у кого таких активов меньше. Удовлетворение индивидуальных желаний, созданных рекламой, — это не то же самое, что удовлетворение человеческих потребностей. Поэтому акцент на выборе, который делает рынок, не обязательно способствует справедливому распределению человеческого благосостояния. Институциональные рамки и не-

равномерное распределение богатства ограничивают выбор бедных. Лондонский рынок недвижимости удовлетворяет желания богатых, в то время как потребности бедных и даже людей с умеренным достатком удовлетворить невозможно. У последних нет активов, чтобы выйти на рынок; их «выбор» определяется их средствами, распределением доходов и богатства, которые формируют их рыночные предпочтения. Хотя рыночный обмен позволяет продавать недвижимость тому, кто больше заплатит, они не обеспечивают справедливого распределения недвижимости. Следовательно, спрос на дорогую недвижимость стимулирует строительство большего количества таких же дорогих объектов.

В этом виноват не рынок, а неравное распределение доходов и богатства. Рынок — нейтральный механизм, но в неолиберальной теории и практике игнорируется тот факт, что участники рынка в капиталистических обществах крайне неравны. Мы не сталкиваемся с противодействующими экономическими силами для удовлетворения потребностей бедных в жилье, поскольку они не выражены в терминах экономических «желаний». Формулировка «желания», выраженная в личных запросах, не тождественна общественным потребностям. Богатые могут купить медицинское обслуживание по любой цене, тем самым используя скудные медицинские ресурсы на тривиальные нужды, такие как косметическая хирургия, в то время как без внимания остаются потребности по-настоящему нуждающихся в медицинской помощи, которые могут быть бедными. Это еще более несправедливо, если богатство было достигнуто незаслуженно.

Анализ равновесия направлен на эффективное удовлетворение существующих индивидуальных желаний. В неолиберальном мышлении отсутствует целостное знание (рассмотрение экономики в целом), рассматривается только сумма представлений свободных индивидов, осуществляющих свой «выбор» товаров и услуг. «Желания» также могут создаваться искусственно с помощью рекламы, что приводит к росту спроса на товары, а значит, к истощению природных ресурсов и экологическим издержкам. Рынок мог бы стать механизмом, способствующим общественному благосостоянию, если бы распределение активов было равным, но это подорвало бы кардинальный компонент неолиберального капитализма: свободу владения неограниченными активами. Сокращение барьеров, препятствующих равенству возможностей для бедных стать богаче, или поощрение разнообразия на рынке труда не решают проблемы институционально обусловленного неравенства. Неравенство также формируется за счет унаследованного богатства. Понятие «общество», однако, подразумевает, что люди могут рассчитывать, как удовлетворить человеческие потребности на коллективной основе. Демократические государства могут оправданно ограничивать свободу, поощряя равенство, основанное на учете потребностей или заслуг, а не, как в либеральной системе, поощряя равенство возможностей. Демократии привносят ценности, отличные от экономических, в рассмотрение создания человеческих потребностей.

КАТАЛЛАКСИЯ И УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Процесс каталлаксии не приводит к оптимальному удовлетворению желаний людей. Хайек и другие неолиберальные авторы недостаточно учитывают тот факт, что знания несовершенны. Поскольку равновесие зависит от совместности субъективных планов всех взаимодействующих людей, мы не можем предположить, что все люди скорректируют свои планы так, чтобы они стали взаимно совместимыми. Люди не могут знать о намерениях других; им приходится догадываться и при этом совершать ошибки. Следовательно, без совместности рынок не может работать оптимальным образом. Каталлаксия принимает форму постоянных корректировок и перенастроек, которые не всегда приводят к подвижному равновесию. Такая несовместимость приводит к серьезным провалам рынка, продолжительным спадам и разрушительным кризисам. Неолибералы полагают, что со временем разовьется совместимость, что приведет к единому равновесию, которое удовлетворит желания всех участников. Однако в экономике могут существовать различные рыночные структуры со своим собственным равновесием. Могут существовать «множественные виды равновесия», вызванные информационной асимметрией и институциональной негибкостью. В капиталистических странах существует серьезное региональное разделение и дисбаланс. «Рынок» не создает единого равновесия за счет взаимодополняющих потоков инвестиций и рабочей силы. Регионы поддерживают свое собственное равновесие по инерции. Например, регионы Арканзас (США), Тайнсайд (Великобритания) и Иваново (Россия) не достигли уровня других процветающих национальных регионов, а остаются в статичном состоянии бедности, значительно ниже своего экономического потенциала. Принимая во внимание такие диспропорции, правительства могут проводить политику, направленную на их устранение.

Социальные институты (такие как корпорации и экономические организации) образуют основные экономические единицы в глобализованном капитализме. Гегемонистская экономическая власть в виде глобальных корпораций может определять результаты, а не автономные и анонимные процессы, участвующие в работе каталлаксии¹²³. Экономическая деятельность в домохозяйствах в значительной степени отделена от функционирования национальной экономики¹²⁴ и не участвует в рыночном обмене. Институты (такие как школы, университеты), экономические предприятия (корпорации) и политические образования (государства, партии) содержат разнообразные и часто конфликтующие интересы, что делает каталлактические обмены проблематичными.

¹²³ См.: Gamble A. The new political economy. *Political Studies*, xLIII (1995). Pp. 516–530, в частности pp. 526–527.

¹²⁴ См.: Gibson-graham J.K. *The End of Capitalism (As We Knew It)*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2006.

В условиях глобальной рыночной экономики, когда страны имеют разный уровень жизни, аутсорсинг производства приводит к тому, что бедные страны с низкой стоимостью оплаты труда предоставляют рабочую силу по цене, в разы меньшей, чем развитые страны. Таким образом, приток капитала в первые страны одновременно приводит к безработице. Свободный рынок труда поощряет межнациональную миграцию, которая приводит к разрушению семей, депопуляции в районах, переживающих упадок (и бедности тех, кто остается, несмотря на денежные переводы), и нагрузке на ресурсы в районах проживания иммигрантов. Идеология неолиберализма законодничает миграцию как социальное благо, способствующее социальному благополучию и созданию богатства, но другой стороной медали является социальный стресс, причем не только в принимающих районах, но и в отдающих. «Проблема» миграции решается не корректировкой регулирования, а политикой развития в отдающих регионах. Каталлаксия действует на уровне индивидуального обмена и игнорирует сопутствующие издержки для третьих лиц и общества. Социальные издержки не просчитываются. Поскольку социальные издержки могут быть даже выше индивидуальных (например, когда речь идет о шуме, загрязнении воды и воздуха), удовлетворение индивидуально воспринимаемых желаний не является оптимальным решением.

Рынок может работать в ущерб работникам, поскольку у них значительно меньше возможностей диктовать свои условия, чем у работодателей, а в бедных странах у работников их еще меньше и трудовое законодательство еще слабее¹²⁵. Ошибка неолиберализма заключается в том, что он рассматривает отдельных людей, которые считаются равными по отношению к рынку, а не организации, которые являются неравными. Неолиберальная политика со временем привела к росту уровня доходов — что положительно — и одновременно к значительному увеличению различий внутри стран. Однако между странами, как показывается в главе 9, сократилась разница между ведущими западными странами, с одной стороны, и Китаем и некоторыми странами Восточной Азии и Тихого океана — с другой. С середины 1970-х гг. аутсорсинг, вызванный глобализацией, имел положительный эффект в принимающих странах, но не в отдающих странах.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ОПТИМАЛЬНЫМИ

Состояние равновесия может не быть оптимальным с точки зрения использования ресурсов в масштабе общества. Хотя Хайек подчеркивает, что движение к равновесию существует, его достижение может занять много времени. В экономической истории капитализма наблюдаются циклические движения, периоды спадов и экономических кризисов. В понимании Хайека,

¹²⁵ Обсуждение см. в: Rodrik D. *The Globalisation Paradox: Why Global Markets, States and Democracy Can't Coexist*. New York: Norton, 2011, в частности Chapter 9.

каталактическое движение к субоптимальному равновесию достигается за счет предельных адаптаций. Самокорректирующие или уравнивающие силы рынка могут быть слабыми или вовсе отсутствовать, что приводит к неполной занятости и неоптимальному использованию капитала и труда. В этом недостаток рыночного капитализма. По словам Кейнса, экономическая система «способна оставаться в хроническом состоянии донормальной активности в течение длительного периода времени без какой-либо выраженной тенденции либо к восстановлению, либо к полному краху»¹²⁶. Равновесие может установиться на уровне ниже оптимального и не корректироваться с помощью экономического механизма¹²⁷.

Даже повышение перспективной доходности капитала может не сопровождаться инвестициями (поскольку большая прибыль может быть получена в результате спекуляций на фондовой бирже) и, следовательно, не привести к росту занятости¹²⁸. Структурная безработица труда и капитала может продолжаться, обеспечивая состояние гораздо ниже оптимума по Парето. Экономическая противодействующая сила отсутствует. Такая противодействующая сила, которая существует, — это правительства, которые не являются формой рыночной адаптации.

Можно привести убедительные аргументы в пользу инвестирования под руководством государства. Как пишет Уильям Джэнуэй: «Неоклассическая экономика не имеет отношения к пониманию того, как развивается Инновационная экономика в историческом времени, поскольку ее основная цель — определить условия, при которых конкурентная рыночная экономика достигнет эффективного, вневременного равновесия в распределении ресурсов»¹²⁹. Экономика развития, напротив, основана на обеспечении экономического роста, который требует долгосрочных капиталовложений, что вполне рационально отрицается, если экономической целью является краткосрочная финансовая выгода.

В неолиберальном мышлении чрезмерный акцент делается на удовлетворении желаний потребителей. Как сказал Хайек: «Не существует другого известного способа, кроме как распределения товаров на конкурентном рынке, чтобы сообщить индивидам, в каком направлении должны быть направлены их усилия, чтобы внести как можно больший вклад в общий продукт»¹³⁰. При этом игнорируются экономические преимущества государственного социального обеспечения, которое создается, когда рынки не справляются. Отказ от коллективного предоставления медицинских услуг часто приводит не только к увеличению затрат, но и к ухудшению общего качества обслужи-

¹²⁶ Keynes. *General Theory*. P. 249.

¹²⁷ *Ibid.* Pp. 249–254. Джоан Робинсон показала, как несовершенная конкуренция приводит к тому, что фирмы производят продукцию ниже оптимального уровня. Robinson J. *The Economics of Imperfect Competition*. London: Macmillan (2nd edn), 1969.

¹²⁸ Keynes. *General Theory*. P. 250.

¹²⁹ Janeway W.H. *Doing Capitalism in the Innovation Economy: Markets, Speculation and the State*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 8.

¹³⁰ F. von Hayek. *The Fatal Conceit*. P. 7.

вания¹³¹. Транзакционные издержки рыночных отношений следует сопоставлять с потенциальными выгодами. Бытует мнение, что государственные медицинские учреждения предоставляют не только комплексные, но и более эффективные услуги для населения в целом, чем те, которые управляются на основе максимизации прибыли. Последние, безусловно, предоставляют более качественные услуги тем, кто способен платить, — рынок вознаграждает богатых.

ВЛАДЕНИЕ И КОНТРОЛЬ

В неолиберальном подходе отсутствует какое-либо рассмотрение превратных способов неравномерного распределения экономической и политической власти. Обеспечение права частной собственности обосновывается фон Мизесом и Хайеком как необходимое условие для развития капитализма. Они были правы в отношении его первоначального становления. Но при этом игнорируется литература даже 1930-х гг. о современной корпорации и отделении собственности от контроля¹³². Такое разделение в структуре корпораций заставляет усомниться в том, что частная корпоративная собственность вообще является необходимой, а тем более положительной чертой современного рыночного общества. Дело в том, что государство, представляющее общественные интересы (как в случае с национализированными компаниями), может действовать так же хорошо или даже лучше, чем тысячи индивидуальных акционеров, которые бессильны. В таких случаях, в условиях свободного предпринимательства, управленческий контроль остается бесконтрольным и приводит к огромным неоправданным финансовым вознаграждениям для руководителей компаний.

Неолибералы считают, что владение собственностью способствует свободе, но они игнорируют «несвободу», которую испытывают те, кто не владеет корпоративной собственностью. Альтернатива, предложенная Хайеком, заключается в замене государственной собственности на частную. Государственная собственность, объясняет он, поставит государство «в положение, при котором его действия должны фактически определять все остальные доходы». Он утверждает, что «мир, в котором богатые обладают властью, все равно лучше, чем мир, в котором только уже обладающие властью могут приобретать богатство»¹³³.

Реальность современного капитализма заключается в том, что «власть имущие» — это те, кто обладает богатством, и именно они определяют, кому лучше всего приобрести еще большее богатство. Более того, унаследованное бо-

¹³¹ Watson P. (Ed). Health Care Reform and Globalisation. London: Routledge, 2013.

¹³² Следует отметить работу: Berle A., Means G. The Modern Corporation and Private Property. New York: Commerce Clearing House, 1932; а также более поздние работы, такие как: Marris R.K. The Economic Theory of Managerial Capitalism. New York: Free Press, 1964.

¹³³ F. von Hayek. The Road to Serfdom. Pp. 77–78.

гатство имеет кумулятивный эффект, увековечивая незаслуженные привилегии паразитического класса. Весьма примечательно, что Хайек опирается на троцкистскую литературу конца 1930-х гг., чтобы сделать вывод о том, что действия политиков у власти привели к тому, что разница в доходах в СССР была больше, чем в США¹³⁴. Исследования показывают, что дифференциация, даже если мы учитываем натуральные выплаты, была абсолютно и относительно ниже в СССР, а затем и в европейских социалистических государствах. Даже самые крайние оценки разницы в доходах для СССР в 1960-х гг. давали максимальную зарплату в 300 раз выше минимальной. В то время как Герхард Ленски, писавший в то время, обнаружил в США соотношение 11 000 к одному между самым высоким и самым низким заработком¹³⁵ (в настоящей книге последние данные о разнице в доходах рассматриваются в главе 5).

В постсоциалистических европейских государствах такая разница значительно выросла (в некоторых странах бывшего Советского Союза — в геометрической прогрессии). В капиталистических государствах неравное наследственное владение богатством является самым большим источником неоправданного неравенства доходов. Хайек признает, что государственное планирование может обеспечить «более справедливое и равноправное распределение богатства... Бесспорно, что если мы хотим обеспечить распределение богатства, соответствующее некоему заранее определенному стандарту... то мы должны планировать всю экономическую систему»¹³⁶. Однако он продолжает, что это не стоит «той цены, которую придется заплатить» за угнетение, которое это создает, и отдает предпочтение росту производительности для увеличения национального богатства, а не перераспределению¹³⁷. Это спорные предложения. Он, правда, признает, что не следует «угнетать большие классы, превращая их в убежденных врагов существующего порядка». В таких случаях, предположительно, перераспределение оправдано¹³⁸.

Предоставление равных возможностей индивидам стать неравными (свобода возможностей) не решает проблему неравного личного распределения частного капитала. Современные правительства подотчетны (или должны быть подотчетны) обществу, в то время как частные корпорации несут ответственность только перед акционерами, которые ожидают получить прибыль, и управляются директорами, которые регулируют доходы. Неолибералы одобряют финансовые поощрения как стимул для эффективной работы и продвигают модель живущего своим умом инновационного предпринимателя, создающего материальные блага. Но они не берут в расчет праздных богачей, живущих на доходы от наследства или незаработанной собственным трудом прибыли. Логика неолиберальной позиции, направленной на поощрение индивидуального стремления и инноваций, должна заключаться в ограничении

¹³⁴ F. von Hayek. *The Road to Serfdom*. P. 77.

¹³⁵ Lane D. *The End of Inequality?* London: Penguin, 1971. P. 74.

¹³⁶ F. von Hayek. *The Road to Serfdom*. P. 74.

¹³⁷ *Ibid.* P. 155.

¹³⁸ *Ibid.*

наследования капитальных активов, поскольку оно удерживает бенефициаров от трудовой деятельности.

Упор на то, что экономическая система должна обеспечивать прибыль в качестве стимула для упорного труда и предпринимательства, иногда имеет положительный эффект, но не всегда. Часто вознаграждения топ-менеджеров банков и финансовых рынков являются следствием жадности к личным доходам, а не наградой за инновационную работу. Приведем один пример: в 2014 г. хедж-фонды принесли в среднем 3% дохода (по сравнению с 9% в 2013 г.) и уступили американскому индексу S&P. Несмотря на такие посредственные показатели, 25 самых высокооплачиваемых управляющих фондами заработали в 2014 г. 11,62 млрд долларов: Кен Гриффин из Citadel — 1,3 млрд долларов, Джеймс Саймонс — 1,2 млрд долларов. Хотя это и меньше, чем в 2013 г., но совершенно непропорционально другим доходам¹³⁹. Невозможно поверить, что эти доходы являются законным вознаграждением за эффективное управление или служат стимулом для инноваций и вознаграждением за усилия. Необходимо также задаться вопросом, можно ли заменить услуги управляющих фондами и активами какими-либо другими методами финансового управления.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Капитализм всегда переживал экономические кризисы, и восстановление финансового равновесия возлагалось на государства, а не на «рынок». Нельзя недооценивать масштабы экономических потрясений, произошедших во время экономического кризиса 2007–2008 гг.: потери капитала американских банков составили 3,6 трлн долларов¹⁴⁰; по подсчетам, безработица во всем мире выросла на 50 млн человек, и более 200 млн человек оказались в нищете¹⁴¹. Как убедительно выразился Адам Туз:

Великий крах торговли» 2008 г. стал самым сильным синхронным сокращением международной торговли за всю историю наблюдений. За девять месяцев после предкризисного пика в апреле 2008 г. мировой экспорт сократился на 22%... В Соединенных Штатах в конце 2008 — начале 2009 г. 800 000 человек теряли работу каждый месяц. К 2015 г. более девяти млн американских семей потеряют свой дом из-за лишения права выкупа — крупнейшее вынужденное перемещение населения в США со времен «Пыльного котла». В то же время в Европе

¹³⁹ Данные приведены в: Financial Times (London), 8 May 2015.

¹⁴⁰ Richardson M., Roubini N. Washington Post. 15 February 2009. Цитируется по J. Crotty. Structural causes of the global financial crisis: A critical assessment of the 'new financial architecture'. Cambridge Journal of Economics, 33 (2009). Pp. 563–580.

¹⁴¹ Данные приведены в: Blankenburg S., Palma J.G. Introduction: The global financial crisis. Cambridge Journal of Economics. 2009. Vol. 33. Pp. 531–538.

несостоятельность банков и нестабильность государственных финансов привели к кризису, который едва не расколол еврозону¹⁴².

Необходимо ответить на вопрос, какие компоненты мировой экономической системы стали причиной кризиса. В своем Докладе о глобальной финансовой стабильности за апрель 2007 г. МВФ указал на слабые места в структуре мировой финансовой системы: наблюдался значительный рост задолженности частного сектора, а глобализация бизнеса привела к ослаблению отдельных банков¹⁴³. К октябрю 2008 г. Фонд отметил, что «мировая финансовая система вступила в новую фазу кризиса, когда опасения по поводу платежеспособности усилились настолько, что потребовалось выделение дополнительных государственных ресурсов для сдерживания системных рисков и экономических последствий»¹⁴⁴. В основе кризиса лежало множество причин, которые не могут быть подробно рассмотрены здесь; основными факторами было то, что компании финансового сектора выдавали кредиты высокорискованным клиентам, не имея достаточной ликвидности для удовлетворения требований вкладчиков. В результате крупные банки объявили дефолт, когда у них не хватило денежных резервов для погашения задолженности; финансовые компании (Lehman Bros, Northern Rock и другие) стали банкротами; страховые компании, такие как AIG, также столкнулись с финансовой нестабильностью (AIG была спасена благодаря тому, что правительство США выкупило ее акции). Глобальные последствия имела географическая взаимозависимость финансовых корпораций, особенно решающая роль американских корпораций¹⁴⁵. Слабость международной координации деятельности финансовых корпораций привела к тому, что государственный сектор за огромные государственные средства финансировал спасательные операции, которые, в свою очередь, превратили частный долг в государственный. Государственный долг финансировался за счет жестких финансовых мер правительства, в частности «программ жесткой экономии».

Однако кризис нельзя строго относить на счет «неолиберальной» экономики. Хотя верно то, что мягкие финансовые условия способствовали выбору для предоставления льготных кредитов, неолиберальные экономисты подчеркивали важность существования нормативной базы для рынка. Это был «кризис финансового капитализма»¹⁴⁶; стремление к прибыли недостаточно регулируемых или нерегулируемых банков в неустойчивой системе. Многие неолибералы выступали против государственной поддержки проблемных банков на том основании, что они действовали халатно. Сенатор Ричард Шелби, руководитель банковского комитета Сената от республиканцев, выступил против предложения Казначейства США использовать 700 млрд

¹⁴² Подробный рассказ о кризисе см.: Tooze A. The forgotten history of the financial crisis. Foreign Affairs, 2018. Vol. 97 (5.). Pp. 199–210.

¹⁴³ IMF. Global Financial Stability Report. Washington DC: IMF, April 2007. P. IX.

¹⁴⁴ Ibid. Pp. 4–5.

¹⁴⁵ См.: Tooze A. The forgotten history of the financial crisis. Foreign Affairs, 2018. Vol. 97 (5).

¹⁴⁶ Ibid. P. 2.

долларов для поддержки банковской отрасли. Он утверждал, что «стандарты банковского капитала» не были разработаны для «обеспечения безопасности и надежности»; «финансовые фирмы использовали значительные заемные средства для получения максимальной прибыли»¹⁴⁷.

Берни Сандерс также выступил против этого предложения, поскольку оно не предусматривало ограничений на выкуп жилья и не ограничивало доходы руководителей. Правительство США выручило бы богатых за счет бедных, которые потеряют свои дома. Выражаясь языком Хайека, рыночный механизм не имел никакой экономической противодействующей силы; в финансовой системе отсутствовали финансовые правила, которые являются системным требованием неолиберальной экономики. Хотя американские республиканцы выступали против государственной экономической помощи, банковская система все же была спасена с помощью государственного регулирования, чтобы предотвратить полный экономический крах. Вмешательство государства показало, что рыночные механизмы не в состоянии разрешить экономический кризис без неприемлемых экономических издержек. Государственная поддержка финансовой системы позволила сохранить (плохо управляемые) финансовые институты за государственный счет.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И СОБСТВЕННИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ

В основе теоретических основ экономического либерализма лежат психологические мотивы индивидов. Собственнический индивидуализм является основой неолиберализма¹⁴⁸. В его модели капитализма отсутствует измерение политической власти. Роль социальных классов, а также правящих экономических и политических элит либо исключена из парадигмы, либо является несущественной.

Неверно утверждать, как это делает Хайек, что конкуренция не приводит к олигополии и монополии¹⁴⁹. Свободный рынок, свободная торговля и свободное движение капиталов привели к росту глобальных олигополий. Неолиберальная глобализация привела к тому, что транснациональным корпорациям стало легче приобретать дочерние компании независимо от их географического положения. Побочным эффектом стали деиндустриализация и перенос промышленного производства в более дешевые географические районы, что часто приводит к экономическим трудностям для перемещенной рабочей силы и зависимо от нее населения. Как мы отмечаем в главе 9, посвященной глобализации, господствующий класс приобретает глобальный масштаб. В рам-

¹⁴⁷ Выступление цитируется из: Herszenhorn D.M. A curious coalition opposed bailout bill. *New York Times*. 2 October 2008. Доступно онлайн.

¹⁴⁸ См.: Macpherson C.B. *The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke*. Oxford: Oxford University Press, 1963; Gamble. Hayek: *The Iron Cage of Liberty*. Chapter 3.

¹⁴⁹ Обсуждение см. в: F. von Hayek. *The Road to Serfdom*. Pp. 32–33.

ках неолиберального подхода предполагается, что все стороны выигрывают от конкуренции, но на практике одни выигрывают за счет других.

Неолиберализм основан на упрощенной экономической теории человеческого поведения. Многие утверждения основаны на предположениях о свободе индивидуального выбора. «Выбор» ограничен запасом экономических, социальных и политических активов индивида. Индивидуальный выбор — лишь один и не самый важный критерий человеческого прогресса и благосостояния. Безопасность, здоровье, семья, постоянный доход и достойная профессия, социальная солидарность и братство — все это способствует человеческому счастью¹⁵⁰. Эти цели также должны найти место в политической и социальной политике. Отрицая существование «общества», неолибералы игнорируют тот факт, что человеческая цивилизация — это социальная конструкция. Без общества человеческое существование оставалось бы на доцивилизационном уровне. Люди сознательно создают институты, такие как университеты, профсоюзы, правовые кодексы, корпорации и правительства. Хайек отвергает способность человеческого сотрудничества к дальнейшему развитию: «Социалистические цели и программы фактически невозможно достичь или выполнить... Порядок, созданный без замысла, может намного превзойти планы, сознательно разработанные людьми»¹⁵¹. Планирование считается не только невозможным, но и вредным. «Экономический либерализм... считает конкуренцию превосходным инструментом не только потому, что в большинстве случаев она является наиболее эффективным из известных методов, но даже в большей степени потому, что это единственный метод, с помощью которого осуществляется взаимная координация наших индивидуальных действий без принуждения или произвольного вмешательства со стороны властей»¹⁵². Этот вывод можно оспорить с привлечением теоретических и эмпирических знаний. Механизмы планирования, уже используемые крупными капиталистическими корпорациями, могут быть применены и в процессе принятия государственных решений¹⁵³. Поскольку сознательный контроль над экономикой, частью которого является планирование, является краеугольным камнем политики коллективизма, преимущества планирования будут рассмотрены в главе 4.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Неолиберализм» — неоднозначный и слишком часто употребляемый термин. Его не следует смешивать с последствиями глобализации, бюрократизации, неправильных финансовых процессов (чрезмерное креди-

¹⁵⁰ Дальнейшее развитие событий см. в: Lane R.E. *The Market Experience*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

¹⁵¹ F. von Hayek. *The Fatal Conceit*. Pp. 7–8.

¹⁵² F. von Hayek. *The Road to Serfdom*. P. 27.

¹⁵³ Phillips L., Rozworski M. *People's Republic of Walmart: How the World's Biggest Corporations are Laying the Foundation for Socialism*. London: Verso, 2018.

тование) и геополитическими интересами государств. Все эти силы могут влиять на характер политики и переплетаться с неолиберальной политикой, но их следует отличать от нее. Неолиберализм имеет психологическое, экономическое, политическое и социальное измерения. Психологическая основа неолиберализма заключается в том, что преследование собственных интересов (обеспечиваемое институтами и процессами неолиберализма) дает людям не только то, что они заслуживают, но и то, что они хотят. Институциональный комплекс, наиболее подходящий для реализации этой цели, представлен конкурентными капиталистическими рыночными отношениями.

Отказавшись от роли государства в достижении самореализации и социальной защиты, неолиберализм подорвал коллективную деятельность и заменил ее индивидуалистической конкурентной борьбой. Он оказался более привлекательным и успешным на микроуровне, поскольку его система координат — это отдельные люди. Он утвердил веру в разнообразие, в удовлетворение желаний потребителей и рыночный выбор; он пришелся по душе тем, кто ищет индивидуалистические решения общественных проблем. Процесс маркетизации деятельности государства также сопряжен с огромными транзакционными издержками и чрезмерным бюрократическим контролем. По иронии судьбы критика такого контроля, высказанная Фридманами¹⁵⁴, часто является следствием неолиберальных практик по развитию внутренней конкуренции и правовых процедур, направленных на противодействие коррупции в правительстве и международных организациях.

Как теория координации экономики неолиберализм имеет свои недостатки. Экономические силы исторически играют решающую роль в качестве движущей силы развития, но экономические предпочтения и интересы должны рассматриваться относительно политических и социальных аспектов. Удовлетворение индивидуальных желаний не решает проблему несправедливого социального развития общества, которое является следствием неравного распределения богатства, власти и доходов. «Выбор» всегда социально обусловлен. Владение собственностью исторически сыграло положительную роль в развитии торговли и становлении капитализма, а также стало причиной войн. Начиная со второй четверти XX в. отделение собственности от управления в современной корпорации привело к усилению позиций руководителей и ослаблению массы акционеров (хотя собственники корпораций сохраняют свою значимость). Следовательно, неолиберальный капитализм служит интересам одних людей лучше, чем других. Он стремится к удовлетворению потребительских желаний, а не к удовлетворению социальных потребностей, которые могут быть рассчитаны только при учете неэкономических ценностей. Катаклизм может привести к равновесию, которое во многих случаях является оптимальным, но в других случаях может быть неоптимальным и оставаться таковым в течение длительного времени. Рынок, движимый собственническим индивидуализмом, не просчитывает социальные и экологические издержки.

¹⁵⁴ Обсуждение этой темы см. в главе 2 книги: Friedman M., Friedman R. Free to Choose.

Во время экономических кризисов или депрессий противодействующие экономические силы не стимулируют установление нового равновесия, и эту функцию берет на себя государство. Вместо «противодействующих сил» существующие тенденции усиливают друг друга. По сути, изначальное неравенство усиливается в форме круговой и кумулятивной причинно-следственной связи¹⁵⁵. В равновесной экономике негативное изменение в экономической системе приведет к противодействующей тенденции, которая обратит вызванное изменение вспять. Так, если на закрывающемся заводе сокращают рабочих, обычная реакция экономистов заключается в том, что они будут искать другую работу; если таковой нет, они либо откроют собственный бизнес, либо согласятся на более низкую зарплату и, следовательно, привлекут инвестиции, которые обеспечат новую занятость. Таким образом, достигается новое равновесие. Это происходит не всегда: противодействующие силы не выравнивают условия. Напротив, система движется в одном направлении. Социальные процессы носят кумулятивный характер: богатые районы становятся более процветающими, а бедные — более бедными. Иностранные инвестиции не привлекаются автоматически в регионы с высоким уровнем безработицы. Инвестиции не стимулируются, поскольку безработные имеют низкую покупательную способность, а отсутствие экономического спроса приводит к сокращению розничной торговли. Это имеет важные социальные последствия: страдает психическое и физическое здоровье безработных, они влезают в долги, их семейная жизнь распадается. Если существует свободное перемещение рабочей силы, работники переезжают в другие страны, что приводит к изменению возрастно-гендерной структуры в районах происхождения, делая оставшуюся рабочую силу менее жизнеспособной.

Процесс кумулятивной причинно-следственной связи объясняет сохранение «депрессивных зон» внутри стран, а также упадок многих национальных экономик. Когда либеральная экономическая политика терпит неудачу, государство вмешивается, чтобы исправить дисбаланс, созданный рынком. Неолиберальная политика привела к тому, что государство перестало быть гарантом всеобщего благосостояния, не предоставив замены себе, и, как следствие, ослабла социальная солидарность. Свободное движение рабочей силы и капитала привело к локальным долгосрочным уровням безработицы и неполной занятости рабочей силы, а также к неполному использованию капитала; миграция рабочей силы вызвала социальные потрясения и серьезно нарушила жизнь сообществ. Каталлаксии не решают эти диспропорции. Конкурирующие субъекты, нацеленные на достижение корыстных интересов, часто приводят к социальной и политической поляризации. Свободное и нерегулируемое функционирование рынков может быть оспорено, как не обеспечивающее эффективных форм координации.

¹⁵⁵ Здесь идет следование рассуждениям: Myrdal G. *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. London: Duckworth, 1957. Самоподдерживающийся и кумулятивный процесс инфляции, который был особенно применим к постсоциалистическим экономикам в первые годы трансформации, имеет аналогичный эффект.

Социалистическая альтернатива — это государство социального обеспечения, основанное на идее, что все люди имеют социальные права на занятость, на профессию и на получение полного спектра социальных услуг — для коллективного удовлетворения своих потребностей. В неолиберальной парадигме не гарантируется то, что может обеспечить экономика, регулируемая государством, — общество с комплексными планами развития, полной занятостью, регулярными доходами и предоставлению государством бесплатных услуг в области образования и здравоохранения.

Несмотря на дестабилизацию мировой экономической системы после кризиса 2007 г., господствующая элита считает, что изменения в финансиализации, установление эффективного регулирования в финансовом секторе и сокращение государственных расходов могут исправить недостатки. Даже критически настроенные экономисты приняли большую часть неолиберальных конкурентных экономических рамок, в которых кейнсианство или посткейнсианская политика могли бы работать для управления капитализмом¹⁵⁶. Более эффективно управляемый капитализм, похоже, является ответом, за который выступают радикальные западные экономисты¹⁵⁷ и основные политические партии, участвующие в выборах. Другие критические замечания исходят от островков сопротивления (антикапитализм движения «Захвати Уолл-стрит» и позднее «экологические активисты»), далеких политически и институционально от центров власти¹⁵⁸. (Эти вопросы рассматриваются в главе 12.)

Как выразился Колин Крауч, «задача... сегодня состоит *не в* [курсив автора] том, чтобы объяснить, почему неолиберализм умрет после кризиса, а совсем в другом: как получилось так, что неолиберализм выходит из финансового краха более политически сильным, чем когда-либо»¹⁵⁹. Ответ, как мне кажется, заключается в том, что консенсус элит принимает неолиберальные допущения. Средства массовой информации, основные политические партии, академические круги в области экономики и социальных наук находятся под сильным влиянием основных концепций неолиберализма в их применении в экономической, политической и социальной сферах. Принятый региональными организациями (такими как ЕС) и международными институтами (такими как ВТО и МВФ) неолиберализм стал неоспоримой идеологией с глобальным распространением. Эндрю Гэмбл заключает: «Главный спор в политической экономике современной эпохи был решен, и решен в значительной

¹⁵⁶ См.: Blankenburg S., Palma J.G. Introduction: the global financial crisis. *Cambridge Journal of Economics*. 2009. Vol. 33 (4). Pp. 531–538.

¹⁵⁷ Palma J.G. The revenge of the market on the rentiers: Why neoliberal reports of the end of history turned out to be premature. *Cambridge Journal of Economics*. 2009. Vol. 33. Pp. 829–869, quotation 867.

¹⁵⁸ Holloway J. *Crack Capitalism*. London: Pluto, 2010; Rogers, *Capitalism and Its Alternatives*.

¹⁵⁹ Crouch C. *The Strange Non-Death of Neoliberalism*. Cambridge UK and Malden, MA: Polity, 2011. P. VIII. У Крауча нет решения, как преодолеть неолиберализм, хотя он считает, что гражданское общество может изменить и получить лучшие результаты от капитализма, в котором доминируют корпорации (см.: P. X).

степени в пользу неолиберализма... Хотя в рамках неолиберализма, безусловно, сохраняется важный выбор между альтернативами, мало кто теперь утверждает, что существует реалистичный выбор между альтернативными структурами»¹⁶⁰. Консенсус неолибералов поддерживает мнение, что конкурентный индивидуализм дает людям «то, что они заслуживают». Он одобряет ограниченную роль государства, рекомендует введение более рациональных финансовых процедур, последовательную политику конкуренции, передачу технологий, устойчивое развитие, прозрачность, предлагает программы социального разнообразия, продвижение равенства возможностей и конкурентную демократию, управляемую законом¹⁶¹. Эти выводы кажутся несколько предопределенными и требуют обсуждения.

В последующих главах мы рассмотрим другие варианты: альтернативы капитализму или альтернативные формы капитализма. Альтернативы должны учитывать социальные и политические аспекты и вновь утверждать интересы общества. Один из подходов — возврат к устойчивому развитию, увеличение товарообмена и сетевой торговли, возрождение спонтанных демократических форм объединения. Основные альтернативы разделяют предположение о том, что государство должно продвигать политическую и экономическую повестку дня в интересах общества. В большей или меньшей степени эти государственно-экономические формы выступают за замену спонтанности рыночной конкуренции коллективными формами управления или планирования, которые сочетаются в разных пропорциях с рыночными силами. Государственные альтернативы могут приводить к различным видам вмешательства, что не всегда бывает успешным. Основная цель этой книги — показать, где государственное вмешательство пошло не так и почему от него отказались в пользу неолиберальных форм капитализма. Прежде чем перейти к современным альтернативам, в следующих главах будет затронут вопрос о том, как и почему в XX в. экономика, управляемая государством, потерпела неудачу. Стоит отметить, что социал-демократия и социализм исследуются как основные вызовы капитализму в XX в.: государственный социализм, который развивался и затем пал в Центральной и Восточной Европе, и социал-демократию, которая достигла власти и затем потеряла ее в Западной Европе.

¹⁶⁰ Gamble A. The Western ideology. Government and Opposition. 2009. Vol. 14 (1). Pp. 1–19, quotation P. 5.

¹⁶¹ Stiglitz J.E. More instruments and broader goals: Moving toward the post-Washington consensus. Annual lecture to WIDER (Helsinki), 1998. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.471.9764&rep=rep1&type=pdf>

4 СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

Французская революция провозгласила капитализм с декларацией прав человека: Свобода личности, Равенство перед законом, Братство между людьми и Собственность для буржуазии¹⁶². Все люди имели право на свободу объединения для достижения общих целей и на владение собственностью. Неолиберализм является современным выражением этих идеалов, которые применяются не только в отдельных странах, но и во всем мире. Хотя социалисты приняли ценности Просвещения в том смысле, что жизнь, основанная на разуме, освободит человека от угнетения, они критически относятся к либеральной демократии, которую считают выражением буржуазного образа мышления и действия. Социализм — это общественно-политическая система, в основе которой лежит всеобщее удовлетворение человеческих потребностей, которое может быть достигнуто только путем реализации трех других целей: общественной собственности, социального равенства и бесклассового общества. Если либерализм в его различных формах основывался на правах отдельных людей, то социализм поощряет коллективные права, которые, в свою очередь, освобождают отдельных людей. Социализм как идеология и — в бывших социалистических государствах — как форма правления стал серьезной проблемой для капитализма в XX в.

Мы можем различать социализм как идеологию (набор предположений о том, как должно быть устроено общество), как политическое движение или движения (инструмент политических изменений) и как существующее обще-

¹⁶² Категория «собственность» добавлена мною из Декларации прав человека и гражданина (Национальное собрание Франции 1804 года). Перепечатано в: Doyle W. *The French Revolution*. Oxford: University Press, 2001. Pp. 12–15.

ство — политическую систему, преодолевшую капитализм. В настоящей главе описывается нормативная база социализма. В главе 5 показывается, как эти принципы были воплощены на практике в советской модели социализма, а в главе 6 — в западной социал-демократии. Главы 7 и 8 посвящены вопросу, как они уступили место неолиберализму.

СОЦИАЛИЗМ КАК НОРМАТИВНЫЙ ПОРЯДОК

Несмотря на значительные различия в происхождении, теоретическом обосновании и политических движениях, исповедующих «социализм», все они критикуют капитализм. Капитализм несправедлив, поскольку порождает необоснованное неравенство, неэффективен, поскольку растрчивает человеческие и материальные ресурсы, и является злом, поскольку ведет к войне. Его сторонники утверждают, что социализм морально, экономически и политически превосходит капитализм¹⁶³. *Социализм* в общем смысле можно определить как «систему коммунальной (или общественной) собственности на средства производства, целью создания которой является распределение (или сохранение распределения) доходов, богатства, возможностей и экономической власти на как можно более равной основе»¹⁶⁴. К началу XX в. можно выделить два различных подхода к социализму, основанных на теории Джона Стюарта Милля¹⁶⁵, и они остаются двумя главными соперниками капитализма.

Первый — это постепенная политика реформ кумулятивного характера, определяемая как социал-демократический подход. Это политическое движение, принимающее децентрализованные и плюралистические формы, стремящееся достичь своих целей через избирательные процессы. Это гибридная плюралистическая политическая формация, включающая в себя идеи, которых придерживаются люди с христианским мировоззрением, а также те, кто находится под влиянием марксизма. В ее идеологии присутствует противоречие между экономикой, содержащей значительные элементы частной собственности и рыночных отношений, и экономикой, управляемой государством, со значительным уровнем общественной собственности. Вторая призывает к революционным изменениям и называется «социалистической» или «коммунистической». Она более критична по отношению к институту частной собственности и избирательной демократии (но не к «настоящей демократии»).

¹⁶³ Дэвид Швейкарт резюмирует превосходство капитализма с точки зрения его экономической эффективности, склонности к экономическому росту, продвижения свободы, равенства, демократии и автономии. См.: Schweickart D. *Against Capitalism*. Boulder: Westview Press, 1996.

¹⁶⁴ Landauer C.A. *European Socialism*. University of California Press, 1959. Vol. 1. P. 5.

¹⁶⁵ Mill J.S. *On Socialism*. New York: Amherst, 1976. Pp. 115—116.

Эти два подхода сходятся в том, что они оба обращаются к демократии как к процессу легитимации, но при этом расходятся во мнениях относительно определения демократии. Несмотря на эти различия, социализм как идеология и как политическое движение тесно связан с тремя основными целями: общественная собственность на средства производства, распределения и обмена; социальное равенство всех граждан; продвижение интересов всех работающих людей. Социалисты по-разному оценивают важность этих компонентов, а также способы их достижения, что приводит к расколу в социалистическом движении¹⁶⁶. Далее будут определены основные нормативные подходы, порождающие «социалистические альтернативы».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА

Джон Стюарт Милль в 1869 г. дал социализму следующее определение:

Совместная собственность всех членов сообщества на орудия и средства производства; из чего следует, что распределение продуктов между совокупностью собственников должно быть общественным актом, совершаемым по правилам, установленным сообществом. Социализм ни в коем случае не исключает частной собственности на предметы потребления; исключительного права каждого на свою долю полученного продукта: либо пользоваться, либо дарить, либо обменивать его... Отличительной чертой социализма является... то, что орудия производства находятся в общей собственности¹⁶⁷.

В основе социалистической идеи лежит общественная собственность на благо общества.

Эти взгляды разделяют как традиционные социал-демократы, так и марксисты. Целями британских социал-демократов Фабианского общества были «освобождение земли и промышленного капитала от индивидуальной и классовой собственности и передача их в собственность общества для общего блага». Они призывали к «передаче» имущества от владельцев без компенсации, хотя «индивидуумы экспроприированного имущества» должны были получить «возмещение»¹⁶⁸. Общественная собственность — это экономическое средство достижения равенства, которое обогащает диапазон позитивных свобод граждан.

¹⁶⁶ Исторический обзор см. в: Gray A. *The Socialist Tradition: Moses to Lenin*. London: Longmans, 1946; Landauer. *European Socialism*; Sassoon D. *One Hundred Years of Socialism*. London and New York: Tauris, 2014; Padgett S., Paterson W.E. *A History of Social Democracy in Post-war Europe*. London and New York: Longman, 1991.

¹⁶⁷ Mill J.S. *On Socialism*. Pp. 117–118. Эссе было опубликовано после смерти Милля в 1879 г.

¹⁶⁸ Социалисты, как они считали, будут работать для достижения этой цели через различные политические организации, такие как Британское Фабианское общество, см. в: Beer M. (ed). *A History of British Socialism (Vol. 2)*. London: Routledge, 1920.

Концепция равенства, объединенная с концепцией социализма, имеет долгую историю и особенно заметна в реформистской социал-демократической мысли. Уильям Моррис считал, что социализм — это «условие равенства»¹⁶⁹. К концу XX в. социал-демократия стала почти синонимом стремления к равенству, и это различие озаменовало разделение между социалистами и социал-демократами. Как выразился Рой Дженкинс, «стремление к большему равенству было частью вдохновения всех социалистических мыслителей и всех социалистических движений»¹⁷⁰. Оно противопоставляется конкурентности капитализма, которая узаконивается не равенством, а организационным принципом свободы, который, будучи связан с конкуренцией, способствует неравенству.

Однако понятие равенства имеет неоднозначное толкование¹⁷¹. Можно выделить равноправие в отношениях, которое связано с принципом взаимности в человеческих отношениях, и равенство в распределении, которое подразумевает равенство в доступности ресурсов богатства, дохода, образования и статуса. Этическая основа социализма заключается в том, что распределение должно осуществляться по принципу человеческих потребностей, а человеческие взаимоотношения должны основываться на равных правах. Однако утверждение равенства как социального идеала не является прерогативой исключительно социалистов. Политические лидеры-консерваторы и международные организации, такие как Всемирный банк и Международный валютный фонд, осуждают чрезмерное неравенство. За равенство выступала продвигающаяся буржуазия против наследственных привилегий аристократии, которая незаконно захватила собственность, принадлежавшую всем людям по праву рождения. Эти взгляды были замаскированы под философские рассуждения XIX в. и не имели социологического масштаба. Именно Дюркгейм и Маркс проанализировали взаимосвязь между неравенством и социализмом с точки зрения социологических понятий.

Маркс и Ленин рассматривали неравенство как следствие классовых отношений. В отличие от традиционных социал-демократов они не считали социальное равенство как таковое главной целью. И это главное различие между социал-демократией и коммунистическим движением. «Вулгарный социализм [социал-демократия]... перенял от буржуазных экономистов манеру

¹⁶⁹ Morris W. Letters on Socialism. London (privately printed), 1894, P. 5. Цитируется по: Lukes S. Equality. In: Kolakowski L., Hampshire S. The Socialist Idea. New York: Basic Books, 1975. P. 79.

¹⁷⁰ Jenkins R. Equality. In: New Fabian Essays. London: Turnstile Press, 1952. P. 69.

¹⁷¹ «[Равенство] может либо констатировать факт, либо выражать этическое суждение... Оно может утверждать, что люди в целом очень похожи по своим природным качествам характера и интеллекта... (или) оно может утверждать, что, хотя они глубоко различаются как индивидуумы по способностям и характеру, они имеют равное право как человеческие существа на уважение и признание, и что благосостояние общества, вероятно, возрастет, если оно так спланирует свою организацию, что, независимо от того, велики или малы их силы, все его члены могут быть в равной степени способны наилучшим образом использовать те силы, которыми они обладают». См.: Tawney R.H. Equality. New York: Harcourt, Brace, 1929. P. 34.

рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства, а отсюда воображать дело так, будто социализм обращается преимущественно вокруг вопросов распределения»¹⁷². Ленин указывал на то, что:

Общие фразы о свободе, равенстве, демократии на деле равносильны слепому повторению понятий, являющихся слепком с отношений товарного производства... Энгельс давно разъяснил в «Анти-Дюринге», что понятие равенства, будучи слепком с отношений товарного производства, превращается в предрассудок, если не понимать равенства в смысле уничтожения классов¹⁷³.

Эмиль Дюркгейм не только дал социологическое объяснение неравенству, но и связал его с понятием социализма. Для Дюркгейма разделение труда было фундаментальной чертой индустриального общества. Развитие процесса разделения труда, по его мнению, привело к «прогрессивному упадку» наследственного кастового неравенства и росту принципа заслуг. Наследование собственности породило некомпетентные классы собственников¹⁷⁴. Для Дюркгейма социализм предполагал сознательный контроль над устройством общества. Социализм — «это, прежде всего, стремление к переустройству социальной структуры, к перемещению производственного механизма во всей совокупности социального организма, к выводу его из тени, где он функционировал автоматически, к вызову его на свет и под контроль сознания»¹⁷⁵. Социализм — предмет изучения науки¹⁷⁶, а социология как наука об обществе была средством достижения социализма. Возможно, именно против этого понятия общества так решительно выступала Маргарет Тэтчер. По мнению Дюркгейма, социология угрожает капиталистическим рыночным отношениям.

МАРКСИЗМ И СОЦИАЛИЗМ

Марксистский подход важен не только с точки зрения его нормативной ценности, но и потому, что успешные социалистические революции XX в. были узаконены их сторонниками как выражения марксистской теории. Карл Маркс и Фридрих Энгельс поддерживали современное общество (научно обоснованное, светское, экономически развитое, богатое и политически демократическое). Но они выявили недостаток, противоречие в современном капитализме. Дело в том, что он пропагандировал освобождение человека

¹⁷² Marx K. Critique of the Gotha Program I, Selected Works (Vol. 2). London: Lawrence and Wishart, 1951. Pp. 23–24.

¹⁷³ Lenin V.I. Economics and Politics. Collected Works (Vol. 30). Pp. 116–117. См. также: Zdravomyslov A. Socialism, welfare and equality. Social Sciences, 1982. Vol. 2. P. 58.

¹⁷⁴ Durkheim E. Professional Ethics and Civic Morals. Glencoe: Free Press, 1958. P. 213.

¹⁷⁵ Durkheim E. Socialism. New York: Collier Books, 1958. P. 39.

¹⁷⁶ Ibid. P. 42.

и в то же время практиковал экономическую эксплуатацию¹⁷⁷. Трудовая теория стоимости является краеугольным камнем в подходе Маркса: она раскрывает незаконное извлечение прибавочной стоимости (через процесс эксплуатации), способствующее возникновению классового противоречия при капитализме. Социалистическое будущее, которое представляли себе последователи Маркса, преодолест капитализм, уничтожив эксплуататорские элементы (господство капитала и рыночные отношения), которые были исторически необходимы для прогресса, но стали препятствием на пути развития.

Нормативные принципы функционирования социализма таковы: с психологической точки зрения человек сможет реализовать свой потенциал; с экономической — экономика будет работать на общественное благо, а не для выгоды отдельных людей; а с политической точки зрения — она будет продвигать реальную представительную (а не избирательную) форму демократии. Социализм предлагает реализовать эмансипационные элементы модернизации, одновременно способствуя развитию производительных сил, без буржуазии и частной собственности. Он обещает рождение цивилизации без экономической эксплуатации, которая будет основана на принципах взаимности и человеческого сотрудничества. Этот подход можно противопоставить неолиберализму, в основе которого лежит удовлетворение частных интересов через конкуренцию (см. главу 2 данной книги).

Последователи Маркса приняли мировоззрение, состоящее из трех взаимосвязанных компонентов: метода исторического материализма, социально-экономического анализа капитализма и политики классовой революции для перехода к социализму. В первых двух компонентах выявляются закономерные тенденции: капитализм раскрывается как внутренне присущие ему структурные противоречия, которые неизбежно ведут к революции и новому синтезу — социализму. Развертывание этих противоречий дает основу для интерпретации марксизма как научного социализма¹⁷⁸. Однако в упомянутой ранее третьей составляющей — процессе революционных изменений — признается необходимость человеческого действия, политического прaxisа. В революционной политике последователи Маркса XX в. в странах с правящими коммунистическими партиями (в частности, в СССР и Китае) противоречиво добавили к марксизму четвертый компонент: легитимацию коммунистических партий как правящих партий и их программы построения коммунизма.

По мнению марксистов, реляционный и распределительный аспект неравенства можно объяснить двумя фундаментальными причинами: отношениями собственности, которые через извлечение прибавочного труда порож-

¹⁷⁷ Therborn G. From Marxism to Post-Marxism. London: Verso, 2008. P. 68.

¹⁷⁸ Эта связь наиболее известна из речи Фридриха Энгельса в 1883 г., где он прямо сравнивает открытие Марком закона человеческой истории с законом Дарвина о развитии природы. Речь на могиле Карла Маркса. Selected Works. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1951. P. 153.

дают антагонистические классы, и разделением труда, создающим расслоение в сфере власти, доходов, культуры и жизненных шансов. Как и Дюркгейм, и марксисты утверждали, что разделение труда и сопутствующее ему неравенство являются неизбежным следствием капиталистического способа производства. Но, в отличие от Дюркгейма, они не рассматривают его как необходимую черту социалистической организации индустриального общества. В своих ранних работах Маркс и Энгельс предполагали отмену разделения труда. В философской работе «Немецкая идеология» утверждалось, что в коммунистическом обществе ни у кого не было бы

одной исключительной сферы деятельности, но каждый [человек] мог бы совершенствоваться в любой отрасли, в какой пожелает; общество регулирует общее производство и, таким образом, делает возможным для [людей] делать одно дело сегодня и другое завтра, охотиться утром, ловить рыбу днем, пасти скот вечером и заниматься критикой после ужина, так как у [них] есть ум, никогда не становясь при этом ни охотником, ни рыбаком, ни пастухом, ни критиком¹⁷⁹.

Разумеется, эти виды деятельности следует понимать не буквально, а в символическом смысле. Здесь есть альтернатива в плане того, какую форму примет жизнь при социализме.

Это видение образа жизни, основанного на понятии свободы, совершенно отличным от либерализма. Отмена экономической эксплуатации создает иной контекст, в котором происходит разделение труда. Марксистские авторы привязывают свое понятие свободы к способу производства¹⁸⁰. Коммунизм возможен только в высокоразвитой экономике, в экономике, преодолевшей бедность, которая будет рассмотрена в главе 9. Эти взгляды послужили интеллектуальной основой для современных дискуссий о неравенстве и социальной структуре. Социал-демократы и либералы стремятся уменьшить изначальные преимущества, которыми пользуются определенные социальные группы, чтобы достигнутое неравенство могло быть справедливо вознаграждено. Таким образом, последовательное выравнивание возможностей, за которое выступают как социал-демократы¹⁸¹, так и либералы, не сокращает неравенство богатства, доходов или власти. Политика поощрения «разнообразия» также попадает в эту ловушку. Мы вернемся к этим идеям в главе 7. В XX в. социал-демократы перенесли цель социализма с изменений в отношении собственности на достижение равенства возможностей — предложение, вполне совместимое с альтернативной формой капитализма.

¹⁷⁹ Marx K., Engels F. *The German Ideology*. London: Lawrence & Wishart, 1965. P. 45.

¹⁸⁰ Обсуждение см. в: Rattansi A. *Marx and the Division of Labour*. London: Macmillan, 1982 (особенно Part V); Bottomore T. *Socialism and the division on labour*. In: Parekh B. *The Concept of Socialism*. London: Routledge, 1975.

¹⁸¹ Crosland C.A.R. *The Future of Socialism*. London: Cape, 1956. Pp. 150–151.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Государственная социалистическая альтернатива либерализму предполагает формирование общества, отличающегося системной рациональностью, плановой экономикой и государством-гегемоном¹⁸². Содержательная рациональность подменяет инструментальную рациональность рынка планом для всего общества; общественная собственность заменяет частную; сотрудничество и планирование заменяют конкуренцию; политика в виде государства во главе с коммунистической партией обеспечивает единый центр управления и заменяет множественные взаимодействия в процессе товарно-денежного обмена. Эта «тотальность» системы планирования вызвала критику со стороны левых и правых, причем обе стороны возражали (хотя и по разным причинам) против власти государства над личностью¹⁸³.

В теории социалистической системы рациональность является главной ценностью и достигается путем сознательного политического руководства и контроля, осуществляемого коллективно в интересах всего народа. Такие социалисты, в отличие от неоллибералов, считают, что можно коллективно и рационально решить, в каком обществе люди хотят жить, и воплотить его в жизнь с помощью плана. Говоря марксистским языком, социалистическое планирование способствует созданию потребительной стоимости (потребление, удовлетворяющее потребности), в то время как рынок ставит во главу угла меновую стоимость (продажа товаров торговцами). В первом томе «*Капитала*» Маркс описал разницу между худшим архитектором и лучшей пчелой в том, что архитектор возводит свое строение в воображении, прежде чем возвести его в реальности¹⁸⁴. Когда в конце XIX — начале XX в. развивалось социалистическое движение, социалисты утверждали, что потребности людей могут быть наиболее эффективно удовлетворены с помощью национального плана. Такой план, разработанный и скоординированный политическим руководством и исполняемый государством, будет способствовать реализации идеи Бентама о достижении максимального счастья для максимального числа граждан.

ПЛАНОВАЯ ЭКОНОМИКА: ТЕОРИЯ

Интеллектуальное обоснование планирования, которое впоследствии сформировало мировоззрение советских политиков, было дано Фри-

¹⁸² Дальнейшее обсуждение см. в: Szelenyi I. et al. The socialist economic system. In: Smelser N.J., Swedberg R. (Eds). The Handbook of Economic Sociology. Princeton University Press, 1994. Pp. 234–254.

¹⁸³ См.: Sorg Ch. Failing to plan is planning to fail: Toward an expanded notion of democratically planned postcapitalism. Critical Sociology. 17 March 2022. Available at: <https://doi-org.ezp.lib.cam.ac.uk/10.1177%2F08969205221081058>

¹⁸⁴ Marx K. Economic Manuscripts: Capital. Vol. I. Chapter 7. Available at: <https://www.marxists.org/arch/ive/marx/works/1867-c1/ch07.htm>

дрихом Энгельсом. Энгельс предполагал «новую организацию общества, где промышленным производством руководят не отдельные конкурирующие фабриканты, а все общество, по твердому плану и соответственно потребностям всех членов общества»¹⁸⁵.

Энгельса волнует не только экономическая неэффективность рынка, но и невозможность капиталистической конкурентной рыночной системы удовлетворить человеческие потребности. Он также связывает планирование с всесторонним государственным участием (хотя и оставляет открытым вопрос о том, в какой форме оно будет осуществляться). В «*Анти-Дюринге*» он повторяет, что при социалистической системе «анархия общественного производства заменится организацией его по заранее обдуманному плану». Таким образом, «вся сфера условий жизни ... которые до сих пор управляли человеком, теперь переходит под контроль и господство человека, который в первый раз становится... хозяином своей социальной организации»¹⁸⁶. Принципы иерархической экономической координации не могли быть более ясными; следует также добавить, что он предполагал некую форму коллективного участия «всех членов общества».

С отменой частной собственности и передачей ее государству ликвидируется дуализм власти (между правительством и экономикой) и государство становится доминирующим институтом. «Национальная собственность стоит выше частной, и настоящим собственником является государство. Этот последний принцип общепризнан... и общественная собственность [управляется] во благо общества». Концепции иерархической координации оказали сильное влияние на экономистов с социалистическими взглядами. Так, Морис Добб утверждал, что социалистическая экономика «обязательно должна быть плановой, в том смысле, что основные экономические решения (такие как ... предпринимательские решения в капиталистической экономике) принимаются неким центральным правительственным органом и воплощаются в общем комплексе решений, концепции, согласованных *заблаговременно* на определенный период планирования»¹⁸⁷.

Социалистическое планирование является антитезой конкурентной неолиберально-капиталистической рыночной экономике, поскольку воплощает в жизнь политические, экономические и социальные компоненты социалистического видения¹⁸⁸. Планирование современной экономики — гигантская задача. Цели должны быть согласованными и расставлены приоритеты

¹⁸⁵ Engels F. The principles of communism. In: Collected Works of Marx and Engels. Vol. 25. Available at: <http://www.marxists.org/archive/marx/works/1847/11/prin-com.htm>

¹⁸⁶ Engels F. *Anti-Duhring*. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1954. P. 392.

¹⁸⁷ Dobb M. *Welfare Economics and the Economics of Socialism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. P. 126.

¹⁸⁸ В конце XX в. У.П. Кокшотт и А. Коттрелл перечисляют цели социалистического планирования: повышение культурного и жизненного уровня населения, обеспечение социальными и потребительскими товарами, сокращение рабочего времени и улучшение условий труда; долгосрочный путь развития с учетом экологических ограничений; экономическая структура, способствующая экономическому равенству между всеми категориями работников как внутри национальных экономик, так и между ними в мировом

между инвестициями и потреблением, экономическим ростом, удовлетворением индивидуальных потребностей в материальном, духовном и социальном обеспечении (здоровье, образование), обороной и безопасностью, уровнем распределения доходов и дифференциацией доходов, балансом текущих и будущих потребностей и экологической безопасностью. Возражения неолибералов сводятся к тому, что, во-первых, такой план дает слишком много полномочий планировщикам в определении того, «что у людей должно быть», и, во-вторых, что практически невозможно точно произвести расчеты, требуемые планом. Рыночный механизм всегда возьмет верх над процессом планирования.

ОБОСНОВАНИЕ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Традиционное социалистическое теоретическое обоснование состоит в том, что только государственное управление предприятиями, находящимися в общественной собственности, может способствовать экономической рациональности. Плановики утверждают, что множественность независимых конкурирующих хозяйственных единиц, координируемых рынком, даже если они находятся в государственной собственности, не приведет к рациональным результатам на уровне общества, поскольку сумма частных интересов не будет совпадать с интересами целого. Неолиберальная альтернатива рыночной каталлаксии (о которой шла речь в главе 2), как утверждают социалистические авторы, не может оптимально удовлетворить потребности людей. Директивное планирование принимает иерархическую форму с целями, детально прописанными в центральном плане. Здесь рассчитываются объемы товаров и услуг и цены на них, чтобы привести в соответствие производство и поставку компонентов для товаров и услуг. Во главе с Хайеком неолибералы утверждают, что экономические расчеты слишком многочисленны и сложны, чтобы их могли эффективно выполнять плановики, и что опыт Советского Союза доказал это. Плановики, заявляют они, решают, что им нужно, а не что нужно обществу. Мы вернемся к этому вопросу в главе 16.

Как перечисляют социалистические экономисты, можно выделить пять основных социально-экономических преимуществ плановой экономики перед рыночной координацией. Приведенные ниже качества являются постулатами, а не обязательно тем, что происходит в рамках существующих механизмов планирования, о которых повествуется в главе 5. Первый аргумент в пользу директивного планирования заключается в том, что оно регулирует объем, сроки и структуру инвестиций и занятости. Устраняется иррациональность рынка, придающая экономическому развитию циклический характер (резкие колебания и длительные кризисы). Устраняются и потери времени

и ресурсов, создаваемые конкуренцией¹⁸⁹, — дублирование ресурсов, расходы на рекламу и транзакционные издержки.

Во-вторых, государственное планирование способствует долгосрочной безопасности и устраняет неопределенность в отличие от рыночных условий, когда неопределенность приводит к инвестициям ради краткосрочной выгоды, чтобы получить прибыль до изменения рыночных условий. Лучше получить прибыль, когда это возможно, чем рисковать неопределенностью в долгосрочной перспективе. Даже при рыночном капитализме государство играет важную роль в долгосрочных инвестиционных проектах, когда частный бизнес не желает рисковать и испытывать неопределенность, связанную с возможными финансовыми потерями.

В-третьих, планирование учитывает и координирует широкий спектр социальных, индивидуальных и политических ценностей и интересов. При планировании можно учесть социальные издержки. Например, повсеместная безработица капитализма порождает грубые региональные диспропорции, недоиспользование ресурсов, экологический ущерб, который не учитывается при рыночных расчетах (если только в них не вмешивается государство).

В-четвертых, планирование может обеспечить экономическое равенство, устанавливая ставки заработной платы и социальные выплаты; прибыль идет государству (обществу), а не частным лицам или частным компаниям. Экономическая рента в виде чрезмерных зарплат или бонусов исключена. (Это касается знаменитостей, например: звезд кино или спорта, а также директоров компаний.) Бедности можно избежать с помощью политики в области занятости, обеспечивающей всех граждан оплачиваемым трудом или социальной зарплатой. Новые изобретения (например, лекарства, улучшающие жизнь) могут быть немедленно доступны и не являются объектами авторского права.

Наконец, планирование политически более справедливо и демократично, чем рынок. В то время как общества с рыночной экономикой поощряют автономии экономических субъектов в гражданском обществе, плановая экономика является инклюзивной, и экономические единицы в принципе подлежат демократическому контролю. То, что было достигнуто в политической сфере с помощью избирательных процедур, может быть распространено и на демократический контроль над экономикой.

В фактической рыночной системе, напротив, совокупность результатов на национальном уровне является непреднамеренной и обусловленной множественностью решений, принимаемых автономными единицами гражданского общества (к которым здесь относятся и коммерческие фирмы). В то время как предварительное планирование приводит к формированию национальной структуры инвестиций, потребления, распределения доходов и занятости, целью социалистического планирования является максимизация благосостояния населения. Политика должна проводиться не только на основе единства

¹⁸⁹ Как писал Энгельс в «Анти-Дюринге», «социализированное присвоение средств производства устраняет... ту положительную растрату и опустошение производительных сил и продуктов, которые в настоящее время являются неизбежным сопутствующим фактором производства». См.: Engels F. Anti-Duhring. P. 391.

и последовательности, но и с «максимальным видением» критериев благосостояния, которые лежат в основе экономического плана¹⁹⁰. Отсталые регионы, которые при рыночной системе потерпели бы крах, могут быть поддержаны в социальном отношении. В планах можно учитывать экологические издержки. Критерии, которые следует использовать при оценке системы планирования, — это не уровни экономического роста или производительности, а суждение о том, насколько эффекты планирования способствуют достижению общих экономических, политических и социальных целей благосостояния народа. Таким образом, трудоустройство и оплата труда людей с ограниченными возможностями может быть экономически нерациональным в рыночном экономическом смысле, но оправданным с точки зрения укрепления социальной солидарности и человеческого благосостояния. Социалисты утверждают, что при капитализме рациональность ограничена: рынок способствует лишь формальной или инструментальной рациональности — рациональности использования средств, а не, как при плановой системе, содержательной рациональности целей.

Здесь необходимо высказать несколько предостережений. Предыдущие утверждения — это принципы, лежащие в основе планирования; на практике реальные процедуры могут быть несовершенными, а другие условия (включая человеческие ошибки) могут подорвать эти предположения. Критика плановой системы и ее неудач будет раскрыта в главе 5.

Современный капитализм также зависит от видов занятости и производства, которые, по мнению социалистов, являются излишними и даже вредными — реклама, чрезмерное потребление и спекуляции в финансовом секторе. Общество потребления — это продукт искусственного создания желаний с помощью средств массовой информации. В рыночном обществе это экономически рационально, так как необходимо для поддержания спроса на товары. Ответ социалистов заключается в том, что при планировании можно избежать вредных последствий чрезмерного развития. Социальные издержки загрязнения и ущерба окружающей среде также учитываются при оценке затрат и закладываются в план, что невозможно в конкурентной экономике, основной целью которой является максимизация прибыли.

Даже в традиционной экономике некоторые признают, что иерархический контроль (а не рыночная координация) имеет свои преимущества. Оливер Уильямсон, например, считает, что он может повысить рациональность, поскольку решения могут приниматься последовательно и претерпевать изменения по мере развития событий. Хотя он рассматривает корпорации, его аргументы можно в равной степени применить и к правительствам. Иерархия может лучше контролировать оппортунистическое поведение, уменьшая потенциальную выгоду, и имеет преимущество сильного социального контроля над поведением¹⁹¹. На практике капитализм применяет различные формы регулирования, как правило, со стороны государства или спонсируемых

¹⁹⁰ См.: Dobb M. *Welfare Economics and the Economics of Socialism*. P. 133.

¹⁹¹ Williamson O.E. *Markets and Hierarchies*. New York: Free Press, 1975. P. 26.

государством органов, чтобы способствовать общественному благосостоянию. Как уже отмечалось, эти меры носят частичный характер, как правило, осуществляются *постфактум* и часто противоречат неолиберальным принципам. Крупные коммерческие корпорации¹⁹², а также правительства успешно применяют стратегии планирования.

Рис. 4.1. Схема социалистического планирования и контроля

Система директивного планирования, чтобы быть успешной, предполагает внедрение соответствующих экономических и социальных институтов. Экономическая координация не достигается посредством конкурентных сделок и саморегулирующегося ценового механизма. Успех не измеряется уровнем доходов, богатства и прибыли; нет институционализированной конкуренции или индивидуального расчета собственных интересов игроков. Существует единый центр управления, который координирует действия (хотя может происходить дезагрегация на функциональной и пространственной основе); государство, экономика и общество не являются отдельными автономными взаимодействующими субъектами. Это слияние и полномочия, которые получает государство, составляют основу либеральной критики «тоталитарного» планирования. С социалистической точки зрения централизованное планирование основано на совместной работе людей друг для друга,

¹⁹² Phillips, Rozworski. People's Republic of Walmart.

на принципах взаимного доверия. На практике эти принципы часто подрываются другими ценностями и нормами (инструментальная рациональность бюрократий), которые рассматриваются в главе 5.

ВНЕДРЕНИЕ ПЛАНИРОВАНИЯ В ОБЩЕСТВО

Как мы уже отмечали при обсуждении неоллиберализма, экономический рынок должен быть встроен в соответствующие институты. В дополнение к принципам государственной экономической координации система социалистического планирования имеет соответствующие социальные, экономические и политические секторы. Эти принципы существенно отличаются от принципов либерально-демократических обществ. Структуру системы я проиллюстрирую на рис. 4.1. На вершине схемы находится цель коллективного благосостояния — в отличие от либеральной модели, где целью является удовлетворение индивидуальных потребностей. Идеологические институты формулируют план под контролем гегемонистской политической партии. Государственный план обязателен для исполнения экономикой и государственным аппаратом. Затем все эти институты вступают во взаимодействие с членами общества, как показано в нижней части рис. 4.1.

Рис. 4.1 иллюстрирует не только иерархическую природу предлагаемой системы планирования, но и существенные отличия от рыночного капитализма. В теории государственного социализма коллективистские (социалистические) ценности формулируются коммунистической партией, агрегируются государственным планом и исполняются через государственную бюрократию. Примечательно, что ценности собственного индивидуализма заменяются ценностями коллектива. Общество имеет приоритет над личностью. Тем не менее планируется не все. Остаются области индивидуального выбора, в частности, при выборе профессии и покупке потребительских товаров. Социалистическая экономика может содержать и даже спонсировать области автономной деятельности в рамках системы планирования (творческие искусства и научные исследования могут быть автономными), хотя они и были относительно незначительными. Индивидуальная инициатива и предприимчивость, однако, должны проявляться в рамках параметров, установленных планом. Такой образ мышления повлиял на форму координации, которая была введена в СССР, а затем и в других социалистических государствах. Политический рынок (демократический конкурентный выбор) и конкурентная экономика (рыночная цена, вытекающая из согласования спроса и предложения) были заменены плановой экономикой, организованной государством под руководством гегемонистской коммунистической партии.

В парадигме государственного социализма происходит фундаментальное изменение в организации экономики. Если при капитализме государство осуществляет экономическую координацию *постфактум*, то при централизо-

ванном планировании оно действует заблаговременно. Оно не только обладает принудительными правами капиталистического государства, но и определяет характер и уровень инвестиций и занятости, а также распределение товаров и услуг среди членов общества. Рациональность фирм при капитализме — максимизация прибыли — заменяется рациональностью выполнения плана. Утверждается, что факторы производства могут быть использованы более эффективно для производства наиболее полезных для общества товаров и услуг, а не, как при капитализме, для удовлетворения «желаний» в отношении желаемых вещей. Сторонники системы планирования утверждают, что при этом формируется культурно обусловленный социальный консенсус, в котором мотивация к труду и сотрудничеству является отличительной чертой социалистической системы. Критики, однако, указывают на принуждение, административное расточительство и коррупцию, которые имеют место на практике (а не в теории) государственного планирования, что мы рассмотрим в главе 5.

Рассмотренная ранее схема социалистической системы планирования носит нормативный характер и представляет собой лишь один из компонентов реальных изменений, произошедших в Советском Союзе. В отличие от капиталистических обществ, где правительства регулировали рынки на протяжении сотен лет, амбициозные большевистские плановики не имели опыта, которым они могли бы руководствоваться при создании плановой социалистической экономики. Их политику следует интерпретировать в контексте государственнической формы экономики, унаследованной от периодов экономического развития при царях, выхода крестьянского общества из феодализма, иностранного вторжения и ожесточенной гражданской войны. Эти факторы повлияли на политику, проводимую политическим руководством. Советская форма планирования, которую мы рассматриваем в главе 5, сформировалась в самых неблагоприятных условиях и увековечила авторитарную государственную власть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развиваясь в XX в., несмотря на многочисленные различия, социал-демократия и социализм как идеологии и как политические движения были тесно связаны с тремя основными целями: общественная собственность на средства производства, распределения и обмена, социальное равенство и продвижение интересов рабочего класса. Придя к власти, они бросили серьезный вызов либеральному капитализму. Если в конце XIX в. существовал только один социализм в виде общей социал-демократии, выступающей против капитализма, то позднее политическое движение раскололось на две основные части. Первая, социал-демократическая, основанная на политическом плюрализме, проводила постепенную политику кумулятивных реформ; вторая, социалистическая или коммунистическая, основанная на однопар-

тийном руководстве, призывала к революционным изменениям. Социал-демократия стала альтернативной капитализму формой общества всеобщего благосостояния; государственный социализм развивался как альтернативная рыночному капитализму государственная система. Оба движения используют государство для достижения определенных целей. Коллективистская или общинная, а не индивидуалистическая система действий также была социалистическим принципом, который в той или иной степени разделяли сторонники социал-демократического движения. Во главу угла ставится «общество», а не «индивид». И это предположение заставляет многих рассматривать контролируемое социалистами государство как проводника общественных интересов, а не как следствие объединения индивидов, преследующих свои собственные интересы, причем одни имеют больше власти, чем другие.

На глобализации капитализма движение за социалистическое планирование на государственном уровне было отнесено на второй план. В следующих главах мы рассмотрим, как произошли эти изменения и можно ли возродить удачу этих движений. Прежде чем перейти к выяснению того, как развивалась британская социал-демократическая модель капитализма, следует изучить политику, проводимую в Советской России, а также то, что в то время считалось успехами государственного социализма. Кроме того, что крайне важно для современности, необходимо исследовать, как, столкнувшись с неолиберализмом, и социал-демократия, и государственный социализм были изжиты.

5 ВЫЗОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛИЗМА И ЕГО КРИТИКИ ИЗ ЧИСЛА РЫНОЧНЫХ СОЦИАЛИСТОВ

После Второй мировой войны государственный социализм стал моделью социалистического развития для Европы и Азии. Социалистические государства представили теорию того, как должно быть устроено общество, а страны советского блока — пример того, как социализм может быть реализован на практике. Эти события, в экономическом и политическом плане, бросили сильный вызов либеральному капитализму. Социализм, как он развивался в СССР, представлял собой экономическую альтернативу, основанную на принципах иерархии и центрального контроля. Он подавал пример для копирования другими обществами: социальная система, тщательно выверенная планом, а не конкурентным рынком, общественная собственность, а не частная. Основное утверждение его сторонников заключается в том, что он способствовал достижению марксистской цели человеческой эмансипации через отмену экономической эксплуатации. С другой стороны, его противники с социал-демократическими и либеральными взглядами подчеркивают подчинение человека государству, которое, по их мнению, является в равной степени эксплуататорским и угнетательским. Другие считают, что альтернативой капитализму является рыночный социализм, при котором становление экономических отношений происходит в рыночных условиях, а иерархия заменяется демократическим участием в качестве организационного принципа.

СОЗДАНИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Советские руководители руководствовались теоретическими соображениями (изложены в главе 4). Советская система — государственный социализм — представляла собой процесс всесторонней модернизации под руководством государства. Она состояла из шести основных компонентов: быстрая индустриализация и урбанизация; земельная реформа (передача земли крестьянам) с последующей коллективизацией сельского хозяйства (государственный контроль над крестьянскими хозяйствами); культурная революция, массовая грамотность и умение считать; централизованные формы государственной собственности и контроля и политическая мобилизация; государственная собственность и контроль над производительными силами, финансируемые за счет излишков, получаемых от труда; автономное экономическое развитие в сочетании с относительной изолированности от мировой экономики.

В первые годы после Октябрьской революции и Первой мировой войны экономическое и политическое руководство обеспечило полный государственный контроль над экономикой, национализировало производственные активы и землю; частное производство для рынка и получения прибыли было запрещено. Центральное руководство и контроль над силами производства были установлены под господством коммунистической партии. Планированием определялось, что должно и может быть произведено. Приоритет отдавался инвестициям в оборону, развитие промышленности (с упором на тяжелую промышленность) и социальную сферу (образование, здравоохранение, жилье); потребительские товары имели низкий приоритет. Деньги утратили свою роль средства накопления: их нельзя было инвестировать (не было фондовой биржи) и нельзя было создавать самостоятельно (за счет выдачи кредитов) финансовыми учреждениями.

На смену рынкам пришло иерархическое государственное управление. Государственные министерства получили контроль над производственными активами. Координация финансов, производства, труда, цен и ассортимента продукции осуществлялась на административной основе. Частичным исключением из государственной системы было сельское хозяйство, где активы (животные, семена, продукты, но не земля) находились в коллективной собственности фермеров. Они были организованы в коллективные хозяйства, которые поставляли свою продукцию государству в обмен на доход. Не все сельское хозяйство было организовано подобным образом, поскольку многие «государственные хозяйства» находились в государственной собственности и имели такой же экономический статус, как и несельскохозяйственные отрасли. Все крестьяне также могли владеть небольшими участками земли и животными (они считались имуществом, а не частной собственностью), а их продукция могла свободно продаваться на колхозном рынке.

Была создана государственная комиссия по планированию (Госплан), которая разрабатывала экономические планы на пятилетний период. Правительство обладало монополией на внешнюю торговлю, контролировало денежную массу и координировало производство и инвестиции. Каждое экономическое министерство получало планы с подробным описанием производственных задач, фонда заработной платы для распределения между работниками, а цены на товары и ставки труда устанавливались государственными комитетами. Экономические предприятия подчинялись вертикальному командованию министерств, которые, в свою очередь, контролировались государственными плановиками в Госплане (а также другими государственными органами). Немаловажно, что система представляла собой федерацию республик (Украина, Армения, Российская Федерация и т.д., всего 15 к концу существования СССР): некоторые республиканские министерства действовали на уровне республик, входящих в состав СССР, которые имели свои собственные планы, координируемые Госпланом СССР.

С точки зрения марксизма, принятой советскими лидерами, «надстройкой» общества должна была соответствовать базису. В связи с этим правительство инициировало культурную революцию. Она включала в себя создание финансируемой государством бесплатной и всеобъемлющей системы образования (частные школы были упразднены), которая сопровождалась массовыми кампаниями по распространению грамотности. Была предпринята попытка создать иную систему социалистических ценностей: учреждались награды и символы, отражающие достоинство социалистической революции (например, медаль Героя Советского Союза, улицы и здания переименовывались в честь героев социализма). Различия в доходах сохранялись, но были значительно выравнены, причем зарплаты неспециалистов и руководителей стали соответствовать зарплатам рабочих¹⁹³. В долгосрочной перспективе было достигнуто удивительное выравнивание доходов¹⁹⁴. Как показано на рис. 5.1, в 1905 г. 1% населения обладал 18% национального дохода; с 1927 г. этот показатель снизился до 4–6%. В период между 1916 и 1935 г. сопоставимая доля в США составляла около 22%. Рост уровня равенства во многом объясняется отменой доходов от владения собственностью, низким уровнем безработицы, государственным выравниванием разницы в оплате труда (в планах устанавливался уровень доходов) и значительным увеличением занятой рабочей силы, в том числе массовым ростом числа работающих женщин.

После Второй мировой войны эти изменения также произошли во всех европейских социалистических государствах, где довоенные различия между зарплатами и окладами, мужчинами и женщинами, квалифицированными и неквалифицированными работниками, доходами в промышленности

¹⁹³ Подробнее см.: Lane D. *The Rise and Fall of State Socialism*. Cambridge: Polity, 1996. Pp. 40–47.

¹⁹⁴ Это происходит даже при учете натуральных выплат. Основное отличие в распределении доходов заключалось в ограниченности сфер досуга и потребления, на которые люди могли тратить свои деньги. Государственный контроль над производством сильно затруднял демонстративное потребление.

и сельском хозяйстве значительно сократились¹⁹⁵. Ж.-Ш. Асселен иллюстрирует огромные изменения, показывая, что в период с 1931–1932 гг. по 1969 г. потребление мяса упало с 47,5 кг (на душу населения в год) до 44,9 кг в домохозяйствах менеджеров и белых воротничков и выросло с 33,8 кг до 49,5 кг в домохозяйствах рабочего класса¹⁹⁶. Эти цифры иллюстрируют ухудшение социальных условий для среднего класса в пользу рабочего класса.

Однако для эффективного и действенного строительства социалистического общества считалось необходимым поддерживать разницу в уровне доходов и обладания властью. Политики стремились организовать такую дифференциацию, чтобы вознаграждать работников за заслуги и их усилия; строились шкалы заработной платы, которые вознаграждали мастерство, тяжесть и сложность труда¹⁹⁷.

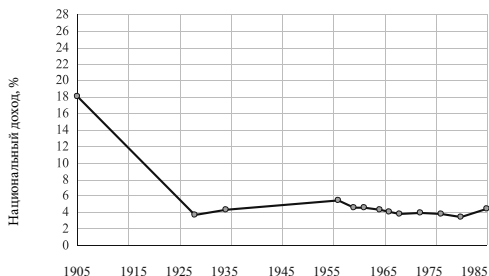

Рис. 5.1. Россия: доля богатства 1% семей в национальном доходе (до уплаты налогов), 1905–1985 гг.

Источник: Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016. NBER, Working Papers Series. No 23712. 2017.

На практике, по сравнению с капиталистическими рыночными обществами, разница в оплате труда была относительно небольшой, и работники руч-

¹⁹⁵ Данные приведены в: Jean-Charles Asselain. The distribution of incomes in East-Central Europe. In Pierre Kende and Zdenek Strmiska (Eds). Equality and Inequality in Eastern Europe. Leamington Spa and New York: Berg, 1987. Pp. 21–62. См. особенно примечание 2 (P. 26) о сравнении между 1937–1939 гг. и 1948 г. в Чехословакии. См. также: Lane D. The End of Social Inequality? London: George Allen & Unwin, 1982. Pp. 58–59.

¹⁹⁶ Asselain. The distribution of incomes in East-Central Europe. P. 30, fn 12.

¹⁹⁷ См.: Zdravomyslov. Socialism, welfare and equality.

ного труда находились в более выгодном положении по сравнению с работниками неручного труда. Хотя в семье и системе образования по-прежнему воспроизводилось социальное неравенство, колоссальная индустриализация привела к очень высокому уровню социальной мобильности. Западноевропейские социал-демократические достижения в области создания государства всеобщего благосостояния (которые мы рассмотрим в следующей главе) были значительно менее масштабными и во многих отношениях менее значительными, чем достижения в социалистических странах, где не существовало частного образования или медицинской практики.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛИЗМА

Какие бы слабости ни таились в советской форме экономической и социальной организации, они не получили широкого признания в годы, последовавшие за окончанием Второй мировой войны. Успехи промышленного развития перекрыли собой потрясения в межвоенный период, связанные с коллективизацией (включая голод и депортации). Кроме того, победа союзников над державами «оси зла», в которой СССР ценой огромных потерь сыграл важную роль, повысила доверие к нему как к экономической и политической модели общества. Советский Союз продемонстрировал, что экономика с централизованным государственным управлением жизнеспособна и эффективна. Советское руководство успешно провело индустриализацию и модернизацию одного из самых экономически отсталых обществ Европы. Городское население увеличилось с 28,1 млн в 1929 г. до 63,1 млн в 1940 г. Александр Гершенкрон показал, что в период с 1928 по 1938 г. объем производства советской крупной промышленности увеличивался на 15–17% в год. Отношение советской промышленности к американской выросло с 6,9% в 1913 г. до 27,3% в 1932 г. и 45,1% в 1938 г.¹⁹⁸ К 1950-м гг. образовательные стандарты выросли в геометрической прогрессии: была достигнута всеобщая грамотность, большинство населения имело полное среднее образование; увеличилась численность советской «интеллигенции», что имело важные политические последствия (об этом позже).

СССР стал первым государством всеобъемлющего планового развития. К концу 1960-х гг. опыт СССР получил широкое признание; казалось, что плановая экономика одержала победу над рыночной. Советская наука, высокотехнологичные космические технологии, ядерное оружие, успешные военные отрасли (и даже спортивная наука) — все это вызывало на Западе уважение и даже благоговение. Социально-политический контекст также казался позитивным: социалистические общества обеспечивали высокий уровень

¹⁹⁸ Gershenkron A. The rise of growth in Russia. *Journal of Economic History*. 7 (1947). Supplement. P. 166. Дополнение. P. 166. Другие ученые приводили аналогичные цифры.

занятости, всеобщее образование и здравоохранение, которые предоставлялись бесплатно по месту жительства, и низкий уровень преступности.

Но были и значительные издержки, которые существенно омрачили советскую модернизацию и заставили многих критиков осудить советский опыт. Имели место жестокие репрессии и принуждение, особенно в сельской местности¹⁹⁹. Как отмечалось в главе 2, либеральные экономисты, такие как Хайек, давно критиковали недостатки, присущие процессу планирования, и многие из этих вопросов были подхвачены критиками в социалистических странах. Наиболее общим возражением было то, что «планирование» скрывает от глаз политическую власть тех, кто управляет государством. Критики указывают на кампании по коллективизации и на притеснение групп, выступающих против политической системы. В более общем и неизмеримом смысле иерархический контроль ставит чиновников в положение, когда они могут осуществлять неконтролируемую власть, и приводит к подчинению людей административной системе. Такая иерархическая власть может быть приемлема в капиталистических организациях, ориентированных на получение прибыли, но она несовместима с социализмом. Цензура СМИ, ограничения на отдельные исследования и запреты на зарубежные поездки были формами подчинения, вытекающими из центрального контроля. Эти критические замечания перевешивались другими, более позитивными достижениями советской системы. Академические труды, такие как «Новое общество» Э.Х. Карра (Carr's E.H. *The New Society*. London: Macmillan, 1941), цикл лекций, впервые транслировавшийся по Би-би-си, и «Советские достижения» Питера Неттла (Nettle's P. *The Soviet Achievement*. London: Thames and Hudson, 1967) пользовались широким общественным уважением, укрепляя веру в советскую социалистическую альтернативу.

Советская система была значительно расширена после Второй мировой войны. Советская система была либо навязана, либо сознательно скопирована странами, образовавшими мировое коммунистическое движение²⁰⁰. К 1980 г. насчитывалось 16 коммунистических государств, составлявших ядро «мировой социалистической системы». В их число входили Китай и государства Восточной Европы. Блок был также влиятелен во многих странах Африки и Азии, которые считали себя «социалистически ориентированными» обществами. В то время на советский блок приходилась треть населения мира и 40% его промышленного производства. Хотя государственные социалистические общества оставались экономически относительно бедными и не имели потребительских товаров, доступных на Западе, к 1950-м гг. они достигли темпов экономического роста, превышающих аналогичные капиталистические государства, и, если учитывать начальный уровень развития, были со-

¹⁹⁹ Приведем лишь один пример. Аграрная политика привела к депортации 1,8 млн кулаков в 1930–1931 гг. и 340 тыс. в 1932–1933 гг. См.: Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. P. 326.

²⁰⁰ Дальнейшее обсуждение см. в: Szelenyi I. et al. *The socialist economic system*. Pp. 234–254; Lane D. *The Rise and Fall of State Socialism*. Part I.

поставимы по уровню общественного социального благосостояния, например, здравоохранения и образования. Однако существовала и скрытая слабость. Во главе советского блока стояла индустриальная мощь Советского Союза, но в остальном он состоял из относительно бедных стран третьего мира с многочисленным крестьянским населением (исключение составляли небольшие центральноевропейские государства — Германская Демократическая Республика и Чехословакия). Уровень производительных сил в них был значительно ниже, чем в западных капиталистических странах. Например, в Китае в 1979 г. валовой годовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения составлял всего 260 долларов²⁰¹ (в СССР доход на душу населения составлял 4110 долларов).

Какими бы ни были его недостатки и изъяны, современное индустриальное общество было построено без экономики, основанной на частной собственности и рыночных отношениях, основанных на получении прибыли и узаконенных конкурентной избирательной демократией. Все сторонники и критики государственной социалистической системы сходились в том, что произошло слияние политики и экономики. Политическое определяло экономическое и социальное, в то время как при капитализме политика зависела от гражданского общества, включавшего в себя влиятельную буржуазию, и являлась его порождением. При государственном социализме коммунистическая партия была доминирующей силой: она выражала гегемонистскую идеологию, объединяла политические и экономические интересы и обладала монополией на формальную политическую власть. Государство было унитарным по своему характеру, хотя в некоторых странах существовала федеральная политическая форма. Во власти не было плюрализма — она не разделялась на исполнительную, законодательную и судебную. Руководители государств советского типа исходили из того, что в унитарном классовом обществе не будет серьезных противоречий. Понятие разделения власти считалось неэффективным при капитализме и неактуальным при социализме, поскольку господствующая партия представляла и осуществляла волю рабочего класса. Эта доктрина фактически укрепила исполнительную власть партийно-государственной формации как бюрократическую власть.

С точки зрения анализа социальной структуры классовая структура значительно отличалась от капиталистической, состав которой наиболее подробно рассматривается в главе 8. Здесь же отметим, что извлечение прибавочной стоимости происходило не через рыночный механизм и не доставалось капиталистическому классу, а использовалось государством для экономического и социального развития. Советские марксисты руководствовались желанием отменить экономическую эксплуатацию, вытекающую из классовых отношений, а не принципом социал-демократии, связанным с достижением социального равенства и справедливости. (Определение государственно-бюрократического капитализма дается в главе 15). Влодек Весоловский, ведущий польский социолог, писавший в 1970-х гг., отразил

²⁰¹ World Bank. World Development Report. New York: World Bank, 1981.

взгляды многих социалистов того времени, когда утверждал, что господство класса буржуазии обеспечивается в капиталистической системе

главным образом через право собственности и контроль над использованием средств производства и присвоением прибавочной стоимости, созданной в процессе производства трудом рабочих. Социалистическая революция устраняет этот тип отношений и посредством национализации вводит общественную собственность на средства производства... На этом основано утверждение о том, что «экономическое господство» какого-либо класса устранено, поскольку контроль над средствами производства является в целом общественным, а выгоды от производства поступают в общественный фонд²⁰².

К середине 1960-х гг. государственный социализм представлялся эффективной формой индустриального общества, которая могла функционировать без капиталистического класса и свободного экономического рынка; она обеспечивала экономику полной занятости, широкое распространение бесплатных социальных услуг и, несмотря на враждебные отношения, порожденные холодной войной, сохраняла мир.

Однако надежды и уверенность в том, что государственный социализм станет эффективной альтернативой капитализму, оказались недолговечными. Государственный социализм не был перенят передовыми капиталистическими странами и не создал, даже в СССР, способа производства, экономически превосходящего капитализм. По мере достижения большей зрелости общества пережили период разочарования и были окончательно разрушены в конце 1980-х гг. Сомнения в эффективности планирования, беспокорство по поводу отсутствия демократии и опасения по поводу прав человека должны были проявиться в новом контексте. То, как и почему произошел разворот к капитализму, имеет решающее значение для доверия к социализму как альтернативе. Основными причинами этого разворота стали отсталые условия, унаследованные социалистическими правительствами, ошибки политического руководства, последствия процесса модернизации и враждебная обстановка в мире. Обсуждение этих особенностей будет проведено в главе 8.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

К 1970-м гг., как следствие послевоенной политики индустриализации и урбанизации, социальная структура претерпела преобразование. Такие изменения оказали значительное давление на социалистическую экономику и традиционные формы партийного и государственного контроля. Государственный социализм был внедрен в относительно неразвитые аграрные экономики, а процессы модернизации привели к урбанизации и смеще-

²⁰² Wesolowski W. *Classes, Strata and Power*. London: Routledge, 1979. P. 120.

нию занятости из сельского хозяйства в промышленность, а затем в сферу услуг.

К середине 1980-х гг. накопилась демографическая масса урбанизированных работников умственного труда и значительное число людей с высшим образованием. Рабочее население перешло из сферы производства в сферу услуг, а уровень образования работников повысился. К 1983 г. в Болгарии 32% работников были заняты в сфере услуг, в Венгрии — 36,5%, а в СССР — 40,7%²⁰³. Принятие образовательных стандартов привел к существенным изменениям в социальной структуре. В 1939 г. в СССР насчитывалось всего 1,2 млн человек с полным высшим образованием, к 1959 г. эта цифра выросла до 3,8 млн, а в 1986 г. произошел еще один качественный скачок — до 20,1 млн человек²⁰⁴. Число людей с высшим и средним специальным образованием выросло в СССР с 16,841 млн в 1968–70 гг. до 28,612 млн в 1980 г. Аналогичные изменения произошли и в других восточноевропейских социалистических странах. На рис. 5.2 показано соотношение в каждой стране людей с высшим образованием, занятых в экономике в период с 1970 по 1987 г. В 1987 г. насчитывалось 35,7 млн человек с высшим образованием. Причем они относились к более молодым возрастным группам. В одном только 1985 г. в СССР высшее образование получили 859 тыс. молодых людей, которые

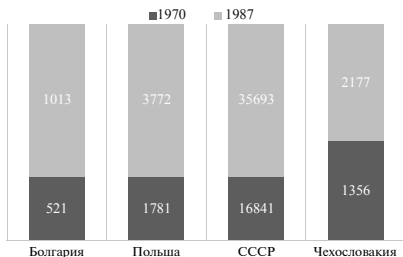

Рис. 5.2. Работники с высшим образованием: Болгария, Польша, СССР, Чехословакия, 1970, 1987 (тыс.) (или последняя дата)

Источник: Статистический ежегодник стран — членов СЭВ, 1988.

М.: Финансы и статистика, 1988. С. 422.

²⁰³ Статистический ежегодник стран — членов СЭВ, 1984. М.: Финансы и статистика, 1984. С. 363–367.

²⁰⁴ Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986. С. 27.

пополнили ряды рабочей силы²⁰⁵. Это привело к появлению социальной прослойки, известной в этих странах как «социалистическая интеллигенция» — люди с высшим образованием. Эта группа, по моему мнению, должна была стать балластом для поддержки реформ под руководством элиты, которые должны были привести к разрушению государственного социализма.

Рост многочисленного среднего класса с более высокими ожиданиями имел серьезные политические последствия. По мере роста ожиданий появлялись соответствующие стремления к улучшению условий жизни, как было установлено в странах Запада с рыночной экономикой.

Если в начальный период социалистического развития условия жизни значительно повысились, то с середины 1970-х гг. темпы роста в странах Восточной Европы и СССР снизились. О снижении темпов роста реальных доходов можно судить по официальным данным по Болгарии, Венгрии, СССР и Чехословакии, представленным на рис. 5.3. Одновременно с этим коммунистические лидеры столкнулись с растущим спросом на потребительские товары и услуги более высокого качества.

Однако сами по себе эти цифры не осуждают систему государственного планирования. Если взглянуть на экономический рост более реалистично, чем на завышенные заявления лидеров коммунистической партии, таких как Хрущев, который в 1961 г. хвастался, что Советский Союз через десять лет обгонит по ВВП США²⁰⁶, то можно было ожидать, что темпы роста будут снижаться по мере увеличения размеров экономики.

В 1980-х гг. мировая экономика находилась в состоянии депрессии, и во всех развитых странах наблюдалось снижение темпов роста, включая такие страны с успешной экономикой, как Западная Германия. В США также наблюдалось аналогичное снижение темпов роста. В период с 1980 по 1987 г. темпы роста в Западной Германии составляли 1%, в Великобритании — 1,3%, а во Франции — 0,5%. Европейские социалистические страны не пережили никакого экономического «краха», а западноевропейские страны с аналогичным снижением темпов роста не стремились к каким-либо системным изменениям. В то время как европейские социалистические государства уже не сокращали разрыв с капиталистическим Западом, дела в странах с плановой экономикой обстояли не так уж плохо. Однако в сравнении с передовыми обществами Запада, которые все чаще использовались в качестве ориентира, снижение темпов роста в сочетании с растущими ожиданиями быстро растущего среднего класса привело к значительному различию в ожиданиях. Для сравнения: в дальнейшем Китай, начав экономические реформы, достиг в 1980-х гг. годовых темпов роста в 8,69%, которые сохраняются и до сих пор.

²⁰⁵ Статистический ежегодник стран — членов Совета экономической помощи, 1988. М.: Финансы и статистика, 1988. С. 439–440.

²⁰⁶ Хрущев Н.С. Задачи Коммунистической партии по строительству коммунистического общества. Речь на 22-м съезде КПСС. Москва, 31 октября 1961 г. Перепечатано в: Hodnett G. (Ed) Resolutions and Decisions of the CPSU (Vol. IV). Toronto: University of Toronto Press, 1974. P. 211.

Страны Восточной Европы не оправдывали ожиданий населения. В некоторых государствах, в частности в Польше и Венгрии, в период с 1981 по 1986 г. наблюдалось падение реальных доходов, как видно из официальной статистики, представленной на рис. 5.4.

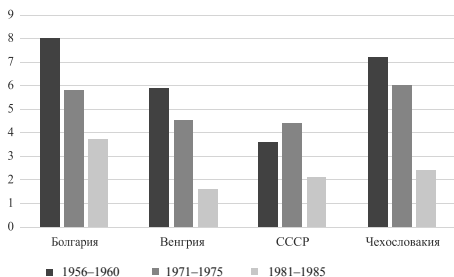

Рис. 5.3. Рост реальных доходов на душу населения (%):
Болгария, Венгрия, СССР, Чехословакия, 1956–1957, 1971–1975, 1981–1985
Источник: Statisticheski ezhegodnik stran-chlenov SEV 1988.

М.: Finansy i statistika, 1988. P. 25.

Статистический ежегодник стран – членов СЭВ, 1988.

М.: Финансы и статистика, 1988. С. 25.

Централизованная политическая система стала мишенью для политической оппозиции. Здесь есть существенное отличие от либерального капитализма, где разделение институтов приводит к автономии единиц рыночного общества с множеством различных очагов экономической и политической власти. При государственном социализме все иначе: его политическим центром является государственно-партийная бюрократия. Когда дела идут хорошо, она укрепляет свою легитимность. Однако, когда дела идут плохо, она все чаще становится центром народного недовольства. Другими словами, определяющей чертой административной системы является четкая ответственность за управление экономикой. При капитализме существует «невидимая рука», направляющая рынок, в то время как в последнем случае — человеческий «замысел», наглядно сформулированный политическим и экономическим руководством. Если в капиталистических обществах свержение правительства не меняет сути социального порядка, то при государственном социализме вызов коммунистическому режиму — требования большего «плюрализма» или института рыночных отношений — меняет структуру.

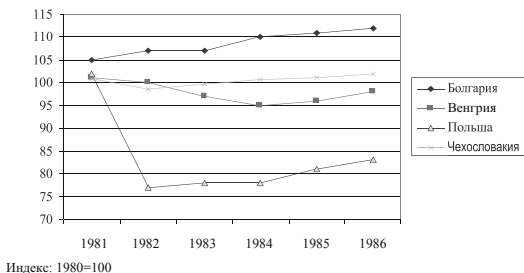

Рис. 5.4. Реальные доходы работников ручного и не ручного труда, 1981—1986: Болгария, Венгрия, Польша и Чехословакия
 Источник: Statisticheski ezhegodnik stran-chlenov Soveta Ekonomicheskoy Vzaimopomoshchi 1988. Moscow, 1988. P. 81.
 Другие страны в источнике не указаны.

КРИТИКА СИСТЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ

Система планирования также имела недостатки в сфере предоставления товаров и услуг, а сомнительное качество потребительских товаров призывало к реформам, в том числе рыночным. К началу 1970-х гг. снижение уровня экономического роста и других показателей заставило задуматься о том, что система планирования не работает или, по крайней мере, работает не так хорошо, как ожидалось. Здесь необходимо выделить различные причинно-следственные механизмы. Не стоит списывать все сбой в работе социалистических режимов на систему планирования. Следы революции, гражданской войны, царского самодержавия и иностранной интервенции наложили свой отпечаток на политическую систему Советского Союза. Все эти факторы, в разной степени, пагубно повлияли на эволюцию советских режимов. Централизация принятия решений и бюрократическая власть, присущие иерархическому управлению, имеют пагубные последствия. Отсутствие демократического участия представляет собой проблему, к которой я вернусь ниже в этой главе.

Другие возражения касались недостатков в механизме управления.

Одним из таких недостатков была коррупция²⁰⁷. Если устанавливаются слишком низкие цены, которые приводят к дефициту, то прибыль можно по-

²⁰⁷ Коррупция как фактор краха подробно описана в: Holmes L. The End of Communist Power. Cambridge: Polity, 1993.

лучить за счет (незаконной) перепродажи товаров. Административное распределение при назначении на должности, дистрибуции ресурсов (например, доступ к качественному здравоохранению и образованию) и даже в сфере отдыха (отели, зарубежные поездки) давало огромную власть людям с административной ответственностью. Не было рынка труда для профессиональных и руководящих должностей, которые подлежали административным процедурам повышения/понижения. Как следствие, коррупция стала признаваться негативным компонентом административного контроля. В ответ на это были созданы различные органы народного и партийного контроля, призванные предотвратить злоупотребление административной властью и создать административную прозрачность. Однако отдельные факты свидетельствуют о том, что эти механизмы были эффективны лишь отчасти.

Другие трудности возникли из-за отсутствия свободно функционирующей системы цен и конкуренции. Оппоненты режима начали выражать беспокойство по поводу «перекосов», которые, по их мнению, возникали в экономике²⁰⁸. Одна из базовых структурных особенностей плановой экономики заключалась в том, что органы власти в государственном аппарате и хозяйственные предприятия имели противоречащие друг другу интересы. Противоречия возникают из-за того, что плановые институты контролируют доступ к ресурсам, используемым предприятиями. Производственное предприятие должно договариваться с плановыми органами в отношении ресурсов (количество капитала и труда, которые могут быть использованы в производстве), а не приобретать их на рынке. В результате экономическое предприятие выторговывает себе больше ресурсов, чем ему нужно. Общая критика заключалась в том, что план не удовлетворял индивидуальные потребности — он не учитывал запросы потребителей. Нехватка потребительских товаров была распространена повсеместно, а ассортимент и качество товаров, производимых в социалистических странах, плохо сопоставлялись с товарами, производимыми за рубежом, что стало показателем легитимности системы.

В основе этого недостатка лежал тот факт, что к концу 1960-х гг. государственная экономика социалистических стран намного увеличилась в масштабе и усложнилась, следовательно, труднее стала поддаваться планированию. Евгений Залесский показал, что в 1953 г. в СССР насчитывалось 9490 индексов и 20 млн промышленных товаров²⁰⁹. Государственное планирование оказалось не в состоянии справиться с усложнившейся передовой индустриальной экономикой. Система планирования создавалась в контексте экстенсивного развития, т.е. добавления дешевых факторов производства (труда, которого было много) к капиталу (которого не хватало). По мере развития экономики предложение труда стало иссякать по мере истощения резервов. Производительность труда также снижалась. Реформаторы настойчиво тре-

²⁰⁸ Вероятно, наиболее известной является книга: Kornai J. *The Economics of Shortage*. Amsterdam: North-Holland, 1980.

²⁰⁹ Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952*. London: Macmillan, 1980. P. 486.

бовали создать систему, в которой труд имел бы рыночную стоимость и проводилось бы различие между отдачей от различных вложений капитала. Такая политика привела бы к увеличению разницы в оплате труда — в пользу квалифицированного и профессионального неручного труда.

Было признано, что система планирования несовершенна, так как органы власти не обладают современными знаниями, необходимыми для эффективного управления. Предприятия также сохраняли значительную автономию. Можно выделить три области, в которых центральный контроль над экономикой был ограничен²¹⁰. Во-первых, между руководством предприятий и вышестоящей администрацией существовали несостыковки, в результате которых предприятия получали контроль над доходами от продаж, например от производства сверх плана. На практике принцип «распределения прибыли» был принят еще во времена «утверждения первого пятилетнего плана»²¹¹ (предприятия оставляли себе часть полученного дохода). Во-вторых, предприятия выработали собственные интересы как форму защиты от чрезмерных производственных заданий; они также защищали себя, накапливая запасы товаров на экстренный случай и производя собственные запасные части. В-третьих, предприятия игнорировали директивы. Они завышали издержки и перерасходовали фонды заработной платы. По словам Асселена, предприятия «нарушали основополагающий принцип централизованной экономики: абсолютный примат централизованных директив»²¹². Отсюда следует вывод: не имея современных вычислительных мощностей, плановики не располагали достаточной информацией и достаточными инструментами для анализа имеющихся данных.

Эти несовершенства системы заставляли предприятия «запасать» ресурсы, что привело к возникновению того, что Янош Корнай определяет как «экономику дефицита». Капитал и земля не имели цены, а за использование земли не взималась арендная плата. Землепользование в городах приводило к неэффективности, редкие дома использовались не полностью, поскольку у жильцов не было стимула искать более компактное (и более дешевое) жилье. Поскольку рынка жилья не существовало, то была ограничена географическая мобильность. Проблемы возникали, когда спрос превышал предложение; поскольку цены были фиксированными, возникали дефицит и очереди. Ожидание в очередях также имеет свои экономические издержки.

Отсутствие рынка привело к неэффективному сочетанию факторов производства. Например, газ продавался по себестоимости, поскольку не было необходимости получать прибыль. Непредвиденным следствием этого стало то, что люди не экономили на отоплении, что привело к нерациональному использованию энергии. На заводах не экономили на использовании ресур-

²¹⁰ См.: Jean-Charles Asselain. *Planning and Profits in Socialist Economies*. London and Boston: Routledge, 1981.

²¹¹ *Ibid.* P. 32.

²¹² См.: Jean-Charles Asselain. *Planning and Profits in Socialist Economies*. London and Boston: Routledge, 1981. Pp. 32–35.

сов. Советские товары содержали больше металла и были гораздо тяжелее аналогичных западных аналогов.

Кроме того, расточительно использовался труд: рынок труда не реагировал на его нехватку повышением заработной платы, а поскольку отсутствовал мотив прибыли, не было необходимости экономить на рабочей силе. Государство было обязано обеспечить полную занятость в экономике, в отличие от рыночной экономики, где стоимость рабочей силы снижается с целью получения максимальной прибыли. Поэтому на государственных предприятиях в социалистических странах было гораздо больше рабочих, чем на аналогичных капиталистических, а ритм работы был медленным, поскольку у работников не было стимула повышать интенсивность труда за счет заработной платы. Даже внедрение новых западных трудосберегающих технологий во многих случаях не приводило к сокращению объема рабочей силы.

Все эти критические замечания имели под собой определенную основу, но должны быть поняты в рамках социалистической системы экономического планирования. Ответ плановиков на эту критику заключался в том, что, поскольку план определяет местоположение промышленности, нет необходимости в процентах или арендной плате. Плановики могли реагировать на нехватку товаров, а также на «рынок», организовав производство большего количества товаров или услуг. На практике нехватка рабочей силы приводила к (часто нерегистрируемой) мобильности рабочей силы из районов с низкой заработной платой. Дефицит услуг мог быть удовлетворен за счет неформального рынка, который продолжал существовать в контексте планирования. Защитники государственного планирования считали, что цель полной занятости сама по себе является социальным благом. То, что на Западе критиковали как «недоиспользование» труда, было формой социальной защиты. Предоставление рабочих мест для того, чтобы все граждане имели занятие, имеет положительные социальные преимущества. Вместо того чтобы финансировать пособия по безработице за счет налогов, социалистическая система допускала более высокий уровень занятости, даже если это означало использование «чрезмерного» количества труда.

Однако в основе этой критики лежит проблема, поднятая западными рыночными экономистами. Фридрих фон Хайек, Людвиг фон Мизес и Макс Вебер считают, что рациональный экономический расчет невозможен в современной экономике в отсутствие свободно договорных цен²¹³. Невозможность расчета тысяч уравнений, необходимых для моделирования рынка, была основной причиной, выдвинутой для отрицания возможности рациональной системы цен при плановой социалистической системе²¹⁴. Без эффективной

²¹³ Обсуждение см. в: F. von Hayek. *Individualism and Individual Order*. Chicago University Press, 1980. Pp. 145–146.

²¹⁴ L. von Mises. *Economic Calculation in the Socialist Commonwealth*. Auburn: Ludwig von Mises Institute, 1990; F. von Hayek. *Collectivist Economic Planning*. London: Routledge, 1935; Lange O. *On the economic theory of socialism: Part one*. *Review of Economic Studies*. 1936. Vol. 4(1). Pp. 53–71.

системы цен возникали «узкие места» и дефицит, поскольку предложение товаров и услуг не соответствовало спросу.

К середине 1970-х гг. экономисты и политики социалистических государств признали, что система государственного планирования нуждается в реформировании. Экономические результаты социалистических государств невыгодно сравнивать с экономикой развивающихся капиталистических государств, таких как Южная Корея, Тайвань и Сингапур. Даже действующие коммунистические лидеры признали, что необходимы значительные изменения. Однако вопрос о том, что именно эти изменения повлекут за собой, был спорным. Экономические реформаторы, вдохновленные успешной моделью азиатских «тигров», обратились к механизму рыночных цен, чтобы устранить очереди, выступить в качестве индикаторов для инвестиций, стимулировать инновации и рост производительности, а также повысить качество товаров и услуг. В главе 8 мы вернемся к рассмотрению реформ, которые были приняты при президенте Горбачеве во второй половине XX в. Здесь же подводится итог достижениям и неудачам государственного социализма в том виде, в каком они предстали в конце 1970-х гг., а также излагаются теоретические альтернативы советской системе планирования, выдвинутые критиками социализма.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ: ОЦЕНКА

Советская система обеспечила эффективную форму модернизации для страны, выходящей из феодализма. СССР стал первой развивающейся экономикой, управляемой государством. Государство эффективно использовало экономические излишки для экономического и социального развития. Ее очертания в равной степени зависели как от итогов гражданской и мировых войн, так и от экономического и политического наследия феодальной царской Российской империи, а также от экономических моделей, разработанных социалистическими интеллектуалами и плановиками. Социалистические государства были успешными моделями развития, призванными догнать уровень развития производственных сил капиталистического ядра. Это «догоняющее развитие» было достигнуто без рыночной конкуренции и частной собственности, хотя и имело свои издержки во время гражданской войны в Советской России и периодов коллективизации и жестких репрессий при Сталине. Советский опыт был перенесен, с некоторыми существенными изменениями, в Восточную Европу, а затем и в Китай. Планирование осуществлялось в условиях отсталости и восстановления в послевоенный период, что привело к значительным искажениям в способах организации деятельности²¹⁵. Положительным моментом с точки зрения экономического

²¹⁵ Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth.

развития является то, что международные сравнительные преимущества не определяли размещение инвестиций. Напротив, политика должна была способствовать всестороннему экономическому развитию каждой страны, обеспечивая энергетическое и диверсифицированное промышленное развитие, а также всестороннее социальное обеспечение образования и благосостояния. Деньги и рынки, движимые прибылью, не оказывали влияния на распределительные операции экономической системы, хотя и сохраняли свою значимость в процессе распределения²¹⁶.

Государственный социализм стал эффективной, но несовершенной альтернативой либеральному рыночному капитализму. Однако история революций XX в., совершенных во имя идей Маркса, показывает, что отмена частной собственности и рыночных отношений не отменяет других форм политического и экономического неравенства и угнетения. Даже после Второй мировой войны относительная экономическая отсталость, усугубленная военным противостоянием с Западом, делала невозможным удовлетворение потребительских ожиданий. В последней четверти XX в. практические проблемы экономической координации в передовых индустриальных странах с социалистической экономикой обострились, а экономический рост пошел на спад. Не оправдались и стремления населения опередить западные страны по уровню благосостояния потребителей. Без знаний, доступных благодаря современным вычислительным системам, аппарат планирования был неадекватен и приводил к ошибкам в координации.

Для реформирования системы государственного планирования возникли две основные теоретические позиции. Первая, исходившая от критиков внутри социалистических стран, заключалась в том, чтобы привить рынки к системе централизованного социалистического планирования. Вторая, сформулированная западными критиками левого толка, была направлена на создание демократической системы планирования с широким участием населения, совершенно отличной от советского стиля государственного планирования. Дискуссии велись вокруг различных типов коллективной собственности, формы и полномочий государства, а также того, как предлагаемая рыночная экономика впишется в демократические рамки. Многие жаловались, что государственные предприятия недемократичны, а их руководство действует так же (например, в отношении трудовых отношений), как и частные корпорации. Критика «государственно-бюрократического капитализма» проанализирована в главе 15. Для решения трудностей плановой европейской социалистической экономики была сформулирована альтернатива централизованному планированию — «социалистический рынок», которая также была предложена для социал-демократических форм государственного планирования, имевших место при национализации промышленности в Западной Европе, в частности в Великобритании.

²¹⁶ Курс политической экономики. Т. II (Социализм). М.: Издательство экономики, 1974. С. 125–126.

РЫНОЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ В ТЕОРИИ

Теоретические предпосылки рыночного социализма²¹⁷ были разработаны в XX в. между двумя мировыми войнами²¹⁸. Оскар Ланге в своей эпохальной статье, написанной в 1935 г., указал, что принципы экономической теории применимы ко всем развитым экономикам²¹⁹. Рынки, утверждал он, имеют одинаковые экономические последствия во всех экономических формациях. Технические аспекты рынков (как средства согласования спроса и предложения через цены) делают их соответствующими инструментами при социализме. Социализм, по его мнению, обеспечивается государственной собственностью на имущество и господством рабочего класса через главенство коммунистической партии. Для регулирования цен и определения объемов производства товаров и услуг можно было создать экономический рыночный механизм, не меняя социалистического способа производства.

Но рыночный социализм был чем-то большим, чем просто экономический механизм, он также требовал политической и социальной основы. Реформаторы в социалистических государствах, последовавшие за Ланге, утверждали, что с точки зрения классовых отношений отношения к средствам производства останутся социалистическими при системе рыночного социализма. Правовая и социальная система под руководством коммунистической партии могла остаться неизменной. Буржуазия была отстранена от власти, а рабочий класс оставался господствующим классом. Рыночные механизмы могут быть привиты к системе планирования.

Однако другие авторы, особенно приверженцы рыночного социализма на Западе, обращали внимание на другие важные факторы. Многие утверждали, что социалистические рынки должны быть встроены в демократическую плюралистическую структуру, которой в то время не хватало советской системе. Как выразился Дэвид Миллер:

Рынок признан центральным элементом экономической жизни как благодаря своей эффективности в качестве средства предоставления товаров и услуг, так и благодаря своим более общим качествам в плане освобождения. Однако рыночная экономика не может функционировать надлежащим образом, если ее не дополняет демократическое государство, которое устанавливает соответствующие правила, следит за развитием конкретных рынков во вре-

²¹⁷ Югославия стала передовым примером рыночного социализма, включающего в себя управление рабочими. Из-за недостатка места в данной главе обсуждение ограничивается государствами, которые реформировали советский процесс планирования.

²¹⁸ Краткое изложение ранней литературы см. в: Landauer K. *European Socialism*. Давид Швейкарт убедительно излагает аргументы рыночных социалистов против капитализма (см.: Schweickart D. *Against Capitalism* («Против капитализма»)); Kornai J. *The Road to Freedom: Shifting from the Socialist System*. New York: W.W. Norton, 1990. P. 58. См. также: Stiglitz J.E. *Whither Socialism?* Cambridge, MA, and London: MIT Press, 1998. P. 9.

²¹⁹ Lange O. *Marxian economics and modern economic theory*. *Review of Economic Studies*. 1935. Pp. 68–87; 81.

мени, корректирует распределение доходов и непосредственно предоставляет ряд общественных благ²²⁰.

Здесь экономика не встроена только в рыночные структуры, но требует собственных форм установления правил и принуждения к их исполнению. Рынок и государство являются уравнивающими институтами и опосредованы демократическими структурами и процедурами участников.

С конца 1970-х гг. в государственных социалистических обществах реформаторы опирались на аргументы Ланге: внедрение рынков в условиях общественной собственности, контролируемой господствующей социалистической или коммунистической партией, может заставить социалистическую экономику работать более эффективно. В качестве основных причин, выдвигаемых для реформы планирования советского типа, принимались многие аргументы либеральных экономистов: в частности, то, что рынки обеспечат более эффективную форму ценообразования, удовлетворят потребности потребителей за счет лучшего распределения товаров и услуг и более эффективного распределения ресурсов. Здесь важно отметить, что для сохранения социалистической основы собственности партия-государство останется гегемоном. Вспомните цитату из Весоловского, приведенную выше. Для поддержания социалистической общественной системы было бы необходимо и достаточно отношений общественной собственности, обеспечиваемых партийно-государственным аппаратом. Главная проблема здесь заключалась в том, как на практике рыночный механизм будет интегрирован в государственную систему и как в условиях конкурентной рыночной системы будут обеспечиваться цели политической идеологии социализма.

Реформаторов рыночного социализма ставит в тупик вопрос о том, как разрешить противоречие между целями социализма (бесклассовое общество, моральные обязательства в отношении труда, равные результаты, полная и значимая занятость, прямое обеспечение потребительской стоимости) и социальными и политическими последствиями экономического рынка, обычно измеряемого критериями экономической эффективности, прибыльности и удовлетворения потребителей. Вопрос о том, существует ли здесь непримиримое противоречие, является спорным. Некоторые сторонники рыночного социализма считают, что социалистический рынок и социалистическое планирование могут и должны эффективно сочетаться. Мы вернемся к этим вопросам в главе 8, когда будем рассматривать реформу и разрушение европейского государственного социализма.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ КОЛЛЕКТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Был сформулирован второй блок предложений по реформированию, в котором считалось, что сама концепция централизованного государ-

²²⁰ Miller D. *Market, State and Community: Theoretical Foundations of Market Socialism*. Oxford: Clarendon Press, 1989. Pp. 18–19.

ственного планирования в том виде, в котором она сложилась в СССР, должна подвергнуться преобразованиям. В ответ на советский опыт Эрнест Мандель, Фикрит Адаман и Пэт Девайн предложили альтернативный тип социалистического планирования. Их решение заключается в форме планирования, основанного на участии населения, и более широком демократическом контроле. Эрнест Мандель был стойким защитником принципов социалистического планирования; он утверждал, что изоляция и отсталость СССР обусловили его бюрократическую бесхозяйственность²²¹. Его перекосов можно было бы избежать при «демократически централизованной системе управления рабочими в зрелых индустриальных странах в международном масштабе»²²². Оставляя в стороне глубокие трудности, связанные с международным масштабом глобализованного капитализма, Мандель предполагает создание национальных органов самоуправления (с региональными и местными отделениями), которые взяли бы на себя формирование детальных планов. Его предложения позволят вовлечь «широкие массы граждан» в процесс принятия решений и тем самым уменьшить «бюрократию»²²³.

Фикрит Адаман и Пэт Девайн также утверждают, что бюрократический контроль ведет к неэффективности и что бюрократической системе не хватает предпринимательской напористости. Они утверждают, что коллективное планирование необходимо для обеспечения не только эффективности, но и демократического преобразующего развития социализма. Коллективное планирование — это не просто разновидность планирования, а самостоятельная форма социализма. По мнению Адамана и Девайна, это система, «в которой ценности отдельных людей и коллективов взаимодействуют и формируют друг друга в процессе сотрудничества и переговоров»²²⁴.

Планирование советского типа, по их мнению, предполагало принуждение. Партиципативная система «обходится без принуждения, будь то со стороны государства или рыночных сил»²²⁵. «Согласованная координация» имеет место между «представителями тех, кого затрагивают принимаемые решения, на основе совместного обсуждения множества затрагиваемых интересов»²²⁶. Общее положение заключается в том, что «на каждом уровне принятия решений в их принятии участвуют те, кого они касаются»²²⁷. Этот процесс не предполагает согласования с уже существующими планами, а представля-

²²¹ Mandel E. The myth of market socialism. *New Left Review*. 1988. Vol. 1/169 (May/ June). P. 109.

²²² Ibid. P. 109.

²²³ Обсуждение см. в: Mandel E. In defence of socialist planning. *New Left Review*. 1986. Vol. 1/159 (September–October). Section 7. Articulated Workers' Self- Management.

²²⁴ Adaman F., Devine P. On the economic theory of socialism. *New Left Review*. 1997. P. 75.

²²⁵ Ibid.

²²⁶ Ibid. P. 76. Здесь Адаман и Девайн суммируют аргументы, приведенные в: Devine. *Democracy and Economic Planning*. Cambridge: Polity, 1988.

²²⁷ Adaman F., Devine P. Participatory planning as a deliberative democratic process: A response to Hodgson's critique. *Economy and Society*. 2001. Vol. 30 (2). Pp. 229–239. См. также: Hodgson G.M. Socialism against Markets? A critique of two recent proposals. *Economy and Society*. 1998. Vol. 27 (4). Pp. 407–433.

ет собой «дискурсивный процесс делиберативной демократии»²²⁸. В ходе совещательного процесса Адаман и Девайн уверены в том, что:

наступит консенсус... основанный на взаимном признании легитимности вовлеченных интересов и применении разума, основанного на преобладающей-(их) системе(ах) ценностей. Социальный интерес не достигается путем объединения [как это может быть в рыночной системе], не навязывается сверху [как при централизованном планировании], он достигается в переговорном процессе²²⁹.

Они предлагают форму участия и контроля со стороны заинтересованных сторон. В их схему входит конкуренция между предприятиями и производство ради прибыли. В этом смысле она представляет собой форму рыночного социализма. Предприятия будут реагировать на изменения спроса и предложения через процесс согласованной координации. Адаман и Девайн склоняются от процесса упреждающего планирования к каталаксии спонтанного обмена, подобной той, что предложил Хайек (рассматривалась в главе 2). Согласованная координация происходит на многих уровнях, и в ней участвуют субъекты, соответствующие уровню. Решения глобального масштаба, «такие как решения, касающиеся международного перераспределения, глобальной структуры экономической деятельности или деятельности, имеющей глобальные экологические последствия, будут обсуждаться на глобальном уровне»²³⁰. Общая идея заключается в том, что «самоуправляемые ассоциации гражданского общества осуществляют через своих представителей контроль над экономической деятельностью общества»²³¹.

Такая система не сможет работать, если не будет общего консенсуса по поводу ценности и способов ведения дел. Проблема в том, что приоритеты людей и институтов различны. Результаты зависят от того, как будут разрешены разногласия между интересами, а достичь консенсуса не всегда возможно. Когда консенсуса достичь не удастся, для реализации планов²³² может потребоваться принуждение — примеров тому множество в капиталистических странах, когда правительства планируют строительство новых аэропортов или скоростных автомагистралей или вводят меры по снижению глобального потепления. Во всех обществах цели, которые необходимо достичь, влекут за собой конфликты мнений и интересов по поводу уровня экономического роста, баланса между индивидуальными и национальными потребностями, между интересами нынешнего и будущих поколений, а также по вопросам использования и сохранения окружающей среды.

²²⁸ Adaman F., Devine P. Participatory planning as a deliberative democratic process: A response to Hodgson's critique. *Economy and Society*. 2001. Vol. 30 (2). P. 234.

²²⁹ Ibid. P. 237.

²³⁰ Adaman F., Devine P. On the economic theory of socialism. *New Left Review*. 1997. Pp. 77–78.

²³¹ Adaman F., Devine P. The promise of participatory planning: A rejoinder to Hodgson. *Economy and Society*. 2006. Vol. 35 (1). Pp. 141–147.

²³² Именно в этом заключается суть критики Ходжсона. См.: Hodgson G.M. *Socialism against markets?* P. 408.

Нельзя отрицать, что консенсус может быть достигнут в ходе демократического обсуждения. Хорошо понятен тот факт, что необходимо консультироваться и согласовывать различные интересы. Однако здесь есть свои ограничения. Необходимость наличия авторитетного органа (т.е. легитимного использования власти) влечет за собой принуждение, когда различные интересы не могут быть согласованы. Последствия принятия демократических решений часто подразумевают наличие победителей и проигравших — последним (в конечном счете) придется принять «демократическое решение» точно так же, как и бюрократическое решение, которое они категорически не одобряют. Действительно, демократические решения могут сделать принуждение более справедливым и приемлемым. Но это не меняет того факта, что в условиях демократии, когда интересы непримиримы, большинство может законно принудить меньшинство принять решение большинства. Единично, в которых происходит демократический процесс, также приводят к противоречивым результатам. Например, в федеративных государствах входящие в их состав республики часто добиваются, вполне демократическим путем, результатов, идущих вразрез с мнением федеральной власти, что иногда даже приводит к отделению. (Решения Европейского союза часто не разделяются большинством граждан во многих странах-членах. Другой пример — решение Великобритании о выходе из ЕС не одобряется большинством жителей Шотландии.)

Принуждения нельзя избежать ни с помощью централизованного плана, ни с помощью рыночного механизма: введение планирования в демократические рамки, основанные на широком участии населения, узаконивает принуждение. Более того, последствия таких обсуждений с участием населения могут быть несовместимы с национальным социалистическим экономическим планом. Например, планы, разработанные на более высоком уровне и направленные на защиту окружающей среды или на обеспечение равных возможностей, могут оказаться несовместимыми с мнением и интересами тех, на кого такая политика оказывает негативное влияние, и они, если составляют большинство, вполне логично могут потребовать «демократического» права отвергнуть ее. Социалистическое государство, как и любое другое государство, должно поддерживать и обеспечивать соблюдение своих правил. Планирование» предполагает принятие упреждающих решений. Поэтому планировщики, как и архитекторы, имеют представление о типе общества, которое они хотят построить. Альтернативная точка зрения заключается в том, что планирующий орган (созданный на коллективной основе) будет удовлетворять социальные потребности, определяемые в интерактивном режиме по частям.

Я допускаю, что плюралистическая природа экономической формации может привести к положительным результатам, особенно на низших уровнях. Идеи Адамана и Девайна о коллективном участии обладают своими достоинствами, бросая вызов бюрократизированному централизованному контролю. Приветствуется участие в «управлении ... экономикой общества тем

или иным способом»²³³. Но если согласованное участие возможно в условиях социального плюрализма, по той же логике, почему оно невозможно в рамках государственного планирования? Ставить «дилемму» между «авторитарным» планированием и «демократическими» рынками — значит ставить неверный вопрос, поскольку планирование может быть демократическим, а рынки не претендуют на демократичность²³⁴. Не должно быть никаких препятствий для участия граждан в разработке и мониторинге централизованного плана. Государственное планирование не обязательно должно быть деспотичным — оно должно и может быть основано на мнениях и интересах субъектов и заинтересованных лиц.

ОГРАНИЧЕННЫЙ ХАРАКТЕР РЕФОРМ ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОМ СОЦИАЛИЗМЕ

Рассмотренные ранее аргументы носят идеологический и теоретический характер. В практической политике государственных социалистических обществ существовали серьезные препятствия для реформирования процессов планирования. До середины 1980-х гг. перспективы существенных отступлений от устоявшегося государственного планирования были отдаленными. Институциональная структура государственного социализма, а также сдерживающая роль партийно-государственного аппарата и его идеология создания безрискового, уравнительного государства всеобщего благосостояния препятствовали какому-либо существенному переходу к экономике рыночного типа в рамках государственного планирования. На Западе критики считали, что «тоталитарная» природа обществ советского типа делала их «революционно устойчивыми», как выразился Зигмунд Бауман²³⁵. Под этим он подразумевал, что любые значительные внутренние преобразования советской системы были невозможны из-за деспотичного контроля. Он ошибался. Как в социалистических странах Европы, так и в Китае внедрение рынков привело к появлению неолиберальных компонентов в экономике, в частности к большой приватизации.

Прежде чем рассмотреть в главе 8, как происходило уничтожение государственных социалистических экономик, обратимся к социал-демократическим правительствам в Западной Европе. Одновременно со строительством плановой экономики в Центральной и Восточной Европе происходили важнейшие события в Западной Европе, где после Второй мировой войны была установлена более мягкая форма социал-демократического государственно-го строя. Появилась вторая реальная альтернатива конкурентному капита-

²³³ Adaman F., Devine P. The promise of participatory planning. P. 146.

²³⁴ Bockman J. Markets in the Name of Socialism: The Left-wing Origins of Neoliberalism. Stanford: Stanford University, 2011. P. 200.

²³⁵ Bauman Z. Social dissent in the East European political system. *European Journal of Sociology*. 1971. Vol. 12. Pp. 25–51.

лизму — социал-демократическое государство всеобщего благосостояния. В следующей главе я покажу, как социал-демократические партии на начальном этапе добились аналогичных успехов, но столкнулись с аналогичными проблемами, прежде чем потерпели поражение на выборах от сил неолиберализма. История государственного социализма и социал-демократии развивалась по схожей траектории. Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер стали источником вдохновения для начинающих сторонников политических и экономических реформ как в государственных социалистических, так и в социал-демократических капиталистических обществах. В следующей главе мы рассмотрим, как социал-демократия (на примере британской Лейбористской партии) была захвачена неолиберализмом.

6 УПАДОК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

После Второй мировой войны победившие западные капиталистические страны столкнулись с проблемами восстановления. Три основные парадигмы экономической и политической организации: конкурентный рыночный капитализм, построенный по иерархическому принципу, государственный социализм и социал-демократическое государство всеобщего благосостояния. Конкурентный рыночный капитализм сохранился в США, но в остальном мире он потерпел серьезное поражение. Депрессия межвоенного периода и громкое поражение правых сил во время войны ослабили легитимность капитализма, а западноевропейские страны столкнулись с освободительными движениями в своих колониях. Советская плановая экономика стала вызовом капитализму. Западные государства должны были «обеспечить мир», и для этого были разработаны скоординированные общества всеобщего благосостояния. В настоящей главе повествуется о первых успехах западноевропейской социал-демократии, которая ввела скоординированную экономику всеобщего благосостояния. Основное внимание уделяется Лейбористской партии Великобритании, которая используется в качестве ориентира для европейской социал-демократии²³⁶.

В 1945 г., спустя всего 28 лет после большевистской революции в России, в крупнейших странах Западной Европы в результате выборов к власти пришли социал-демократические правительства (иногда в коалициях или при поддержке коммунистических или либеральных партий). К власти пришли

²³⁶ Рассмотрение других социал-демократических стран выходит за рамки данной книги. См., например: Sassoon. One Hundred Years of Socialism.

правительства, предложившие социал-демократическую форму капитализма, альтернативную либеральному капитализму межвоенного периода. Эти правительства проводили поэтапную политику реформ, в основе которой лежал принцип равенства и социальной справедливости. На практике либеральные и консервативные партии также поддерживали «социал-демократическую» политику, направленную на обеспечение равенства возможностей и расширение демократии, которая часто включала в себя расширение общественной собственности.

В Великобритании на всеобщих выборах 1945 г. Лейбористская партия набрала 47,7% голосов, что дало лейбористам большинство в 146 мест в парламенте. Аналогичные политические события происходили и в Западной Европе: социалисты и коммунисты получали достаточную поддержку на выборах, чтобы формировать правительства или участвовать в них²³⁷. В Скандинавских странах социал-демократия была особенно сильна. Несмотря на то, что левые явно находились в авангарде, консервативные политические группы имели значительное число сторонников. В Великобритании, например, консерваторы получили 39,7% голосов, что дало им 210 мест. Даже в результате победы, которую назвали «уверенной», лейбористы получили лишь чуть более трети голосов избирателей (общего числа зарегистрированных для голосования)²³⁸. В Германии в 1949 г. консервативная партия христианских демократов была самой крупной партией, получив 35% голосов и 207 мест. Если это и был «красный прилив», то он, несомненно, увлекал за собой множество больших праворадикальных лодок.

В развитых капиталистических государствах крупные движения, противостоящие капитализму, также приняли форму хорошо поддерживаемых коммунистических партий в Италии, Франции, Финляндии и Греции. На социалистические движения во всех этих странах в разной степени повлияли идеи марксистов, а также опыт и практика Советского Союза. Они были антикапиталистическими в том смысле, что нерегулируемые рынки и неконтролируемая частная собственность отвергались как средство дальнейшего развития человечества. Однако коммунисты не были достаточно сильны ни в одной из западноевропейских стран, чтобы получить государственную власть. Тем не менее они оказывали влияние на политику, а также играли важную роль в местных органах власти и профсоюзах. Лейбористская партия Великобритании после Второй мировой войны была реформистской, демократической и парламентской. В партии были члены и сторонники, которые стре-

²³⁷ В Западной Германии в 1949 г. Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) получила 29% голосов, или 140 мест, а коммунистические партии — 5,7% голосов, или 15 мест; во Франции на выборах 1945 г. Коммунистическая партия получила наибольшее число голосов (26,2% и 161 место), а Социалистическая партия — 23,4% при 150 местах; в Италии Итальянская социалистическая партия в 1946 г. получила 20,7%, или 115 мест, а коммунисты — 19%, или 104 мест. О Германии см: Parties and Elections in Europe (Партии и выборы в Европе), <http://www.parties-and-elections.eu/germany2.html> Подробности о выборах в Западной Европе 1941–1950 гг. см.: Sassoon. One Hundred Years of Socialism. P. 118.

²³⁸ Данные в разделе УК (Великобритания) см. в: <http://www.parties-and-elections.eu>

мились к преобразованию капитализма, а также те, кто верил, что с помощью кумулятивных реформ капитализм может быть реформирован в пользу социалистического общества высшего типа.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Парламентский социализм был шаблоном Лейбористской партии. Он был задуман как умеренное, постепенное, приемлемое для избирателей движение, национальное по своей направленности. Аналогичным образом, в Западной Европе крупные реформы были инициированы недавно пришедшими к власти левыми и либеральными партиями. Важно отметить, что многие из этих реформ системы социального обеспечения были приняты несоциалистами. Так, в Великобритании планы послевоенного восстановления были разработаны еще во время Второй мировой войны. Доклад Бевериджа (1942), представленный Уильямом Бевериджем, либеральным экономистом, подготовленный коалиционным правительством Консервативной и Лейбористской партий в военное время, был направлен на ликвидацию «пяти зол»: убожества, невежества, нужды, праздности и болезней, что легло в основу британского государства всеобщего благосостояния после 1945 г.

В отличие от всемирного значения победы большевиков, провозглашенной Лениным и его последователями в России, социал-демократические партии представляли свои программы как реакцию на недостатки капитализма²³⁹. Британская лейбористская партия является ярким примером прогрессивной социал-демократии в правительстве. В 1945 г. ее программный документ «*Давайте смотреть в будущее*» (*Let Us Face the Future*) провозгласил:

После победы [в Первой мировой войне] [у народа] пропал живой интерес к социальным и экономическим проблемам в условиях мира, и он принял предвыборные обещания лидеров партий антирабочего толка за чистую монету... Народ потерял этот мир. И когда мы говорим «мир», мы имеем в виду ... социальную и экономическую политику, которая последовала за боевыми действиями ... Аналогичные силы действуют и сегодня. [Но корыстные интересы не смогли извлечь из этой войны такую же прибыль, как из предыдущей. 100%-ный налог на сверхприбыль, контроль над промышленностью и транспортом, справедливое нормирование продовольствия и контроль над ценами... все это помогло выиграть войну. Благодаря этим мерам страна прибли-

²³⁹ Обзор послевоенной истории Лейбористской партии см. в: Pelling H., Reid A.J. *A Short History of the Labour Party*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005 edn; Plant R., Beech M., Hickson K. *The Struggle for Labour's Soul: Understanding Labour's Political Thought since 1945*. London: Routledge, 2004; Miliband R. *Parliamentary Socialism*. London: Merlin, 1972. Обзор социализма в Западной Европе см.: Sassoon. *One Hundred Years of Socialism*.

зилась к тому, чтобы сделать «справедливое распределение» национальным правилом, как никогда ранее в своей истории²⁴⁰.

Британская социал-демократия — это протест против несправедливости, неравенства и бедности, порожденных капитализмом. Лейбористская партия принимала параметры капиталистического общества — парламентскую демократию, частную собственность и плюралистическое общество. Его программа 1945 г. основывалась на статистических, велфаристских, противостоящих свободному рынку принципах. Было принято, что полная занятость является обязанностью правительства — она должна быть достигнута путем государственного управления экономикой с использованием кейнсианских методов. Реформаторы были согласны с тем, что государство должно и будет играть ведущую роль в обеспечении экономического и социального благосостояния населения, включая государственную собственность на обанкротившиеся отрасли. Важным фактором, обусловившим это, было то, что все западноевропейские государства вышли из войны, когда рыночные процессы находились в подавленном состоянии. Формы предпринимательства, введенные социал-демократическими правительствами, управлялись государством и включали государственные корпорации, работающие в рамках рыночной экономики.

ДОСТИЖЕНИЯ БРИТАНСКОЙ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ В ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Хотя многие комментаторы часто пренебрежительно отзываются о социал-демократических партиях на том основании, что они работают в рамках капитализма, следует признать, что Лейбористская партия Великобритании существенно изменила британский либеральный капитализм периода, предшествовавшего Второй мировой войне. После Второй мировой войны в Великобритании были национализированы черная металлургия, авиа- и судостроение, автомобильные и железные дороги, транспортные системы и каналы, гражданская авиация, предприятия электро-, газо- и водоснабжения. Банк Англии был национализирован, а некоторые банки («муниципальные банки») перешли в собственность территориальных органов самоуправления. Правительство владело значительной долей акций в крупных частных корпорациях, таких как British Petroleum. Оно также осуществляло контроль над обменным курсом стерлинга и экспортом капитала, а до 1950-х гг. — регулировало цены на многие товары. Британская радиовещательная корпорация (Би-би-си) монополизировала радио и зарождающееся телевидение.

²⁴⁰ Цитаты из предвыборного манифеста лейбористов 1945 г. Let Us Face the Future доступно по ссылке: www.labour-party.org.uk/manifestos/1945

Высокие ставки налогообложения были введены для финансирования Второй мировой войны и сохранялись в послевоенный период. В Великобритании самая высокая ставка налога оставалась на уровне 90% от дохода в период с 1953 по 1970 г.²⁴¹ (включая период правления консерваторов с 1951 по 1964 г.).

Следовательно, правительства послевоенного периода располагали крепкой налоговой базой, на которую можно было опираться при финансировании государства всеобщего благосостояния. В послевоенный период вплоть до 1979 г. распределение доходов стало гораздо более равномерным. Изменения отражены на рис. 6.1, где показана доля национального дохода в Великобритании, приходящаяся на 0,5% населения.

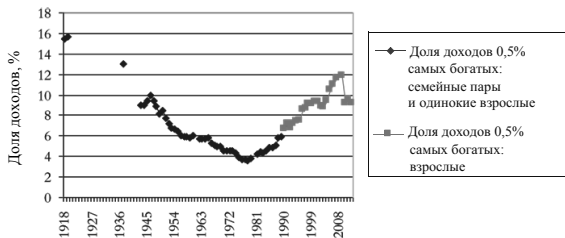

Рис. 6.1. Великобритания: доля доходов 0,5% самых богатых людей, 1918–2008 гг.

Источник: The World Top Incomes Database.

Available at: <http://topincomes.g-mond.parisschoolofeconomics.eu/>

Доля самой богатой группы населения снижалась еще в период до Второй мировой войны, а в послевоенные периоды правления лейбористов (1945–1951, 1964–1970, 1974–1979) и при консерваторах (1951–1964 и 1970–1974) она продолжала расти. Отметим, что, предваряя обсуждение в последующих главах, мы видим на графике, что с 1979 г. при Маргарет Тэтчер тенденция изменилась на противоположную, а при Тони Блэре продолжила движение по спирали вверх. В начале послевоенного периода в Лейбористской партии сформировалась политическая культура, в которой была сильна вера в поощрение равенства и неприятие многих аспектов капитализма. Режимы социального обеспечения были заключены в смешанную экономику со значитель-

²⁴¹ Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. New York: Harvard University Press, 2014. P. 499.

ной государственной собственностью и контролем, действующим посредством рынка. Хотя реформы, ознаменовавшие формирование государства всеобщего благосостояния, получили межпартийную политическую поддержку, лейбористская партия получила признание за их осуществление.

Легитимность государственной собственности обосновывалась не марксистским понятием отмены эксплуатации, а ее большей экономической эффективностью. «Общественная собственность на предприятия газо- и электроснабжения снизит тарифы, предотвратит растраты, вызванные конкуренцией, откроет путь для скоординированных исследований и разработок и приведет к реформированию неэкономичных областей распределения»²⁴². Другие крупные отрасли, такие как автомобилестроение, текстильная, химическая, строительная, издательская, а также более мелкие предприятия продолжали оставаться в частной собственности. Модель национализированных отраслей промышленности была разработана под сильным влиянием опыта Герберта Моррисона по организации (довоенного) Лондонского управления пассажирского транспорта, а не на основе социалистических принципов участия в принятии решений²⁴³. Общественная собственность была распространена на коммунальные предприятия. Позже британское правительство вмешалось в процесс национализации компаний, которым грозил крах: были поглощены *Feranti* и *British Leyland* (одна из крупнейших британских автомобилестроительных компаний). Государство также вытеснило других участников с рынка социальных услуг. Национальная служба здравоохранения способствовала развитию здравоохранения. Государственное жилищное строительство под управлением местных властей поддерживалось и укреплялось за счет централизации и объединения сферы производства и использования строительных материалов и сопровождалось контролем цен. В то время как рыночный капитализм таким образом сдерживался, требования партийных съездов лейбористов о государственной собственности на землю, тяжелую промышленность и банки, а также требования о «списке для покупки» 200 крупнейших компаний были проигнорированы лейбористским правительством. Позже подобные предложения были полностью отвергнуты руководством Лейбористской партии при Тони Блэре. Целью лейбористов у власти была не столько идеология, сколько практическая политика, и легитимация государственной собственности была основана на прагматических политических соображениях эффективности и результативности. Тем не менее социал-демократия у власти представляла собой форму координируемого государством капитализма благосостояния, отличную от либерального капитализма и, конечно, сильно отличающуюся от того, что должно было последовать за ним — неолиберализма.

Лейбористские правительства также проводили прогрессивные, толерантные меры во внутренней политике. Они отменили смертную казнь и приняли другие социальные законы: реформы, легализующие гомосексуальность и аборт. Позже, во внешней политике, вооруженные силы не были втяну-

²⁴² Цитаты из предвыборного манифеста лейбористов 1945 г. *Let Us Face the Future*.

²⁴³ Donoghue B., Jones G.W. Herbert Morrison. London: Weidenfeld and Nicolson, 1973.

ты во Вьетнамскую войну. Однако лейбористское правительство не проявляло симпатий к развивающемуся коммунистическому блоку. Партия подписала Брюссельский пакт, заключенный 17 марта 1948 г., который предвосхитил создание Организации Североатлантического договора (НАТО), направленное против Советского Союза. В 1947 г. она также вновь ввела призыв в вооруженные силы для всех молодых людей старше 18 лет, которые должны были участвовать в зарубежных войнах лейбористов — в Малайе и Корее. Лейбористская партия поддержала господствующий политический миропорядок, и позднее, при Тони Блэре, регулярная армия Великобритании была активно задействована в Ираке и Афганистане.

Социал-демократия стала политической идеологией и практикой, направленной на снижение неопределенности результатов рыночной экономики, устранение социальной несправедливости и смягчение распределительного неравенства капитализма путем постепенных демократических реформ. Социал-демократические партии действуют не как контркультуры капитализма, а как субкультуры, работающие внутри него, продвигая альтернативную форму капитализма благосостояния.

Послевоенный период в Великобритании, по крайней мере на уровне политических элит, был периодом социального консенсуса. Консервативное правительство вплоть до эпохи правления Маргарет Тэтчер принимало реформы, в частности касающиеся государственной собственности. Не произошло ни денационализации государственных отраслей, ни отмены институтов социального обеспечения, таких как Национальная служба здравоохранения, созданная лейбористским правительством. В результате этого реформаторского духа Великобритания имела значительный промышленный сектор, находящийся в государственной собственности, значительные полномочия по контролю над экономикой, а социальный сектор — образование, социальные услуги (включая комплексное медицинское обслуживание и государственные пенсии) — финансировался правительством за счет налогов.

Национализация предприятий была не только политикой лейбористской партии, но и частью управляемого европейского капитализма 1970-х гг. В большинстве стран Западной Европы электроэнергетика, газовая, угольная и сталелитейная промышленность, а также гражданская авиация в основном принадлежали государству, а в Австрии, Франции, Великобритании, Италии и Западной Германии государство владело значительными долями в автомобилестроительной промышленности; железные дороги, почта и телекоммуникации, а также атомная энергетика находились в государственной собственности²⁴⁴. Позже неолиберальные правительства нацелились на приватизацию государственных отраслей.

Было четыре основных события, которые предрасположили британские правительственные к политике государственного социального обеспечения. Во-первых, неспособность капитализма в межвоенный период поддерживать высо-

²⁴⁴ Подробную информацию см. в: Foreman-Peck J., Federico G. *European Industrial Policy*. Oxford: Oxford University Press, 1999. Pp. 441–442.

кий уровень занятости в результате экономической депрессии, а также потеря рынков в империи после Второй мировой войны. Во-вторых, поражение правых движений (в Германии, Италии и Румынии) во Второй мировой войне. В-третьих, социальные успехи, достигнутые государственным социализмом. В-четвертых, войны сыграли решающую роль в процессе политических изменений — прямо или косвенно. Правительства организовывали военные действия, частные компании были поставлены под государственный контроль, рыночная конкуренция была заменена планированием военного времени, действовала система прогрессивного налогообложения.

В Западной Европе последствия войны создали условия для того, чтобы действующие правительства провели гражданские преобразования — «обеспечили мир». Они закрепили форму капитализма, значительно отличающуюся от либерального капитализма, посредством частичной государственной собственности, экономического контроля над рынком и политики социального равенства²⁴⁵. Стратегия социал-демократических и реформистских партий заключалась в завоевании контроля над государством; основным средством была кейнсианская политика управления экономикой. Форма социал-демократического капитализма отличалась не только от либерально-рыночной разновидности, но и от экономических моделей социалистических стран Восточной Европы и позднее Китая. Хотя между социал-демократическими режимами существовали значительные различия, было достаточно сходства, чтобы выделить социал-демократическое общество с точки зрения их политической формации, доминирующих ценностей, типов собственности и роли государства²⁴⁶. Они представляли собой образцовую модель социально управляемого типа капитализма всеобщего благосостояния.

В табл. 6.1 представлены основные различия между либеральным рыночным капитализмом, социал-демократией благосостояния и государственным социализмом.

Если государственная социалистическая форма экономической координации была иерархической (хотя и с некоторыми рыночными компонентами), то социал-демократическая формация была плюралистической и гибридной. Рынок и максимизация прибыли по-прежнему действуют в крупном частном секторе. Политические партии, как правило, с сильной классовой зависимостью, боролись за посты в парламенте. Несмотря на проникновение государственной собственности, корпоративная собственность все еще оставалась в основном частной. Политические цели заключались в обеспечении выравнивания уровней (в основном) доходов, а также в продвижении позитивных ценностей свободы: это предполагало ограничение

²⁴⁵ О развитии событий в Европе см. в: Padgett, Paterson. A History of Social Democracy in Post-war Europe.

²⁴⁶ Бруно Амабле относит Данию, Финляндию и Швецию к «социал-демократическому капитализму». Великобританию послевоенного периода автор включает в категорию социал-демократического капитализма, которая впоследствии перешла к американской модели, основанной на рыночных отношениях. См.: Amable B. The Diversity of Modern Capitalism. Oxford: Oxford University Press, 2003. Pp. 171–180.

Таблица 6.1

**Капиталистические, социал-демократические и коммунистические
организационные принципы**

Социальные факторы	Рыночный капитализм	Социал-демократия	Государственный социализм
Социальные цели	Свобода личности	Равенство возможностей	Коммунистическое общество
Тип свободы	Свобода «от»	Свобода «к»	Свобода «к»
Форма координации	Рынок	Рынок/государство	Государство/рынок
Интеграция/ценности	Индивидуалистическая	Индивидуалистическая/коллективные	Коллективное планирование
Недвижимость	Частная	Общественная/частная	Общественная
Классовая структура	Множество классов	Множество классов	Один класс
Экономическая эффективность	Максимизация прибыли	Государственное регулирование/частная прибыль	Государственное регулирование/планирование
Политическая легитимность	Конкурентные выборы	Конкурентные выборы	Коллективистская/партийная
Масштаб рынков	Национальный/региональный/глобальный	Национальный/региональный/глобальный	Национальный/региональный
Социальная база партий	Класс + нация	Класс/разделение труда Класс/отношения собственности	

рынка и расширение свободы граждан в доступе к социальным благам, таким как жилье, образование и здравоохранение.

Однако социал-демократические партии не смогли достичь своих более широких целей. К концу 1970-х гг. социал-демократия в правительстве столкнулась с возрождением рыночного капитализма, который принял форму неолиберализма. И западная социал-демократия, и советский социализм утратили власть и легитимность в 1980-е гг.

Подрывая силу и привлекательность социал-демократии и являясь основой для подъема неолиберализма, фундаментальные изменения в организации капитализма трансформировали национальный капитализм в транснациональный, о чем мы поговорим в главе 8. Но сначала рассмотрим электро-ральную политику Великобритании и неспособность социал-демократии укрепить свои позиции в последней четверти XX в. Эта неудача, сопровождав-

шаяся ростом неоллиберализма, также оказала значительное влияние на государственные социалистические общества в Восточной Европе и Китае.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАПАДНОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

В первые послевоенные годы британская экономика при лейбористском правительстве развивалась относительно успешно²⁴⁷. Социал-демократия всеобщего благосостояния была популярна. Великобритания успешно восстанавливалась после войны и экспортировала продукцию на разоренные европейские рынки, а также на рынки стран Содружества. Пока европейские страны восстанавливались, британская экономика столкнулась со значительными трудностями. С конца 1960-х гг. страну охватила инфляция, дефицит торгового баланса привел к девальвации, а в июне 1969 г. правительству потребовался резервный кредит от МВФ. Дефицит торгового баланса сохранялся и в 1970-х гг. В первый послевоенный период была фактически достигнута полная занятость, а уровень зарегистрированной безработицы снизился до 2,5%. С середины 1970-х гг. безработица выросла до более чем 5%, что в то время считалось чрезмерно. Необычным в цифрах безработицы конца 1970-х гг. было то, что они совпали с высоким уровнем инфляции — явлением, известным как стагфляция.

Первопричиной экономических проблем стала неспособность британской промышленности после послевоенного экономического бума успешно конкурировать. Валовой национальный продукт (ВНП) на душу населения не увеличивался в период с 1970 по 1978 г. Инфляция была намного выше, чем в других странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), хотя процентные ставки в 1978 г. составляли 12,5% по сравнению с 3% в Германии. Безработица также была высокой и достигла 6,1% в 1978 г. по сравнению с 3,9% в Германии. Широко распространено мнение, что в этом виновата политика лейбористского правительства под руководством Гарольда Вильсона (избранного в 1964 и 1966 г.), хотя с 1951 по 1964 г. у власти находились консерваторы. Критики лейбористской администрации, следуя линии либеральных экономистов, утверждали, что регулируемая форма социал-демократического капитализма может функционировать только со значительными экономическими и социальными издержками.

Для объяснения неудач британской экономики в тот период были выдвинуты три основных аргумента, которые относились ко всем политическим

²⁴⁷ Эпоха правления М. Тэтчер освещается многими работами. В частности, см.: Wilson E. A Very British Miracle: The Failure of Thatcherism. London: Pluto, 1992; Wheatcroft G. The Strange Death of Tory England. London: Allan Lane, 2005; Pugh M. Speak for Britain! A New History of the Labour Party. London: Bodley Head, 2010; Miliband R. Socialism for a Sceptical Age. Cambridge: Polity, 1994; King D.S. The New Right: Politics, Markets and Citizenship. London: Macmillan, 1987.

администрациям, включая консерваторов из «Единой нации» под руководством Гарольда Макмиллана. Первый — структурный и управленческий: это недостаточный уровень квалификации рабочей силы, отсутствие предпринимательского духа и навыков управления, низкий уровень инвестиций и недостаточное обновление капитала. Результатом стали низкая производительность труда, неспособность конкурировать на мировых конкурентных рынках, падение прибыли и заработной платы. Многие утверждали, что обменная стоимость фунта стерлингов была слишком высокой и что следовало провести девальвацию, чтобы сделать экспорт более конкурентоспособным.

Второй — деятельность профсоюзов. В Великобритании существовала децентрализованная профсоюзная структура с возможностью диалога между работниками и работодателями на местах. С 1950-х гг. промышленные споры стали широко распространены, а в некоторых компаниях делегаты от рабочих брали на себя инициативу по организации «стихийных забастовок». Сменявшие друг друга правительства пытались законодательно контролировать деятельность профсоюзов. В 1969 г. при правительстве Вильсона был представлен законопроект «На месте раздоров», который ограничил бы полномочия профсоюзов, но был отозван после противодействия профсоюзов. Правительство консерваторов при Эдварде Хите ввело новый закон — Акт о производственных отношениях 1970 г. Это, в свою очередь, привело к резкому росту забастовочной активности. Если в 1950 г. средний показатель составлял около 3 млн потерянных рабочих дней, то в 1972 г. он вырос до 23,9 млн. Лейбористское правительство, избранное в 1974 г., также было подвержено забастовкам; в частности, в 1979 г. было потеряно 29,5 млн рабочих дней²⁴⁸. Профсоюзы повсеместно считались злодеями, превратившими Британию в неуправляемую страну. Конечно, отношения между работниками и руководством были конфронтационными. Несмотря на публичное обвинение профсоюзов, их действия были спровоцированы внутренними структурными условиями.

Третий аргумент: кейнсианская экономическая теория. Кейнсианская политика в ее интерпретации в 1970-х гг. не работала. Управление спросом (увеличение государственных расходов) не привело к сокращению безработицы, как и не увеличило экономический рост. А повышение процентной ставки не сдерживало инфляцию. Многие пришли к выводу, что кейнсианские теории управления экономикой больше не применимы к послевоенным условиям. Важным поворотным моментом стало выступление Джеймса Каллагана, который, будучи лидером Лейбористской партии, заявил на конференции Лейбористской партии в 1976 г., что:

Раньше мы думали, что можно выйти из рецессии и увеличить занятость, снизив налоги и увеличив государственные расходы. Скажу вам со всей откровенностью, что такой возможности больше не существует, а если она и существовала, то каждый раз после войны срабатывала только в том случае, если

²⁴⁸ См.: Wilson. A Very British Miracle. P. 11.

в экономику вводилась большая доза инфляции, за которой следовал более высокий уровень безработицы в качестве следующего шага²⁴⁹.

В основе проблем лейбористского правительства лежал финансовый кризис: чтобы поддержать стоимость фунта стерлингов, правительство согласилось на крупный кредит МВФ (3,9 млрд долл.), что потребовало проведения программы жесткой экономики, предполагающей сокращение государственных расходов. Кейнсианская политика государственных расходов, направленная на преодоление рецессии и безработицы, была отвергнута. Как мы узнаем, их место занял тэтчеризм. Другие социальные изменения также оказали значительное влияние на ослабление традиционной политики Лейбористской партии, к которой я вернусь позже.

УТВЕРЖДЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЛЕЙБОРИСТОВ

Руководство Лейбористской партии Великобритании проводило свою традиционную политику. Оно предлагало дальнейшую национализацию промышленности и значительные шаги во внешней политике для отдаления от гегемонии США. Вплоть до прихода к власти Майкла Фула руководство партии противостояло призывам к внутренней «модернизации», и, несмотря на серьезные разногласия внутри руководства, оно выступало с откровенно социалистической платформой. В 1973 г. под влиянием Тони Бенна в программу партии были включены предложения по национализации 25 крупных компаний²⁵⁰. Бенн решительно выступал за то, чтобы будущие предложения о национализации включали политику промышленной демократии. Парламентское руководство Лейбористской партии, в частности Гарольд Вильсон, избранный членами парламента и ответственный перед ними, отвергло подобные стратегии.

Партия проводила политику, которая, если бы была выполнена, значительно ослабила бы либеральный капитализм, чтобы достичь своей цели по созданию государственной формы социализма. Манифест лейбористов 1983 г. — «Новая надежда для Британии»²⁵¹ — принял радикальную социал-демократическую перспективу. Кейнсианство было одобрено как политика, способная обеспечить полную занятость. Манифест предлагал национализацию главных отраслей промышленности, подтверждал поддержку общественных услуг, сохранение и развитие Национальной службы здравоохранения, выступал за большее равенство на работе и упразднение Палаты лордов. Предстояли серьезные изменения во внешней политике, фактически разрыв с военным

²⁴⁹ Party L. Annual Conference Report 1976. P. 188. Цитируется в Википедии в разделе James Callaghan.

²⁵⁰ См.: Panitch, Leys. Searching for Socialism. Pp. 58–63.

²⁵¹ Цитаты взяты из: 1983 Labour Manifesto. The New Hope for Britain. Available at: <http://www.labour.org.uk/manifestos/1983>

альянсом США и НАТО и выход из Европейского экономического сообщества (позже ставшего Европейским союзом).

Манифест предусматривал «значительное увеличение государственных инвестиций, в том числе в транспорт, жилищное строительство и энергосбережение». Серьезные изменения произойдут и во внешней политике, включая запрет ядерного оружия и выход из НАТО. В «Манифесте» подробно описаны преобразовательные предложения Лейбористской партии, которые послужили образцом для радикальной социал-демократической альтернативы либеральному капитализму. Первой целью было увеличение государственных инвестиций, особенно в новые технологии. Второй целью было «восстановление британской промышленности, работа в новых рамках планирования и промышленной демократии». В качестве третьей цели, лейбористы должны были «создать более справедливую Британию с достойными социальными услугами для всех». Четвертая цель — «внедрение программы позитивных действий для продвижения прав и возможностей женщин и назначение министра кабинета для продвижения равенства между полами». Наконец, в международных делах партия будет «предпринимать новые инициативы по продвижению мира и развития». Политика включала отмену программы создания ядерных подводных лодок Trident и отказ от использования американских крылатых ракет. Британия также готовится к выходу из Европейского экономического сообщества. Среди других политических мер — поддержка национализированной угольной промышленности, обеспечение пенсионных выплат, поддержка жителей муниципальных домов, а также поддержка владельцев жилья, улучшение юридической помощи, введение законопроекта о свободе информации и передача полномочий Шотландии.

Таким образом, под руководством Майкла Фута была выдвинута радикальная политика, опережающая достижения послевоенной Лейбористской партии. В ее основе лежало видение социалистической Британии: усовершенствованное государство всеобщего благосостояния, независимость от Европейского экономического сообщества (которое, как считалось, контролируется корпоративным бизнесом) и независимая внешняя политика, основанная на ядерном разоружении. Дальнейший отход от рыночного капитализма был бы достигнут за счет расширения государственной собственности (национализации), управления и регулирования. Если бы это было реализовано, то стало бы значительной альтернативной экономической формацией, движущей от конкурентного капитализма в направлении социализма. Но этому не суждено было сбыться. Критики, такие как Джеральд Кауфман, назвали Манифест лейбористов 1983 г. «самой длинной предсмертной запиской в истории».

Серьезным ударом для социал-демократов стало поражение на выборах. Лейбористы проиграли выборы 1983 г. Это стало провалом, от которого Лейбористская партия так и не смогла полностью оправиться, и фактически уничтожило социал-демократическую альтернативу²⁵². Консерваторы вернулись

²⁵² См.: Moschonas G. In the Name of Social Democracy, The Great Transformation: 1945 to the Present. London: Verso, 2002.

к власти, и Маргарет Тэтчер закрепила большую долю своих сторонников в Парламенте, которая выросла с 43 до 144. Лейбористы получили лишь 27,6% голосов — всего на полмиллиона голосов больше, чем Социал-демократическая партия и Либеральный альянс (Альянс СДП/Либералов).

Таблица 6.2

**Поддержка основных партий на выборах в парламент
Великобритании 1979–1992 гг.**

Выборы в Великобритании								
Премьер-министр	Выборы				Выборы			
	Год	Голосов (%)		Полученные места			Явка (%)	
		Конс.	Лейб.	Либ.	Конс.	Лейб.		Либ
Тэтчер	1979	44	37	14	339	268	11	76
Тэтчер	1983	42	28	25	397	209	23	72,7
Тэтчер/Мейджор	1987	42	31	23	375	229	22	75,3
Мейджор	1992	42	34	18	336	271	20	77,7

Источник: Parties and Elections in Europe. Available at: <http://www.parties-and-elections.eu>. See data under UK.

Партии и выборы в Европе. Доступно по ссылке: <http://www.parties-and-elections.eu>. См. данные по Великобритании.

СДП была образована в результате отхода некоторых ведущих умеренных лейбористских политиков (Рой Дженкинс, Билл Роджерс, Дэвид Оуэн и Ширли Уильямс) в 1981 г. Маргарет Тэтчер пришла к власти на волне общественной критики лейбористского правительства. До победы Тэтчер в парламенте в мае 1979 г. Великобритания пережила период экономических и политических беспорядков, предшествовавших «зиме недовольства» 1978–1979 гг. В 1982 г. уровень безработицы достиг примерно 3 млн человек. В то время как правительство стремилось ограничить рост зарплат 5%, профсоюзы (чтобы соответствовать инфляции) требовали повышения до 25%. В поддержку своих требований проводились массовые и широкомасштабные забастовки и демонстрации, в которых участвовали работники государственного сектора, такие как копатели могил, уборщики мусора и персонал больниц.

Общэкономический кризис привел к тому, что лейбористы потерпели последовательные поражения на выборах в 1987 и 1992 г. (см. табл. 6.2). Хотя консерваторы на всех выборах набрали наибольшее количество голосов, им не хватило абсолютного большинства: их доля от общего числа избирателей на выборах 1979, 1983, 1987 и 1992 г. составила 33,1, 30,8, 31,8 и 32,6% соот-

ветственно (в табл. 6.2 не показано). Эти результаты укрепили критиков как внутри социал-демократического движения, так и за его пределами, которые агитировали за отход от идей государственного социализма к более умеренной социал-демократической политике.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Стагнация экономики и беспорядок в британских трудовых отношениях послужили основой для альтернативной экономической и социальной политики. Она исходила от сторонников свободного предпринимательства в Консервативной партии во главе с Маргарет Тэтчер. Консерваторы, как и внутренние критики лейбористов, объясняли кризис и упадок Британии с точки зрения государственной политики, которой придерживались как лейбористы, так и консерваторы «Единой нации». Не работали основополагающие принципы кейнсианской экономической идеологии. Власть профсоюзов, безработица, инфляция и экономический спад — все это было правдой и неприятными фактами. Период, предшествовавший выборам 1979 г., был периодом экономического кризиса, усиленного печатными СМИ, особенно прессой Мердока, которая распространяла враждебную и негативную информацию о лейбористском правительстве.

Противники Лейбористской партии пришли к выводу, что в ней было слишком много социализма, слишком много национализации, слишком много власти у профсоюзов и слишком много государственного вмешательства в рынок. Некоторые из этих критических замечаний можно отнести и к предыдущим правительствам консерваторов, которые управляли страной и поддерживали государственное устройство. Однако критика, описанная ранее, несколько односторонняя и игнорирует структурные проблемы Великобритании, а также ограничения, наложенные на правительство Международным валютным фондом (МВФ). Послевоенные инвестиции были недостаточными по сравнению с инвестициями в континентальную Европу, особенно в Германию. Противники лейбористов были слепы к неудачам британских частных компаний. Британское судостроение, автомобили, велосипеды, мелкие инструменты, а также текстиль и общий производственный сектор испытывали недостаток инвестиций и инноваций. Национализированные отрасли — особенно угольная и железные дороги — были истощены во время войны и не получили достаточного обновления после нее. Государственная политика способствовала установлению низких цен в национализированных отраслях; от них требовалась безубыточность, а не прибыль. Такая политика фактически субсидировала частных потребителей электроэнергии и приводила к социальным убыткам, которые несло правительство.

Международные интересы британских банков поддерживали завышенный обменный курс, чтобы защитить фунт стерлинг. Если бы обменный курс

фунта стерлингов упал, это стимулировало бы экспорт и сократило импорт. Роль США и МВФ в обеспечении стоимости фунта стерлингов иллюстрирует внешние ограничения, с которыми сталкиваются правительства с любым значительным уровнем международной торговли. Британский капитализм не смог приспособиться к конкурентной международной экономике, сложившейся после Второй мировой войны. Забастовки были вызваны не только слабостью лейбористского правительства, но и следствием снижения реальной заработной платы на протяжении многих лет. (Шахтеры не были особо привилегированными и получали примерно среднюю зарплату среди всех работников ручного труда²⁵³.) Многие бастующие были низкооплачиваемыми работниками государственных служб, которые страдали от ограничения заработной платы, а также от последствий инфляции. Маргарет Тэтчер приняла конфронтационную политику по отношению к профсоюзам, и шахтеры были побеждены. После этого организованные в профсоюзы рабочие пали духом.

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Маргарет Тэтчер и «новые правые» добились успеха не только в дискредитации лейбористской политики, но и в трансформации традиционной консервативной. После избрания ее лидером Консервативной партии в 1974 г. она увела политику Консервативной партии от философии «единой нации». Политика перешла от послевоенного консенсуса социал-демократизации и государственного регулирования к свободному функционированию экономического рынка. Какими бы ни были ее недостатки, ее политика оказалась успешной в глазах избирателей. Маргарет Тэтчер была переизбрана на три срока подряд, с очень большим перевесом в 1983 и 1987 г. (см. табл. 6.2). Правительство Тэтчер систематически проводило политику, основанную на неолиберальных принципах.

Чем объясняется ее успех? Ее политика была эффективной. Ей удалось сдержать инфляцию; она обеспечила политическую стабильность, прекратив забастовки и ослабив профсоюзное движение. Это было сделано ценой разрушения традиционной ценности консерваторов — общественного согласия «одна нация». Британия вступила в период экономического роста, хотя и основанного на финансовом секторе и секторе услуг; ей также помогли удачные налоговые поступления от продажи нефти Северного моря. Ее политика находила отклик у преобладающей группы населения, которая не была близка к социалистическим предложениям Лейбористской партии. Она была привлекательна для людей, которые хотели получать вознаграждение по заслугам. Лейбористская партия, в которой некоторые значимые члены также

²⁵³ Wilson. A Very British Miracle. P. 52.

разделяли взгляды Маргарет Тэтчер, была глубоко расколота. Реформаторы в Лейбористской партии обвиняли левую политику, сформулированную руководством, в несостоятельности и нежелательности. Они утверждали, что она была помехой для выборов и должна быть изменена.

ПАДЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Предыдущий анализ проводился с точки зрения текущих событий и недостатков политического руководства. Кроме того, существовали три основополагающих фактора, которые способствовали упадку социал-демократии в конце XX в. и которые предрасполагали многих к принятию неолиберальной политики и отказу от социалистического²⁵⁴. Во-первых, изменение классовой структуры развитых обществ, во-вторых, политическая стратегия реформистской социал-демократии, и в-третьих, глобальный характер капитализма. Эти черты были присущи, и другим капиталистическим странам, но переход к неолиберализму произошел сначала в Великобритании из-за более серьезных проблем, вызванных потерей империи, отсутствием внутреннего коммерческого предпринимательства, конкуренцией со стороны европейских стран и политическим руководством Маргарет Тэтчер и ее советников.

Коренные изменения в британском обществе напрямую повлияли на политические предпочтения. Широко распространено мнение, что спад электоральной активности лейбористов был вызван истощением их электоральной базы. На рис. 6.2 показаны голоса лейбористов по профессиональным категориям в 1983 и 1987 г. В оба года лейбористы получили более 40% голосов полуквалифицированных рабочих, членов профсоюзов и безработных; но за них проголосовала лишь треть квалифицированного рабочего класса, около пятой части низшего звена нефизического труда и менее 15% избирателей среди профессионалов и управленцев. Форма линий иллюстрирует тот факт, что британская политика все еще строилась по классовому принципу — по мере удаления от высших классов голоса лейбористов растут, а консерваторов падают; голоса за Альянс либеральной партии/СДП довольно равномерно распределяются по классовой структуре. Лейбористы по-прежнему пользовались значительной поддержкой среди полуквалифицированных рабочих, членов профсоюзов и безработных. Однако число неквалифицированных рабочих росло, и здесь лейбористы теряли поддержку, особенно в пользу нового и более умеренного Альянса либеральной партии/СДП.

Табл. 6.3 более подробно описывает социальное происхождение отдельных групп избирателей на выборах 1987 г. На ней показывается значительная

²⁵⁴ Lavelle A. The Death of Social Democracy: Political Consequences in the 21st Century. Aldershot: Ashgate, 2008.

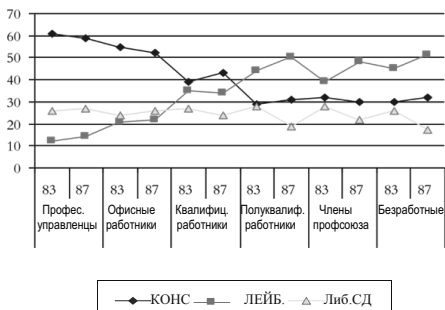

Рис. 6.2. Голосование в зависимости от профессиональной принадлежности: выборы в Великобритании, 1983, 1987 г.

Источник: На основе данных, предоставленных Ivor Crewe.

How to win a landslide without really trying. Based on BBC/Gallup polls. The Guardian, 15 June 1987.

Таблица 6.3

Голосование на всеобщих выборах 1987 г. по социальным классам

	Средний класс			Новый Раб. кл.		Трад. Раб. кл.	
	Унив. образ.	Гос. сект.	Частн. сект.	Дом. влад.	Не член ПС	Жильцы мун. ж.	Шотл. + СИ
Консерваторы	34	44	65	44	40	25	29
Лейбористы	29	24	13	32	38	57	57
Либ./СД	36	32	22	24	22	18	15

Примечание. Раб. кл. — рабочий класс; Унив. образ. — Университетское образование; Гос. сект. — Государственный сектор; Частн. сект. — Частный сектор; Дом. влад. — Домовладельцы (собственники домов); Не чл. ПС — Не член профсоюза; Жильцы мун. ж. — жильцы муниципального жилья; Шотл. + СИ — Шотландия и Северная Ирландия.

Источник: Ivor Crewe. How to win a landslide without really trying. Based on BBC/Gallup polls. The Guardian, 15 June 1987.

нехватка голосов лейбористов в средних классах, где в каждой категории лейбористы оказались в самом низу опроса — даже за Альянсом либеральной партии и СДП. Самая большая группа избирателей из «нового рабочего класса» — тех, кто владеет собственным жильем и не состоит в профсоюзах, — проголосовала за консерваторов. В 1987 г. единственным социальным округом, в котором большинство избирателей-лейбористов составили члены профсоюзов, проживающие в домах муниципалитетов, в Шотландии и Северной Ирландии. Только в последней лейбористы сохранили явное большинство своей традиционной поддержки.

Из этих фактов можно сделать очевидный вывод: лейбористам не удалось привлечь растущие слои среднего класса. Консерваторы получили больше всего голосов от профессионалов, канцелярских служащих и квалифицированных рабочих, а также заручились значительной поддержкой лейбористов в традиционных для рабочего класса округах. Профессиональная структура менялась, и многие утверждали, что «разложение» класса лежит в основе не только снижения результатов на выборах социал-демократических партий, но и упадка социализма как политического движения. Основа социализма — рабочий класс — просто уходила в небытие. «Постиндустриальная» политическая модель, как оказалось, больше не поддерживает коллективистский государственный подход. Это был не только британский феномен: неолиберальная маркетизация заменила социальный рынок в ЕС, и, как мы узнаем в последующих главах, была перенята радикальными реформаторами в Восточной Европе. Ее основные теоретические постулаты были заложены в политику Новых лейбористов, проповедуемую Тони Блэром, о чем мы расскажем в следующей главе.

Сдвиг в голосовании в сторону консерваторов, о котором говорилось ранее, был связан с появлением новых поколений с иными ценностями. Произошло долгосрочное снижение популярности социал-демократической и социалистической идеологий. Технологическая база капитализма изменилась и приобрела глобальную форму. Авторы, пишущие о постиндустриальном обществе, обращают внимание на новые черты капитализма. В частности, силы производства стали «постиндустриальными» или «информационными», а взаимодействие между политикой и экономикой — глобальным. Эти изменения мы рассмотрим в главе 9. Здесь же отметим, что они совпали с перемещением промышленного производства в Азию и на Юг.

Возник «Новый дух капитализма»²⁵⁵, возрождение капитализма как экономической системы, ориентированной на потребителя и максимизацию прибыли, имеющей глобальные масштабы. В основе этого «нового духа» лежала идеология неолиберализма: акцент на свободу, частную собственность, массовое потребление и индивидуализм. Неолиберальная политика имела глобальную привлекательность. Она была одобрена и принята в социалисти-

²⁵⁵ Эта идея развита в: Boltanski L. and Chiapello E. *The New Spirit of Capitalism*. London: Verso, 2007.

ческих обществах Восточной Европы с разрушительными последствиями, о которых мы расскажем в главе 8. В западных индустриальных обществах происходила серьезная перестройка классовой структуры, которая подрывала классовую основу социализма, к чему мы вернемся в главе 9.

Вторым комплексом проблем, обусловивших упадок лейбористов, стал дополнительный сдвиг в развитии капитализма, который приобретал все более глобальный характер. Даже в 1970-е гг., как уже отмечалось, условия, навязанные Международным валютным фондом (МВФ), сдерживали расходы лейбористского правительства. Глобализация усилила власть транснациональных корпораций и международных экономических институтов. Чтобы сохранить международный финансовый авторитет, правительства должны следовать международным правилам, которые при посредничестве международных организаций, таких как МВФ и Всемирная торговая организация (ВТО), ограничивают политику государства и поддерживают частное предпринимательство. Очень немногие государства, захваченные социал-демократическими правительствами, способны успешно противостоять их давлению. Как я покажу в последующих главах, глобализация привела к сокращению полномочий национального государства.

В-третьих, социал-демократии был брошен политический вызов как средству достижения альтернативы капитализму. Лейбористская партия Великобритании продемонстрировала, что альтернативой конкурентному либерализму может быть индустриальное общество в форме государства всеобщего благосостояния. У избирателей появился выбор. Парламентский путь зависит от массовой поддержки избирателей. В случае с британской Лейбористской партией, что типично для социал-демократических партий, даже на пике ее успеха за нее голосовало менее половины избирателей. Таким образом, чтобы сохранить поддержку избирателей в условиях враждебных СМИ, партия может проводить только ту политику, которая пользуется широкой политической поддержкой — иначе она потеряет власть через избирательные урны. Дилемма заключается в том, что политическая стратегия зависит от «победы на выборах». Руководство партии ограничивается реформами «того, что примет общество» (что часто отражает то, что примут корпоративные СМИ), а не продвижением социализма. Следствием этого является то, что такие реформы ассимилируются в существующую систему и, возможно, непреднамеренно, партия превращается в демократическую партию реформ. Такая стратегия порождает дилемму: общественная поддержка рассредоточена; существует сильная оппозиция социалистическим партиям со стороны частных лиц, а также со стороны финансовых, промышленных и сельскохозяйственных предприятий. И любой сбой социалистических мер усиливается враждебными СМИ. Как следствие, происходит потеря парламентской власти. На партию вешается ярлык «недостойной быть избранной».

Эти сценарии ставят вопросы о том, является ли «социалистическая альтернатива» по отношению к капитализму более реалистичной моделью. Может ли социализм преодолеть вызовы, брошенные современной индустри-

альной цивилизацией; наконец, может ли социалистическая альтернатива быть достигнута путем избирательных реформ. Автор постарается ответить на эти вопросы в заключительной главе. В последующих двух главах будут затронуты вопросы относительно того, как и почему западноевропейская социал-демократия и восточноевропейские социалистические партии отказались от предложенной им социалистической альтернативы и под видом обновления социализма перешли к неолиберальному экономическому и моральному порядку.

7

ПРЕВРАЩЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В «ТРЕТИЙ ПУТЬ»

В главах 5 и 6 было показано, что в последней четверти XX в. снижение поддержки социал-демократии в Западной Европе, а также скептицизм в отношении эффективности социализма в Восточной Европе заставили многих комментаторов усомниться в том, что государственная, коллективистская, классовая альтернатива капитализму, предложенная левыми партиями, больше не является применимой на практике. Хотя условия в социалистических обществах сильно отличались от западноевропейских, результаты были во многом схожи. Автор утверждает, что действовали сопоставимые глубинные процессы, которые подорвали социалистическую перспективу. Социал-демократия, обещавшая капитализм, основанный на благосостоянии, и государственный социализм, которому удалось сформировать соответствующую экономическую альтернативу, были отвергнуты многими из их бывших сторонников, и обе общественные формации распались, а на смену им в разной степени пришли неолиберальные режимы. Несмотря на схожесть социальных детерминант, становление неолиберализма в Западной и Восточной Европе происходило по-разному. В настоящей главе будут проанализированы «левые» теории, которые искали «третий путь» между капитализмом и социализмом, обличенный в демократическую оболочку. Обращается внимание к исследованию вопроса параллельных событий, происходивших при государственном социализме, причем в данном случае изменения были более существенными и касались смены режима.

На фоне поражения на выборах и профессиональной перестройки лидеры и сторонники лейбористов считали, что для успеха партии необходимы

значительные изменения. Такие критики призывали к глубоким изменениям в традиционной социал-демократической идеологии, как описано в главе 4. Дискуссия велась в двух сферах: в академических кругах и СМИ, где определялись фундаментальные причины и способы их устранения, и в партии, которая сосредоточилась на политике и образах, способных обеспечить победу у избирательных урн. В первом случае я описываю поворот к левому неолиберализму, который стал основой для значительного изменения альтернативы, которую социал-демократия могла бы представить в Великобритании. Эти дискуссии определили политику, которую должны были принять реформаторы в Лейбористской партии, возрожденной при Тони Блэре под знаменем «новых лейбористов». В отличие от своих сторонников-консерваторов неолиберализм никогда не предлагался в качестве легитимирующей идеологии — совсем наоборот. Дискурс в терминах благосостояния и прав личности продолжался и апеллировал к левым (а не социалистическим) демократическим прогрессивным движениям. Левая политика имела характер «прогрессивного» движения, основанного на продвижении разнообразия, демократии и прав человека. Действительно, популярные левые СМИ положительно называли своих читателей «прогрессистами», а не социалистами. Вместо дуализма между капитализмом и социализмом политическая антитеза теперь определялась как «демократия» и «авторитаризм». Левое неолиберальное мышление появилось в партии «Новые лейбористы», замаскированное под «третий путь».

ПОЛИТИКА НА БАЗЕ ИДЕНТИЧНОСТИ, РАЗНООБРАЗИЯ И КЛАССА

Сдвиги в социал-демократической политике были частью меняющихся идеологических рамок леворадикальной и критической идеологии. Здесь уместно провести различие между «левым крылом» и «социализмом». «Левые» — это общий термин, который может применяться к теориям или дискурсам против сохранения существующего положения вещей, и обычно ассоциируется с требованиями справедливости, большего равенства, большей демократии и меньшей иерархии. Он служит идентификатором для обозначения не только социалистов, но и движений за мир и против глобализации, а также применяется при упоминании феминизма, гендерной политики, антиколониализма и антирасизма. Некоторые виды популизма также разделяют «левые» ценности, упомянутые ранее, но большинство из них обозначаются как «правые» из-за их ассоциации с традиционными, часто националистическими ценностями и поддержкой иерархических процессов. Как мы уже отмечали в главе 4, социализм — это компонент «левых», связанный с рабочим классом (в смысле всех работающих людей) и общественной ответственностью для достижения равного и бесклассового общества. Социалисты не обязательно разделяют другие взгляды, связанные с «мышлением левого

уклона», которое в XXI в. отошло от традиционных социалистических идеалов и в основном не придает значения экономической эксплуатации.

Одну из самых ранних попыток привести социал-демократическое политическое мышление в соответствие с изменениями в социально-экономической структуре (см. главу 9) предпринял Ч.Э.Р. Кросленд в своей книге «*Будущее социализма*»²⁵⁶. Еще в 1950-х гг. он считал, что капитализм изменился и социал-демократия уже достигла многих из своих основных целей. Он утверждал, что экономический рост и развитие привели к всестороннему улучшению положения рабочего класса, который из массы неквалифицированных рабочих, занятых на производстве, превратился в социально дифференцированный сектор услуг. В экономике предприятие перестало зависеть от капиталиста-предпринимателя, который в результате отделения собственности от контроля был вытеснен административно-управленческим персоналом. Эти особенности современного капитализма, сохраняя рынок и частную собственность, обеспечивали стабильность и, что особенно важно, рост доходов трудящихся. По мнению Кросленда, первая стадия социализма уже наступила. Усилиями общества следовало решить новые проблемы: обеспечить «свободу личной жизни и достойный отдых, а также социальную ответственность за культурные ценности»²⁵⁷. Он заложил основу, перенеся политическую повестку дня с классовых и экономических вопросов на социальные: законы о разводах, лицензирование алкоголя, аборт, сексуальная ориентация, цензура и гендерные права²⁵⁸. Он подчеркнул необходимость продвижения равенства возможностей²⁵⁹. Лейбористская партия должна была адаптироваться, переориентироваться и завершить создание хорошего общества.

Вывод, к которому приводили подобные рассуждения, заключался в том, что новое посткапиталистическое, постсоциалистическое общество качественно отличается от традиционного капитализма²⁶⁰, и социализм больше не является его антитезой. Эти взгляды были расширены и развиты новой когортой левых, а не социалистических писателей в 1980-х гг., которые определили идеологическую повестку дня для Новых лейбористов, для того, что они считали «Третьим путем». Они утверждали, что высокий уровень технологического разделения труда и новые формы производства требуют более высокого уровня сотрудничества и взаимозависимости между руководством, техническим и рабочим персоналом. Традиционные формы противостояния между менеджментом и профсоюзами были обречены на провал. Также происходили деиндустриализация и географический перенос обрабатывающей и добывающей промышленности в восходящие державы третьего мира.

²⁵⁶ Crosland. *The Future of Socialism*.

²⁵⁷ *Ibid.* P. 354.

²⁵⁸ *Ibid.* P. 355.

²⁵⁹ *Ibid.* P. 151. В частности, в главе VIII *Is equal opportunity enough?* он вводит «эгалитарную идеологию современной Америки».

²⁶⁰ Lasch S., Urry J. *The End of Organized Capitalism*. Madison: University of Wisconsin Press, 1988.

В значительной степени это произошло благодаря социологам, которые перешли от анализа класса к анализу культуры. При этом идеологический сдвиг привел к тому, что класс стал понятием, аналогичным гендеру, касте, расе и национальности и, как правило, менее социально значимым, чем эти классификации. Этот подход существенно отходит от марксистской парадигмы. Авторы восстанавливают класс, делая акцент на его реляционных и символических аспектах²⁶¹. Майк Сэвидж²⁶², например, определяет класс с точки зрения восприятия людьми собственной значимости и их социальных различий. В результате внимание переключилось на «неэкономические капиталы» (культурный, социальный, символический) и сосредоточилось на поведении людей — как они одеваются, как живут, формируют свою личность и как справляются с жизнью в целом²⁶³. Такой подход снижает экономическую значимость класса. Тони Гидденс считает, что «класс... больше не переживается как класс... и становится индивидуализированным и выражается через "биографию" человека». Стиль жизни и вкус являются маркерами социальной дифференциации. По его мнению, «средство передачи классовой принадлежности от поколения к поколению» было разрушено²⁶⁴.

Ответственность за благополучие переходит от государства к человеку. Государство всеобщего благосостояния было создано для того, чтобы «справляться скорее с внешними, чем с внутренними рисками»:

Бюрократия государства всеобщего благосостояния, как и бюрократия повсюду, имеет тенденцию становиться негибкой и безличной; а зависимость от социального обеспечения, вероятно, в какой-то степени является реальным явлением, а не просто изобретением нелиберализма. Наконец, в послевоенный период государство всеобщего благосостояния укрепило свои позиции, когда сохранявшийся в течение длительного времени высокий уровень безработицы, казалось, вряд ли вернется²⁶⁵.

Позитивное благополучие, напротив, делает гораздо больший упор на мобилизацию жизненных политических мер, направленных на то, чтобы еще раз соединить свободу действий с личной и коллективной ответственностью²⁶⁶.

Здесь мы имеем дело с ориентацией на неолиберализм: только принятие индивидуальной ответственности «даст людям то, что они заслуживают». В этой либеральной форме общества акцент сместился на изменение образа жизни и жизненных ценностей, защиту окружающей среды и «снижение токсичности». Вопросы охраны окружающей среды и движения за экологию так-

²⁶¹ См., например: Devine F., Savage M., Scott J., Crompton R. (Eds). *Rethinking Class: Culture, Identity and Lifestyle*. Basingstoke: Palgrave, 2005. По России аналогичной позиции придерживаются авторы книги: *Rethinking Class in Russia*. Edited by Suvi Salmenniemi. Farnham, Surrey: Ashgate, 2012.

²⁶² Savage M. *Class Analysis and Social Transformation*. Oxford: Oxford University Press, 2000.

²⁶³ См.: Skeggs B. *Class, Self, Culture*. London: Routledge, 2004.

²⁶⁴ Giddens A. *Beyond Left and Right: The Future of Politics*. Cambridge: Polity, 1994. Pp. 143–144.

²⁶⁵ Giddens. *Beyond Left and Right*. P. 10.

²⁶⁶ Ibid. P. 18.

же оказались в центре политики²⁶⁷ (см. главу 13). Такой подход фактически исключил компонент государства всеобщего благосостояния из политики лейбористской партии.

Эта интеллектуальная тенденция породила левый неолиберализм. В своей влиятельной книге *New Times* («Новые времена»), опубликованной в 1989 г., Стюарт Холл заметил: «Еще одно важное требование к попыткам осмыслить сложности и двусмысленности нового времени — это просто открыть наш разум для глубоко культурного характера революции нашего времени... Материальный мир товаров и технологий тесно связан с культурой»²⁶⁸. Левые, по его мнению, должны выступать за «разнообразие и различия»; они должны противостоять «политике, связанной с вопросами семьи, здоровья, еды, сексуальных предпочтений, телесного восприятия»²⁶⁹. Социология была охвачена культурными исследованиями.

Эти идеологические изменения происходили на волне движения в сторону левых социальных ориентаций и отхода от социалистической политики — к рассмотрению форм подчинения, раболепия и неравенства, которые олицетворялись движениями феминизма, гендерной политики, вопросами расовой, национальной и этнической идентификации, а также экологическими проблемами. Акцент был сделан на поощрении социального разнообразия, социальной мобильности и индивидуальных прав. Помимо структурных и глобальных изменений, произошел также пересмотр социологической интерпретации и понимания. Социология стала культурной по своей ориентации, основанной на том, как люди воспринимают свою социальную идентичность и отношения.

Критика существующих претензий на социализм (социализм советского типа и лейбористская социал-демократия) заключалась в том, что они были иерархичны и не учитывали разнообразия и выбора. Социалистическая политика, утверждалось, была бюрократизированной, жесткой и регламентированной: государство предоставляло единообразные дома и единообразную систему школьного образования — граждане должны были принимать то, что им давали. Символом государственного социализма для таких мыслителей были китайские граждане, одетые в серые туники — униформу Сунь Ятсена, хотя были и другие цвета (черный, синий — часто носили студенты, зеленый — военные), что придавало немного упорядоченного разнообразия.

Государственный контроль был несовместим с правами личности. Вместо этого пропагандировался левый «демократический индивидуализм», который переключался с неолиберальным «потребительским индивидуализмом» — хотя потребители как граждане были частью левой неолиберальной риторики. По мнению Чарльза Лидбитера, левые должны делать акцент на «ин-

²⁶⁷ Giddens. *Beyond Left and Right*. Pp. 196–197.

²⁶⁸ Hall S., Jacques M. *New Times*. London: Lawrence and Wishart, 1989; Hall S. *The Meaning of the New Times*. In: *New Times*. Pp. 116–136; цитату см. на с. 128 (курсив в оригинале).

²⁶⁹ Hall. *The Meaning of the New Times*. P. 130.

дивидуальности, разнообразии и плюрализме стилей жизни»²⁷⁰. «Рефлексия» стала лозунгом либеральных социологов — «Я» формирует собственные ценности и нормы, а не берет их из общества. Социология социальных целостностей, характерная для Комта и Дюркгейма, была отвергнута. Вместо нее была сделана ставка на различные формы автономных ассоциаций, а также на возрождение рынков. Рынок [и] конкуренция могут быть полезными экономическими инструментами для обеспечения потребительского выбора», а левые «добьются успеха, только если начнут отстаивать альтернативный индивидуализм»²⁷¹.

Критически настроенный читатель одной из социалистических газет жаловался: «Вы называете движение, отстаивающее право женщины совершать аборт "за выбор", но при этом не смотрите на то, что стоит за этим выбором... Как будто инвалиды — это недостойные люди, и поэтому в порядке вещей оборвать их жизнь. Это всего лишь выбор, такой же, как выбор покупки коробки кукурузных хлопьев»²⁷².

Этот сдвиг определил левый неолиберализм. Социальный класс игнорируется как организующий принцип (он не упоминается в значительной степени ни в одной главе сборника Холла и Жака и даже не встречается в индексе журнала *New Times*). Например, при обсуждении гражданства Стюарт Холл и Дэвид Хельд рассуждают о «разнообразии сфер, в которых утверждается и оспаривается гражданство»²⁷³. Подобные идеологические разработки способствовали формированию социальных и политических признаков. По иронии судьбы, в то время как неолиберализм Маргарет Тэтчер ужесточил связи между капиталом, рынком и политикой, «новые левые» переживали кризис классовой идентичности. Одновременно заявляя о своей оппозиции неолиберализму и особенно его тэтчеровской разновидности, новые левые разработали свои собственные формы либерализма. Класс был отстранен от социалистической политики и заменен левым индивидуализмом и политикой идентичности.

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ

Политика «идентичности» — это форма «эссенциализма». Она означает, что члены группы с определенными характеристиками (возраст, этническая принадлежность, пол, национальность) обладают определенной «сутью», которая придает им общую выраженную индивидуальность, заслуживающую признания. Это скорее политика идентификации, чем движение

²⁷⁰ Leadbeater C. Power to the Person. In: Hall S., Jacques M. *New Times*. London: Lawrence and Wishart, 1989. Pp. 191–204, quotation P. 145.

²⁷¹ *Ibid.* P. 149.

²⁷² *Morning Star* (London). 14 September 2021.

²⁷³ Hall S., Held D. Citizens and citizenship. In: Hall, Jacques. *New Times*. Pp. 173–188, citation P. 176. Сюда не включены две главы Майка Растина и Пола Херста, написанные как критические ответы на взгляды *New Times* и *Marxism Today*.

за социальные изменения²⁷⁴. Такие группы могут быть образованы теми, кто доминирует (белые мужчины-англосаксы) или находится в подчинении (гомосексуалисты, цветные, женщины). Левые мыслители обращаются к подчиненным группам, чтобы утвердить позитивный образ их идентичности. Проблемы и интересы выражаются через озабоченность расовой, этнической, гендерной принадлежностью, разнообразием, правами животных и проблемами экологии. Идея «интерсекциональности» определяет группы, испытывающие многочисленные формы дискриминации, которые объединяются («пересекаются») в субъект, или социальный кластер. Эти социальные кластеры разделяют некоторые характеристики классов (самосознание и угнетение другими доминирующими кластерами). Гендерные и этнические группы, например, воспроизводят себя демографически; они осознают, что их жизненные шансы зачастую неравны по сравнению с другими группами, и эта социальная идентичность служит основой для политических действий.

Но есть важные различия в целях групп, приверженных политике идентичности, по сравнению с классовыми интересами. Они стремятся к более позитивной оценке — признанию своей особой идентичности в сочетании с устранением фактической и предполагаемой дискриминации и порабощения. Политика идентичности мобилизует силы на формирование и признание идентичности группы, а не на то, что эта группа разделяет с другими людьми, принадлежащими к более широкому сообществу. Таким образом, поддержка «безработных женщин» не является формой политики идентичности, если она направлена на обязательство группы по безработице, но является политикой идентичности, если она политизирует только пол безработных. Феминизм — это идентичность в том смысле, что он включает в себя «любую идеологию, деятельность или политику, целью которой является устранение дискриминации в отношении женщин и разрушение господства мужчин в обществе»²⁷⁵.

Такие движения призывают к утверждению идентичности и уважению достоинства этой идентичности: общественные карнавалы прославляют гомосексуальную идентичность; общественные здания и профессиональные футбольные матчи спонсируют гей-прайды, когда они вывешивают радужный флаг или «встают на колено». Интерсекциональность (белые мужчины из среднего класса, чернокожие безработные лесбиянки) определяется тем, что их объединяет как социальную группу; нет связи с более широким классовым сознанием (белые мужчины из рабочего класса исключают чернокожих мужчин из рабочего класса из своей консолидированной группы). Акция «Жизни чернокожих имеют значение» создает сплоченность среди чернокожих, но разделяет их по классовому признаку — жизни белых и мулатов кажутся исключенными и «неважными», что создает разделение между людьми с разным цветом кожи, а иногда и враждебную среду между ними. Все эти дей-

²⁷⁴ См.: Fraser N. From redistribution to recognition? Dilemmas of justice in a post-socialist age. *New Left Review*. 1995. Vol. 212. Pp. 68–93.

²⁷⁵ Lovenduski J., Randall V. *Contemporary Feminist Politics*. Oxford: OUP. 1993. P. 134.

ствия укладываются в рамки либерального капитализма и одобряются политической, экономической и культурной элитой. Приведенный здесь аргумент не направлен на унижение этих движений, а на то, чтобы поместить их как движения в рамки демократического гражданского общества.

То, чего нет у этих социальных групп и движений и что необходимо для социалистической идентичности, — это общая экономическая позиция, определяющая жизненные шансы и общественное сознание. Социальный класс — это объективная характеристика, определяющая экономическую конституцию капиталистического общества. Устранение социальной «дискриминации» групп населения не устраняет эксплуатацию — извлечение прибыли (прибавочной стоимости, определение которой дается в главе 15). Социалистическая задача состоит не только в том, чтобы избавиться от условий дискриминации (которая может быть культурной по форме), но и в том, чтобы ликвидировать эксплуатацию, которая носит экономический характер. Хотя признается, что существует множество форм дискриминации и угнетения (этнического, гендерного, колониального и бюрократического), выступать за «отрыв» марксизма от исторического материализма²⁷⁶ — значит отбрасывать роль экономической эксплуатации — движущей силы капитализма. Не стоит отвергать борьбу за идентичность как бессмысленную, она выявляет важное неравенство. Однако следует подчеркнуть особо — она уменьшает, даже заслоняет классовые проблемы, которые носят более всеобъемлющий характер и имеют гораздо большую политическую значимость.

ОТ ПРАВЯЩИХ КЛАССОВ К ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКИМ ЭЛИТАМ

«Прогрессивная» левая идеология, сформулированная в академических кругах и озвученная журналистами основных печатных изданий и телевидения, отказалась от подхода правящего класса и считает политические элиты (а не правящие классы) арбитрами политики. Элиты приходят к согласию об «основах» — о том, как должны происходить социальные и политические изменения. Они определяют проблемы и выгодоприобретателей в плане политики идентичности. Политический менеджмент элит обеспечивает отсутствие критической классовой идеологии, чтобы обеспечить построение политики консенсуса. Следовательно, конвергенция левого и правого неолиберализма привела к тому, что конкурирующие на выборах политические партии разделяют одни и те же ценности. Известное высказывание Маргарет Тэтчер — «альтернативы нет» — точно описывает то, что сулили эти события. Выборы вращались вокруг личностей, «политики знаменитостей», а не конкурирующей политики. Неудивительно, что протестные движения приняли «популистскую» форму — такие как французский Национальный фронт,

²⁷⁶ Gibson-Graham. The End of Capitalism. P. 264.

а затем Партия независимости Великобритании — и привлекли значительное число сторонников из рабочего класса. Как и прогрессивная левая идеология, правые партии, такие как партия консерваторов Великобритании, ставят себе в заслугу легализацию гомосексуальности, однополых браков и аборт. Социалистическая идея движения рабочего класса к иному способу производства и освобождения человека от капитала — отмены класса как такового — вытесняется левацкой концепцией справедливости, демократии, равенства и индивидуальных прав, продвигаемой неформальными группами и неправительственными организациями.

Последствия неолиберальной экономической политики, ведущей к усилению конкуренции на рынке труда, — вывод рабочих мест на аутсорсинг и увеличение числа низкооплачиваемых нестабильных рабочих мест — сохраняются. Среди занятых на таких работах — неимущие мужчины и неимущие женщины, независимо от того, являются ли они гомосексуалистами, чернокожими, белыми или феминистками. Аргумент идентичности заключается в том, что некая ключевая характеристика (этническая принадлежность, национальность, пол) связывает ее носителей в социальном и политическом плане. Но это ошибочно, поскольку эти группы демонстрируют широкий спектр социальных, экономических и политических признаков. Их разделяет неравенство в плане профессиональной подготовки и уровня образования, в частности неравенство, обусловленное классовым положением²⁷⁷.

Ошибка большей части левых идей заключается в том, что они смешивают различные формы идентичности и разнообразия, связанные с дискриминацией, с более фундаментальным процессом экономической эксплуатации и политической власти, обусловленным корпоративной собственностью и контролем. Для функционирования капиталистической системы не имеет значения, управляют ли ею мужчины или женщины, белые американцы или афроамериканцы. Главное, чтобы менеджмент был мотивирован на постоянное накопление капитала и получение максимальной прибыли. Поэтому капиталистические системы приспосабливаются к культурным традициям — иногда (как в колониальных режимах) исключая подчиненные группы (расовые или гендерные) из элиты, а в другие, более просвещенные времена, поощряя политику открытого найма. Угнетение гомосексуалистов, например, — это форма культурной дискриминации и угнетения, которая требует изменения убеждений — уважения к социальным различиям. Политика разнообразия призывает к отмене дискриминации определенных меньшинств («неважно, гей ты или женщина»).

Заметим, политика идентичности не является вызовом ни капитализму, ни его неолиберальной форме. Правящие элиты и правящие классы не теряют своей значимости, если они имеют диверсифицированный социальный состав. Более широкие равные возможности, предоставляемые людям, что-

²⁷⁷ Летом 2019 г. только четыре клуба Премьер-лиги платили прожиточный минимум своим неигровым сотрудникам (8,21 фунтов стерлингов в час в апреле 2019 г.). Чернокожий уборщик в «Манчестер Юнайтед» зарабатывает около 390 фунтов стерлингов в неделю, а один чернокожий игрок (Поль Погба) зарабатывает 170 тыс. фунтов стерлингов в неделю. Его чистая стоимость оценивается в 106 млн фунтов стерлингов.

бы вырваться из своей непривилегированной группы, не уменьшают одновременно неравенства между привилегированными и непривилегированными группами. Группы меньшинств не являются социально однородными, и многие из преимуществ, обеспечиваемых поощрением разнообразия, дают преимущества представителям среднего класса в этих группах, которые имеют более сильную социальную идентичность с представителями среднего класса (белые мужчины среднего класса с чернокожими женщинами среднего класса), чем с представителями рабочего класса внутри группы (чернокожие мужчины среднего класса с чернокожими мужчинами рабочего класса). Возьмем другой пример: больше чернокожих женщин из среднего класса получают работу в среднем классе — это само по себе хорошо, но это не помогает женщинам из рабочего класса, которые остаются на низкооплачиваемой нестабильной работе. Меры, отдающие предпочтение женщинам, могут уменьшить шансы мужчин из рабочего класса получить работу в среднем классе, которую получают женщины из среднего класса. Другой пример: последствия политики жесткой экономии могут негативно сказаться на большей доле чернокожих мужчин из рабочего класса, однако общее число белых мужчин, даже если их доля среди представителей рабочего класса меньше, может быть значительно больше. Таким образом, приоритет значимости чернокожего населения сеет раздор в рабочем классе.

В условиях капитализма класс является мобилизующим принципом и обеспечивает структуру идентификации на более высоком уровне, чем тот, который дает эссенциализм политики идентичности. Социальный класс формирует экономический и социальный характер расы и пола. Это не означает отрицания значимости других форм угнетения, господства и подчинения. Следует признать, что некоторые формы угнетения и неравенства (например, патриархат) не зависят от класса и капитализма. Есть веские основания для поддержки движений, выступающих против различных форм дискриминации. Успешная социалистическая политика может подорвать капитализм, но не следует ожидать, что она устранит все формы неравенства, политического угнетения и социального господства²⁷⁸. Самое большее, на что можно надеяться при социализме, это то, что, отменяя классовую эксплуатацию, он может способствовать созданию условий, в которых другие формы неоправданного господства также могут быть устранены.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ДВИЖЕТСЯ В СТОРОНУ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

После поражения лейбористов на выборах в 1992 г. правоцентристское движение в Лейбористской партии набирало обороты и достигло своего апогея в 1994 г. в результате избрания Тони Блэра. Было заявлено, что традиционная левая политика сделала лейбористов «неизбираемыми». Блэр,

²⁷⁸ Hartmann H.I., Reskin B. *Women's Work, Men's Work, Sex Segregation on the Job*. Washington, DC: National Academy Press, 1986.

которому помогал Гордон Браун, принял платформу реформ, известную как «Новый лейборизм». Дискурс, связанный с появлением Новых лейбористов, был создан в ответ на консервативный неолиберализм и неудачу традиционной Лейбористской партии в достижении власти. Новые лейбористы первоначально определили свою политику как «третий путь» или, как его называли многие сторонники, «радикальный центр».

Тони Блэр, харизматичный и уверенный лидер, преобразовал Лейбористскую партию в новую политическую партию — «Новые лейбористы». Однако руководство, заменяя традиционную идеологию, использовало механизм Лейбористской партии и уважало ее традиции. Блэр также принял многие постулаты и политику правительства Тэтчер: «Кое-что консерваторы сделали правильно», — вспоминает он в своих мемуарах²⁷⁹. Придя к власти, он сохранил ключевые аспекты политики Тэтчер: приватизацию, отмену регулирования и важную роль лондонского Сити (финансового центра Великобритании), который лейбористы признавали основным источником создания материальных ценностей. Как и консерваторы, Блэр стремился «сохранить основные принципы Национальной службы здравоохранения». Однако он внедрил рыночный принцип в здравоохранение и социальные услуги и разрешил передавать многие государственные виды деятельности частному бизнесу.

Краеугольным камнем социалистических принципов традиционных лейбористов была преданность идее общественной собственности. До прихода новых лейбористов пункт IV устава партии провозглашал целью «общую собственность на средства производства, распределения и обмена, а также наилучшую из возможных систему народного управления и контроля над каждой отраслью промышленности и сферы услуг». Тони Блэр вспоминает: «После поражения 1992 г., не обсуждая ни с кем... я сформировал четкое мнение, что если я когда-нибудь стану лидером, то конституция должна быть переписана и старые обязательства по национализации и государственному контролю будут отменены»²⁸⁰. Для Блэра идея государственной собственности была анахронизмом — тем, что преобладало в политической мысли начала XX в., но «стало безнадежно нереальным, даже сюрреалистичным в мире конца двадцатого века»²⁸¹. Пункт IV был заменен «приверженностью к предпринимательству наряду с приверженностью к справедливости». Роль профсоюзов в партии также была ослаблена. Изменения в процедурах Лейбористской партии дали лидеру парламентской партии эффективный контроль над разработкой политики²⁸².

В 1994 г. Лейбористская партия была переформатирована. Как описал это Тони Блэр: «Мы сохранили в начале фразу «демократический социализм».

²⁷⁹ Blair T. A Journey. London: Hutchinson, 2010. Pp. 86–87.

²⁸⁰ Ibid. P. 75.

²⁸¹ Ibid. P. 76.

²⁸² Подробный об этом см. в: Panitch and Leys. Searching for Socialism. Chapter 6.

Затем последовало утверждение, в котором игнорировались любые упоминания о государстве как главном экономическом субъекте:

Лейбористская партия — это демократическая социалистическая партия. Она верит, что силой наших общих усилий мы достигнем большего, чем в одиночку, чтобы создать для каждого из нас средства для реализации нашего истинного потенциала и для всех нас общество, в котором власть, богатство и возможности находятся в руках большинства, а не меньшинства, где права, которыми мы пользуемся, отражают обязанности, которые мы должны выполнять, и где мы живем вместе, свободно, в духе солидарности, терпимости и уважения²⁸³.

Лейбористы приняли образ демократической партии американского типа с президентским типом политического руководства (в лице Тони Блэра) и все больше пропагандировали ее. Он принял идеологическую основу политики идентичности, описанную ранее. Новые лейбористы сходились с неолиберальной программой Маргарет Тэтчер по пяти основным направлениям: маркетизация, приватизация, финансиализация, отмена регулирования и интервенционистская внешняя политика.

О значительном отступлении Новых лейбористов от традиционной политики лейбористской партии можно судить по Манифесту партии 1997 г., вступление к которому подписал лидер партии Тони Блэр. Подобно традиционному консерватизму Гарольда Макмиллана, он предусматривал «Британию, которая является единой нацией [с] общими ценностями и целями, где заслуги превыше привилегий, [которая] управляется для многих, а не для немногих, [и которая] сильна и уверена в себе дома и за рубежом»²⁸⁴. Мы — национальная партия, которую сегодня поддерживают люди из всех слоев общества, от успешного бизнесмена или женщины до пенсионера в муниципальном районе».

Блэр резюмирует политику новых лейбористов следующим образом:

Никакого возврата к старым законам о профсоюзах; никакой ренационализации приватизированных коммунальных предприятий; никакого повышения верхней ставки налога; никакой односторонности [ядерного разоружения]; никакой отмены гимназий ... [но] инвестиции и реформы в сфере общественных услуг; сотрудничество с Европой и США; возможности и ответственность вместе в сфере благосостояния ... беспристрастность в отношении к бизнесу и труду (работники могут иметь дополнительные индивидуальные права, но не коллективные)²⁸⁵.

²⁸³ Заявление Лейбористской партии, цитируемое в: Blair T. A Journey. London: Hutchinson, 2010. P. 86–87.

²⁸⁴ Предвыборный манифест Лейбористской партии 1997 г. «Новые лейбористы, потому что Британия заслуживает лучшего». Доступно на сайте: <http://www.labour.org.uk/>. Лозунг «для многих, а не для немногих» был первоначально произнесен Изэном Маклеодом на конференции Консервативной партии 9 октября 1969 г.

²⁸⁵ Blair T. A Journey. London: Hutchinson, 2010. P. 94.

Этот самопровозглашенный «Третий путь» сформировал либеральную, а не социалистическую форму Лейбористской партии. Его ценностями были экономический рост и создание богатства, предпринимательство и социальная справедливость. Это были универсальные ценности, которые можно и нужно было применять в мировом масштабе. Как говорит Гидденс:

Можно сказать, что две старые политические идеологии — традиционная левая идеология и тэтчеризм — были «полутеориями». Старые лейбористы были сильны в вопросах социальной справедливости, но так и не смогли добиться успеха в развитии динамичной экономики. Тэтчеризм был силен в вопросах конкурентоспособности, но не принимал во внимание социальную справедливость. «Третий путь» стремится примирить эти два направления, признавая сложные компромиссы, на которые приходится идти... Новая социал-демократия стремится сохранить основные ценности левых — веру в инклюзивное общество, приверженность борьбе с неравенством и защите уязвимых слоев населения, — но считает, что многие традиционные взгляды стали контрпродуктивными²⁸⁶.

Тони Гидденс сочетает здесь социал-демократические идеи о социальной справедливости с явным признанием многих взглядов Маргарет Тэтчер на конкурентные рынки. Новые лейбористы задумали альтернативный неолиберализм. Он стал подходящим представителем тэтчеризма. Например, на вопрос Эллисон Поллок о том, что стоит за использованием частного финансирования для государственных инвестиций, учитывая, что затраты были выше, а риски нес государственный сектор, Гордон Браун, как сообщается, ответил, что: «Государственный сектор плохо управляется, и только частный сектор эффективен и может хорошо управлять услугами»²⁸⁷. Как заключает Поллок, «...к 2003 г. бизнес-парадигма была единственной моделью, с которой могли смириться казначейство и высокопоставленные чиновники Министерства здравоохранения». ЕС и США выступили во Всемирной торговой организации с предложением открыть государственные услуги для частного предоставления компаниями, расположенными в любой точке мира²⁸⁸.

ИНОСТРАННЫЕ ДЕЛА: ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Внешняя политика при Новых лейбористах стала интервенционистской. Была отменена оппозиция ядерному оружию и подтверждено членство в европейских объединениях (таких как ЕС). В основе этих изменений лежало мнение, что глобализация ведет к «наложению» (в терминах

²⁸⁶ Giddens T. There is no alternative: The Third Way is the only way forward. Independent (Newspaper, London). 8 January 2002.

²⁸⁷ Pollock A. NHS Plc: The Privatisation of Our Health Care. London: Verso 2004. P. 3.

²⁸⁸ Ibid. P. 60.

Гидденса) внутренней и внешней политики. Интервенционизм становится необходимой доктриной, когда национальный суверенитет утрачивает свое значение и когда всеобщие гуманитарные проблемы берут верх над местными интересами. Транснациональный терроризм, который сам по себе является порождением глобализации, представляет собой угрозу гораздо большую, чем более локализованные формы терроризма, которые были распространены в прошлом²⁸⁹. Вмешательство в дела других государств было узаконено как служащее двум целям: национальным интересам и решению гуманитарных проблем. Она также расширяла рынок и действовала в соответствии с неolibеральными экономическими условиями и законами, которые были сформированы гегемонистскими западными державами под руководством США.

В политическом плане «Новые лейбористы» укрепили американский альянс. Блэр стоял «плечом к плечу» с Америкой в ее войне с терроризмом. После теракта 11 сентября в Нью-Йорке он был «полон решимости» выполнить свои обязательства перед США²⁹⁰. В своей речи перед Конгрессом США в 2003 г. он поддержал общие с США ценности: «Члены Конгресса, наши ценности — это не западные ценности, это универсальные ценности человеческого духа. И где бы ни находились простые люди, когда бы им ни предоставляли возможность выбирать, выбор будет один и тот же: свобода...; демократия...; верховенство закона»²⁹¹. Лейбористское руководство создало американский альянс с обязательством вести внешние войны не только для защиты, но и для продвижения свободы, одобренной в неolibеральной перспективе. Такая политика способствовала повышению статуса самого Блэра:

Я [Тони Блэр] ... был мировым, а не только национальным лидером ... Наш союз с США вывел Британию на новый важный уровень. Те, кто считал, что наша близость к Америке была проблемой для остального мира, были далеки от истины. Напротив, это дало нам немедленное преимущество²⁹².

Администрация Блэра стремилась играть позитивную политическую роль в новом мировом порядке. Ее политика была интервенционистской. Можно спорить о том, были ли военные интервенции в Боснии, Косово и Сьерра-Леоне успешными или нет. Безусловно, вмешательство в Ирак и Афганистан было серьезным просчетом, за которым последовала финансовая ответственность. Быстро стало очевидно, что захваченные государства не перешли, как предсказывал Блэр, к «процветанию, демократии и спокойствию». Несмотря на отсутствие прямой угрозы, в период с 1991 по 2012 г. британское правительство потратило более 100 млрд фунтов стерлингов на военные и связанные с ними нужды²⁹³. Никакой политической выгоды от вмешательства Блэра не последовало. По данным ведомства британского военного аналитиче-

²⁸⁹ Giddens A. *New Statesman*. 17 May 2010.

²⁹⁰ Blair T. *A Journey*. London: Hutchinson, 2010. P. 412.

²⁹¹ Речь Тони Блэра перед Конгрессом США. Available at: theguardian.com. Friday 18 July 2003. P. 410.

²⁹² *Wars in Peace: British Military Operations since 1991*. London: RUSI, 2014. P. 11.

²⁹³ Курсив добавлен: Blair T. *A Journey*. London: Hutchinson, 2010. P. 99.

ского центра «Войны в условиях мира», война в Ираке способствовала подъему «Аль-Каиды», привела к гибели 100 тыс. иракцев и лишила жилья не менее 2 млн беженцев. Политика «продвижения демократии» и иностранные интервенции не были следствием демократических решений британского электората и не обеспечили «маяки спокойствия». Совсем наоборот. Руководство Блэра манипулировало кабинетом лейбористского правительства и принуждало членов парламента от лейбористов поддерживать то, что даже представители политических кругов считают незаконными войнами.

ОЦЕНКА НОВЫХ ЛЕЙБОРИСТОВ

Хотя Новые лейбористы проецировали себя как альтернативу правительству Тэтчер, политика правительств Блэра и Брауна повторяла и даже усиливала основные тенденции политики Маргарет Тэтчер. Как выразился Блэр:

Я даже решил признать, что поддерживаю изменения, которые произвела Маргарет Тэтчер. Я понимал, что доверие ко всему проекту новых лейбористов зависит от признания того, что многое из того, что она хотела сделать в 1980-х годах, было неизбежным, следствием не идеологии, а социальных и экономических перемен... Основной факт: Британия нуждалась в промышленных и экономических реформах периода Тэтчер²⁹⁴.

Оценка деятельности лейбористов в правительстве зависит от критериев и точки зрения. Прежде чем мы оценим правительство новых лейбористов с критической позиции, я подведу итог основным достижениям. С положительной стороны, благодаря доходам от добычи нефти в Северном море, новые лейбористы руководили десятью годами экономического роста. Была введена минимальная национальная заработная плата. Люди получили возможность брать больше кредитов, которые стали еще доступнее. Были увеличены государственные ресурсы, выделяемые на систему образования и Национальную службу здравоохранения. Снижился уровень зарегистрированной преступности. Сократилась детская бедность. Был принят закон о свободе информации. Великобритания подписала Социальную хартию ЕС (которая обеспечивала определенные минимальные стандарты) и Европейскую конвенцию по правам человека. Были легализованы однополые гражданские браки. Были введены зимние выплаты за топливо и налоговые льготы, а также бесплатный вход в музеи. Была увеличена помощь зарубежным странам. В 1999 г. было отменено автоматическое право наследственных пэров на место в Палате лордов, хотя участие пэров в ее работе продолжается (когда они избираются членами верхней палаты). Произошла децентрализация управления

²⁹⁴ Gordon Brown's Mansion House speech. 22 June 2006. Available at: <http://www.theguardian.com/business/2006/jun/22/politics.economics.nominations>

в Шотландии и Уэльсе. Гражданская война в Северной Ирландии была успешно завершена. Это были значительные достижения.

Что еще более противоречиво, экономика продолжала смешаться от производства к сфере услуг, а финансовые услуги стали одним из основных секторов британской экономики. Маргарет Тэтчер определяла экономическую политику, в рамках которой продолжалось перемещение занятости из производства в сферу услуг. Гордон Браун, канцлер казначейства при Блэре, проводил политику дерегулирования финансовых услуг в интересах лондонского Сити. Выступая в лондонском Гилдхолле в июне 2005 г., он заявил:

То, что я сказал, когда сделал Банк Англии независимым, остается еще более верным и сегодня: я сказал, что наша новая кредитно-денежная и налогово-бюджетная политика основана прежде всего на стабильности, стабильности в прошлом, настоящем и будущем. И я имею в виду не только стабильность, обеспечивающую низкую инфляцию, но и стабильность организации нашей промышленности, стабильность через стабильный и конкурентоспособный налоговый режим, стабильность через предсказуемую *удобную регуляторную среду* — стабильность, основанную на нашей способности принимать правильные долгосрочные решения, той же силе национальной цели, которую мы продемонстрируем при защите нашей безопасности в этом парламенте и в долгосрочной перспективе — сильную оборону в борьбе с терроризмом, поддержка НАТО, поддержку наших вооруженных сил дома и за рубежом, сохранение нашего независимого ядерного сдерживания [курсив добавлен]²⁹⁵.

Глобализация и дерегулирование были ключевыми элементами стратегии новых лейбористов. Внешняя политика укрепляла американский альянс и проводила интервенционистскую внешнюю политику.

Гордон Браун восхвалял глобальную финансовую систему, которую он считал благотворной. «Легкое вмешательство» позволило дерегулированной финансовой системе получать неустойчивую прибыль, основанную на потоке непродуктивных финансовых операций. Вскоре после поздравительной речи Брауна крупные британские финансовые компании потерпели крах, и последующие пакеты финансовых мер по спасению пришлось оплачивать британским правительствам, которые финансировали частные убытки за счет значительных государственных расходов. Лондонский Сити внес свой вклад в мировой экономической кризис, корни которого лежат в британской дерегулированной финансовой системе. Новый мировой порядок, действительно, был создан. Но не тот, который описывало руководство лейбористов. Возник мировой финансовый кризис, подпитываемый дерегулированной банковской системой, и привел к значительному спаду в мировой экономике. Гордон Браун был вынужден использовать финансовые ресурсы государства для поддержания финансовой стабильности. Чтобы оплатить эту государственную финансовую субсидию, во всех крупных экономиках была введена политика жесткой финансовой экономии.

²⁹⁵ Gordon Brown. Speech to Mansion House. 20 June 2007. Available at: National Archive: <http://web.archive.org/web/20140620120000/http://www.hm-treas.gov.uk/20070620120000/gordon-brown-speech-to-mansion-house-20-june-2007.html>

УГЛУБЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА

Неолиберальная политика привела не только к росту, но и к неоправданному неравенству. Отказ от регулирования коммерции и торговли привел к массовому увеличению разрыва. Свобода перемещения рабочей силы в ЕС привела к притоку дешевой рабочей силы, что оказало демпфирующее воздействие на уровень заработной платы в Великобритании. Снижение доли заработной платы в валовом национальном продукте (ВНП) затронуло все страны индустриального Запада, берущие курс на неолиберализм (рис. 7.1). В Великобритании в период с 1960 по 2014 г. эта доля снизилась с 65 до 58%, хотя при администрации Гарольда Вильсона в 1975 г. она выросла до 70%. В странах — членах ЕС наблюдалась аналогичная тенденция: после вступления в ЕС бывших коммунистических стран произошло значительное падение. Даже если ВВП рос, доля труда в нем падала.

Неудивительно, что политика Новых лейбористов привела к росту неравенства в оплате труда. На рис. 7.2 показаны данные о соотношении прибыли и заработной платы на различные даты, совпадающие с приходом нового правительства, в период с 1950 по 2009 г. Годовой рост заработной платы за каждый год представлен графиком в виде линий с заштрихованными квадратами (шкала справа). Вертикальные блоки показывают соотношение прибыли и заработной платы; к концу правления Вильсона соотношение прибыли и заработной платы очень сильно снизилось и стало даже ниже, чем после Второй мировой войны — это соотношение также совпало с очень высокими зарплатами, которые значительно уменьшили прибыль. Линия тренда с восходящим наклоном показывает рост соотношения прибыли и заработной платы (шкала слева). В период Вильсона инвестиции и производительность труда были низкими, хотя одновременно (благодаря деятельности профсоюзов) рабочим удавалось поддерживать ставки заработной платы и «снижать» прибыль. Снижение прибыли было вызвано и другими причинами роста издержек бизнеса, в частности резким повышением цен на нефть. Обратный процесс совпал с правлением Тэтчер с 1979 г.

Консервативная администрация сначала при Маргарет Тэтчер, а затем при Джоне Мейджоре восстановила соотношение в пользу прибыли.

Разрыв фактически увеличился при новых лейбористах: прибыль выросла до более чем 40% от заработной платы в 2005 г. Администрация Блэра добилась самого высокого соотношения прибыли и заработной платы за весь период после Второй мировой войны (41,1%). С этой точки зрения лейбористы далеко не всегда были партией трудящихся. Небольшое падение соотношения прибыли и заработной платы и очень незначительный рост зарплат в 2009 г., несомненно, являются последствиями глобальной рецессии.

Следует также учитывать, что эти данные отражают цены, состояние рынка, а также относятся только к корпорациям частного сектора. Тем не менее они являются достаточно надежным показателем происходящих изменений —

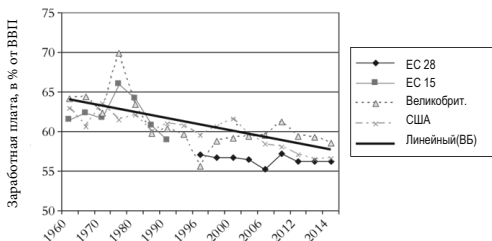

Рис. 7.1. Зарботная плата (в % от ВВП): Великобритания, США, ЕС 15, ЕС 28, 1960–2014 гг.

Примечание. Скорректированная доля заработной платы: вся экономика, в процентах от ВВП в текущих рыночных ценах (оплата труда одного работника в процентах от ВВП в рыночных ценах на одного занятого).

Источник: База данных AMECO (ALCD0).

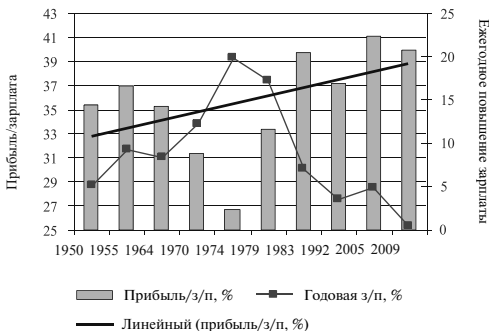

Рис. 7.2. Великобритания: динамика прибыли и заработной платы, 1950–2009 гг.

Примечание. Прибыль — это положительное сальдо для корпораций.

Источник: Управление национальной статистики Великобритании.

Available at: <http://www.ons.gov.uk/ons/datasets-and-tables/data-selector.html?cdid=KN4M&data set= pn2&table- id= D>. Таблицы CGBZ и DTWM, годовое повышение заработной платы Таблица KN4M.

значительного смещения перераспределения в ущерб наемному труду. Проще говоря, традиционные лейбористы уменьшили прибыль, в то время как консерваторы и новые лейбористы увеличили и сохранили ее. Необходимо учитывать различия между типами заработков. Зарплаты руководителей росли в геометрической прогрессии, и доля доходов, получаемых 1% лучших работников, составляла очень большую часть прироста фонда оплаты труда, о чем мы поговорим позже. В то же время доходы более низкооплачиваемых сотрудников не увеличивались или увеличивались незначительно. В своей речи в Мэншн-Хаус в 2006 г. Браун похвастался перед Сити, что решение по оплате труда в государственном секторе будет «основано на нашем целевом показателе инфляции в 2%». Это была одна из составляющих его рецепта по сдерживанию инфляции, а другим негласным следствием было увеличение прибыли. Для новых лейбористов рынок реализовал вознаграждение, которого, по их мнению, заслуживали многие высокооплачиваемые люди — независимо от их реального вклада в общество и от того, насколько такое вознаграждение удовлетворяет потребности людей.

ПОЛИТИКА НОВЫХ ЛЕЙБОРИСТОВ В ОБЛАСТИ ДОХОДОВ

Несмотря на отсутствие роста располагаемых доходов большинства работников, уровень жизни во время правления Блэра повысился. Потребительские расходы выросли благодаря значительному росту кредитования (и, соответственно, задолженности). Либерализация кредитования была введена в качестве неолиберальной политики при администрации Маргарет Тэтчер: с 1980 по 2008 г. активы банковского сектора Великобритании (кредиты отечественных и иностранных банков) выросли в 10 раз, а внутренний кредит увеличился в 4 раза²⁹⁶. Рост задолженности был документально подтвержден Стюартом Лэнсли²⁹⁷. Он отмечает, что в период с 2000 по 2007 г., совпадающий с периодом правления Блэра и Брауна, потребительские расходы выросли на 55 млрд фунтов стерлингов по сравнению с доходами, а розничные продажи увеличились на 35%. В период с 1997 г. (приход первого правительства Блэра) по 2003 г. общий годовой объем кредитования неуклонно рос с 14 до 36 млрд фунтов стерлингов затем снова упал до 27 млрд фунтов стерлингов в 2007 г. Отмена регулирования позволила домовладельцам получать кредиты под залог недвижимости для финансирования всех видов потребительских расходов. Отношение долга к располагаемому доходу выросло с 98% в 2000 г. до 154% в 2007 г.²⁹⁸ Малым предприятиям стало легче брать

²⁹⁶ Данные цитируются по: Offer A. The market turn. P. 1060.

²⁹⁷ Lansley S. Life in the Middle. Touchstone Pamphlet no 6 London Trade Union Congress. Nd. Available at: www.tou.chst.oneb.log.org.uk; Lansley. Life in the Middle. P. 17.

²⁹⁸ Ibid. P. 18.

кредиты. Однако они тоже пострадали: число личных банкротств выросло со среднегодового показателя 22 тыс. в 1990-х гг. до 106 700 в 2007 г.²⁹⁹

Даже если заработанный доход падал, как было описано ранее, читатель может спросить: имеет ли это значение, если люди стали жить лучше? Это важно, потому что рост уровня жизни был основан на увеличении кредитования. Люди получили возможность брать кредиты для поддержания уровня жизни. Финансиализация способствовала росту задолженности домохозяйств³⁰⁰. В 1945 г. домохозяйства брали в долг в среднем 45% своего дохода, а в 2007 г. этот показатель вырос до 157%³⁰¹. Такой высокий уровень задолженности — по ипотечным кредитам, кредитным картам и овердрафтам — стал причиной экономического кризиса, разразившегося в 2007 г. Этому способствовало «легкое вмешательство» со стороны сектора финансовых услуг.

Результаты экономического роста распределялись непропорционально. Во время правления лейбористов в период с 1964 по 1979 г. коэффициент Джини снизился с 27 в 1964 г. до 23 в 1978 г. (чем выше число, тем больше неравенство). С 1979 г., с приходом к власти администрации Тэтчер, измерение неравенства пошло по восходящей кривой, которая продолжалась вплоть до правления новых лейбористов. В Великобритании индекс Джини распределения валового дохода составил 35 (среднее значение за 2001–2005 гг.) и был одним из самых высоких в Европе (в Австрии — 27, во Франции — 31, в Германии — 33, а в Италии — 38 и в Португалии — 41). С точки зрения налогового обложения, рейтинг Великобритании не изменился — он опустился до 30, в то время как для Австрии он составил 23, Франции — 26, Германии — 27, Италии — 35 и Португалии — 36³⁰². К 2007–2008 гг. коэффициент Джини достиг рекордной отметки — 36. Как заключают авторы Национальной группы по вопросам равенства, «рост неравенства после 2004–2005 гг. привел к тому, что к 2007–2008 гг. оно достигло самого высокого уровня за все годы, начиная с 1961 года. Более того... сравнение с показателями, основанными на данных налогового учета, позволяет предположить, что это самый высокий уровень неравенства доходов с момента окончания Второй мировой войны»³⁰³.

В 1990 г. 1% самых богатых получал 8% от общего дохода, а в 2000 г. этот показатель вырос до 10%³⁰⁴. Об усилении поляризации доходов в период правления Блэра/Бруна свидетельствует тот факт, что доходы людей, относящихся к 99-му процентилю (1% самых бедных), выросли более чем на 70% в период с 1996–1997 по 2005–2006, в то время как доходы пятого процентиля

²⁹⁹ Landsley. *Life in the Middle*. P. 19.

³⁰⁰ О значении долга и кредита см.: Muzio D., Robbins. *Debt as Power*.

³⁰¹ См.: Lansley S. *Unfair to Middling*. Touchstone pamphlets, 12 November 2009. Available at: <http://touchstone.org.uk/2009/11/unfair-to-middling-how-midde-income-britain-shrinking-wages-fuelled-the-crash-and-thirteen-recovery/>

³⁰² *An Anatomy of Economic Inequality in the UK: Report of the National Equality Panel*. London: Centre for Analysis of Social Exclusion, London School of Economics, 2010. P. 56.

³⁰³ *Ibid.* P. 39.

³⁰⁴ *Ibid.* P. 387.

(пятого снизу) увеличились на 29%³⁰⁵. Измерить распределение богатства во времени довольно сложно, поскольку на его стоимость влияют колебания биржевых цен. Данные HMRC (Управления по налогам и таможенным сборам Великобритании) показывают, что коэффициент Джини владения богатством значительно вырос во время правления новых лейбористов: в 1995 г. он составлял 65, в 2000 г. вырос до 71, но в 2003 г. снова упал до 67³⁰⁶.

Не все эти изменения произошли по вине лейбористского правительства. Трансформация профессиональной структуры также имела важные последствия для распределения доходов населения. Увеличилось число рабочих мест в низших неруководящих профессиях (социальный уход, охрана, гостиничный бизнес и общественное питание), которые не объединены в профсоюзы и часто набираются из иммигрантов; эти рабочие места находятся в самом низу иерархии доходов. Руководители и специалисты в области финансов и права, а также в государственном секторе не только расширились, но и подверглись (надуманной) рыночной оценке «того, чего они заслуживают» — очень высоким доходов. Число работников со средним уровнем дохода сократилось за этот период примерно на 20%³⁰⁷. Многие из этих рабочих мест в среднем классе были потеряны в результате перевода сферы производства и услуг за рубеж, что привело к безработице для многих квалифицированных работников. (Мы вернемся к вопросу о доходах и глобализации в главе 9.)

Новые лейбористы проводили прогрессивную налоговую политику (например, законодательство о минимальной заработной плате), которая в определенной степени компенсировала отмеченное ранее неравенство в распределении доходов. Однако, несмотря на эти меры, налоговая система все равно оставалась регрессивной. Как отмечает Лэнсли, в то время как подоходный налог является прогрессивным, другие налоги (муниципальный налог и НДС) являются регрессивными. Самая низкодоходная группа, 10% налогоплательщиков, отчисляла 44% дохода в виде налогов в 1996–1997 и 46% в 2006–2007; в то время как 1% самых богатых платил 37% налогов и 37,5% соответственно в эти два периода. Налоговая политика не обратила вспять рост общего уровня неравенства доходов. Администрация Новых лейбористов продолжила политику свободного рынка, проводимую Тэтчеризмом, и не оказала существенного влияния на распределение доходов и богатства. Вместо «третьего пути» между традиционными лейбористами и консерваторами администрация Блэра и Брауна предложила другую форму неолиберализма, хотя и замаскированную под модернизированную версию социал-демократии. Поражение лейбористского правительства Блэра и Брауна было поражением не социализма, а неолиберализма.

В основе этих событий лежал значительный сдвиг лейбористов в сторону идеологии Нового лейборизма. Политика коллективной собственности канула в лету. Теперь целью стало расширение потребительского выбора и от-

³⁰⁵ Данные HMRC приведены в: Lansley. *Life in the Middle*. P. 22.

³⁰⁶ *An Anatomy of Economic Inequality in the UK*. P. 60.

³⁰⁷ Lansley. *Life in the middle*. P. 24.

крытие рынка для облегчения этого выбора. Поскольку политические элиты трех основных партий были согласны по всем основным аспектам политики, парламентская демократия все больше отдалялась от электората. Предметом дебатов оставались только темпы и сроки этого отдаления. Традиционная социал-демократическая цель снижения неравенства результатов (или ситуаций) перешла в плоскость создания условий равенства возможностей, в создание более равных условий для того, чтобы они стали более неравными, и, таким образом, в выполнение левой нелиберальной программы.

Новые лейбористы придерживались позитивной программы поддержки «разнообразия». В центре его социальной политики стояли проблемы гражданских свобод. Они стремились уравнять возможности женщин, этнических меньшинств, обездоленных и боролись за признание разнообразия сексуальной ориентации. Она продвигала вопросы «здоровья и безопасности». Эти взгляды разделяют основные политические партии, ставящие своей целью построение «единой нации» — Великобритании, «большого общества» Дэвида Кэмерона. Новыми лейбористами были проигнорированы последствия реструктуризации промышленности: ослабление безопасности, которую обеспечивала полная занятость, сокращение хорошо оплачиваемых рабочих мест для рабочих, занятых ручным трудом, значительный рост долгосрочной безработицы в старых промышленных районах и рост нового класса низкооплачиваемых работников умственного труда с нестабильной и часто неполной занятостью. Принятие всеми основными политическими партиями свободы передвижения (в пределах Европы), обусловленной членством в ЕС, привело к высокому уровню иммиграции и дальнейшей депрессии рынка труда, которая затронула многих в традиционных районах, где голосовали лейбористы. Традиционный рабочий класс, составивший основу партии, постепенно осознал, что лейбористы больше не защищают их интересы, и воздержался от голосования. Вместо того чтобы стать альтернативой нелиберальному капитализму, Новые лейбористы создали альтернативную форму нелиберализма, которая потерпела крах.

ПАДЕНИЕ НОВЫХ ЛЕЙБОРИСТОВ

Внутренняя и внешняя политика Новых лейбористов разочаровала их сторонников. Последовало поражение на выборах. Тони Блэр ушел в отставку с поста премьер-министра 27 июня 2007 г., уступив место Гордону Брауну, и, соответственно, оставил свое место в парламенте. Причиной падения Блэра в основном стала его роль во вторжении в Ирак. Однако и другие факторы способствовали непопулярности правительства и упадку Лейбористской партии. Участие Гордона Брауна и Эда Боллса в отмене регулирования Сити и последующее банкротство ведущих финансовых компаний также поставило под сомнение их экономическую политику. Новые лейбористы подорвали идею государственного предпринимательства и передали государ-

ственные услуги частному сектору. Инициатива частного финансирования, предполагающая передачу частным фирмам строительства и обслуживания общественных объектов, которые затем сдаются в аренду государству, оказалась дорогостоящей. Такие схемы приводили к огромным капитальным и процентным выплатам со стороны государства без каких-либо рисков для компаний, что давало основания утверждать, что они предполагали приватизацию прибыли и социализацию рисков. Подобная политика, которая следовала неоллиберальной программе Маргарет Тэтчер, заставила многих критиков заявить, что Новые лейбористы выбрали «глобальный капитализм, неравенство, авторитаризм и обман»³⁰⁸. Резкое, но оправданное резюме.

На этом фоне электоральная поддержка лейбористов (как и членство в партии) падала, что отражено в табл. 7.1. Количество голосов, отданных за новых лейбористов, резко сократилось: в 1997 г. оно составляло 43,2%, в 2001 г. — 40,7%, в 2005 г. — 35,3%, а в 2010 г. — 29%. Количество завоеванных мест сократилось с 356 в 2005 г. до 258 в 2010 г., когда лейбористы получили голоса, равные лишь 18,9% избирателей (в табл. 7.1 не показано), и потерпели оглушительное поражение на выборах.

По словам самой Маргарет Тэтчер, ее достижением было убедить лидеров Лейбористской партии в том, что свободной рыночной экономике и политике не может быть «никакой альтернативы». При Тони Блэре британская Лейбористская партия кардинально изменилась. Ее руководство стало строиться по образцу американского президентства. Ее конференция стала одобрением ее лидера. Для многих она стала приемлемым проводником тэтчеризма. Народная база Лейбористской партии была подорвана, ее членство сократилось, а внутренние процессы были выхолощены лидером партии. Выборы 2010 г. положили конец новому лейборизму. Социал-демократия как проект новых лейбористов не представляла собой ни альтернативы капитализму, ни альтернативной формы капитализма. Даже один из ее идеологических архитекторов (The New Statesman) признал, что «Новый лейборизм как таковой мертв и пора отказаться от этого термина»³⁰⁹.

ВОЗРОЖДЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РАМКАХ?

Как мы отмечаем в табл. 7.1, после краха правительства Блэра и Брауна под руководством Джереми Корбина выборы 2017 г. обратили вспять падение электоральной удачи лейбористов. Его доля голосов выросла до 40%, даже с учетом потери голосов шотландских лейбористов, которые переключились после 2005 г. с Лейбористской партии на Шотландскую националистическую партию. Корбин успешно провел выборы, основываясь на тради-

³⁰⁸ Barnett A. New Statesman (London). 22 March 2010.

³⁰⁹ Leader. New Statesman. 17 May 2010.

ционной политике лейбористов. Взгляды Корбина были гораздо более радикальными, чем официальная политика партии. Его заявления и политические действия на протяжении длительного парламентского периода определяют его как традиционного «старого лейбориста», социалиста, о чем говорилось в главе 4³¹⁰. Политика корбинистов обещала качественный отход от экономического и политического консенсуса администраций Тони Блэра и Терезы Мэй. Он обещал значительный отход от «политики жесткой экономии», более прогрессивную налоговую политику, печатание денег Банком Англии («народное количественное смягчение») для инвестиций в высокотехнологичную экономику; обещал национализацию ключевых коммунальных предприятий,

Таблица 7.1

Парламентские выборы в Великобритании, 1997–2019 гг.

	Премьер-министр	Блэр	Блэр	Блэр	Кэмерон Клегг	Кэмерон	Мэй	Джонсон
	Год выборов	1997	2001	2005	2010	2015	2017	2019
Консерваторы	%	30,6	31,7	32,3	36,1	36,9	42,4	43,6
	Места	165	166	197	307	331	318	365
Лейбористы	%	43,2	40,7	35,2	29,0	30,4	40,0	32,1
	Места	419	413	356	258	232	262	203
Либерал-демократы	%	16,7	18,3	22,0	23,0	7,9	7,4	11,5
	Места	46	52	62	57	8	12	11
SNP	%	2,0	1,8	1,5	1,7	4,7	3,0	3,9
	Места	6	5	6	6	56	35	48
UKIP	%	0,3	1,5	2,2	3,1	12,6	1,8	
	Места	-	-	-	-	1	-	
Всего	Места	659	659	645	650	650	650	650
Явка	%	71,4	59,4	61,4	65,1	66,1	68,7	67,3

Примечание. % — процент поданных голосов; SNP — Шотландская национальная партия; UKIP — Партия независимости Великобритании.

Источник: <http://www.parties-and-elections.eu>. См. данные в разделе «Великобритания». Взято с сайта <http://www.bbc.com>

³¹⁰ Nunns A. The Candidate: Jeremy Corbyn's Improbable Path to Power. London: OR Books, 2018; Blackburn R. The Corbyn project: Public capital and Labour's new deal. New Left Review. May-June 2018.

включая железные дороги и энергетические компании; укрепление коллективных переговоров; укрепление социального государства за счет дальнейших инвестиций и отмены частной финансовой инициативы; в сфере образования — отмену платы за обучение в высших учебных заведениях. Корбин — давний критик монархии, но, несмотря на реформирование некоторых ее ритуалов (например, открытия парламента монархом), она сохранится; во внешней политике он последовательно выступал против НАТО и его расширения, а также против британских сил ядерного сдерживания; здесь он будет более осторожен в поддержке британского вмешательства за рубежом, хотя Великобритания останется в НАТО; он упорно выступал против членства Великобритании в ЕС, но, будучи лидером, предложил остаться на едином рынке после того, как Великобритания проголосовала за выход; он горячо поддерживает политику защиты окружающей среды.

В целом «корбинизм» представлял собой умеренную политику государственного участия и высокого налогообложения, основанную на демократической ответственности и подотчетности. Не было вероятности масштабной национализации или выхода из НАТО. Тем не менее эта политика бросала вызов либеральному капитализму, а успех на выборах показал, что более социалистическая ориентация не является электоральным «пактом коллективного самоубийства». Успех Корбина дал надежду на появление «альтернативной» социал-демократической партии. Он представлял популярную социалистическую платформу, но несовместимость его лидерства с блэровским составом парламентской Лейбористской партии привела к запутанной и противоречивой политике, особенно к требованию проведения второго референдума о выходе из ЕС. Кроме того, Корбин столкнулся с массивной враждебной кампанией в прессе, а также с огромной критикой внутри Парламентской лейбористской партии (состоящей из членов парламента от лейбористов)³¹¹. Корбина очерняли его собственные сторонники среди членов парламента. Все это ослабило электоральные шансы Корбина, и на выборах 2019 г. последовало поражение: лейбористы набрали всего 32,1% голосов, Корбин ушел в отставку с поста лидера парламентской Лейбористской партии. Впоследствии, под руководством Кейра Стармера, он был исключен из Парламентской лейбористской партии и полностью маргинализован руководством лейбористов, которое обратилось к пересмотру политической позиции Новых лейбористов, чтобы добиться компромисса.

Поражения на выборах и исключение фракции корбинистов из парламентского руководства лейбористов ставят вопрос о том, изменился ли капитализм настолько, что социал-демократические и социалистические цели стали нежелательными. Короткий ответ заключается в том, что с приходом к власти Тони Блэра парламентская Лейбористская партия представила еще одну неприемлемую форму неолиберализма. Социалистическая политика еще

³¹¹ О том, что такое инсайдерская информация, см.: Murray A. Is Socialism Possible in Britain? Reflections on the Corbyn Years. London: Verso, 2022.

не была опробована. Поэтому преждевременно исключать их в качестве эффективной альтернативы. Остается вопрос, какие реформы возможны и желательны в нынешних условиях и как они могут быть реализованы. Прежде чем перейти к этим вопросам, я рассмотрю, каким образом поворот от государственнической социал-демократии в Западной Европе шел параллельно советскому блоку и привел к впечатляющим результатам.

8 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ ПЕРЕХОДИТ К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

В главе 5 описано как государственный социализм развивался в Советском Союзе, а затем и в восточноевропейских обществах. Но он не был принят развитыми капиталистическими странами. В 1980-х гг. замедление экономического роста и несбывшиеся ожидания населения привели к движению за экономические реформы. Успешная реформа считалась необходимой для того, чтобы соответствовать условиям и ожиданиям более развитого современного общества, хотя к началу 1980-х гг. экономические реформы в европейских государственных социалистических обществах не имели большого успеха. Предложения реформистской экономической и политической интеллигенции (описанные в главе 5) перешли в призывы к более глубокой форме реструктуризации³¹².

Между реформаторами возникли серьезные разногласия. Одни предлагали переход к рыночной экономике, связанный с серьезным сокращением роли экономического планирования, но, что очень важно, они одобряли сохранение гегемонии коммунистической партийно-государственной системы. Другие участники кампании стремились к переходу к рыночной системе, которая бы ликвидировала (или эффективно сократила) не только центральное планирование, но и гегемонистскую роль коммунистической партии. Вневном виде их идеи сводились к признанию рынков, которые, если они долж-

³¹² Подробный обзор см. в: Lane D. *The Capitalist Transformation of State Socialism*. London: Routledge, 2014. Chapter 11.

ны были работать, как на Западе, могли функционировать только в контексте автономных экономических институтов (независимых банков, корпораций, фондовых бирж). Рыночные силы не могут быть внедрены, как они утверждали, если политики (и политические институты) препятствуют работе рынка. Они утверждали, что рыночная система — это не просто рыночная экономика, она зависит от соответствующей социально-политической инфраструктуры и институтов, обеспечивающих ее функционирование, именно то, чего требует неолиберальная теория (как описано в главе 2). Их критики считали (как оказалось, правильно), что такой курс приведет к реставрации капитализма.

Внутри системы реформы рыночного типа были ограничены высоким уровнем государственной собственности и обширным экономическим и политическим контролем, осуществляемым гегемонистской коммунистической партией, которая казалась непоколебимой. Основной импульс для преобразований должен был прийти извне — от примера неолиберальных правительств на Западе, а также от создания внешних условий для реформ. Социалистические реформаторы находили политическое вдохновение в успехе неолиберализации в Западной Европе, особенно в политике, проводимой Маргарет Тэтчер в Великобритании. Она приватизировала государственные активы, серьезно ослабила государственное управление, нанесла поражение воинственным профсоюзам, укрепила рынок и размыла социальное государство. При этом она пользовалась поддержкой населения. Как мы уже отмечали в главе 7, одной из ее гордостей было то, что она обратила «новых лейбористов» Тони Блэра в тэтчеризм. Она должна была воспользоваться слабостями государственного социализма, чтобы привлечь Михаила Горбачева в качестве еще одного новообращенного.

ПЕРЕСТРОЙКА: ОТ РЕФОРМ К ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ

В 1980-е гг. советские страны не только переживали падение темпов роста и экономической застой, но и столкнулись с враждебной политикой Запада, возглавляемого президентом Бушем и премьер-министром Маргарет Тэтчер. Поддерживаемая Западом война в Афганистане истощила ресурсы СССР, а американская стратегическая оборонная инициатива «Звездные войны» увеличила потребность в расходах на оборону. В социалистических странах возникли мощные движения за экономические реформы, а европейский коммунизм стал источником критики иерархической однопартийной системы, возглавляемой партией.

После смерти Константина Черненко в марте 1985 г. Генеральным секретарем Коммунистической партии Советского Союза был избран Михаил Горбачев, от которого ожидали реформирования политических и экономических процессов. Более того, его предложения превзошли ожидания не только за-

падных лидеров, но и реформаторских движений в коммунистических странах. 25 февраля 1986 г. Горбачев представил новую редакцию Программы Коммунистической партии Советского Союза. В своей речи он изложил то, что он и другие реформаторы считали фундаментальными проблемами советского государства, и свои предложения о путях их решения. Это была политика перестройки. Как мы отмечали в главе 5, институциональная структура государственного социализма, казалось, исключала возможность проведения каких-либо значительных реформ, предполагающих переход от правления Коммунистической партии к рыночной плюралистической системе. Однако Горбачев предложил такую трансформацию.

Политические цели Горбачева заключались в том, чтобы обеспечить легитимность рынков и демократической конкуренции, создать условия для перехода к частной собственности и, самое главное, добиться политического урегулирования с Западом. У Горбачева было видение будущего. Программа Коммунистической партии Советского Союза должна была стать новым маяком для прогрессивных сил, опирающихся на права человека, плюралистическое общество, рыночную экономику и возвращение к ценностям европейской цивилизации. Горбачев надеялся, что Запад примет СССР в качестве дружественной мировой державы. Это была гуманистическая версия западной социал-демократии. Однако принятие СССР Западом предполагало выполнение условий, выдвигаемых западными державами во главе с США. Как внутренние события, так и внешнее давление на Горбачева привели бы к разрушению советского партийного государства и переходу к свободному рыночному капитализму.

Мобилизующими стратегиями были гласность (более открытая форма СМИ); демократизация, означающая более плюралистическую систему, в которой коммунистическая партия потеряет монополию на политическую власть в условиях более открытых выборов; внедрение рыночных отношений и частной собственности на средства производства; в международных отношениях — более свободная политика в отношении европейских стран советского блока и, самое главное, движение к разрядке с США и НАТО. В совокупности эти предложения подрывали государственные структуры СССР. Трансформация государственного социализма была основана на нелиберальных реформах. На мой взгляд, эти события были обусловлены теми же социальными факторами, что и в Западной Европе.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ РАДИКАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ И КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

В главе 5 отмечено, что после индустриализации социалистические общества стали урбанизированными, а рабочая сила — высокообразованной, профессионально квалифицированной и социально дифференцированной.

В социалистических странах рос образованный средний класс, чьи ожидания были гораздо выше, чем у рабочего класса, возникшего в годы бурной индустриализации.

Социальные классы лежали в основе горбачевских реформ, а классовые субъекты были в центре трансформации от государственного социализма к капитализму. Классовая структура в социалистических обществах отличалась от структуры в капиталистических странах. Средствами производства владело государство, а не частные лица или частные организации. Кроме колхозного крестьянства, все работники, занятые наемным трудом, составляли, по советским понятиям, рабочий класс, и все они были заняты в государственных учреждениях. К 1970-м гг. социалистические режимы стали гораздо более социально дифференцированными. Можно выделить группу чиновников исполнительной и высшей администрации, ответственных за выработку политики и контролирующих различные секторы экономики, определяемую как административная страта. Эта группа составляла часть, но была отделена от растущего «обслуживающего» класса, состоящего из работников, не занятых на производстве с высшим образованием и профессиональной квалификацией. Эти две группы (слой управленцев и верхнее звено работников умственного труда) составили основу латентного господствующего класса, предположенного к рыночному типу общества³¹³.

Представители административной прослойки находились в противоречивом положении. Они занимали влиятельные, надежные и привилегированные должности и составляли базу, из которой рекрутировалась правящая элита. Стоит отметить, что под правящей элитой предлагается понимать людей, занимавших должности, которые осуществляли политическую и экономическую власть в СССР и (или) республиках. К административной прослойке относились кадры, занимавшие авторитетные посты в партии, руководящие посты в государственных учреждениях (включая экономические и «силовые» министерства, учреждения образования и здравоохранения, средства массовой информации). Потенциально они могли бы превратить свой административный контроль в собственность, если бы смогли оценить свой административный и исполнительный капитал на рынке.

Отличие от системы рыночного капитализма состояло в том, что эти чиновники не могли ни передать свои посты по наследству, ни распорядиться фондами, которые они контролировали. Они не «владели» государственной собственностью (не могли продать подведомственные им заводы) и не могли использовать свои знания и полномочия для создания собственного бизнеса. Контроль над излишками, полученными в результате производства, осуществлялся руководителями партийного государства, что существенно ограничивало присвоение излишков чиновниками. (Вопрос о том, привело ли это к государственному капитализму, рассматривается в главе 15.) Переход к рынкам и частной собственности привел бы к тому, что из сидящих на зарплате

³¹³ Подробное описание таких изменений см. в: Lane D. *The Capitalist Transformation of State Socialism*. Transaction Publishers: New Brunswick, 2011.

членов административной прослойки они могли бы вырасти в часть капиталистического класса, обладающей законными правами на экспроприацию прибавочной стоимости и на владение частной собственностью. Слои общества, которые могли извлечь выгоду из такого рода преобразований, представляли собой контрэлиту — в советском контексте контрреволюционный класс.

Второй импульс к изменениям был дан растущей прослойкой специалистов различных профессий и руководителей. Западные социологи, такие как Карл Реннер и Джон Голдторп, часто определяют эту профессиональную группу как «обслуживающий класс» и включают в нее менеджеров высшего звена и руководителей с профессиональной квалификацией, занятых в государственном управлении, экономике, юриспруденции, СМИ и социальных службах (здравоохранение, образование) — в государственных социалистических обществах все эти учреждения были государственными. Такие кадры обладали значительным влиянием, и политическая элита зависела от их лояльности и поддержки. По мере «взросления» социальной системы политические элиты стали впитывать и отражать интересы новых молодых профессионалов с университетским образованием, которые не были похожи на старшее поколение.

«Обслуживающий класс» отличался от этого же класса в капиталистических странах с рыночной экономикой. В плановой экономике труд всего персонала оплачивался государственным предприятием или государственным учреждением: государство обладало монополией на рынке труда и устанавливало ставки и условия оплаты труда. Обмен рабочей силы на деньги оставался характерной чертой государственного социализма, а доход, получаемый от трудовой деятельности, играл важную роль в определении уровня жизни. Если при капитализме рынок выступает посредником между собственниками и наемными работниками (которые получают прибыль и зарплату соответственно), то при государственном социализме экономическое вознаграждение определялось не рыночными условиями, а административным путем. Исходя из социалистического предположения об общности целей и интересов в рабочем государстве, реальные различия в доходах были относительно низкими, как мы отмечали в главе 5 (см. рис. 5.1). Руководителям выплачивались премии, но они не получали «прибавочной стоимости», сравнимой с прибылью. Они могли получать блага в виде потребительских товаров и услуг, но не могли покупать производственные активы. В социалистической системе реальные доходы квалифицированных работников умственного труда снизились по сравнению с рабочими физического труда (см. рис. 5.4). Такое относительное равенство порождало чувство отчужденности у многих представителей профессиональных слоев («социалистической интеллигенции»), которые определены автором как «обслуживающий класс». В отличие от неолиберальной политики западных капиталистических государств, которая способствовала равенству возможностей путем «выравнивания», в государственном социалистическом обществе произошло значительное поголовное усреднение.

Литературная и художественная интеллигенция также возмущалась административным контролем над культурным самовыражением, который ослаблял их профессиональный авторитет. Разница между реальным уровнем доходов и тем, чего, по мнению получателей этих доходов, они заслуживали (навеянная знанием западных обществ), заставляла их верить в то, что рынок обеспечит более высокие материальные блага и (или) более высокий культурный статус.

Эти условия заставили многих политиков утверждать, что относительных показателей недостаточно для поощрения инноваций и приобретения навыков. Культурная и академическая интеллигенция возмущалась культурными и политическими ограничениями, которые ограничивали их свободу и усугубляли материальную несправедливость. Возник новый «средний класс», который ценил индивидуализм (часто выражавшийся в требованиях культурной и политической свободы). Переход к рынку, по их мнению, должен был обеспечить им заслуженное вознаграждение за более высокую квалификацию и профессиональные навыки.

Уже в конце 1960-х гг. ученые знали о разногласиях между представителями нового среднего класса и старшим поколением активистов. Фрэнк Паркин, обобщая события в Польше, Венгрии, Чехословакии и Югославии в 1969 г., отмечал

довольно острый антагонизм ... между молодым поколением выпускников и технократов, с одной стороны, и ветеранами партии и партизанами — с другой... В Чехословакии ... оппозиция экономическим реформам исходила от руководителей заводов, чье назначение было связано скорее с их политической и пролетарским происхождением, чем с их техническими возможностями³¹⁴.

К 1980-м гг. изменилась структура «обслуживающего класса». Как мы отмечали в главе 5, появился новый средний класс, состоящий из людей с высшим образованием.

Изменился социальный состав политической элиты. В табл. 8.1 показано, как изменился образовательный уровень руководящих кадров Коммунистической партии Советского Союза в период с 1971 по 1986 г. Если в 1971 г. только 20% ведущих кадров имели высшее образование (сюда входило заочное и «неполное» высшее образование), то к 1986 г. эта цифра выросла до 31,8% в группе, которая удвоилась в численности. Что еще более важно, преобладание людей с высшим образованием наблюдалось в исполнительном и представительном эшелонах партии. В центральный комитет партии входили представители основных институтов и групп советского общества. В 1986 г. около 70% его членов имели высшее образование, а 7% — высшее университетское; в то время как среди рядовых членов партии 68% имели среднее образование или ниже.

³¹⁴ Parkin F. Class stratification in socialist societies. *British Journal of Sociology*. 1969. Vol. 20 (4). Pp. 365–367. Однако он не приводит никаких веских доказательств справедливости этого утверждения.

Автор утверждает, что партийная элита социально отделилась от рядовых членов, на которые раньше можно было опереться при поддержке централизованной административной системы. Здесь обнаруживается зарождение изменений в классовой структуре, которые лежали в основе трансформации государственного социализма. Традиционную плано-административную систему поддерживали старые члены партии, выходцы из рабочих и крестьян, которые прошли свой путь в системе. Переход к рынкам был поддержан господствующей прослойкой, сформированной профессиональными группами, обладающими профессиональными навыками. Эти группы определяют как латентные классы, поскольку они развивали единство с общими интересами, противостоящими действующему правящему классу.

Мы можем определить границы классов, оперируя этими двумя критериями расслоения на бедных и богатых (контроль над активами и конкурентоспособность знаний/навыков). Движущей силой процесса реформ были интересы этих двух групп: фракции государственной/партийной бюрократии при скрытой поддержке профессиональных групп среднего класса («обслуживающего» класса), которые считали, что они лично выиграют, если их жизненные шансы станут зависеть от свободного рынка. Обе группы могли превратить свои профессиональные позиции в классовые права, обеспечив экономический рынок, а некоторые могли получить выгоду, приобретя права на собственность.

Таблица 8.1

**Высшее образование партийных кадров,
Коммунистическая партия Советского Союза, 1971, 1986 г.**

	1971		1986	
	<i>N</i>	%	<i>N</i>	%
Все члены партии:	2,81 млн	19,6	6,8 млн	31,8
Ведущие кадры:				
Члены и кандидаты в члены городских, районных (райкомов) и областных (округов) комитетов и ревизионных комиссий, избранные до 27-го съезда (1986) КПСС				
	<i>N</i>	%		
Высшее образование	230,926	56,7		
Высшие научные степени	6,408	1,6		
Члены и кандидаты в члены центральных комитетов и ревизионных комиссий, центральных комитетов партий союзных республик и комитетов областей (обкомов) и краев (областей) (1985–1986)				
	<i>N</i>	%		
Высшее образование	22,118	69,4		
Высшие научные степени	2,295	7,2		

Источник: Партийная жизнь. М., 1986. № 4. С. 20, 23.

Однако важно подчеркнуть, что это не были однородные и последовательные политические группы. Многие представители обслуживающего класса оказались в противоречивом положении, поскольку государственный социализм обеспечивал надежные и привилегированные позиции, а также платформу для достижения социалистических целей. В обеих этих прослойках были верные сторонники государственного социализма, которые стремились к его сохранению через «внутрисистемные» реформы и ограниченный рынок, а не к выходу за его пределы. Другие, однако, образовали контрadministrативную элиту, которая представляла собой политические силы, поддерживающие Горбачева на посту генерального секретаря партии не только в проведении рыночных реформ, но и в открытии страны для Запада, а затем и в переходе к частной собственности.

ПОДДЕРЖКА РАДИКАЛЬНЫХ РЕФОРМ

Фракция политической элиты при Горбачеве сыграла важную роль в руководстве движением за радикальные реформы и при этом отвечала интересам нового среднего класса и культивировала его. Первоначально Горбачев стремился к переходу к рынку в контексте политического строя под руководством Коммунистической партии, а не к переходу к капитализму с частной собственностью. Чтобы заручиться поддержкой на перемены, горбачевское руководство сместило политический баланс в политической элите с тех, кто выступал за традиционные формы административного политического контроля, на контрadministrативную элиту, сформированную из нового класса служащих. Здесь он мог рассчитывать на значительную политическую поддержку со стороны растущего числа представителей среднего класса, занимающих выборные должности в Коммунистической партии, а также в более однородных представительных органах.

Горбачев открыл дискуссию о реформах, что позволило сформулировать противоположные точки зрения. На начальном этапе реформ в Чехословакии, Венгрии, Польше и Германской Демократической Республике (ГДР) система государственного планирования и государственная собственность не были нарушены — реформаторы знали о прямой советской интервенции в Венгрию в 1956 г. и о политическом вторжении стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. До Горбачева политическое руководство СССР жестко ограничивало мобилизацию контрполитических сил и применяло физическую силу против оппозиции. Однако Горбачев разрешил публичную критику в рамках политики «гласности» (общедоступности).

Реформаторы получили возможность открыто призывать к переходу к конкурентной рыночной системе и частной собственности. Голосование в Верховном Совете РСФСР в июле 1990 г. по «реформам Силаева», предлагавшим ввести в Советском Союзе рыночные преобразования, наглядно показывает, какие социальные слои были движущей силой процесса реформ. В поддержку рыночных реформ высказались более 70% представителей правительствен-

ной и партийной элиты, а также более 80% депутатов, имевших профессиональное или руководящее образование³¹⁵. Однако, если рассматривать поддержку приватизации, то здесь мнения правительственной и партийной элиты разделились. В декабре 1990 г. голосование по вопросу о введении частной собственности было провалено: почти 70% представителей политической элиты проголосовали против. С другой стороны, среди профессиональных слоев менее 40% проголосовали против. Очевидно, что одни были рады переходу к капитализму, который, по их мнению, открывал перед ними страну возможностей и давал им «то, чего они действительно заслуживали». Другие боялись неопределенности, которую принесет рыночное общество, а значительное число выступало против таких реформ по идеологическим социалистическим соображениям. Они занимали противоречивые классовые позиции.

Однако такие внутренние события не обеспечили достаточного политического балласта, даже под руководством Горбачева, для перехода к рыночной системе. Внутренние политические элиты были слишком разобщены, им не хватало мотивации и политического консенсуса, чтобы упразднить свою собственную устоявшуюся политическую базу при государственном социализме и перейти к превратностям капитализма. Переломным моментом стала решающая роль внешних классовых сил. Чтобы ускорить перемены, Горбачев должен был заручиться внешней поддержкой, а затем и опереться на нее.

Здесь необходимо учитывать развитие всемирной сети. Изменения в средствах коммуникации повлияли на ожидания населения, которые стали глобальными по масштабу. Бренд неолиберализма Маргарет Тэтчер был известен не только в кругах, ориентированных на реформы, но и благодаря ее выступлениям на внутреннем телевидении в социалистических странах. Ее идеи распространялись как на государства всеобщего благосостояния, такие как Великобритания, так и на коммунистические общества, где люди думали, что рыночная система даст им то, что они заслуживают, а большинство считало, что они заслуживают большего, чем получают. Мы также должны помнить, что предыдущие лидеры, такие как Никита Хрущев, утверждали, что они не только догонят, но и перегонят страны капиталистического мира. В социалистических странах, несмотря на их коммунистический фасад, самолегитимность режима измерялась экономическим прогрессом и уровнем потребления населения.

ТРАНСФОРМАЦИЯ И РОЛЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ

Политика перестройки оказалась тщетной попыткой экономического реформирования государственного социализма. Стремление Горбачева к рынку изначально было заторможено его политическими противни-

³¹⁵ Подробности голосования см. в: Lane D., Ross C. *The Transition from Communism to Capitalism*. New York: St Martin's Press, 1999. Pp. 129–133.

ками в партийном и государственном аппаратах. В результате противодействия внутренней элиты горбачевское руководство оказалось в зависимости от внешних факторов, которые должны были поддержать переход к рыночной экономике. Решающую роль сыграло то, что Лесли Склер назвал глобальным капиталистическим классом, расширив определение класса до «глобализующихся политиков, бюрократов и специалистов» (об этом говорится в главе 10)³¹⁶.

Если в капиталистических странах международный капиталистический класс имел прямое присутствие через владение компаниями, то западные транснациональные корпорации (ТНК) не могли размещаться в социалистических странах, а национальные предприятия не были доступны для покупки или продажи. Однако деловые интересы иностранных ТНК продвигались через западные глобальные политические элиты. Внешняя иностранная политика стала важнейшей движущей силой приватизации и «открытия» доступа к государственным корпорациям. Транснациональные политические силы через таких лидеров правительства, как Маргарет Тэтчер, Джордж Буш и позднее Тони Блэр, а также международные организации, такие как МВФ и ВТО, влияли на внутренние экономические и политические элиты в социалистических странах. Более того, они сыграли решающую роль в поддержании внутренней политики Горбачева. Как убедительно сказал бывший советник Горбачева:

Задачей [внешней политики Горбачева] была не защита СССР от внешней угрозы и обеспечение внутренней стабильности, а почти противоположное: использовать отношения с внешним миром как дополнительный инструмент для внутренних изменений. Он хотел превратить Запад в своего союзника в политической борьбе с консервативной оппозицией, с которой он сталкивался внутри страны, потому что его реальный политический фронт находился там³¹⁷.

Хотя это утверждение, скорее, преуменьшает внутреннюю поддержку Горбачева, оно акцентирует внимание на решающей роли Запада. Политика руководства радикальных реформ, сначала при Горбачеве, а затем при Ельцине, была направлена на достижение соглашения с иностранными мировыми игроками. Целью Горбачева стало то, что он назвал «переходом» (перемещение с одного места на другое) от государственного социализма к «социальной рыночной экономике»³¹⁸.

У Запада была своя собственная повестка. Как отметил Майкл Макгвайр в своем докладе в Бруклинге, политика Запада в отношении Советского Союза предполагала «последовательную попытку достичь военного превосходства... общую милитаризацию международной арены... [и] массивную

³¹⁶ Sklar L. The Transnational Capitalist Class. London: Blackwell, 2001.

³¹⁷ Grachev A. Russia in the world. Paper delivered at BNAAS Annual Conference, Cambridge, 1995. P. 3.

³¹⁸ Несмотря на заявления о том, что перестройка способствует «большему социализму и большей демократии» (Gorbachev M. Perestroika. London: Collins 1987. Pp. 36–37), Горбачев, как правильно цитирует здесь Арчи Браун, был намерен ликвидировать планирование и перейти к социальной рыночной системе. См.: Brown A. Seven Years that Changed the World. Oxford: Oxford University Press, 2007. Pp. 211–212.

«психологическую» атаку на социалистическое сообщество»³¹⁹. Это предполагало разработку оружия космического базирования, создание «специальных сил» (т.е. агентов под прикрытием) в Восточной Европе, применение экономических санкций через торговую политику и эмбарго на экспорт с Запада передовых технологий. Восточноевропейским государствам (таким как Венгрия и Румыния) была обещана помощь в качестве награды и компенсации за отход от советского влияния³²⁰. В 1989 г., во время критического поворота событий, который привел к призывам к независимости в странах Балтии, Национальный фонд США в поддержку демократии оказал финансовую помощь прозападным группам в республиках Балтии, на Украине и на Кавказе³²¹. В этой связи можно отметить параллели и успехи американской политики «тайных операций» в Чили и Никарагуа³²². Эта конфронтационная политика подрывала государственную социалистическую систему посредством политической идентификации Запада с движениями за радикальные реформы, а иногда и их финансовой поддержки.

Условия, предложенные Горбачеву в поддержку его реформаторских инициатив, требовали перехода к западной либеральной форме конкурентного капитализма. Именно здесь идеи экономического либерализма дали о себе знать. Социал-демократический тип режима в сочетании с постепенным переходом к рынкам в рамках смешанной экономики с сохранением государственных финансовых и производственных компаний не был поддержан западными советниками и транснациональными координирующими органами. Цель неолиберализма — создать институты, подходящие для капитализма свободного рынка. Западные лидеры настаивали на конкурентности в политической жизни (партии и альтернативные выборы), а также в экономике (свободная торговля продукцией приватизированного производства и деньги, которые будут конвертируемыми на международном рынке). Неолиберальная система была бы обеспечена путем установления верховенства закона, гарантирующего права на собственность и доходы от нее. Рыночная форма обмена открывала путь для ввоза западных товаров и капитала (для покупки отечественных активов), а также доступ к низкооплачиваемой рабочей силе. В международных отношениях социалистические восточноевропейские государства должны были выйти из советской сферы влияния, а СССР — отка-

³¹⁹ McCwire M. *Perestroika and Soviet National Security*. Washington, DC: Brookings, 1991. Pp. 117–118.

³²⁰ *Ibid.* Pp. 110–113.

³²¹ Доказательство содержится в письме Язова, советского министра обороны. См.: Raymond L. Garthoff. *The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War*. Washington, DC: Brookings, 1994. P. 395. В секретном документе Политбюро, касающемся контактов советских граждан с эмигрировавшими из Великобритании иностранцами-прибалтами, радио «Свободная Европа» и другими, выражалась озабоченность деятельностью антисоветского и антикоммунистического характера. Там же. С. 396.

³²² Военная помощь направлялась также антикоммунистическим партизанским движениям в Камбодже и Анголе. Разумеется, коммунистические государства также вели идеологическую, экономическую и политическую подрывную деятельность, но добиваясь особых успехов в стабильных западных демократических странах.

заться от любой военной или политической конфронтации с Западом. Военные структуры организации Варшавского договора (военный союз социалистического блока) должны быть упразднены.

Связь с иностранными державами придавала импульс процессу перехода к капитализму. В совокупности взаимная поддержка этих элементов (административной контрэлиты, нового «обслуживающего» класса и капиталистического Запада) позволила руководству при Горбачеве провести системные реформы, положившие конец государственному социализму. Ослабление власти Коммунистической партии Советского Союза и приход к власти либерально ориентированных политических и экономических элит позволили перейти к нелиберальной форме капитализма. Запад, во главе с политиками и лидерами США, заложил основные правила для такой интеграции в мировой либеральный порядок. Позже международные организации, такие как Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация и Всемирный банк, стали контролировать эти процессы. Движущей силой трансформации в глобальный капитализм стали международные компоненты транснационального капиталистического класса (о чем будет сказано в главе 10).

Именно в этом контексте Горбачев и авторы экономических реформ представили «демократизацию» политических институтов, чтобы разрушить контроль административной элиты, стремящейся сохранить централизованную систему управления³²³. Он выступал за создание более демократической политической системы, основным положением которой, однако, было то, что это не будет многопартийная конкурентная политическая система. Его руководство предлагало форму политического плюрализма — выбор кандидатов (люди могли выдвигаться как личности, а не как кандидаты от коммунистической партии), а также свободу для различных типов неформальных групп (но не официальных политических партий), которые могли бы бороться за политическую власть. Коммунистическая партия оставалась бы гегемоном, хотя она должна была бы править с согласия народа. Горбачев утверждал, что социализм будет усилен. Он разделял видение демократических рыночных социалистов, плановая экономика будет функционировать в демократическом контексте, но, в отличие от них, определяться гегемонистской коммунистической партией. В процессе перестройки реформы пошли гораздо дальше, чем изначально предлагал Горбачев, и привели к серьезным системным изменениям.

Важнейшей мерой стало смещение власти от партии к Советам (выборным парламентам). В марте 1990 г. исключение «руководящей роли» партии из советской конституции разрушило конституционную и символическую монополию партии на власть. Идеологическая и институциональная основа, которая с момента своего основания при Владимире Ленине удерживала государственный социализм, была сознательно демонтирована. Политические реформы фактически разрушили партийно-государственный аппарат, кон-

³²³ Эти события подробно описаны в: Lane D. Elites and Classes in the Transformation of State Socialism.

тролировавший плановую экономику. Чтобы рыночные реформы заработали, плановые органы были распущены. Предприятиям было разрешено торговать друг с другом, как в рыночных обществах. Непредвиденным последствием этих экономических и политических реформ стало то, что руководство при Горбачеве не смогло (а некоторые и не захотели) сдержать более радикальные силы, стремившиеся к переходу к либеральной форме капитализма.

Политика Горбачева привела к упразднению координирующих экономических институтов и дезинтеграции экономической системы, стремительному росту инфляции, значительному спаду производства и общему кризису государственного социализма — как государства и как формы социализма. Сложные каталлактические механизмы (описанные в главе 2), которые координировали либеральную рыночную систему, оказались не у дел. Было утопично предполагать, что процессы и институты западной рыночной экономики, формировавшиеся веками, могут быть созданы спонтанно. Экономическая система Советского Союза «рухнула» не в результате многочисленных недостатков планового механизма, а под тяжестью горбачевских реформ.

Были упразднены три основных стабилизирующих института советского строя: централизованная система государственного планирования, аппарат Коммунистической партии Советского Союза и номенклатурная система назначений. Совокупность этих событий стала предпосылкой для распада СССР. Выход республик из состава Союза был объявлен сначала 11 марта 1990 г. Литовской Советской Социалистической Республикой и завершен 12 декабря 1991 г. выходом Российской Федерации из состава Союза. Руководители республик встали на путь развала СССР. 8 декабря 1991 г. главы государств России (Ельцин), Украины (Кравчук) и Белоруссии (Шушкевич) подписали Беловежское соглашение. Соглашение признало независимость друг друга и провозгласило образование Содружества Независимых Государств (СНГ). СССР больше не существовало, и 25 декабря Горбачев ушел с поста президента. 26 декабря Верховный Совет СССР распустил СССР. 31 декабря 1991 г. СССР прекратил свое существование. Имущество СССР перешло к 15 республикам, ранее составлявшим СССР.

Это был не только конец СССР как государства, но и завершение эпохи государственного социализма. Государственный социализм больше не представлял собой жизнеспособную альтернативу капитализму.

Реформаторские движения в социалистических странах Восточной Европы последовали примеру Горбачева. Здесь антикоммунистические политические силы были сильнее: в ходе избирательного процесса в Польше и Венгрии были избраны законодательные органы, в которых отсутствовало коммунистическое большинство. Как и в Советском Союзе, политическая гегемония коммунистической партии была свергнута, министерства планирования были распущены, а экономические преобразования пошли по пути приватизации и маркетизации. Распад всей структуры был вопросом времени. Командная система коммунистической партии была преобразована в политическую систему «полиархию», а планирование было поспешно заменено рыночной экономикой, основанной на приватизации собственности. При

президенте Ельцине и одновременно в европейских социалистических странах в период с 1989 по 1995 г. была проведена масштабная приватизация³²⁴. Коммунистическая идеология была отменена. С государственным социализмом было покончено, а его институты распущены. Государственный социализм не рухнул из-за своих внутренних противоречий. Он был демонтирован собственным руководством. Впоследствии Запад под руководством США, опираясь на универсалистские цели неолиберализма, определил условия, на которых постсоциалистические европейские государства присоединились к мировому международному порядку.

ФАКТОРЫ, ЛЕЖАЩИЕ В ОСНОВЕ ПАДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛИЗМА

Сравнивая факторы, приведшие к упадку социализма (в форме социал-демократии) в Великобритании (глава 7) и в СССР, мы обнаруживаем общие процессы. Обе экономики переживали внутренний спад в последней четверти XX в., и в обеих по-разному складывались противоборствующие политические режимы. В обеих странах наблюдались схожие тенденции в социальной структуре: рост исполнительных должностей нефизического труда и специалистов различных профессий на фоне сокращения численности рабочего класса. Растущие профессиональные слои работников нефизического труда («класс услуг») обеспечили социальную и политическую базу для поддержки более конкурентного рынка и менее управляемой государством системы. Обе страны подвергались иностранному влиянию, которое оказывало воздействие на внутреннюю политику. В социалистическом блоке реформаторы стремились присоединиться к мировому экономическому порядку, на Западе страны становились частью либеральной глобальной системы. В обеих странах произошла значительная дестабилизация, включающая приватизацию и маркетизацию. Во всех социалистических странах развитие событий происходило на качественно более высоком уровне и было связано со сменой режима и становлением капиталистического класса. В западноевропейских странах, напротив, результатом стало ослабление национальных государств и ассимиляция части господствующих классов в глобальные сети. В обоих регионах традиционная социалистическая привлекательность коллективного обеспечения значительно снизилась и была заменена собственническим индивидуализмом.

Государственный социализм, как форма индустриального развития и модернизации, представлял собой эффективную практическую альтернативу капитализму, но был подвержен политическим и экономическим ошибкам. Социалистические общества развили свои собственные формы иррациональ-

³²⁴ См.: Appel H. A New Capitalist Order: Privatisation and Ideology in Russia and Eastern Europe. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2004; Pomfret R. Constructing a Market Economy. Cheltenham: Edward Elgar, 2002.

ности. Чтобы объяснить такое развитие событий, нельзя полагаться на труды Маркса в поисках объяснения недостатков государственных социалистических обществ или исправления их неадекватности.

Объяснения следует искать не только в рамках исторического материализма, но и в других теориях и подходах, а также в историческом наследии, в частности в продолжении процессов, унаследованных от предыдущих социальных и политических формаций. Бюрократия, патриархат, милитаризм и кретенциализм (использование «экспертного» знания) также представляют собой формы политической и экономической власти и имеют свои истоки и законы развития. Ошибочно относить все пороки, неадекватность и несправедливость к особенностям, присущим классовым структурам капиталистического или социалистического режимов. Вслед за такими авторами, как Э.О. Райт³²⁵, мы можем расширить понятие господства и контроля, включив в него не только владение капитальными активами, но и организационную власть, которую могут использовать люди, наделенные властью, — чиновники, бюрократы, юристы. Другие более низкие уровни контроля включают в себя контроль, основанный на полномочиях, к которым относится целый ряд специалистов — от школьных учителей до врачей и бухгалтеров.

Не предвиденные советскими марксистами события, такие как эксплуатация окружающей среды и последствия ядерной войны, приобрели большую политическую значимость в XXI в. Угнетение маргинальных групп (гендерных и кастовых) имеет культурные и исторические корни. Эти направления власти могут быть сформированы экономической эксплуатацией, но не являются ее составными частями и должны анализироваться отдельно. Однако их нельзя отождествлять с экономической эксплуатацией. Маркс оправдал себя, наделив право на частную собственность и извлечение экономического излишка, получаемого через рыночные отношения, качественно иным уровнем власти, чем другие формы господства и дискриминации. Способы производства с различными уровнями производительных сил формируют и ограничивают человеческие отношения. Формирование классов — это не только объяснение того, как социальная структура порождает основные конфликты, вытекающие из права собственности, но и объяснение того, как исторически меняются общества и в чьих интересах происходят изменения.

ПЕРЕХОД К КАПИТАЛИЗМУ

После распада Советского Союза в декабре 1991 г. государственные социалистические общества начали переход к капитализму. Переход подразумевает намеренное движение от существующего государства к определенному типу общества; в данном случае целью является рыночный тип капитализма, легитимно заключенный в электоральную конкурентную демократию. Политика перехода изначально включала пять компонентов:

³²⁵ Wright E.O. *Classes*. London: Verso, 1985.

внутри страны — создание национальных суверенных государственных образований, рыночной системы, основанной на частной собственности, демократической конкурентной избирательной политики и плюралистического гражданского общества. Пятый компонент — международная сфера, которая требовала приобщения к мировой экономике и нормализации политических отношений с доминирующими политическими державами. В качестве образца для подражания эти компоненты взяли либеральную систему.

В процессе трансформации европейские постсоциалистические государства пошли двумя разными путями: во-первых, включение в ЕС в качестве новых государств-членов (NMS); во-вторых, формирование Содружества Независимых Государств (СНГ), состоящего из оставшихся республик бывшего Советского Союза. Обе региональные группы стран, по крайней мере на начальном этапе, придерживались либерального курса в экономическом и политическом плане. Были приняты плюралистическая политическая система, основанная на выборной демократии, и конкурентная рыночная экономика, основанная на частной собственности. Позже многие из них скатились к формам олигархического капитализма, управляемого государством. Обещанный переход к демократической свободе, богатству и процветанию не произошел в ожидаемой форме, хотя некоторые получили огромные выгоды от преобразований. Альтернативой могла стать гибридная, социал-демократическая форма экономического устройства государства всеобщего благосостояния, которая перешла бы к рыночным экономическим отношениям и более плюралистической политической системе, сохранив при этом общественную собственность и государственные рынки. Именно такой курс предполагали некоторые реформаторы, стремившиеся к форме рыночного социализма, но он не был рекомендован иностранными экономическими консультантами и не был поддержан координирующими институтами, такими как Международный валютный фонд. Еще одна важная трансформация произошла в Китае. Здесь коммунистическое руководство перешло к рынку и провело значительную приватизацию, в том числе крупных корпораций. Однако эти изменения проводились в рамках государственного плана, иностранные инвестиции были ограничены, и, что, возможно, важнее всего, коммунистическая партия сохранила свое господство над обществом и государством, которое сохранило собственность и контроль над важнейшими финансовыми и нефинансовыми предприятиями (подробнее об этом говорится в главе 15). Один вывод совершенно очевиден: распад Советского Союза ознаменовал конец одной из альтернатив капитализму — государственного социализма.

9 ОТ ИНДУСТРИАЛЬНОГО К ГЛОБАЛЬНОМУ КАПИТАЛИЗМУ

В предыдущих главах было показано, как политические движения и правительства отвечали на вызовы национальной и мировой политики в период после Второй мировой войны. На политику повлияли два основных взаимосвязанных и кумулятивных события. Во-первых, произошла трансформация экономики развитых индустриальных стран, основанной на труде рабочих, в сектор услуг преимущественно нефизического труда. Экономика развитых стран пережили подъем транспорта, торговли, электронных коммуникаций, страхования, образования, банковского дела, здравоохранения, отдыха и научных исследований. Промышленное производство продолжалось, часто в ослабленной форме, но с меньшим количеством более квалифицированной рабочей силы, которая была способна использовать машины и роботов для выполнения не только промышленных, но и коммерческих и личных задач. Армии фабричных рабочих постепенно заменялись гораздо меньшим числом специалистов технического и научного профиля. Во-вторых, произошел качественный сдвиг в пространственных отношениях между странами и регионами, вызванный глобализацией экономических и социальных отношений. В совокупности эти события можно охарактеризовать как движение от национального промышленного капитализма к глобализованному постиндустриальному капитализму. Такие структурные изменения обусловили рамки политики.

Основа теорий «постиндустриального», «информационного» или «основанного на знаниях» общества была заложена в 1960-х гг. Работы Кларка

Керра³²⁶, Дж.К. Гэлбрейта³²⁷ и Дэниела Белла³²⁸ внесли свой вклад в концепцию постиндустриального общества. Следствием выявленных ими изменений стало то, что знания и интеллектуальная собственность стали основными экономическими ресурсами.

В постиндустриальном обществе использование и «кодификация теоретических знаний» стали основополагающим компонентом экономики. Знание — это «совокупность организованного изложения фактов или идей, представляющая собой обоснованное суждение или экспериментальный результат, который передается другим людям с помощью средств коммуникации в определенной систематической форме»³²⁹. Постиндустриальное общество состояло из трех областей: третичного сектора (транспорт), четвертичного сектора (торговля, финансы, страхование, недвижимость) и пятеричного сектора (здравоохранение, образование, научные исследования, правительство и отдых). Эти секторы обеспечили социальную базу для «постиндустриального» типа политики. После третьей четверти XX в. появились многонациональные корпорации, которые оказывали сильное влияние на государства и финансовые компании, а не на производственные предприятия, которые стимулировали инвестиции.

ОТ НАЦИОНАЛЬНОГО К ГЛОБАЛЬНОМУ КАПИТАЛИЗМУ

Можно выделить три пространственных типа капиталистических экономик с различными формами координации, типами экономических систем и соответствующими классовыми структурами: национальную, международную и глобальную. На практике государства содержат части всех трех типов, но в разных пропорциях.

Национальная экономика определяется тем, что основные экономические формы координации находятся в границах данной страны. В период становления капитализма в конце XVIII — начале XIX в. компании были национальными по форме собственности и в основном производили продукцию для своей страны и получали сырье из нее. Национальные экономики были политически закрыты государством. Вестфальский договор, подписанный в 1648 г., определил гражданство и объявил, что государства являются суверенными в пределах своих границ. Государство обеспечивало основную форму экономической координации и формировало законы для ведения бизне-

³²⁶ Kerr C. et al. *Industrialism and Industrial Man*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960.

³²⁷ Galbraith J.K. *The New Industrial State*. London; Hamish Hamilton, 1976.

³²⁸ Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society*. London: Heinemann, 1974.

³²⁹ *Ibid.* Pp. 117; 175. Как и Белл, Дж.К. Гэлбрейт определяет «техноструктуру» в терминах «специализированных научных и технических знаний». Galbraith J.K. *The New Industrial State*. London; Hamish Hamilton, 1976. Pp. 61–63.

са и собственности. Национальная экономика была связана с культурой нации — языком, религией и «способами ведения дел». Национальные экономики были частью первой фазы промышленного капитализма, и государства осуществляли прямой территориальный контроль над своими заморскими владениями или колониями, а также заключали двусторонние или многонациональные договоры. Государства регулировали движение капитала и рабочей силы, а национальные законы определяли права собственности и права компаний. Государства также контролировали массовую миграцию из Европы в XIX в. (как правило, без особых ограничений) и предоставляли гражданство. Страна-донор управляла колониями напрямую, а армии навязывали имперские законы, часто через посредников в принимающих странах — территориальная форма власти. Договоры и соглашения инициировались и санкционировались национальными государствами.

В XIX в. национальные экономики значительно расширились, а международная экономика сформировалась благодаря взаимодействию между государствами. Капитализм был главной движущей силой экономических изменений. Маркс и Энгельс отметили его распространение в «Коммунистическом манифесте»:

Буржуазия, эксплуатируя мировой рынок, придала космополитический характер производству и потреблению в каждой стране... Вместо прежней местной и национальной замкнутости и самодостаточности мы имеем взаимодействие во всех направлениях, всеобщую взаимозависимость наций. И как в материальном, так и в интеллектуальном производстве. Интеллектуальные творения отдельных наций становятся общей собственностью³³⁰.

Интернационализация подразумевает взаимодействие между преимущественно национальными экономиками. Национальное государство по-прежнему играет координирующую роль и определяет законы, регулирующие международный политический обмен. Национальные компании, ведущие торговлю в мировом масштабе, остаются в странах своего происхождения. В условиях «интернационализации» вмешательство национального государства имеет решающее значение — государства заключают и отменяют договоры, контролируют национальные экономические корпорации. Национальный суверенитет преобладает, и национальные компании с иностранной долей владения надеются на вмешательство государства, чтобы защитить свои активы за рубежом.

В последней четверти XX в. капитализм перешел от своей международной формы к более подвижному экономическому порядку, глобальному капитализму. Государства начали терять часть своих полномочий по координации экономики, а также политический суверенитет. Интернационализация превратилась в глобализацию³³¹. Национальные границы между государствами

³³⁰ Communist Manifesto. P. 16. Available at: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/download/pdf/Manifesto.pdf>

³³¹ Существует обширная литература о «глобализации», в частности: Crouch C. The Globalisation Backlash. Cambridge: Polity, 2018; Lechner F.J., Boli J. The Globalization Reader (2nd edn).

были разрушены, чтобы облегчить беспрепятственное перемещение факторов производства — особенно капитала — благодаря «праву учреждения» компаний в принимающих странах. Объем мировой торговли товарами увеличился с 3 500 000 млн долларов в 1990 г. до 6 450 000 млн долларов в 2000 г. и 19 000 000 млн долларов в 2019 г.³³² Увеличилась миграция рабочей силы, особенно в рамках региональных блоков, таких как ЕС, но она по-прежнему подвергалась государственному контролю. Производство приобрело форму аутсорсинга и офшоринга, что привело к созданию глобальных цепочек добавленной стоимости: к 2013 г. 453 млн рабочих мест, или около 20% мировой занятости, были вовлечены в глобальные цепочки добавленной стоимости, и на них приходилась примерно половина мировой торговли³³³.

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация в самом общем смысле определяется как «процесс, который разрушает национальные границы, объединяет национальные экономики, культуры, технологии и управление, а также порождает систему сложных взаимоотношений»³³⁴. Глобализация предполагает сокращение временных промежутков; взаимодействие между участниками происходит быстро, часто мгновенно. Она отличается от интернационализации, которая представляет собой процесс, в котором потоки между государствами и отношения между ними опосредованы самими государствами — через двусторонние или многосторонние договоры и (или) соглашения. Глобализация носит беспрепятственный характер: знания, коммуникации, товары, люди, капитал и услуги быстро и без ограничений пересекают национальные границы. Местные и национальные культуры преодолеваются глобальными средства-

Oxford and Malden: Blackwell, 2004; Dicken P. *Global Shift* (7th edn). New York: Guildford Press, 2015; Rodrik D. *The Globalisation Paradox: Why Global Markets, States and Democracy Can't Coexist*. New York: Norton, 2011; Sklair L. *Sociology of the Global System*. London: Prentice Hall/ Harvester, 1991; Held D., McGrew A. *The Global Transformations Reader* (2nd edn). Cambridge: Polity, 2002; Scholte J.-A. *Globalization: A Critical Introduction*. Basingstoke: Palgrave, 2000 (2nd edn). 2005; Bhagwati J. In *Defence of Globalization*. Oxford: Oxford University Press, 2004; Chang H.-J. *The Bad Samaritans: Rich Nations, Poor Policies & the Threat to the Developing World*. New York: Random House, 2007; Sklair L. *The Transnational Capitalist Class*; Wallerstein I. *World-Systems Analysis*. Duke University Press, 2004; Stiglitz J.E. *Globalization and Its Discontents*. London: Penguin, 2002.

³³² Базу данных Unctadstat (Конференция ООН по торговле и развитию) по общему объему товаров в мировой торговле см. в: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>.

³³³ *World Development Report 2020*. Washington, DC: World Bank, 2020. Данные по занятости см.: International Labour Organisation. *World Employment Social Outlook*. Geneva: ILO, 2015.

³³⁴ Gygli S., Haelg F., Sturm J.-E. *The KOF Globalisation Index – Revisited*. Zurich: Swiss Economic Institute, 2018. Available at: https://www.ethz.ch/content/dam/ethz/special-internal/inter-est/dual/kof-dam/documents/Globalization/2018/KOF_Globalization_Index_Revisited.pdf

ми массовой информации и транснациональной культурой. С этой технической точки зрения глобализация — это межтерриториальная логика, связанная с движением потоков товаров, людей, услуг и капитала.

Однако значение *капиталистической* глобализации является спорным вопросом³³⁵. Наиболее популярный подход заключается в том, чтобы отделить капитализм от глобализации и рассматривать последнюю как следствие технологических изменений, в частности развития передовых форм коммуникации и информационных технологий. Дэвид Хелд и Энтони Макгрю в общепринятом определении называют глобализацию «историческим процессом, который трансформирует пространственную организацию социальных отношений и транзакций, порождая трансконтинентальные или межрегиональные сети взаимодействия и проявления власти»³³⁶. Как и теории индустриального общества, этот подход основывается на технологическом развитии. По мнению этих авторов, глобализация включает в себя четыре основных компонента³³⁷.

- Действие на расстоянии (социальные агенты в одной местности имеют значительные последствия для «весьма удаленных других»).
- Сжатие пространства-времени (мгновенная электронная коммуникация сокращает расстояние и время в социальной организации и взаимодействии).
- Усиление взаимозависимости (переплетение национальных экономик и обществ — события в одной стране влияют на события в других).
- Пространственная интеграция (усиление межрегиональной взаимосвязи).

Глобализацию следует понимать как последствия технологического изобретения — электронной революции, в ходе которой коммуникация выходит за пределы времени и пространства. Усложнение и взаимозависимость субъектов привели к появлению глобальной нормативной базы, включая такие институты, как Международный валютный фонд, Всемирный банк и Всемирная торговая организация, которые обеспечили финансовую и экономическую поддержку этим событиям. Координация мировой политики и экономики перешла от соглашений между государствами к регулированию со стороны глобальных организаций³³⁸.

Западные ученые в области социальных наук, а также политические и экономические комментаторы в целом оценивают глобализацию положительно. Она способствует росту инвестиций, коммуникаций, распространению знаний, взаимодействию людей, торговле и производству, от чего все выигрывают в экономическом и социальном плане. Основные постиндустриальные

³³⁵ Скептическое отношение к идеям «глобализации» см. в: Hirst P., Thompson G. *Globalization in Question*. Cambridge: Polity, 1996 and 1999.

³³⁶ См.: Held D., McGrew A. *The end of the old world order? Globalization and the prospects for world order*. *Review of International Studies*. 1998. Vol. 24. P. 220; Giddens A. *Beyond Left and Right*. P. 80.

³³⁷ The great globalization debate: An introduction. In: Held D., McGrew A. (Eds). *The Global Transformation Reader*. P. 3.

³³⁸ См. обсуждение в: Scholte. *Globalization*. Chapter 4.

государства получают выгоду от дешевого импорта, а остальной мир — от западного аутсорсинга производственных операций, высоких технологий и, что более спорно, западных политических процессов и культурных ценностей. Утверждается, что экономическая глобализация привела к повышению уровня жизни как в основных капиталистических странах, так и в остальном мире. Мартин Вольф представляет западных экономистов и тех, кто формирует общественное мнение, когда пишет, что «современные либеральные демократии являются самыми успешными обществами в истории человечества с точки зрения процветания, свободы и благосостояния народов»³³⁹. Хотя он признает, что они переживают кризисы, которые создают проблемы.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФОРМА КАПИТАЛИЗМА

Глобализация вписывается в рамки капитализма, который, как отмечает Дж. А. Шолте, стимулировал глобализацию четырьмя основными способами³⁴⁰. Во-первых, через расширение торговли. По мере насыщения внутренних рынков фирмы, движимые капиталистической логикой, устремились на мировые рынки как средство поддержания или увеличения объема продаж за счет экспорта. Более крупный рынок способствует эффекту масштаба и, следовательно, повышает норму прибыли. Во-вторых, прямые иностранные инвестиции (ПИИ) и глобальная мобильность компаний между странами расширяют рынки и тем самым способствуют получению прибыли за счет новых мест расположения дочерних компаний транснациональных корпораций (ТНК). В-третьих, глобальный поиск поставщиков и создание международных производственных сетей способствуют снижению затрат; мобильность капитала компенсирует негибкость рынков труда, в частности, там, где работники объединены в профсоюзы. Принимающие страны приветствуют приток инвестиций, поскольку они приводят к созданию рабочих мест, внедрению иностранных технологий и знаний; с другой стороны, принимающие страны могут предоставлять налоговые убежища для иностранных компаний. В-четвертых, финансиализация позволила осуществлять портфельные инвестиции в иностранные компании и расширить торговлю валютой.

В основе экономической глобализации лежат интересы капиталистов и корпорации, действующие через правительства или, в некоторых странах, сами правительства. Международными экономическими корпорациями движет стремление к экспансии и поиску более дешевых факторов производства, а также рынков сбыта для обеспечения прибыли. С этой точки зрения глобализация — это форма капитализма: транснациональная форма собственности и рыночного производства; глобализация имеет капиталистическую логику. Марк отмечал, что капитализм подразумевает «уничтожение пространства через вре-

³³⁹ Wolf. M. In defence of democratic capitalism. Financial Times. 21 January 2023. См. также: The Crisis of Democratic Capitalism. London, Penguin Books, 2023.

³⁴⁰ Scholte. Globalisation.

мя»³⁴¹. Экономической движущей силой являются транснациональные корпорации (ТНК), которые встроены в глобальные сети поставщиков и покупателей. Их стратегическое управление осуществляется в стране происхождения, где принимаются решения об инвестициях, местонахождении и источниках производства. Правительственные органы могут влиять на их политику, но не властны над ней. Распределение инвестиций в глобальном масштабе дает транснациональным компаниям значительные экономические полномочия, а поиск прибыли приводит к непрерывности производства товаров. Товары и услуги по «желанию» потребителей могут быть произведены, что делает желания потребителей в отношении товаров и услуг неограниченными. Следовательно, они потребляют природные ресурсы, и одновременно производство приводит к загрязнению окружающей среды и способствует глобальному потеплению. Мы вернемся к экологическим проблемам в главе 13.

Признавая эти культурные, политические и экономические условия, можно перейти от парадигмы глобализации как особого набора транснациональных сетей и форм обмена к глобализации как выражению капитализма, как набору норм, принятых на последней стадии капиталистического развития. Цифровые технологии аналогичны машинам промышленной революции XIX в.: тогда машиностроение обеспечивало инструменты, движущей силой были капиталистические предприниматели, поддерживаемые банками и правительствами, а посредниками были армии промышленных рабочих. В условиях глобализации электроника и интернет — это инструменты, используемые транснациональными корпорациями, которым помогают действовать транснациональные экономические, финансовые и политические организации.

Мы можем определить *глобализованный капитализм* как систему производства товаров и услуг, функционирующую посредством беспрепятственного международного рыночного обмена; производственные активы находятся в коллективной или индивидуальной собственности; прибыль, ведущая к накоплению, является основным мотивом экономической жизни; государство, встроенное в плюралистическое общество, обеспечивает частную собственность и права на доходы от производства. Государства действуют на глобальном рынке, где транснациональные институты не только ограничивают их полномочия, но и во многом (но не во всем) подменяют их.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Все эти изменения происходят благодаря процессам либерализации, которые снимают политические ограничения на перемещение капитала, товаров, работников и услуг, чтобы создать открытый, безграничный мир. Торговые соглашения, определяющие свободу учреждения, укрепляют спо-

³⁴¹ Цитируется по: Harvey D. *The New Imperialism*. Oxford: Oxford University Press 2003. P. 98. См. также: Harvey D. *Limits to Capital: The Condition of Postmodernity*. Oxford: Blackwell, 1989. Part III.

способность компаний создавать зарубежные филиалы. Корпорации создавали зарубежные филиалы в конце XIX — начале XX в., но основные изменения произошли в последней четверти XX в. В мировом масштабе в 1982 г. общий мировой отток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) составил 28 млрд долл., а в 2006 г. он вырос до 1216 млрд долл.; в период с 1986 по 1990 г. ежегодный рост притока ПИИ составлял 21,7%, а в период с 1996 по 2000 г. — 40%³⁴². Такие потоки оказали огромное влияние на национальные экономики и привели к деиндустриализации в основных странах мировой системы. ПИИ направлялись не только в развивающиеся страны. На рис. 9.1 показан приток ПИИ в основные региональные экономики в период с 1990 по 2018 г. Основными получателями ПИИ, безусловно, являются развитые экономики. Мы отмечаем резкий рост мировых ПИИ в период с 1990 по 2000 г., значительное падение после 2000 г., восстановление до 2007 г., а затем падение после рецессии 2007 г. Примерно с 2010 г. наметился сдвиг в сторону развивающихся экономик, а на графике показан растущий с 2008 г. разрыв между общим мировым показателем и показателем развитых экономик.

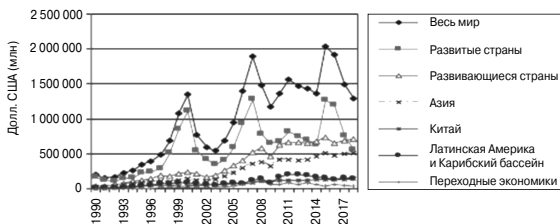

Рис. 9.1. Приток ПИИ, по регионам и экономикам, 1990–2018 гг.

Источник: UNCTAD, FDI/ MNE database Available at: www.unctad.org/fdistatistics. WIR19- tab01.xlsx

Несмотря на широко распространенное мнение о том, что рост Китая был следствием ПИИ, в период с 1990 по 2017 г. он был чуть ниже этого показателя для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (см. рис. 9.1). В понятие «Китай» здесь не включен Гонконг, но даже если бы он был включен, это не изменило бы общей картины. Аутсорсинг был важным фактором экономического роста Китая. На переходные экономики постсоциалистических государств также приходилась очень небольшая доля мировых ПИИ, боль-

³⁴² United Nations Conference on Trade and Development. World Investment Report. (WIR) 2007. New York, Geneva: United Nations, 2007. P. 9.

шая часть которых была направлена на добычу энергоресурсов в России, Казахстане и Азербайджане. Что касается границ и приобретений, то в период с 1990 по 2018 г. на развитые страны приходилось 80% этого объема, а доля Китая была ничтожно мала³⁴³. Эта цифра свидетельствует о том, что Китай оказался вне ядра мировой капиталистической экономики.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Международные корпорации/ТНК получают значительную часть своей прибыли от продаж в принимающих странах. Основными странами, вносящими вклад в прямые инвестиции, являются США и Великобритания, за которыми следует Германия (всего 8%)³⁴⁴. Эти данные служат эмпирической базой, показывающей, что корпоративный капиталистический класс имеет глобальный масштаб с эпицентром в США. Они также проливают свет на природу «постиндустриального общества». ПИИ значительно изменили свое направление. До Второй мировой войны ПИИ направлялись из центра в развивающиеся страны, которые поглощали $\frac{4}{5}$ ПИИ. С 1960-х по 1980-е гг. крупнейшие потоки ПИИ шли между основными регионами³⁴⁵; $\frac{3}{5}$ ПИИ в 1997 г. были направлены на слияния и поглощения — это были вовсе не инвестиции. Ссылаясь на данные ЮНКТАД, Джерри Харрис отмечает, что в 1995 г. около 40 тыс. компаний имели (многочисленные) штаб-квартиры более чем в трех странах³⁴⁶.

Глобальная экономика состоит из транснациональных компаний, которые заменяют собой как автономные единицы национальной, так и зависимой экономики. Слияния и поглощения выгодны доминирующим корпорациям, расположенным в государствах-гегемонах, которые могут использовать свою экономическую мощь для покупки и контроля менее сильных компаний, часто (но не всегда) расположенных в странах с более слабой экономикой. Их целью (например, поглощение британской Cadbury Schweppes) является увеличение доли рынка, а не повышение экономической эффективности (хотя увеличение доли рынка может создать условия для повышения производительности). Корпорации становятся «глобальными». Хотя у них есть филиалы в одной или нескольких господствующих странах ядра, они не несут ответственности за государственный аппарат принимающих стран, хотя и могут испытывать на себе его влияние. Они действуют как многочисленные подразделения на глобальной основе (например, Toyota, Google, Vodafone, BP, Royal Dutch Shell, J.P. Morgan, CitiBank, HSBC, Rio-Tinto, Microsoft, China National Petroleum). Увеличение количества глобальных компаний привело

³⁴³ UNCTAD cross-border M&A database. Available at: www.unc.tad.org/fdista/tisti/cs

³⁴⁴ UNCTAD. Data cited by Dicken P. *Global Shift*. London: Sage, 2007. P. 81.

³⁴⁵ Harris J. *The Dialectics of Globalisation: Economic and Political Conflict in a Transnational World*. Newcastle: Cambridge Scholar Press, 2006. P. 60.

³⁴⁶ *Ibid.*

к качественному изменению их политической власти. Такие компании имеют зарегистрированный головной офис (или офисы) в какой-либо из стран, но не зависят от какого-либо одного национального правительства.

США и Западная Европа доминируют среди 100 крупнейших нефинансовых транснациональных компаний мира. В 2019 г. из 100 крупнейших нефинансовых компаний мира (ранжированных по объему зарубежных активов) на долю США приходилось 19 компаний, Франции — 15, Великобритании — 13, Германии — 10 и Японии — 9; на долю Китая приходилось 9 компаний (плюс 1 в Гонконге) (у Российской Федерации не было ни одной)³⁴⁷. Китай, однако, быстро растет: в 2016 г. в списке было всего две компании. У большинства западных компаний более половины активов, продаж и рабочих мест находятся за рубежом. Хотя принимающие страны выигрывают от налоговых льгот, чистая прибыль репатрируется владельцам в их родных странах.

Очевидно, что эти факты имеют серьезные последствия для геополитики и помогают объяснить гегемонию Запада над другими государствами. Это придает глобальный масштаб трансформации постсоциалистических обществ, рассматриваемой в главе 8. Структура экономики любой страны определяется относительным весом и значимостью национальных компаний, зависимостью от иностранных компаний и расположением филиалов. Сочетание этих факторов делает экономику национальных государств более или менее глобальной по своему характеру. Связи с другими государствами, в свою очередь, влияют на политику государства по поддержанию присутствия и характер этого присутствия в международных делах. Государства действуют в глобальном пространстве, которое слабо или вообще не подлежит государственному регулированию (не говоря уже о демократическом контроле). Дочерние компании, разумеется, подчиняются государственному регулированию и регулированию регионального блока в принимающей стране. Такие компании обращаются к правительствам своих стран и ожидают от них поддержки своих торговых интересов — что они обычно и делают.

Транснациональные корпорации обладают значительной геополитической экономической мощью. Их географическая мобильность позволяет им менять (или угрожать сменой) местоположение в случае повышения налогов или неблагоприятных экологических условий, навязанных правительством. Прибыль, получаемая от зарубежных филиалов, заставляет заботиться о политической и экономической стабильности режимов в странах, где расположены активы глобальных компаний. Они поддерживают дружественные правительства, разделяющие либеральные ценности. Прибыль от продаж в родной стране зачастую меньше, чем репатриированная прибыль от филиалов за рубежом. Поэтому очевидно, что миссии «верховенства закона», «поддержания мира» и «продвижения демократии» имеют не просто альтруистические намерения, но влияют на безопасность и прибыльность глобальных компаний и государств, в которых они имеют свои штаб-квартиры.

³⁴⁷ Top 100 Non-financial corporations ranked by foreign assets, 2019. Annex-Web Tables. 24. Available at: <http://unctad.org>. Annex-Web Tables. 24.

Национальные политические элиты в принимающих странах, поддерживающие глобальные экономические интересы, вступают в конфликт с экономическими элитами внутри страны. Первые подчеркивают преимущества иностранных компаний — предоставление рабочих мест и технических знаний. Национальные элиты часто подчеркивают экономическую зависимость, отток прибыли, опасность для отечественного производства и последствия для занятости в случае краха отечественных компаний. Это основа для экономического национализма. Необходимо подчеркнуть, что глобализация способствует либерализации экономики и, в свою очередь, стимулирует ее. Критики капиталистической глобализации утверждают, что национальные государства утратили суверенитет в пользу международных корпораций и организаций. Они в той или иной степени сталкиваются с экономической властью, которой обладают конгломераты международных бизнес-фирм. Отечественные политические элиты выступают посредниками не только между внутренними интересами, но и вынуждены учитывать те, что действуют на региональном и глобальном уровнях. Поэтому отечественные политические элиты и средства массовой информации часто делятся на тех, кто склоняется к внутренним или внешним интересам.

Для получения максимальной прибыли транснациональные компании размещают свои предприятия в регионах с политической стабильностью, низкой оплатой труда и минимальными ставками налогообложения, но они также инвестируют в развитые страны, где работники имеют более высокий уровень образования и технологических знаний. Иностранные инвестиции оказывают определенное положительное влияние на принимающие страны: ТНК обычно могут платить более высокую заработную плату, чем местные компании, и, как правило, приносят с собой лучшие коммерческие практики и условия труда. На национальных рынках труда свобода передвижения позволяет безработным или недостаточно занятым работникам переезжать в более благополучные регионы, что приводит к увеличению предложения рабочей силы и снижению местных ставок заработной платы. Степень потери власти правительствами зависит от их экономической структуры: от сочетания национальных компаний, транснациональных корпораций, базирующихся в стране, и иностранных филиалов. Уровень и значение «глобализации» в разных странах существенно различаются.

ВАРИАНТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ

На рис. 9.2 показан рост с 1970 по 2019 г. по трем показателям глобализации, измеряемым индексом КОФ: политическому, социальному и экономическому. «Экономическая глобализация характеризует потоки товаров, капитала и услуг на большие расстояния, а также информацию и восприятие, которые сопровождают рыночные обмены. Экономический

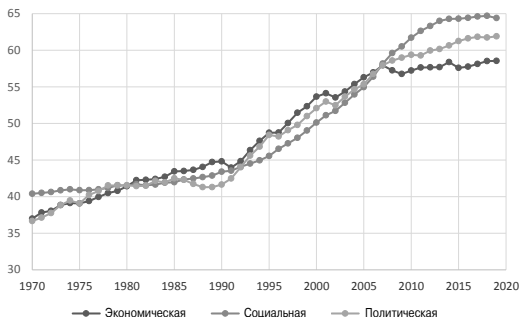

Рис. 9.2. Индекс мировой глобализации: экономическая, социальная, политическая
Примечание. Общее количество стран — 209.

Источник: KOF Индекс глобализации. Available at: <https://www.kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalization-index.html>

индекс включает в себя трансграничную торговлю, инвестиции, потоки доходов и движение капитала. Социальная глобализация измеряет личные трансграничные контакты (телефонные звонки и письма), туризм, информационные потоки, такие как телевидение и Интернет, и культурное глобальное распространение (включая экспорт и импорт книг) и наличие ресторанов McDonald's и магазинов IKEA. Социальная глобализация выражает распространение идей, информации, образов и людей. Политическая глобализация характеризует распространение государственной политики³⁴⁸. Политическая глобализация, в рамках определения KOF, измеряется количеством иностранных посольств, вступлений в международные организации, миротворческих миссий Организации Объединенных Наций (ООН), в которых участвует страна, а также двусторонних и многосторонних соглашений. Следует отметить, что этот индекс включает в себя показатели транзакций и взаимоотношений, согласованных между странами (интернационализм), в дополнение к многонациональным потокам. Индекс показывает постоянный рост многочисленных экономических, социальных и политических связей между странами с течением времени³⁴⁹.

³⁴⁸ Gygli S., Haelg F., Sturm J.-E. The KOF Globalisation Index – Revisited. Zurich: Swiss Economic Institute, KOF Working Papers, No 439. February, 2018. KOF Working Papers, No. 439, February 2018. KOF Working Papers, No. 439, February 2018. KOF Working Papers, No. 439, February 2018.

³⁴⁹ Полную информацию о 41 переменной, используемой для построения индексов, см.: Indexes and variables, 2018 KOF Globalisation Index: KOF Globalisation Index 2015 (Published

После 1990 г. масштабы и интенсивность глобализации значительно возросли по всем трем показателям. В середине 1990-х гг. произошел резкий подъем глобализации, в результате развития экономической глобализации, которая продолжалась параллельно для всех трех индексов вплоть до 2007 г., когда глобальный экономический кризис привел к значительному снижению экономической глобализации. Политическая и социальная глобализация не прерывалась, что свидетельствует о самоподдерживающемся характере этих процессов. После 2015 г. экономическая глобализация продолжилась с небольшим ростом (по крайней мере, до 2019 г.). Как показано на рис. 9.3, Великобритания и США сохранили свои уровни после 2008 г., несмотря на значительный спад в 2006 г.; после 2012 г. Китай сохранил устойчивый рост. В России же после 2006 г. наблюдалось значительное и продолжительное падение.

Рис. 9.3. Глобализация экономики, 1970–2019: Китай, Россия, Великобритания и США

Примечание. Основные элементы: торговля в процентах, объем ПИИ, портфельные инвестиции, доходы, выплачиваемые иностранным гражданам.

Источник: База данных КОФ.

Такая относительная стабильность экономической глобализации (за исключением России), возможно, удивительна, поскольку многие экономические обозреватели отмечают снижение взаимозависимости национальных экономик и тенденцию к усилению экономической автономии государств. Одна из причин этого заключается в том, что экономисты измеряют «глобализацию» с точки зрения международной торговли и игнорируют другие важные характеристики глобализации. На рис. 9.4 показана только мировая торговля: действительно, в 2008 г. произошло значительное падение, но с 2010 г. объем мировой торговли оставался довольно постоянным, а в 2018 г. произошло еще одно небольшое падение. В целом уровень глобализации, даже с точки зрения международной торговли, остается высоким и значительно превышает уровень 1990 г. После пандемии COVID-19 и противостояния НАТО и России на территории Украины глобальное взаимодействие значительно снизилось в основном в результате экономических и политических санкций, введенных против России и в меньшей степени против Китая.

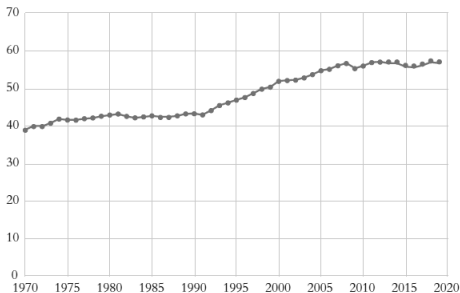

Рис. 9.4. Мировая международная торговля, 1970–2019 гг.

Данные в основном относятся к сумме экспорта и импорта товаров и услуг в процентах от ВВП.

Источник: получено из базы данных KOR.

Международные цепочки добавленной стоимости и многонациональные Корпорации (ТНК) устоялись и не спешат реагировать на внешние изменения, поэтому регионализация между «дружественными» (*outfriending*) блоками является наиболее вероятным результатом.

Национальное государство может быть ослаблено мощью международных сил, хотя некоторые государства более глобализованы или интернационализированы, чем другие. Индекс KOF на 2019 г. для отдельных стран по-

казан на рис. 9.5. Наиболее глобализованными являются основные промышленно развитые государства. Размер стран, а также тип и сложность экономики играют важную роль в определении степени глобализации. Малые развитые страны, скорее всего, будут сильно глобализованы в экономическом и культурном плане, поскольку они в большей степени зависят как от импорта, так и от экспорта товаров и культурных ценностей. С другой стороны, Китай имеет огромный объем экспорта, но общий индекс глобализации у него относительно низкий: он меньше зависит от импорта и меньше подвержен влиянию иностранных культурных товаров и услуг.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

В то время как экономическая глобализация привлекает внимание большинства политиков, культурная и информационная глобализация оказывает существенное влияние. Культурная глобализация связана с тем, как общая международная система ценностей и способов ведения дел влияет на местные культуры. Местное и национальное заменяется или изменяется глобально принятыми ценностями; происходит мгновенная передача «мировых новостей», развлечений и убеждений.

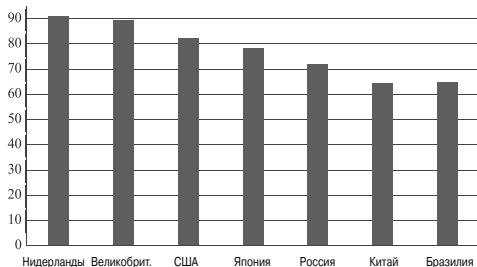

Рис. 9.5. Общий индекс глобализации (KOF), 2019: Нидерланды, Великобритания, США, Япония, Россия, Китай и Бразилия

Источник: Индекс глобализации KOF. Доступно по ссылке: <https://www.kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html>

В рамках этого процесса огромное влияние оказало широкое использование цифровых медиа посредством Интернета и мобильных телефонов, кото-

рые предоставляют доступ к «социальным сетям» на глобальном уровне. На рис. 9.6 представлены данные об изменениях в период с 1970 по 2019 г. по показателю «культурной глобализации» для четырех стран (Китай, Россия, США и Бразилия). Этот индекс учитывает количество ресторанов McDonald's (на душу населения) и магазинов IKEA (на душу населения), торговлю культурными товарами (сумма экспорта и импорта), заявки на товарные знаки (доля нерезидентов от общего числа заявок) и торговлю персональными услугами (сумма экспорта и импорта). Основной рост произошел с конца 1980-х гг. Китай демонстрирует конвергенцию: большой скачок в 1995 г. и постоянный рост после 2001 г., что стало следствием вступления в ВТО в 2001 г. Примечательно, что еще до распада СССР культурная глобализация в России была выше, чем в Китае или Бразилии. Бразилия пережила более плавный рост культурной конвергенции с США. В России после окончания коммунистического режима также наблюдался значительный рост, однако с 2014 г., после начала украинского конфликта, он значительно снизился и демонстрирует значительный спад и расхождение с США.

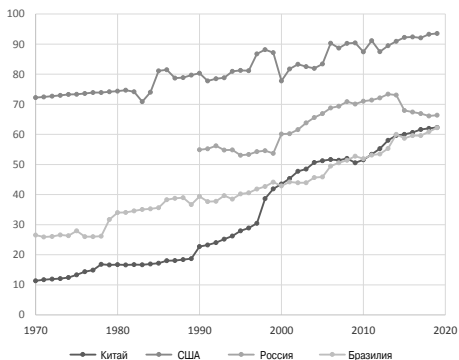

Рис. 9.6. Культурная глобализация, 1970–2019 гг.: Китай, Россия, США и Бразилия

Примечание. Индекс, рассчитанный KOR, показывает изменения с течением времени.

Источник: База данных KOR.

Хотя эти данные не идеальны, они показывают, что глобализация усилила взаимозависимость, открыв экономику и социальную жизнь. Масштабы

глобализации и рост интернационализации привели к изменению конфигурации экономического, политического и социального пространства. Соответственно, взаимодействие технической глобализации и либерального капитализма имело значительные культурные последствия, особенно с середины 1990-х гг. Широко распространено мнение, что эти процессы ведут к культурной, а также экономической гегемонии, которую осуществляют западные державы, в частности США.

МЕЖЛИЧНОСТНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Межличностная глобализация — это не только миграция. Она также включает в себя объем международных телефонных звонков, личные пересылки товаров, финансовые переводы или денежные переводы, прибытие и отъезд международных туристов и количество жителей, родившихся за границей, в процентном соотношении к общей численности населения. Межличностная глобализация значительно возросла с 1970 г. Наибольший объем межличностных перемещений приходится на Великобританию³⁵⁰. Межличностный обмен с Россией резко возрос после экономических преобразований и превысил среднемировой уровень в 2012 г., а в 2015 г. упал до среднемирового уровня. Индекс Китая значительно ниже среднемирового; международная мобильность населения и межличностные формы коммуникации остаются относительно низкими и стабильными в период с 2012 по 2019 г.

Неограниченная миграция является параллельным социальным движением по отношению к экономической свободной торговле: торговля предполагает перемещение товаров, миграция — перемещение людей. Рост торговли и неравномерное экономическое развитие сопровождались значительным ростом миграции. Безработные или малозанятые люди переезжают в развивающиеся страны в поисках работы. Неолиберальная экономика оправдывает такое развитие событий с точки зрения повышения эффективности и экономического роста. Однако государства подвержены давлению со стороны общественности. Люди выступают против иммиграции как по культурным, так и по экономическим причинам. Тем не менее, несмотря на то, что государства ограничивают иммиграцию, масштабы трудовой миграции огромны: в странах ЕС насчитывается более 40 млн человек, родившихся за границей (9% населения)³⁵¹.

Последствия миграции в массовом масштабе привели к значительным изменениям в восприятии людей с другим происхождением и культурой. В более ранний период колониализации открытый расизм практиковался политикой капиталистических государств-гегемонов, которые часто оскорбляли коренное население своих колоний и других зависимых стран. В условиях

³⁵⁰ См. данные в базе данных KOF. KOFIpgldf (Col P).

³⁵¹ См.: Dicken. Global Shift. P. 345; относительно Европы см.: Fassmann H., Haller M., Lane D. Migration and Mobility in Europe. Cheltenham: Edward Elgar, 2009. P. 1.

глобализации и масштабной миграции экономический либерализм требует устранения дискриминации по социальным признакам. Политика разнообразия широко поддерживается и принимается транснациональными организациями. Хотя предрассудки по признаку цвета кожи и пола продолжают существовать в более слабых формах, увеличение мобильности населения, межличностных контактов приводит к тому, что политические, экономические и культурные элиты осуждают открытые формы дискриминации. Экономическая элита в целом выступает за свободную географическую мобильность, в то время как общественность принимающих обществ выступает против.

ГЛОКАЛИЗАЦИЯ

Приводят ли эти события к культурному доминированию западных государств? Джон Грей утверждает, что хотя глобализация делает экономическую деятельность «более взаимосвязанной», она «не привела к конвергенции экономических систем или режимов»³⁵². Однако Грей лишь в общих чертах упоминает различные разновидности капитализма и игнорирует гомогенизирующие эффекты социальной, культурной и межличностной глобализации. Роланд Робертсон³⁵³ яростно отрицает возникновение унитарной и доминирующей «глобализованной» культуры, исходящей из США через СМИ. Робертсон подчеркивает «взаимопроникновение» локального и глобального³⁵⁴, что создает модель «глокализации». По его мнению, «локальное по существу включено [курсив автора] в гибкую концепцию глобального» (с. 200). Глобальные медиа, утверждает он, «поглощаются» местными по-разному, и глобализация включает в себя культуру из местных условий³⁵⁵.

Однако в его утверждениях нет эмпирического содержания, а лишь мнение других людей, приводимое в поддержку «глокализации». Торговые точки, продающие продукты питания, такие как McDonald's, в разных странах имеют местные различия в составе блюд, но они относительно незначительны. Франчайзи McDonald's стремятся предоставлять сервис, ожидаемый «от McDonald's», а поставки материалов тщательно контролируются компанией. Потребители ходят в «Макдоналдс», чтобы не только попробовать настоящее блюдо — знаменитый «Биг Мак», но и ощутить неформальную обстановку». Другой пример, приведенный Робертсоном, — новости CNN, действительно, отличаются в разных регионах мира, но эти различия незначительны по сравнению со стилем, содержанием и сообщениями новостей, которые отражают либеральные интересы Запада. Оба примера показывают,

³⁵² Gray J. False Dawn. London: Granta Publications, 2002. P. XXII.

³⁵³ Robertson R. Globalisation or glocalisation? Journal of International Communication. 2002. Vol. 18 (2). Pp. 191–208. Опубликовано онлайн в 2012 г., первоначально опубликовано в 2002 г.

³⁵⁴ Ibid. P. 197.

³⁵⁵ См. также: Robertson R. (Ed). European Glocalization in Global Context. London: Palgrave, 2014.

что глобализация привносит что-то новое в принимающие страны. В кулинарной сфере поток идет не только из развитых стран на периферию. Интернационализация происходит благодаря перемещению индийских, китайских и других азиатских ресторанов и закусочных в развитые страны; Германия теперь может похвастаться повсеместно распространенной глокализированной культовой закуской Карривурст (сосиской).

В обществах, управляемых государством, таких как Россия при президенте Путине и Китай при Си Цзиньпине, глобализация более контролируема, а «глокализация» принимает другую форму. Такие авторы, как Нин Ван, например, утверждают, что Китай адаптировался к глобализации: «глокализация с китайской спецификой» оказалась успешной³⁵⁶. Китайское правительство ограничивает доступ в соответствии со своими законами и обычаями и использует форму интернационализации: устанавливает границы. Культурная глобализация в Китае подвергается политическому контролю, что препятствует некоторым ее последствиям. Однако в Китае появилось общество потребления, которое оказывает сильное влияние на образ жизни людей. Стремление к большей национальной независимости и зависимость от самообеспечения после мирового экономического спада после 2007 г. и пандемии COVID-19 в 2020 г. замедлили экономическую глобализацию³⁵⁷. Последствия глобальной взаимозависимости также иллюстрируются санкционными режимами, введенными во время войны между Украиной/НАТО и Россией. Политическое, экономическое и социальное взаимодействие России со странами западного ядра было значительно сокращено. Как следствие, доминирующие игроки в международной торговле меняют политику в сторону регионализации, что исключает Россию и Китай из западных рынков и сетей. Экономическое и социальное взаимодействие переходит на региональный уровень, российская продукция по-прежнему экспортируется, но в большей степени на рынки за пределами стран, входящих в НАТО.

ВЕДЕТ ЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ К НЕРАВЕНСТВУ?

Широко распространенная критика процесса глобализации заключается в том, что он поддерживает гегемонию западных государств и тем самым усиливает неравенство. При попытке эмпирического исследования этих утверждений возникают три основные проблемы. Во-первых, увеличивается ли неравенство между государствами? Во-вторых, растет ли неравенство внутри государств? И третий вопрос: растет ли поляризация между различными группами государств (гегемонистскими и зависимыми)?

Мы рассматриваем вопрос о неравенстве доходов, показывая распределение мирового дохода между географическими регионами с середины XX в.

³⁵⁶ Ning Wang. Globalisation as glocalisation in China: A new perspective. *Third World Quarterly*. 2015. Vol. 36 (11). Pp. 2059–2074, quotation P. 2066.

³⁵⁷ Green J. *Is Globalisation Over?* Cambridge: Polity, 2019.

по 2017 г. На рис. 9.7 показан рост ВВП, измеренный в доходах в период с 1960 по 2017 г. для отдельных стран и групп стран. Изучение рисунка покажет, увеличились ли различия между разными группами стран.

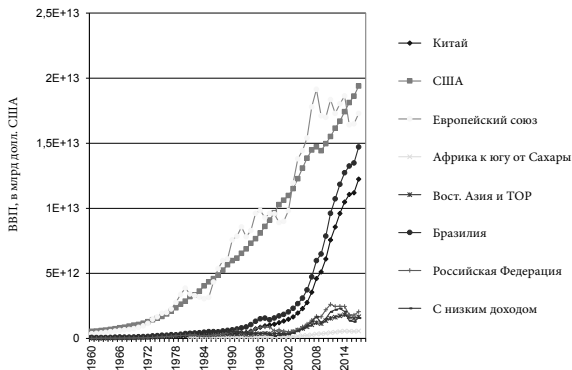

Рис. 9.7. Экономический рост, 1960–2017: отдельные страны и регионы
Данные приведены в текущих долларах США (млрд). Долларовые показатели ВВП пересчитаны исходя из национальных валют по официальным обменным курсам за один год. В графике используются большие числа: например, 2E+13 представляет собой 20 трлн долл.

Примечание. ВВП по ценам покупателя — это сумма валовой добавленной стоимости всех производителей-резидентов в экономике плюс любые налоги на продукцию и минус любые субсидии, не включенные в стоимость продукции.

Источник: World Bank GDP Indicators, NY.GDP.MKTP.CD. Available at: World Bank database.

Как и следовало ожидать, на рис. 9.7 показан непрерывный рост доходов в странах Европейского союза и США. В самом низу шкалы находятся все страны с «низким уровнем дохода»: Бразилия, страны Африки к югу от Сахары и Российская Федерация. Очевидно, что разрыв между этими странами и основными государствами увеличился. В середине диаграммы находятся Китай и группа стран Восточной Азии и Тихоокеанского региона. Примерно до 2008 г. разрыв в абсолютном выражении между ними и западными странами увеличивался, затем он значительно сократился. Что касается стран, то можно с уверенностью сказать, что в промышленно развитых странах в этот период наблюдались высокие темпы роста, несмотря на некоторое снижение после финансового кризиса, начавшегося в 2007 г. Мы также можем с уверен-

ностью сказать, что бедные страны, включая значительное число стран Африки и Латинской Америки, пережили некоторый рост, но не сократили разрыв между собой и северными государствами. М. Рознер и Э. Ортис-Эспена³⁵⁸ показали, что примерно с 1975 г. наибольшие изменения произошли в Китае, Восточной Азии и Тихоокеанском регионе, где наблюдались не только быстрый экономический рост, но и сокращение разрыва в национальном ВВП между ними и основными индустриальными державами.

Что касается более долгосрочных тенденций, то на рис. 9.8 показано распределение мирового дохода на три даты: 1800, 1975 и 2015 г. Мировой пирог доходов разделен на четыре области: Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион, Африка, Северная и Южная Америка. Мировая черта бедности (1,75 долл. в день) показана на каждом графике. В течение трех периодов большая часть мирового дохода приходилась на Азиатско-Тихоокеанский регион. Однако к 1975 г. сложилось двухполюсное распределение, причем население Азиатско-Тихоокеанского региона оказалось в самой нижней части распределения — большинство жителей здесь находилось за чертой бедности (показано вертикальной линией). В европейских и американских регионах преобладали более богатые слои населения. Экономическое и политическое ядро — США и Европа — получали непропорционально большую долю прироста мирового богатства на душу населения. В 1975 г. в Азиатско-Тихоокеанском регионе проживала большая часть бедного населения мира — около 80% жителей этих стран находились за международной чертой бедности.

Однако к 2015 г. произошли серьезные изменения. В то время как население Европы и Америки осталось примерно на том же уровне (с небольшим увеличением общего объема получаемых доходов), в мире произошел масштабный сдвиг в сторону увеличения богатства. Большинство жителей Азиатско-Тихоокеанского региона перешагнули международную черту бедности, а также значительно увеличилось число людей с более высокими доходами. Разрыв между Америкой и Европой, с одной стороны, и Азиатско-Тихоокеанским регионом — с другой, значительно сократился. Если рассматривать обеспеченных людей, которые получают более 30 долл. в день, то их число на двух континентах примерно одинаково. Появился азиатский средний класс, преимущественно в Китае. Для стран Азиатско-Тихоокеанского региона рост глобализации коррелирует с ростом национального богатства. Африка в числе проигравших. Хотя на графиках видно, что в Африке больше людей, относящихся к группам со средним уровнем дохода, в 2015 г. в Африке была самая высокая доля людей в мире, живущих в бедности.

Хотя эти данные рассматривают изменения в доходах *между* странами с течением времени, они не определяют различия между группами людей *внутри* стран³⁵⁹. Если рассматривать весь прирост мирового дохода за период

³⁵⁸ Rosner M., Ortiz-espena E. Income Inequality, 2016. Available at: <https://ourworldindata.org/inc-ome-ine-quality#global-inc-ome-ine-quality>. Графики построены Олой Диндлинг. Available at: <https://www.gapminder.org/tag/ola-rosling/>

³⁵⁹ Milanovic B. Global Inequality. Cambridge, MA: Belknap Press, 2016. Pp. 24–26.

с 1988 по 2008 г., то 44% этого прироста досталось самым богатым 5% населения, при этом почти пятая часть общего прироста пришлась на 1% самых богатых. Как отмечают Кристофер Лакнер и Бранко Миланович³⁶⁰, «формирующийся глобальный средний класс» получил лишь от 2 до 4% прироста. В то время как в реальном выражении доходов 1% самых богатых получал в среднем (и после уплаты налогов) 71 тыс. долл. по сравнению с медианным доходом в 1,4 тыс. долл., самые бедные зарабатывали 450 долл. (все цифры приведены в международных долларах 2005 г.). Однако даже эти статистические данные свидетельствуют о том, что бедные жили лучше, чем раньше. Кристофер Лакнер и Бранко Миланович заключают:

«Победителями» стали жители стран-децилей, которые в 1988 г. находились примерно на уровне медианы глобального распределения доходов, 90% населения которых составляют выходцы из Азии. «Проигравшими» оказались жители стран-децилей, которые в 1988 г. находились примерно в 85-м процентиле глобального распределения доходов, почти 90% населения которых относятся к странам с развитой экономикой³⁶¹.

В число «проигравших» попали работники физического и нефизического труда, чей труд был передан на аутсорсинг в Азию или стал ненужным в результате внедрения технологических инноваций.

Эти изменения в доходах были связаны с экономическим развитием, важную роль в котором сыграло совершенствование передовых технологий. Роль глобализации заключалась в том, что значительный сдвиг произошел от индустриального западного ядра к полупериферии мировой экономической системы. Таким образом, мы имеем дело с одной из основных причин изменения судьбы рабочего класса в европейских странах, о которой мы говорили в главе 7.

Заявления об успехе глобализации, сделанные такими авторитетами, как Всемирный банк³⁶², относятся к странам Южной и Восточной Азии, в частности к Китаю. Отслеживание динамики развития децилей отдельных стран показывает основные элементы, которые определяют изменения в глобальном распределении: Китай вырвался из самых низов, изменив при этом общую форму глобального распределения доходов и создав важный глобальный «медианный» класс³⁶³. Было два основных победителя: формирующийся

³⁶⁰ Milanovic B. *Global Inequality*. Cambridge, MA: Belknap Press, 2016. P. 25. Оригинальная версия: Lakner C., Milanovic B. *Global income distribution: From the fall of the Berlin Wall to the Great Recession*. World Bank Economic Review. 2015. Vol. 12. doi: 10.1093/wber/lhw039. Available at: <http://elibrary.worldbank.org/doi/pdf/10.1596/1813-9450-6719>

³⁶¹ Lakner C., Milanovic B. *Global income distribution: From the fall of the Berlin Wall to the Great Recession*. World Bank Economic Review. 2015. Vol. 12. doi: 10.1093/wber/lhw039. Available at: <http://elibrary.worldbank.org/doi/pdf/10.1596/1813-9450-6719>

³⁶² Обсуждение см. в: World Bank. *Globalisation, Growth and Poverty: Building an Inclusive World Economy*. Washington, DC: World Bank, 2002.

³⁶³ Lakner C., Milanovic B. *Global income distribution: From the fall of the Berlin Wall to the Great Recession*. World Bank Economic Review. 2015. Vol. 12. doi: 10.1093/wber/lhw039. Available at: <http://elibrary.worldbank.org/doi/pdf/10.1596/1813-9450-6719>

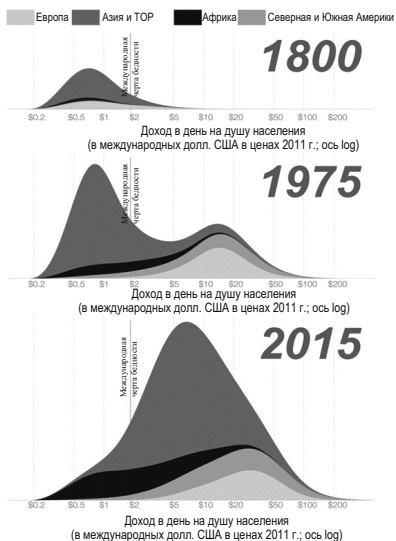

Рис. 9.8. Распределение мирового национального дохода по континентам и на человека: 1800, 1975 и 2015 г.

Источник: Rosner M., Ortiz-Espena E. *Income Inequality*. 2016. Available at: <https://ourworldindata.org/income-inequality#global-income-inequality>. Графики, первоначально построенные Олой Рослинг (Ola Rosling), доступны по ссылке: <https://www.gapminder.org/tag/ola-rosling/>

средний класс в азиатских странах и богатые люди по всему миру, в основном, но не только, в западных постиндустриальных обществах. Проиграл один: низшие слои среднего и рабочего классов, в основном в США и Европе. Здесь кроется экономическая и социальная основа для роста «популизма» и растущей поляризации интересов между западными профессиональными классами с университетским образованием и неквалифицированными или полуквалифицированными работниками.

В связи с глобализацией конца XX в. необходимо рассмотреть два основных события: изменение роли государства в основных капиталистических

странах и вызов, брошенный усиливающимися государствами западным странам, составляющим ядро глобального капитализма. Эти темы рассматриваются в следующей главе.

БАЛАНС ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация была вызвана экономической экспансией корпораций, базирующихся в основных капиталистических странах, которые в рамках неолиберальной политики были предрасположены к поиску прибыли и рынков в мировом масштабе. Технологически большей связанности способствовало развитие коммуникационных технологий; экономически — перемещение инвестиций и факторов производства через транснациональные корпорации (ТНК); политически — гегемония доминирующего ядра государств, координируемая международными политическими организациями. Идеологическая легитимация обеспечивается понятиями электоральной демократии и свободы.

Большинство критиков утверждают, что, несмотря на все недостатки, капиталистическая глобализация принесла положительные результаты. Графики на рис. 9.8 демонстрируют кумулятивный рост и более широкое распределение богатства, связанные с капиталистической глобализацией. Следует признать, что сторонники «глобализации» признают, что у нее есть недостатки и ею нужно управлять³⁶⁴. В частности, критический обзор недостатков системы будет рассмотрен в главе 14. Экономисты утверждают, что процесс глобализации свободной торговли усиливает разделение труда, повышает эффективность и, следовательно, способствует росту благосостояния. Вслед за классическими экономистами они утверждают, что свободная торговля приносит всем процветание, демократию и мир. Том Фридман (Tom Friedman)³⁶⁵ резко выражает точку зрения глобалистов, когда обновляет тезис о том, что «демократии не воюют», утверждая, что страны, в которых есть рестораны McDonald's, никогда не воевали друг с другом. Возможно, это чрезмерное упрощение. Страны с McDonald's часто вступают в войну с теми, кого они называют «авторитарными» или недемократическими странами (в которых тоже есть McDonald's). А война может принимать разные формы, в частности экономические санкции, которые могут разрушить или ослабить экономику одних стран, а также политически дестабилизировать другие.

Критики утверждают, что следствием глобального неолиберализма стало то, что правительства некоторых стран оказались не склонны (а в некоторых случаях и не способны) защищать национальные интересы. Во многих стра-

³⁶⁴ Это главный аргумент таких авторов, как: Wolf M. *Why Globalization Works*. London and New Haven: Yale University Press, 2004; Jaqdish Bhaqwati. *In Defence of Globalisation*. Oxford: Oxford University Press, 2004.

³⁶⁵ Friedman T. *The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization*. New York: Picador, 1999.

нах приватизация и рационализация производства транснациональными компаниями привели, с одной стороны, к сокращению рабочих мест, а с другой — к повышению доходов тех, кто на них работает. Правительства, выполняя финансовые задачи, поставленные международными институтами (такими как МВФ) и региональными неолиберальными администрациями (такими как ЕС), сократили государственные расходы и усилили монетаризацию экономики. Европейские постсоциалистические страны особенно сильно пострадали от большей маркетизации, финансиализации и деиндустриализации. В странах с низким уровнем развития, таких как Африка и часть Латинской Америки, политика, основанная на рыночных механизмах, не привела к устойчивому экономическому развитию, а закрепила неразвитость. Страны с «низким уровнем дохода», которые менее подвержены глобализации, так и остались странами с низким уровнем дохода. Другие страны Азии, в частности Китай, принявшие либеральную политику, регулируемую государством, процветают.

В центре экономической, политической и культурной глобализации находятся развитые страны Запада во главе с США. Как резюмировал Збигнев Бжезинский, США — это

геополитическое ядро общей ответственности за мирное управление миром... Эта паутина — сплетенная транснациональными корпорациями, неправительственными организациями и научными сообществами и укрепленная Интернетом — уже создает неформальную глобальную систему, которая по своей природе благоприятна для более институционализированного и инклюзивного глобального сотрудничества... Геостратегический успех в этом деле стал бы достойным наследием роли Америки как первой, единственной и последней подлинной сверхдержавы³⁶⁶.

В этом контексте национальные государства ослабли как суверенные державы. Глобальные политические институты (Международный валютный фонд (МВФ), Банк международных расчетов (БМР), Всемирный банк, Всемирная торговая организация (ВТО)) и государства-гегемоны (США, ЕС, Япония) стали основными участниками экономической и политической жизни — при этом США играют роль гегемона.

Все «развивающиеся» или «усиливающиеся» страны копируют доминирующий Запад — перенимают его технологии и популярную культуру, но лишь частично или совсем не перенимают его либерально-демократические политические институты и процессы. Разрыв дипломатических связей между США и Китаем в сочетании с войной Украины с Россией обещает обратить вспять многие аспекты глобализации, о которых говорилось ранее. Новое разделение труда в мировом масштабе приводит к большей внутренней дифференциации Севера и Юга и, следовательно, к новой конфигурации отношений власти между ядром, полужадром и периферией, которые будут рассмотрены в следующей главе. Экономическая «деколонизация», как утверждают нео-

³⁶⁶ Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997. P. 215.

либеральные глобализаторы, улучшила демократию; интернационализация распространила западную элиту и народную культуру; а демократические процессы и свободы повысили индивидуальное благосостояние. Большое значение имеет тот факт, что уровень жизни вырос и что процесс свободной торговли привел к сокращению бедности в странах третьего мира (в частности, в Китае, а также в Юго-Восточной Азии, в таких странах, как Южная Корея и Сингапур). В культурном плане, как утверждают сторонники глобализации, в восходящих странах положительно воспринимается привнесение западной потребительской этики, товаров, услуг, спорта и развлечений.

С этой точки зрения, в политическом плане, глобализация является положительным явлением, способствующим благотворной интеграции между странами и народами мира. При этом не признается, что национальное государство утратило свою власть. Сторонники глобализации утверждают, что власть, авторитет и функции государства были реконструированы. Национальное государство должно делить власть с региональными и международными органами и больше не является суверенной самоуправляемой единицей. С этой точки зрения государство суверенитет понимается как ресурс для заключения сделок между государствами в новом типе глобальной политики, в которой глобальные тенденции опосредованы государствами и местными культурами. «Глокализация» дополняет глобальные ценности и продукты местными характеристиками и особенностями.

Критики утверждают, что эти выводы слишком односторонни. Топ-менеджеры и руководители компаний получили огромный рост зарплат и пособий, представляющих собой «то, что рынок готов платить». Возросло неравенство в уровне благосостояния и доходов. Возвышение Китая и провал перехода к капитализму в России приостановили и обратили вспять тенденцию к открытой глобализации, и, вероятно, она продолжится. Режим санкций, введенный в связи с войной между Украиной и Россией, усиливает эту форму обратного глобализации процесса, по крайней мере для пострадавших государств. Доминирующая форма капиталистической глобализации, отстаиваемая США, подвергается политическому вызову со стороны Китая. Ошибка многих комментаторов глобализации заключается в том, что они не обращают внимания на более регулируемую форму интернационализации, принятую Китаем, которая была селективно выбрана из меню глобализации. Я показал, что в некоторых областях тенденции глобализации изменились на противоположные. Однако уровень интернационализации остается гораздо выше, чем в конце XX в., и, скорее всего, останется таким же.

Следует признать, что происходящие события привели к значительному росту благосостояния в азиатских странах, в которых масса населения вырвалась из нищеты. Зарождающийся средний класс стал главным бенефициаром. В отличие от этого глобализация в уже промышленно развитых странах поставила в невыгодное положение менее образованных и полуквалифицированных работников. Как мы уже отмечали в главе 7, многие высокооплачиваемые полуквалифицированные и квалифицированные рабочие места были потеряны в результате автоматизации и передачи производства на аут-

сорсинг. Одновременно с этим сократилось социальное обеспечение, а профсоюзы потеряли право договариваться. Таким образом, компенсационные меры государства благосостояния, приглушающие последствия капиталистической рыночной конкуренции, уже не столь эффективны, как в прошлом.

Противники глобализации, даже если они признают некоторые из этих положительных эффектов глобализованного капитализма, остаются скептиками. Они утверждают, что выгоды от глобализации распределяются крайне неравномерно. Неолиберальная глобализация была особенно выгодна инвесторам, менеджерам и высшим специалистам, работающим в сфере бизнеса и финансовых услуг, которые являются транснациональными по своему масштабу. Инвесторы и менеджеры получили значительную выгоду от интернационализации рынков капитала за счет спекуляций, торговли акциями и повышенных дивидендов. Капиталистическая глобализация, как они утверждают, закрепляет гегемонию западных государств, которую они считают вредной. Неоправданное неравенство между странами и внутри них существенно не уменьшается. Демократия находится под угрозой. Как выразился Дани Родрик, «мы не можем одновременно стремиться к демократии, национальной решимости и экономической глобализации» («политическая трилемма») ³⁶⁷. Удовлетворение чрезмерных «желаний» в развитых странах заставляет критиков призывать к отказу от политики кумулятивного экономического роста, которая усугубляет эксплуатацию природы. Экологическая повестка дня ставится под угрозу неолиберальной глобализацией.

Глобализация капитализма имеет три важных следствия. Во-первых, структура капиталистического класса включает в себя как международный, так и национальный компонент. Во-вторых, ослабляется ответственность национального государства за соблюдение социального договора со своими гражданами. В-третьих, в XXI в. глобальная система движется к раздвоению на западное ядро и усиливающуюся группу государств «полуядра». Последствия растущей враждебности между Россией и Китаем и доминирующими западными державами, а также введение экономических, политических и социальных санкций со стороны Запада привели к регионализации и «дружественному аутсорсингу», а, следовательно, к укреплению связей России и Китая с Азией, Африкой и Латинской Америкой. Это развитие мы рассмотрим в следующей главе.

³⁶⁷ Rodrik D. The Globalisation Paradox: Why Global Markets, States and Democracy Can't Coexist. New York: Norton, 2011. P. XVIII.

10 ИЗМЕНЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ И ВЫЗОВ СО СТОРОНЫ СТРАН ПОЛУЯДРА

Широко распространено мнение, что роль государств в определении внешней и внутренней политики снизилась с развитием глобального капитализма. Правящие классы восстанавливаются на глобальной основе. Власть транснациональных компаний, глобальные соглашения, передающие полномочия международным агентствам, и опора на рыночные (а не политические) силы, как утверждается, ослабили роль государств. Поощряя открытое конкурентное участие, либерализм способствует неограниченному движению капитала и резко ограничивает государственную поддержку национальных компаний, тем самым подрывая такие экономические идеологии, как кейнсианство и экономический национализм, которые ориентированы на государство. Вследствие вытеснения национальных компаний международными правительствам нужно вести меньше переговоров о компромиссе между национальной буржуазией и национальным рабочим классом. Расширение либеральных экономических блоков (таких как ЕС и Евразийский экономический союз) и всепроникающее влияние международных организаций втягивает страны в глобальные и пересекающиеся региональные сети. В связи с этим социальная безопасность, обеспечиваемая государственной политикой полной занятости, государственными пособиями и финансируемыми государством пенсиями по старости, не поощряется национальными правительствами. Главной задачей национальных правительств является выполнение валютных и экономических правил, установленных региональными (такими как Европейский союз) и международными организациями

(такими как Международный валютный фонд и Всемирная торговая организация). Бремя социального обеспечения возлагается на отдельных граждан. Эти события стали основной причиной упадка социал-демократических правительств, которые продвигали программу социального обеспечения. Более того, в то время как в национальных экономиках существуют демократические оппозиции разной силы, политические классы и элиты, действующие в глобальном масштабе, не подвержены подобным противодействующим силам. Причина этого несоответствия заключается в том, что на национальных выборах граждане имеют только один голос, в то время как корпорации имеют столько голосов, сколько составляет размер их капитала — за деньги можно купить политическую власть.

Однако вывод о том, что национальные государства утратили свою власть в пользу аморфного рынка, не вполне обоснован. Государства сохраняют основные полномочия, которые включают монополию на определение гражданства, использование внутреннего смертоносного оружия и военной силы, сохранение национальных границ и объявление войны. Эти полномочия дают государствам, по крайней мере некоторым из них, значительную власть в международных делах. Современные события — пандемия COVID-19, война на Украине, контроль над состоянием окружающей среды — регулируются государствами. Государства сохраняют полномочия в отношении иммиграции и из-за политического давления со стороны рабочей силы часто ограничивают иммиграцию, несмотря на экономическую рациональность глобального рынка. На более низком уровне международные компании, работающие в принимающих странах, подчиняются их трудовому и налоговому законодательству. Например, правительство Германии заставило компанию McDonald's придерживаться немецкого трудового законодательства и признать профсоюзы.

Мы можем с уверенностью заключить, что избирательная политика и продвижение демократии вращаются вокруг контроля над национальным государством, а не над глобальной экономикой. Генри Киссинджер четко сформулировал это различие: «Политическая и экономическая организация мира противоречат друг другу. Международная экономическая система стала глобальной, в то время как политическая структура мира по-прежнему основана на национальном государстве»³⁶⁸. Некоторые утверждают, что происходит преодоление этого разрыва между национальными государствами и глобальным экономическим порядком. Аргумент заключается в том, что власть, авторитет и функции государства были реконструированы. Государственный суверенитет теперь понимается как ресурс для политики, которая встроена в сложные транснациональные сети. Во всех странах все основные характеристики государственности по-прежнему базируются на государстве: законная денежная единица, налоговые полномочия, популярные формы полити-

³⁶⁸ Henry Kissinger. *World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History*. London: Allen Lane, 2014. P. 368. (Генри Киссинджер. *Мировой порядок: Размышления о характере наций и ходе истории*.) Лондон: Allen Lane, 2014. С. 368.

ческого представительства, внеправовой протест, политические партии и политики как основные выразители и агрегаторы политических интересов.

Эти наблюдения должны быть несколько изменены, поскольку экономические, политические и культурные возможности национальных государств сильно различаются и, следовательно, образуют иерархию государств. Одни государства занимают доминирующее, даже гегемонистское положение (в частности, США) и сохраняют свою власть, в то время как другие принимают подчиненную роль. Об этом свидетельствуют тенденции неравномерного распределения власти, богатства и доходов между государствами и внутри них.

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ПРАВЯЩИХ КЛАССОВ

Изменение экономических структур имеет важные социальные последствия, которые, в свою очередь, определяют структуру международной политики. В некоторых государствах в ослабленном виде сохраняются традиционные социалистические/либеральные/националистические типы политических партий, хотя их социальная и экономическая база разрушена. Глобальная экономика развитых обществ определяет характер новых правящих классов. Распространение собственности через финансовые инструменты ослабило национальную буржуазию начала XX в. в западных капиталистических странах. Новая транснациональная буржуазия включает в себя владельцев и руководителей глобальных компаний.

При рассмотрении способов влияния глобализации на классовую структуру современных обществ к национальным капиталистическим классам (тем, кто владеет и контролирует средства производства) присоединяются руководители международных организаций (таких как Всемирный банк, ВТО, МВФ), а также те, кто обладает культурным капиталом (администраторы международных консультативных органов, «мозговых центров» и исследовательских институтов). Финансовые, медийные, фармацевтические, оружейные и энергетические корпорации имеют глобальный характер. Новые капиталистические классы являются не только получателями прибыли, но и извлекают чрезвычайно высокие доходы — экономическую ренту, измеряемую миллионами долларов. В восходящих государствах, таких как Китай и Россия, национальные корпорации остаются компонентом гибридных экономических формаций.

Чтобы отразить эти изменения в реальных отношениях власти, правящий класс должен быть определен в более широких рамках, чем экономическая концепция «отношений к средствам производства». В условиях глобализации на политическую арену вышел новый крупный игрок — транснациональный капиталистический класс³⁶⁹, базирующийся в странах-гегемонах с гло-

³⁶⁹ Leslie Sklair. *Globalization: Capitalism and Its Alternatives*. Oxford: Oxford University Press, 2002; Leslie Sklair. *The emancipatory potential of generic globalisation*. *Globalizations*, 6:4 (9

бальным охватом. Подразумевается, что статистические формы экономической координации и политического контроля вступают в конфликт с глобализационными процессами. Большая территориальная взаимозависимость транснациональных корпораций (ТНК) уменьшает соперничество между странами, которые больше не являются исключительными чемпионами своих национальных компаний. В капиталистическом классе существуют различные фракции. Как мы уже отмечали, страны различаются по степени и форме глобализации. Национальная буржуазия, традиционный владелец средств производства, сохраняет важное место.

Что скрепляет глобальную систему, что узаконивает и стимулирует стремление к экспансии? Для критиков глобализации ответом является конкурентный капитализм, сопровождаемый идеологией народного потребления. Те, кто движет глобализацией и получает от нее наибольшую выгоду, — это те, кого Лесли Склер³⁷⁰ называет транснациональным капиталистическим классом. Его интересы обусловлены характером капитализма XXI в. Склер определяет этот доминирующий класс с точки зрения пяти основных фракций, которые являются взаимозависимыми.

В его экономической основе лежит глобальный (экономический) корпоративный класс — отдельные лица и коллективные структуры, владеющие и контролирующие крупнейшие транснациональные финансовые и нефинансовые корпорации. Такой класс следует понимать как одну из фракций капиталистического класса в мировом масштабе, поскольку существуют национальные и международные капиталистические интересы, которые часто конфликтуют. Вторая фракция состоит из глобализирующихся государственных и региональных политиков и чиновников: президентов/премьер-министров государств, членов Комиссии ЕС. Хотя такие лидеры, по конституции, являются представителями граждан государств (или регионов), они стали отождествляться с политикой, продвигающей глобализованные капиталистические интересы, и спонсировать ее.

В-третьих, это административная/техническая фракция, состоящая из «специалистов глобализации» — членов правления и руководителей МВФ, Всемирного банка, ВТО, Европейского банка реконструкции и развития и Банка международных расчетов. Эти институты обеспечивают координационные механизмы для работы рынков на глобальной основе. Хотя такие специалисты не являются «капиталистами» (они не участвуют в процессе извлечения прибавочной стоимости), для Склера они, тем не менее, составляют часть транснационального класса.

В-четвертых, это идеологическая фракция. К ней относятся члены национальных и международных политических аналитических центров и полити-

December 2009). Pp. 525–539. (Лесли Склер. Глобализация: Капитализм и его альтернативы.) Оксфорд: Oxford University Press, 2002. Leslie Sklair. The emancipatory potential of generic globalisation. (Лесли Склер. Эмансипаторный потенциал глобализации) Globalizations, 6:4 (9 декабря 2009 г.). С. 525–539.

³⁷⁰ О транснациональном капиталистическом классе см. в: Leslie Sklair. The emancipatory potential. Pp. 528–529.

ческих ассоциаций, академических структур (университетов и исследовательских институтов, особенно в области экономики), медиаменеджеры — редакторы издательств и «качественных» газет. Представители этой фракции формулируют экономическую идеологию неоллиберальной глобализации или отвечают на нее. Эта фракция особенно важна для распространения культуры-идеологии не только в сфере экономического роста и консьюмеризма, но и для интерпретации международных отношений в соответствии с определением политической фракции.

Пятая фракция «консьюмеристов» состоит из торговцев, пропагандирующих консьюмеризм, и средств массовой информации, получающих от него прибыль. Сознание людей захвачено не религией, а необходимостью постоянного потребления товаров. К этой фракции относятся компании, выпускающие массовые печатные издания, телевидение, кино, радио, шоу-бизнес и коммерциализированный спорт.

Большинство представителей этих различных фракций объединяются в такие ассоциации, как Давосский всемирный форум, Виттенбергский фонд и Международные торговые палаты³⁷¹. Этот подход расширяет понятие доминирующего капиталистического класса, включая в глобальный политический класс элиту неэкономических институтов (таких как научные круги, политика, средства массовой информации, спорт, правительство). Власть также более широко рассредоточена. Этот транснациональный класс — нечто большее, чем «капиталистический экономический класс», и я предлагаю называть его глобальным политическим классом, поскольку он состоит из элит, которые не являются «капиталистическими» в экономическом смысле, хотя и входят в аппараты глобальной политической власти.

В табл. 10.1 приводится краткое описание природы классовых формаций в трех различных типах общества: доиндустриальном, индустриальном и постиндустриальном. Существующие государства сочетают в себе элементы каждой из этих формаций — смесь индустриального и постиндустриального, а некоторые (например, Китай и Индия) сохраняют элементы доиндустриального общества. В постиндустриальном обществе сохраняются национальная буржуазия и государственная бюрократия, которые часто вступают в противоборство с глобальным политическим классом, включающим ведущих политиков и руководителей глобальных организаций. В индустриальном обществе промышленный рабочий класс был подчиненным. Его упадок в странах-гегемонах повлек за собой упадок его политических форм — профсоюзов и социал-демократических/социалистических политических партий. Постиндустриальный восходящий класс еще не сформировался и, скорее всего, будет опираться на «креативный» класс, о чем будет написано в главе 11.

³⁷¹ Подробный обзор см.: Kees Van der Pijl. *Transnational Classes and International Relations*. London: Routledge, 1998. (Кес Ван дер Пийль, Транснациональные классы и международные отношения) Лондон: Routledge, 1998.

Таблица 10.1

Классовые формации и геополитический масштаб: доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общество

	Доиндустриальное	Индустриальное	Постиндустриальное
Доминирующие классы	Аристократия	Национальная буржуазия/ государственная бюрократия	Глобальный политический класс
Геополитический масштаб господствующего класса	Местный	Международный/ национальный	Глобальный/ международный
Подчиненный класс	Крестьянство	Рабочий класс: преимущественно физическая работа	Рабочий класс: преимущественно нефизическая работа
Геополитический масштаб подчиненных классов	Местный	Национальный	Национальный
Восходящий класс	Буржуазия	Рабочий класс	Не сформирован («креативный» класс)
Геополитический масштаб восходящего класса	Национальная	Международный	Не сформирован

ЗАДАЧА СТРАН ПОЛУЯДРА

Хотя вышеизложенный подход Склера полезен для описания изменений и иллюстрирует, как модель «ядра» государств глобального капитализма сформировала новый глобальный капиталистический класс, однако он не учитывает растущие разногласия между государствами и особенно подъем стран, которые бросают вызов гегемонии ядра. В табл. 10.2 дается группировка политических и экономических блоков. Экономическое ядро мировой системы состоит из гегемонистского блока, возглавляемого США и другими региональными державами — ЕС, Великобритании и Японии. Блок доминирующих государств имеет важное военное направление в лице НАТО, которая продвигает и защищает институты и ценности гегемонистского ядра. Именно в этом ядре находится глобальный политический класс.

В XXI в. доминирующие силы мировой системы в геополитическом смысле (часто называемые «ядром») больше не формируются исключительно могущественными западными государствами. Необходимо учитывать разнообразие и конфликты между государствами и регионами, которые разделили ведущие мировые державы. Китай и Россия вышли из государственной со-

Таблица 10.2

Мировая капиталистическая система: основные государства

ЯДРО	Доминирующий блок:	Военное направление:
	США, ЕС, Япония, Австралия, Великобритания	США, НАТО
ПОЛУЯДРО	Контрапункты:	Военное направление:
	Китай, Евразийский экономический союз Шанхайская организация сотрудничества	Россия, Китай

циалистической политической формации и сохраняют черты государственной собственности и контроля, отличные от развитых капиталистических стран Европы и США. Как компоненты мировой экономической системы, восходящие страны образуют «полуядро» — противовес странам-гегемонам. Эти страны обмениваются с западным ядром, но политически не являются его частью. Конфликт возникает, когда полуядро не желает принимать правила международного экономического порядка, которые устанавливает экономическое и политическое ядро под руководством США. Группа стран во главе с Китаем находится в состоянии «конкурентной взаимозависимости»³⁷² — формы взаимозависимости между двумя группами государств, которые являются политическими и военными соперниками. С основными западными государствами они конкурируют за рынки сбыта, адаптируясь к западному образу жизни потребителей (то, что было названо «социальной глобализацией»). Однако у них есть и отличительные черты: современные Китай и Россия разработали собственную цивилизационную идеологию, собственные экономические институты, формы отношений собственности и военную мощь. Они представляют собой взаимозависимое, но отдельное полуядро государств.

Полуядро включает страны, которые являются хозяевами иностранных корпораций и одновременно имеют собственные национальные и международные экономические корпорации. В полуядро входят страны (в частности, Китай и Россия) и региональные группы, чьи экономические корпорации взаимодействуют, обмениваются и конкурируют с корпорациями ядра. В силу своих размеров и мощи экономики национально-государственного образования способны не только защищать себя в военном отношении, но и обеспечивать воспроизводство в социальном плане. Они представляют собой политические образования, в которых класс руководителей управляет государственными активами и имеет влияние на частные компании. Поднимающиеся

³⁷² Alberta Sbragia. The EU, the US, and trade policy: Competitive interdependence in the management of globalization. *Journal of European Public Policy*, 2010. 17:3. Pp. 368–382. (Альберта Сбрагия, ЕС, США и торговая политика: Конкурентная взаимозависимость в управлении глобализацией.) *Journal of European Public Policy*, 17:3 (2010). С. 368–382.

государства — Россия и Китай — исключены из гегемонистского капиталистического ядра. Эти восходящие государства имеют иную классовую структуру, в которой присутствует не только предпринимательский класс, но и мощные бюрократические классы, основанные на национальном уровне. Международный конфликт между Россией (при поддержке Китая) и Украиной (при поддержке НАТО), разразившийся в 2022 г., отражает этот раскол в конституции мировой экономической системы. Война по доверенности между НАТО и Россией — это война за международную власть и предполагаемую угрозу, которую представляют для капиталистического ядра поднимающиеся государства. Государства полупериферии в меньшей степени подвержены влиянию глобальных капиталистических интересов и имеют потенциал для внутреннего экономического развития под руководством государства. Полупериферия и периферия (феномены здесь пока детально не рассматриваются) состоят из государств, которые менее развиты и более зависимы от ядра и полужадра. Они не имеют глобально значимого военного измерения.

ОТ ПЕРИФЕРИЙНОЙ ЗАВИСИМОСТИ К КОНКУРЕНТНОЙ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ

То, что первоначально привело к появлению новых региональных игроков (Евразийский экономический союз, ШОС, БРИКС), вместе с тем скептически относилось к политической, военной и экономической политике, исходящей от США и выражающейся в политике НАТО, что не в равной степени разделяется членами этих объединений. В отличие от более ранних государственных конкурентов (в частности, Германии после 1945 г.), Китай (и в меньшей степени Россия) представляет собой не только экономическую, но и цивилизационную альтернативу. Являясь наследником древней цивилизации, это континентальная держава располагает огромными человеческими и природными ресурсами.

Об изменении баланса экономического влияния можно судить по снижению мировой доли ВВП стран западного ядра³⁷³, по сравнению с новым блоком БРИКС. В 1980 г. БРИКС производили лишь 11% мирового ВВП, а ЕС — 32%; к 2007 г. доля БРИКС сравнялась с долей ЕС, а к 2015 г. на долю БРИКС приходилось 30% мирового ВВП — на 12% больше, чем у ЕС, и на 10% больше, чем у NAFTA³⁷⁴.

Еще одним надежным показателем снижения экономической мощи стран западного ядра является количество компаний, входящих в список 2 тыс. круп-

³⁷³ NAFTA (США, Мексика и Канада) с 2019 г. заменяется соглашением между США и Мексикой и Канадой (USMCA) и ЕС.

³⁷⁴ База данных МВФ «World Economic Outlook», 2015. Purchasing power parity (Current international dollars). Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015> «Перспективы развития мировой экономики», 2015. Паритет покупательной способности (текущие международные доллары). Доступно по ссылке: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015>

нейших мировых компаний. Список Forbes оценивает силу компаний по четырем параметрам: продажам, прибыли, активам и рыночной стоимости. В 2015 г. в Азии в топ-2000 входила 691 компания, тогда как в Европе — 486. Китай с более чем двумя сотнями компаний обогнал Японию, а число компаний БРИКС (370 компаний) составило чуть более 60% от числа компаний США. В их число вошли 57 индийских, 27 российских, 24 бразильских и 14 южноафриканских компаний. Следует подчеркнуть, что США как отдельная страна все еще имеет значительное преимущество, но оно сокращается. Кроме того, в первую десятку входят 5 китайских компаний и 13 — в первой сотне. В Китае хорошо представлены компании, работающие в различных секторах экономики, включая банковский сектор, производство материалов, транспорт, страхование, коммунальные услуги, нефтегазовую промышленность, технологии и оборудование, потребительские товары длительного пользования, а также продукты питания и напитки. В табл. 10.3 представлены десять стран-лидеров в списке 2 тыс. компаний Forbes за 2018 г.; пять из них — китайские³⁷⁵.

Таблица 10.3

Ведущие мировые компании, 2018 г.
(данные приведены в текущих долларах США (млрд))

Компания	Страна	Продажи	Прибыль	Активы	Рыночная стоимость
ICBC	Китай	165,3	43,7	4,210,9	311
Китай Строительный банк	Китай	143,2	37,2	3,631,6	261,2
JPMorgan Chase	США	118,2	26,5	2,609,8	387,7
Беркшир Хаттауэй	США	235,2	39,7	702,7	491,9
Сельскохозяйственный банк Китая	Китай	129,3	29,6	3,439,3	184,1
Банк Америки	США	103	20,3	2,328,5	313,5
Wells Fargo	США	102,1	21,7	1,915,4	265,3
Apple	США	247,5	53,3	367,5	926,9
Банк Китая	Китай	118,2	26,4	3,204,2	158,6
Ping An Insurance China Group		141,6	13,9	1,066,4	181,4

Источник: Forbes Global 2000 за 2018 год. Available at: <https://www.forbes.com/global2000/#63394e41335d>

³⁷⁵ Эти компании-лидеры остаются довольно постоянными. К 2020 г. Wells Fargo опустилась на 17-е место, ее сменила нефтяная компания Саудовской Аравии, занявшая 5-е место.

Укрепление полуядерных региональных экономических и политических объединений является следствием неопределенности, вызванной глобальным экономическим кризисом 2008 г., а также более воинственной внешней политикой США. Образование ШОС³⁷⁶, ОДКБ³⁷⁷, Евразийского экономического сообщества³⁷⁸ и Организации центральноазиатского сотрудничества³⁷⁹, свидетельствует о росте региональных экономических и политических блоков. Латиноамериканские страны, такие как Бразилия, Куба и Венесуэла (MERCOSUR), образуют еще одну торговую зону, имеющую, скорее, характер периферийной зависимости от гегемонистского капиталистического ядра. Для стран, находящихся в полуядре мировой системы, регионализм позволяет им с помощью соглашений о сотрудничестве укрепить свои позиции в борьбе с гегемонистскими державами. Они могут устанавливать границы и полагаться на обмен через взаимные соглашения и договоры. Некоторые комментаторы рассматривают это развитие как новую или альтернативную форму глобализации. Вслед за Си Цзиньпином они видят расхождение экономических моделей, при котором поднимающиеся страны во главе с Китаем продвигают региональную форму интернационализма³⁸⁰. Как отмечается в главе 14, идея Си Цзиньпина о «глобализации» включает в себя права на сохранение государственных границ и, таким образом, на контроль над потоками материальных ценностей — товаров и идеологий³⁸¹.

Конкурентная взаимозависимость растущих экономик от ведущих привела к значительной деиндустриализации западного ядра и возврату к экономическому развитию прежних полупериферийных стран. В 2016 г. Китай по объему национального ВВП, измеренного по покупательной способности, догнал США (см. рис. 10.1). (В Китае используется другой показатель, и китайская статистика 2018 г. ставит его на 2-е место после США.) Вместе взятые, Россия, Индия и Китай обладают значительным производственным и военным потенциалом и огромными внутренними рынками. Но из пяти стран БРИКС только три (Россия, Индия и Китай) имеют общие географические границы. Кроме того, между их экономическим богатством и политической мощью существуют очень большие различия. (То же самое, конечно, можно сказать и о ЕС, хотя в нем нет государства-гегемона, подобного Китаю, Франция и Германия в равной степени являются ведущими государствами.)

³⁷⁶ Состоит из Китая, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана.

³⁷⁷ Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан.

³⁷⁸ Россия, Казахстан, Беларусь, Кыргызстан, Армения.

³⁷⁹ Россия, Туркменистан, Таджикистан, Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан.

³⁸⁰ Y. Lissovolik. BRICS-P LUS: Alternative Globalization in the Making? Moscow Valdai Club. July 2017. 69 Valdai Papers. Available at: www.valdaiclub.com/files/14927. Лисоволик Я. БРИКС-плюс: альтернативная глобализация? // Валдайские записки. № 69. М.: Дискуссионный клуб «Валдай», 2017. 12 с. Доступно по ссылке: www.valdaiclub.com/files/14927

³⁸¹ См. речь Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме в Давосе, январь 2017 г. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2017/01/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum/>

На рис. 10.1 показан валовой национальный доход Китая и США. Картина значительно меняется, когда мы рассматриваем доход на душу населения, где Китай значительно отстает от западных стран. Если принять во внимание численность населения, то в 2019 г. валовой национальный доход на душу населения, измеренный по паритету покупательной способности в долларах, составил 16 708 долл. для Китая и 65 253 долл. для США³⁸².

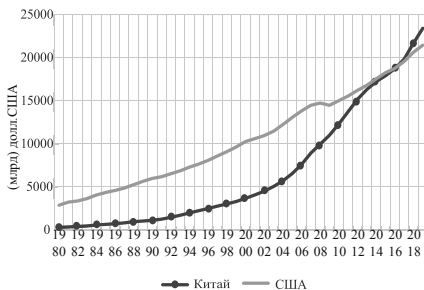

Рис. 10.1. Валовой внутренний продукт (по паритету покупательной способности): Китай, США, 1980–2020 гг.

Примечание. ВВП по ППС — это валовой внутренний продукт, пересчитанный в международные доллары по паритету покупательной способности.

Международный доллар имеет такую же покупательную способность по отношению к ВВП, как и американский доллар в США.

Источник: International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, October 2020. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October/download-entire-database>

Международный валютный фонд, база данных «Перспективы развития мировой экономики», октябрь 2020 г. Доступно по ссылке: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October/download-entire-database>

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) — среднее значение продолжительности жизни, продолжительности школьного образования и дохода³⁸³ — является более точным показателем, чем ВВП, для оценки всестороннего развития страны. В 2019 г. Китай занял 85-е место, уступив России

³⁸² База данных МВФ «Перспективы развития мировой экономики до 2020 года». Доступно по ссылке: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October/download-entire-database>

³⁸³ ИРЧП. Индекс человеческого развития 2019. Доступно по ссылке: <http://hdr.undp.org/en/data>. Таблица 1.

(49-е место), а США — 15-е место (лучшей страной стала Норвегия). Сравнивая Китай с Западом, следует учитывать крупные экономики государств ЕС, а также Японии и Австралии, которые в сочетании с США представляют собой гораздо более мощный экономический и политический блок.

Соединенные Штаты стоят перед перспективой относительного экономического спада и утраты роли мировой державы-гегемона³⁸⁴. Экспорт продукции обрабатывающей промышленности с добавленной стоимостью является показателем динамичности экономики. С 2000 г. в США наблюдается устойчивое снижение экспорта высокотехнологичной продукции (в доле от всего экспорта промышленных товаров) на фоне экспорта Китая. Как показано на рис. 10.2, после мирового финансового кризиса 2007 г. Китай превзошел по объему (в стоимостном выражении) высокотехнологичный экспорт США.

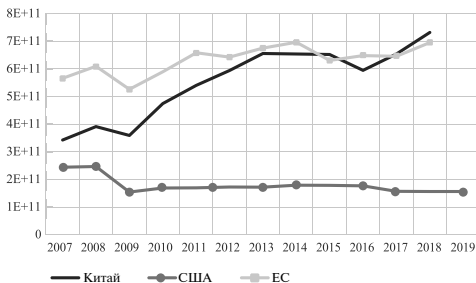

Рис. 10.2. Экспорт высокотехнологичной продукции: Китай, США, ЕС, 2007–2018 гг.

Экспорт приведен в текущих долларах США. Обозначения на графике связаны с большими числами: например, 7E + 11 представляет собой 700 000 000 000, или 700 млрд долл. США.

Источник: База данных Всемирного банка. Доступно по ссылке: <https://data.worldbank.org/indicator/Tx.VAL.TECH.CD>.

Инновации и разработка новых продуктов — это, конечно, совсем другая история, и многие оценивают технологическое развитие Китая, указывая на зависимость от импорта иностранных высокотехнологичных компонен-

³⁸⁴ См.: Brzezinski Z. The Grand Chessboard. New York: Basic Books. 1997. (Бжезинский З. Великая шахматная доска) Нью-Йорк: Basic Books, 1997.

тов³⁸⁵. Тем не менее США сильно пострадали от китайской конкуренции, и их превосходство во многих областях оказалось под угрозой. Китайский экспорт позволил накопить значительные валютные резервы, которые были вложены в основном в американские облигации. В результате к началу XXI в. на долю Китая приходилось около половины внешнего долга США, что добавило еще одну нить к взаимозависимости США и Китая³⁸⁶. В основе санкций, предлагаемых против китайских компаний, торгующих на Западе (таких как Huawei), лежит технологическая угроза, которую эти компании представляют для западных (особенно американских) компаний. В этом случае государства встают на защиту «своих» транснациональных компаний. Угрозы национальной безопасности, требующие экономических санкций, являются вторичным и более спорным вопросом.

Баланс экономических сил смещается от основных капиталистических стран к группе восходящих государств во главе с Китаем. На рис. 10.3 показаны относительные доли в мировом ВВП 11 ведущих стран в 1980 и 2020 г. с разбивкой по географическим районам³⁸⁷. Разумеется, здесь показаны не все члены различных экономических блоков, но изучение различий между двумя рисунками позволяет увидеть значительные изменения в относительных позициях ведущих мировых государств в период с 1980 по 2020 г. ВВП всех стран в этот период значительно вырос, но доля гегемонистского ядра упала. Соотношение доли мирового ВВП ведущих стран Америки, Европы и Японии и других государств в 1980 г. составляло более $\frac{3}{4}$. К 2020 г. это соотношение снизилось до менее чем половины. Доля ведущих европейских стран резко сократилась, и это является важным фактором, лежащим в основе неустанной политики расширения, проводимой ЕС для сохранения своей «доли рынка»³⁸⁸. То, что либеральный международный порядок, в котором доминирует Запад, столкнулся с соперником, широко признано³⁸⁹.

³⁸⁵ См.: Elizabeth Economy. *The Third Revolution: Xi Jinping and the New Chinese State*. Oxford: Oxford University Press, 2018. (Элизабет Эконом. Третья революция: Си Цзиньпин и новое китайское государство.) Оксфорд: Oxford University Press, 2018.

³⁸⁶ О торговом дисбалансе см.: Jenny Clegg. *China's Global Strategy: Towards a Multipolar World*. London: Pluto Press, 2009, Chapter 10. (Дженни Клегг. Глобальная стратегия Китая: На пути к многополярному миру.) Лондон: Pluto Press, 2009, глава 10.

³⁸⁷ Ведущие страны по ВВП (по паритету покупательной способности, цифры в международных долларах США), 1980 год: США, Япония, Германия, Италия, Франция, Бразилия, Великобритания, Мексика, Индия, Саудовская Аравия, Китай; в 2020 г.: Китай, США, Индия, Япония, Германия, Россия, Индонезия, Бразилия, Великобритания, Франция, Мексика.

³⁸⁸ См.: J. Borocz. *Geopolitical scenarios for European integration*. (Дж. Бороч. Геополитические сценарии для европейской интеграции) В книге: J. Jensen и F. Mislivetz (Eds), *Reframing Europe's Future: Challenges and Failures of the European Construction*. London: Routledge, 2014. Pp. 20–34. (Й. Йенсен и Ф. Мисливец (ред.). Рефрейминг будущего Европы: Вызовы и неудачи европейского строительства.) Лондон: Routledge, 2014. С. 20–34.

³⁸⁹ С.А. McNally. *Sino capitalism: China's re-emergence and the international political economy*. *World Politics*. 64:4 (October 2012). Pp. 741–776; Kees van der Pijl. *Is the East still Red? Globalisations*. 2012. 9:4. Pp. 503–516. (К.А. Макнелли. Китайский капитализм: Возрождение Китая и международная политическая экономия.) *World Politics*, 64:4 (октябрь 2012).

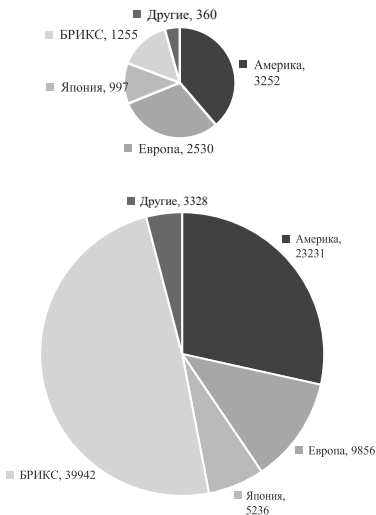

Рис. 10.3. 11 ведущих стран мира по ВВП (ППС), 1980 и 2020 г., в разбивке по экономическим блокам

Данные приводятся по паритету покупательной способности (текущие международные доллары; миллиарды).

Примечание. Первый рисунок — 1980 г., второй рисунок — 2020 г.

На рисунках 11 ведущих стран отнесены к одному географическому региону.

Источник: База данных МВФ. Перспективы развития мировой экономики на 2016 и 2020 г.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ НАОБОРОТ?

Многие сомневаются, что неолиберальная глобализация может обеспечить западным государствам нетерриториальную форму власти. К 2020-м гг. глобальный неолиберализм, похоже, отступил. Украинско-рос-

сийская война заставила НАТО призвать к ограничениям глобализации, но не капитализма — безопасность поставок топлива и электроэнергии превалировала над свободной торговлей. Начало специальной военной операции на Украине в 2022 г. и санкции, введенные странами западного ядра против России, а также контроль над торговлей с Китаем, заставили многих комментаторов заявить о процессе деглобализации. Санкции нарушили цепочки поставок. Российские компании и граждане оказались отрезаны от международных банковских услуг. Сотрудники и кредиторы в зарубежных странах не могут получить зарплату, а многие компании закрыли свои зарубежные филиалы. Экспорт товаров и запчастей в Россию запрещен и влечет за собой высокие штрафы для западных компаний. Seriously пострадали российские автомобилестроительные и энергетические компании, а экспорт в западные страны также был сильно ограничен, правда, не в страны Юга. Что касается Китая: вот один из примеров: «Ведущие [американские] поставщики оборудования для производства микросхем приостановили продажи и обслуживание производителей полупроводников в Китае, поскольку новые меры экспортного контроля США нарушают работу китайской технологической индустрии и глобальных компаний... ASML... велела своим американским сотрудникам прекратить обслуживание всех китайских клиентов, пока она оценивает санкции»³⁹⁰.

Кризис COVID-19 заставил правительства государств отдать предпочтение собственным поставкам фармацевтической продукции, что способствовало росту внутреннего производства и требованию государственной собственности и контроля над поставками, а не корпоративного владения. Топливный кризис, разразившийся в 2022 г., поставил под сомнение корпоративную собственность на энергоносители и способность мирового рынка удовлетворять потребности людей. Как показали кризис COVID-19 и война на Украине, в условиях геополитического соперничества зависимость от импорта со стороны противников представляет угрозу национальной безопасности. Отказ иностранцев от поставок ключевых медицинских препаратов может угрожать здоровью нации. Зависимость некоторых стран НАТО от российских энергоносителей считается угрозой. Даже те страны, которые выиграли от глобализации, в частности Китай и Индия, модифицировали внешнюю торговлю, сохраняя государственную координацию и контроль над взаимоотношениями с иностранцами. Большинство комментаторов признают необходимость дальнейшего регулирования, некоторые выступают за другую форму глобализации, а другие настаивают на отказе от любой формы глобализации. Последствия санкций и контрсанкций ограничивают свободу торговли и, таким образом, приводят к некоторой форме деглобализации. Однако «глобализованные» формы обмена между «дружественными Западу» странами и между Россией/Китаем и их партнерами будут продолжаться. Вероятным следствием этого является то, что региональные блоки стран сфор-

³⁹⁰ Financial Times (Лондон) 15 октября 2022 г.

мируют своего рода «френд-шоринг» — страны будут торговать с другими странами, имеющими совместимые экономические и политические режимы.

Санкции, введенные западными государствами (США, Великобритания) и региональными блоками (ЕС), ясно показывают, что политическая власть может быть использована государствами независимо от глобальных норм и вопреки интересам международного бизнеса. В этом контексте государства по-прежнему сохраняют власть, хотя иногда и не в согласии с международными корпорациями. Санкции, введенные в 2022 г. против России, затрагивают очень большой круг компаний в отношении финансовых услуг, инвестиций, иностранной валюты, широкого спектра товаров и услуг, передачи технологий, туризма, интернет-услуг, транспорта, иммиграции³⁹¹. Они не соответствовали интересам европейской промышленности, которая столкнулась со значительными издержками в цепочке поставок, когда российские поставки энергоносителей были прекращены. Транснациональные компании, извлекавшие прибыль из торговли с Россией, серьезно пострадали от санкционных режимов, введенных Великобританией и ЕС.

Как же тогда быть с утверждением Колина Крауча о том, что ТНК «находятся прямо в комнате принятия политических решений»³⁹², преобладают ли государства над корпорациями? Ответ во многом зависит от того, какие государства и какие корпорации находятся в совещательной комнате. Президент Байден, как и президент Буш до него, прислушивается к мнению компаний энергетического сектора, которые выигрывают от прекращения поставок российского энергоносителей в Европу (они могут поставлять сжиженный газ), но не к мнению импортеров и розничных продавцов российских нефти и газа. Американские компании, такие как Lockheed Martin, крупнейший в мире коммерческий производитель оружия, явно выигрывают от расширения НАТО. Но не только поставщики военно-промышленного комплекса выигрывают от войны, но и их сотрудники: 19 октября 2022 г. Конгресс британских профсоюзов проголосовал (с небольшим перевесом) за увеличение военных расходов, чтобы защитить рабочие места в британской оружейной промышленности.

Санкции, которые часто нарушают нормы международной торговли и права собственности, вносят раскол в международный порядок, нарушающий неолиберальную глобальную систему. С точки зрения мировой политики президент Путин и председатель КНР Си Цзиньпин выступают против «однополярного мирового порядка», в котором доминируют США. Утверждение, которое повторяют многие восходящие государства, заключается в том, что глобальные правила устанавливаются гегемонистскими западными государствами ядра. В случае с санкциями правила нарушаются, если они противоречат интересам США. Например, санкции против российских производителей энергии способствуют американскому экспорту сжиженного газа на ев-

³⁹¹ Санкции против России перечислены на сайте: <https://www.gov.uk/government/publications/russia-sanctions-guidance/russia-sanctions-guidance>

³⁹² Crouch C. The Strange Non-death of Neoliberalism. P. 310.

ропейские рынки. Таким образом, действия США согласуются с интересами их собственных национальных (или контролируемых американцами транснациональных) корпораций, а также с политическими устремлениями некоторых американских политиков. Однако следует быть осторожным, списывая глобализацию со счетов после санкционных войн 2022 г., войны всегда оказывают ограничивающее воздействие на международные отношения. И Первая, и Вторая мировые войны ограничили торговлю, развитие, социальные и политические контакты, которые в последующие годы возрождались. Технические процессы глобализации — сужение пространства и времени между игроками — имеют большие преимущества для всех сторон. Ограничения, созданные COVID-19 и санкционными войнами, со временем, вероятно, будут сведены на нет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку глобализация создает международные формы политической и экономической власти, альтернативные неолиберализму политика и экономика должны рассматривать международные рамки, в которых они действуют. Альтернативные формы капитализма или альтернативы капитализму могут быть рассмотрены в способах, которыми государства или группы государств ограничивают и одновременно влияют на мировые экономические и политические системы. В мировой экономике произошли значительные изменения, которые ослабили относительное положение традиционных государств — членов ядра. Государства уступили многие свои полномочия региональным (ЕС) и международным организациям (МВФ), хотя все еще сохраняют значительные полномочия — в зависимости от своего экономического и политического устройства. Глобальные доминирующие в политическом плане классы состоят не только из тех, кто владеет и контролирует транснациональные экономические корпорации, но и из выходящих на глобальный уровень политиков, специалистов из международных координационных организаций, журналистов из идеологической фракции, идеологов из международных политических ассоциаций и академических кругов, а также торговцев, пропагандирующих консьюмеризм. В XXI в. уже не существует ядра, зависимой полупериферии и периферии, а есть ядро, полуядро и периферия. Полуядро — это вызов гегемонии капиталистического экономического ядра. Китай в период 1980–2007 гг. перешел от периферийной зависимости к конкурентной взаимозависимости³⁹³. Передовые индустриальные государства, такие как современный Китай, а до Китая — СССР, разработали собственную цивилизационную идеологию, собственные экономические институты, формы отношений собственности и военную мощь. Они составили отдельное полуядро государств. Они конкурируют за рынки с основными западными государствами и, к своей взаимной выгоде, обменива-

³⁹³ Sbragia. The EU, the US, and trade policy. (Сбрагия. ЕС, США и торговая политика.)

ются товарами и услугами, адаптируясь при этом к западному образу жизни потребителей. Председатель КНР Си Цзиньпин определил мировую систему как «один мир — две системы». США остаются гегемонистской державой, хотя и ослабленной чрезмерными амбициями на мировую гегемонию в качестве лидера свободного мира. Экономические и другие санкции, введенные против Китая и России, угрожают глобализации и могут привести к раздвоению мирового экономического и политического порядка. Нынешний вызов Китая предвещает переход власти: смещение политического и экономического влияния на восток. Его геополитическое положение делает возможной альтернативную экономику и цивилизацию — вызов глобальному неолиберальному капитализму, к которому мы вернемся в главе 15.

11

СКЛОННОСТЬ ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА К САМОУНИЧТОЖЕНИЮ

Как мы уже отмечали в главе 9, мнения о влиянии глобального капитализма разделились. Положительные оценки сводятся к тому, как инновационные технологии способствуют разнообразным формам обмена, и к тем преимуществам, которые они приносят, снижая затраты, расширяя рынки и облегчая доступ к информации, знаниям и услугам. Противники рассматривают глобализацию как набор негативных процессов, вытекающих из капиталистических структур собственности и международных организаций и ассоциаций, которые не подлежат какой-либо форме демократической подотчетности. Для других глобализация является следствием современности и представляет угрозу для традиционных ценностей³⁹⁴. В основном критика направлена на экономические особенности глобализации, которые заложены в неолиберальной форме капитализма, и такие критики не отделяют эффекты глобализации, которые могут быть положительными (или отрицательными), от капитализма, который может быть отрицательным (или положительным).

Одни считают, что недостатки можно устранить без серьезных изменений в мировой капиталистической системе; они выступают за демократически регулируемую форму глобализации, сохраняющую капиталистические черты. Другие, напротив, утверждают, что преимущества глобализации не могут быть достигнуты без фундаментального отхода от капиталистической систе-

³⁹⁴ С. Crouch. *The Globalization Backlash*. Cambridge: Polity, 2019. Pp. 4–6. (К. Крауч. Обратная реакция глобализации.) Кембридж: Polity, 2019. С. 4–6.

мы, и выступают за переход к посткапиталистической или социалистической форме глобализации. Последнюю мы рассмотрим в главе 14. Многие ищут или обнаруживают изменения, уже происходящие в капитализме, и предполагают не только «постглобальную», но и восходящую «посткапиталистическую» социальную систему. Эти подходы представляют собой возврат к интернационализму, в котором государства выступают посредниками во взаимных формах глобального обмена. Наконец, остаются критические «антиглобалистские» и «антикапиталистические» взгляды, которые рассматривают капиталистическую глобализацию как вредную с политической и экологической точек зрения. Они стремятся обратить вспять эти тенденции путем перехода к различным формам автономии и самоуправления с демократическими формами контроля.

Идеологическая критика набрала обороты после экономического кризиса 2007 г. и сделала акцент на противоречиях внутри капитализма, а не на глобализации как основной цели изменений. Противники глобализации осуждают глобальную финансовую систему и транснациональные корпорации (ТНК), в то время как активисты антиглобализации более критичны к экологическим последствиям чрезмерных темпов роста и экологической неустойчивости, коренящейся в производственных процессах капитализма. Противником здесь является индустриализм и сопровождающая его социальная система. Многие призывают вернуться к более локализованным и самодостаточным сообществам. Можно провести различие между теми, кто выступает за локализованные, автономные и демократические сообщества, которые сдерживают экономический рост, индустриализм и его капиталистические основы, и теми, кто принимает капиталистическую глобализацию и рыночные отношения, но призывает к значительным реформам, чтобы контролировать спонтанность глобализации и ее нежелательные последствия.

Критические оценки и подразумеваемые или связанные с ними альтернативы могут быть связаны с четырьмя социальными и политическими позициями, которые не являются взаимоисключающими. Я выделяю основные направления критики, которые подробно рассматриваются в этой и последующих главах.

1. Считается, что глобальный капитализм конца XX в. переживает упадок, и на смену ему приходят новые технологические формы производства, финансов и обмена. Способ производства переходит от иерархии и рынков к децентрализованным сетям, которые заменяют глобализацию и капитализм. Происходит мутация, и на первый план выходит посткапиталистическая экономика. Капитализм трансформируется и превращается в новую общественную формацию, которая может быть (а может и не быть) формой социализма, ее называют «посткапитализмом». Эта тема рассматривается в данной главе.

2. Капиталистические неолиберальные формы глобализации вредны. Ухудшение окружающей среды и изменение климата в результате индустриального развития, мотивированного прибылью, представляют собой вызов человеческой цивилизации. Стратегия обращения вспять ее пагубных последствий подразумевает укрепление демократических форм спонтанных антикапиталистических и (или) антиглобалистских движений. Цели преобразований для этих групп неоднозначны; для одних цель — обратить глобализа-

цию вспять, вернуться к менее индустриальной экономической системе; другие рассматривают передовые технологии как средство для создания демократического общества совместного пользования. Цель заключается в достижении экологической устойчивости и защите природы — цели, несовместимые с нынешней формой рыночного общества потребления. Эти взгляды рассматриваются в главе 13. Многие представители этой категории предпочитают не антиглобализацию, а альтерглобализацию (выступающую за альтернативную форму глобализации). Ее сторонники выступают за международную глобальную социальную справедливость и против неолиберальной формы экономической глобализации.

3. Процессы экономической глобализации позитивны, но требуются значительные изменения — прежде всего демократический контроль. Авторы выступают за «выгодный для всех» тип глобализации. Капиталистическая глобализация принимается, но неолиберальная модель отвергается в пользу управляемого глобального социал-демократического капитализма. Акцент делается на демократических институтах глобального масштаба, которые сдерживали бы эксцессы экономического либерализма. К рассмотрению этих предложений мы переходим в первой части главы 14.

Глобализация полезна, но ее капиталистическая версия вредна. Глобализация представляет собой технологически продвинутый уровень производительных сил, но при этом следует изменить капиталистические отношения. Это нечто большее, чем альтерглобализация или социал-демократическая реформированная глобализация, о которых говорили ранее. Социалистическая форма глобализации выходит за рамки капитализма. Она предполагает замену институтов и процессов капитализма и установление социалистического глобального экономического и политического порядка, о чем пойдет речь во второй части главы 14.

Эти допущения о желательных экономических и политических изменениях основаны на политических взглядах критика и его понимании общества³⁹⁵. Первый подход предполагает, что эндогенные противоречия приводят к изменениям или метаморфозам, формирующим новую социальную систему, которая не может быть ни капиталистической, ни глобализованной. Второй подход рассматривает напряженность между социальными институтами и гражданским обществом, которая порождает внутрисистемные изменения и альтернативные формы глобализации (подход 2). Более консервативный подход подчеркивает укорененность и устойчивость существующей социальной системы, в которой маргинальные изменения желательны и возможны (подход 3). Наконец, есть политические активисты, которые подчеркивают необходимость действий и ищут политику и стратегии, обеспечивающие трансформацию к другому способу производства. Глобализованный капитализм должен быть заменен глобализованным социализмом (подход 4). Эти подходы не являются взаимоисключающими, и на практике различные

³⁹⁵ Э.О. Райт представляет анализ трансформации. См. раздел *Envisioning Real Utopias* («Воображение реальных утопий»), в частности главу 8.

общественные силы действуют одновременно, часто с противоречивыми целями и задачами. Например, подходы 1 и 4 предлагают трансформацию, но с разными целями.

В этой главе исследуется вопрос замены глобального капитализма посткапиталистической общественной формацией. Следующая глава раскрывает характер различных направлений в движениях «антиглобализации» и «альтерглобализации». В главе 13 фокусируется на экологической критике. В главе 14 рассматриваются социал-демократические и социалистические предложения по встраиванию глобализации в другую политическую среду.

НАСТУПЛЕНИЕ ПОСТКАПИТАЛИЗМА

Многие социологи считают, что глобализованный капитализм уже вступил в свою «посткапиталистическую» фазу. Основания для возникновения «постиндустриальных», «информационных» или «основанных на знаниях» обществ можно отнести к 1960-м гг. и, в частности, к комплексной работе Дэниела Белла³⁹⁶, рассмотренной в главе 9. С этой точки зрения капитализм переживает процесс фундаментальных изменений, схожий по характеру с переходом от доиндустриального к индустриальному обществу. Информационные технологии и производство, основанное на знаниях, создают более развитое общество, в котором глобализация играет преобразующую роль. Теоретики посткапитализма делают акцент на противоречиях, развивающихся внутри обществ, основанных на технологических средствах, которые лежат в основе глобализации. Новые экономические формы, описываемые этими критиками, приходят на смену рыночной координации. Видными сторонниками этой позиции являются такие авторы, как Пол Мейсон, Джереми Рифкин, Мануэль Кастельс, Ричард Флорида и Александр Бузгалин. Они выделяют восходящую постиндустриальную общественную формацию. Здесь проводятся аналогии с «семенами» новых экономических сил или «ростками», которые, вырастая, формируют экономическую базу нового общества.

Подход Белла был обновлен и пересмотрен в свете событий XXI в. В США Джереми Рифкин и Ричард Флорида предполагают третью промышленную революцию, которая представляет собой

последнюю из великих промышленных революций, которая заложит основу инфраструктуры для наступающей эпохи сотрудничества... Сила сотрудничества, высвобожденная в результате слияния интернет-технологий и возобновляемых источников энергии, коренным образом перестраивает человеческие отношения по вертикали и по горизонтали, с глубокими последствиями для будущего обществ³⁹⁷.

³⁹⁶ Bell. The Coming of Post-Industrial Society. (Белл. Приход постиндустриального общества.)

³⁹⁷ Jeremy Rifkin. The Third Industrial Revolution. New York: Palgrave, 2011. P. 5. (Джереми Рифкин. Третья промышленная революция.) Нью-Йорк: Palgrave, 2011. С. 5.

Преобразующими факторами являются изменения в уровне производительных сил. Российские авторы, такие как Сергей Бодрунов, считают, что растущее изобилие вызвано использованием искусственного интеллекта и средств автоматизации. Бодрунов упоминает об этих изменениях³⁹⁸, когда рассматривает «новую рациональность», которая напрямую удовлетворяет человеческие потребности.

Продолжая эту линию, Пол Мейсон³⁹⁹ утверждает, что развитие капитализма ведет к его распаду. Происходит переход общественного устройства от «постиндустриального» к «посткапиталистическому» типу. Ученый утверждает, что прежний успех капитализма в развитии средств производства закончился. Технологии, возникшие в конце XX — начале XXI в., «несовместимы с капитализмом... Как только капитализм перестает адаптироваться к технологическим изменениям, возникает необходимость в посткапитализме»⁴⁰⁰. По мнению Мейсона, посткапитализм наступает благодаря трем «воздействиям новых технологий», которые произошли в XXI в.

Во-первых, информационные технологии уменьшили потребность в труде, размыли границы между работой и свободным временем и ослабили связь между работой и зарплатой. Во-вторых, информационные товары подрывают способность рынка правильно формировать цены. Это происходит потому, что рынки основаны на дефиците, а информация — на изобилии... В-третьих... спонтанный рост совместного производства: появляются товары, услуги и организации, которые больше не подчиняются диктату рынка и управленческой иерархии⁴⁰¹.

При таком подходе глобализация играет положительную роль, поскольку она развивает средства производства, которые обеспечивают ее собственное разрушение.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ «КРЕАТИВНОГО КЛАССА»

Как же тогда быть с движущими силами, динамикой политических изменений? Мнения о природе восходящего класса в постиндустриальном обществе расходятся: многие отрицают его существование; другие считают, что это не конфликт между классами, а разделение между политической и экономической элитой, с одной стороны, и массовым обществом — с дру-

³⁹⁸ Бодрунов С.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.

³⁹⁹ Mason P. PostCapitalism: A Guide to Our Future. London: Allen Lane, 2015. (Пол Мейсон. Посткапитализм: Путеводитель по нашему будущему.) Лондон: Allen Lane, 2015. Критический обзор позиции Мейсона см. в: Christian Fuchs. Henryk Grossman 2.0: A critique of Paul Mason's book 'PostCapitalism: A Guide to our Future'. TripleC. 2016. 14(1). Pp. 232–224. Available at: <http://www.triple-c.at> (Кристиан Фукс. Генрик Гроссман 2.0: Критика книги Пола Мейсона «Посткапитализм: Путеводитель по нашему будущему»). TripleC, 14:1 (2016), стр. 232–224. Доступно по ссылке: <http://www.triple-c.at>

⁴⁰⁰ Mason P. PostCapitalism. P. XIII.

⁴⁰¹ Ibid. P. XV.

гой. Некоторые утверждают, что ростки нового экономического порядка можно найти в креативном классе — научной и интеллектуальной прослойке. Большое значение здесь имеет «постиндустриальная» экономика, которая главным источником богатства делает знания, а не труд. Логика этого мышления заключается в том, что креатариат — «творческий класс», образует так называемый восходящий класс, который ждет своего часа. Дискурс переходит от «постиндустриального» к «посткапиталистическому» обществу, поскольку капиталистический класс становится ненужным, заменяется креативным классом. Социальной основой восходящего класса — «нового источника перемен в истории», [является] образованный и связанный с другими человек⁴⁰².

Однако в другом месте Пол Мейсон полагается на государство в обеспечении перехода к обществу «без работы и углеродных выбросов». Он настаивает на том, что «централизованные действия правительства потребуются для насильственного изменения или закрытия некоторых ключевых бизнес-моделей в частном секторе и для принуждения к изменению поведения»⁴⁰³. Чтобы искоренить выбросы углекислого газа, ставшие «оживляющим духом левых», «нам нужны решительные действия и ответственность государства»⁴⁰⁴. Преобразования происходят спонтанно, и движущей силой являются производительные силы, вызванные глобализацией.

О дальнейших формах, которые принимают эти восходящие силы, пишут Сергей Бодрунов, Александр Бузгалин и Андрей Колганов. Они подчеркивают развитие нового «наукоемкого» сектора, который ведет к «отрицанию капиталистической системы как таковой и рождению нового типа экономики»⁴⁰⁵. Рыночные отношения вытесняются широкой перераспределительной ролью государства в предоставлении товаров и услуг в социальной и культурной сферах. Экономические корпорации выходят за рамки рынка, используя формы «частичного планирования»⁴⁰⁶. Эту тему поднимает Пол Мейсон, который, положительно оценивая взгляды Герберта Саймона, утверждает, что «капиталистическая система в основном состоит из организаций, которые планируют и распределяют товары внутри себя, не руководствуясь непосредственно рыночными силами»⁴⁰⁷. Здесь налицо противоречивые тенденции — между сетями и планированием (по поводу чего будет изложено позже). По мнению Бузгалина и Колганова, рост «социально ответственного бизнеса», регулирование деятельности компаний и социально ориентированные

⁴⁰² Mason P. PostCapitalism. P. XVII.

⁴⁰³ Mason P. Manifesto for a post-carbon future. New Statesman. 19–25 July 2019. (Пол Мейсон. Манифест пост-углеродного будущего.) New Statesman. 19–25 июля 2019 г.

⁴⁰⁴ Там же.

⁴⁰⁵ Buzgalin A., Kolganov A. Critical political economy: The "market-centric" model of economic theory must remain in the past — notes of the post-Soviet School of Critical Marxism. Cambridge Journal of Economics. 2015. Vol. 40. Pp. 575–598. Цитата на P. 583. О значении знаний в новой индустриальной экономике см.: Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. 328 с.

⁴⁰⁶ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Критическая политэкономия. См. сноску на с. 582.

⁴⁰⁷ Mason P. PostCapitalism. Pp. 263–264.

предприятия, функционирующие на «некоммерческой основе», — все это вносит свой вклад в рыночные отношения. «Социальный капитал» и самоуправляемые предприятия вытесняют рынок. Такие социально ответственные институциональные формы также вытесняют мотивацию денежной выгоды⁴⁰⁸. Особое значение имеет появление «креативного класса», опирающегося на новые технологические формы и созданного сетевым обществом. В совокупности восходящий класс, социально ответственный бизнес и государственное вмешательство создают не только постиндустриальное, но и посткапиталистическое общество. Подобно восходящему классу у Маркса, «креативный класс» играет роль трансформирующей силы. В него входят «ученые, инженеры, художники, музыканты, дизайнеры и интеллектуалы»⁴⁰⁹. Коллективное творчество несет в себе «процесс сотрудничества и обмена деятельностью» без производства меновой стоимости⁴¹⁰.

Посткапиталистическое общество привело к взрывному росту сетей в сфере услуг, что имеет важные последствия для природы труда. Флорида описывает переход от физических факторов производства (земля и труд), сырья и физического труда к посткапиталистической стадии, основанной «в основном на человеческом интеллекте, знаниях и творчестве»⁴¹¹. По мнению Флориды и его единомышленников, способствуют экономическому росту и заменяют марксистские концепции наемного труда, прибыли и эксплуатации⁴¹², «талант, технология и толерантность»⁴¹³. «В новых распределенных и совместных коммуникационных и энергетических пространствах Третьей промышленной революции ... накопление социального капитала становится столь же важным и ценным ресурсом, как и накопление финансового капитала»⁴¹⁴.

Новый восходящий класс состоит из «суперкреативного ядра», людей, занимающихся поиском и решением проблем. Вспомогательная часть класса состоит из тех, кто использует «сложные совокупности знаний для решения

⁴⁰⁸ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Критическая политэкономия. С. 582–583.

⁴⁰⁹ Florida R. *The Rise of the Creative Class*. New York: Basic Books, 2004. P. XIII. (Ричард Флорида. *Восхождение креативного класса*). Нью-Йорк: Basic Books, 2004. С. XIII.

⁴¹⁰ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Критическая политэкономия. С. 591.

⁴¹¹ Florida R. *The Rise of the Creative Class*. New York: Basic Books, 2004. P. XIII.

⁴¹² Под талантами он подразумевает выпускников колледжей с высшим образованием, а также количество сертифицированных профессиональных и технических работников. Технологии измеряются долей добавленной стоимости в высокотехнологичных отраслях и количеством выданных патентов на 10 тыс. населения. Толерантность измеряется индексом ботемы — долей гомосексуалов, писателей, дизайнеров, музыкантов, актеров, художников, скульпторов, фотографов и танцоров среди населения, количеством людей, родившихся за границей, а также индексом разнообразия этнических и расовых групп. См.: Mellander C., Florida R., Asheim B.T., Gertler M. *The Creative Class Goes Global*. Abingdon and New York: Routledge, 2014. Pp. 170; 290–291. В разных странах показатели различаются.

⁴¹³ Исследователи пытаются показать это эмпирически, проведя ряд исследований, собранных в книге: Mellander et al. *The Creative Class Goes Global*. (Мелландер и др. Креативный класс выходит на мировой уровень.)

⁴¹⁴ Rifkin. *The Third Industrial Revolution*. P. 218. (Рифкин. Третья промышленная революция. С. 218).

конкретных проблем»; они используют знания, чтобы «думать самостоятельно»⁴¹⁵. Творческая работа разнообразна; ее участники обычно являются свободными агентами, принимающими совместные решения, часто на предпринимательской основе. Они действуют через горизонтальные «сетевые» связи между участниками, а не занимают вертикальные или иерархические организационные роли компаний и формальных видов занятости. Они создают и координируют услуги, но у них нет постоянного и стабильного рабочего места. Следовательно, они не «продают свой труд» в традиционном понимании. Скорее, их творческая активность формируется через сети, поддерживающие их самозанятость. Их работа и образ жизни значительно отличаются от отношений между традиционным работником и работодателем⁴¹⁶. Джереми Рифкин считает, что конец капиталистической эры «неизбежно» сменится «коллаборативным сообществом»⁴¹⁷. Его упадок подталкивается собственными противоречиями. Стоимость производства падает до (или почти до) нуля. Продукты становятся почти бесплатными, «общество нулевых предельных издержек» «вводит экономику в эпоху почти бесплатных товаров и услуг в социалистическую форму экономики». Поэтому прибыль, «жизненная сила капитализма», иссякает⁴¹⁸. Для этих авторов основной причиной снижения издержек является рост информационно-коммуникационных технологий⁴¹⁹, которые действуют в глобальном масштабе. Глобализация продолжается, но в совершенно иных экономических и политических структурах.

Другие авторы подходят к посткапитализму более структурированно. Для них неолиберальный капитализм находится в терминальной стадии упадка. Александр Бузгалин и Андрей Колганов⁴²⁰ придерживаются подхода, основанного на марксистской методологии⁴²¹. Спонтанное развитие и инновации в способе производства вызываются доминирующими силами современного капитализма в поисках новых продуктов; однако при этом они разрушают его и приводят к «посткапиталистическому» будущему. Здесь ростки новых экономических сил, развившись, образуют экономическую базу нового общества. Они заявляют, что креатосфера «отрицает один из фундаментальных законов рынка — закон стоимости». В креатосфере «собственность каждого на все... также является наиболее точным и полным воплощением принципа

⁴¹⁵ Florida R. *The Rise of the Creative Class*. New York: Basic Books, 2004. P. 69. (Р. Флорида. Восхождение креативного класса.) Нью-Йорк: Basic Books, 2004. С. 69.

⁴¹⁶ См.: O'Doherty D., Willmott H. *The decline of labour process analysis and the future sociology of work*. *Sociology*. 2009. Vol. 43 (5). Pp. 931–951, в частности Pp. 939–943. (Д. О'Доэрти и Х. Уиллмотт. Упадок анализа трудовых процессов и будущее социологии труда.) *Sociology*, 43:5 (2009). С. 931–951, в частности с. 939–943.

⁴¹⁷ Rifkin J. *The Zero Marginal Cost Society*. New York and Basingstoke: Palgrave, 2014. P. 1. (Джереми Рифкин. Общество нулевых предельных издержек.) Нью-Йорк и Бейсингсток: Palgrave, 2014. С. 1.

⁴¹⁸ *Ibid.* P. 4.

⁴¹⁹ *Ibid.* P. 220.

⁴²⁰ Бузгалин А.В., Колганов А.И. *Критическая политическая экономия*.

⁴²¹ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. *Критическая политическая экономия*. С. 582; Бузгалин А.В., Колганов А.И. *Капитал XXI века*.

социальной собственности, [который подразумевает] цель освобождения общества от частной собственности»⁴²².

Аналогичную линию аргументации проводит Аарон Бастани, который представляет себе будущее полностью автоматизированного коммунизма роскоши (FALC), в котором автоматизация, энергетика, ресурсы, здоровье и пищевые технологии станут основой «общества без дефицита и необходимости работать»⁴²³. Технологический прогресс, обусловленный конкуренцией, не только ведет к инновациям и, таким образом, к концу капитализма, но и создает основу для коммунизма. В обществе, построенном после дефицита, к которому привели передовые технологии и искусственный интеллект, человеческий труд заменяется машинами. Кризисы капитализма (изменение климата, избыток населения, нехватка ресурсов, технологическая безработица) влияют на способность капитализма к самовоспроизводству⁴²⁴. Альтернатива — коммунистическое общество, в котором труд упраздняется, дефицит сменяется изобилием, а труд и отдых «становятся неотделимыми»⁴²⁵. Коренные причины развития событий — переход к коммунизму — кроются, как метко цитирует Бастани Маркса, «в экономическом базисе, ведущем к трансформации всей огромной надстройки»⁴²⁶. Посткапиталистические мыслители делают правильный вывод, когда считают, что развитие технологий способствует предоставлению бесплатных товаров (по крайней мере, в развитых странах). Глобализация способствует развитию этих процессов, которые, несомненно, важны и имеют скрытые возможности. Их подрывают и, как представляется, подавляют встречные процессы: власть ТНК и роль государства. Растет коммодификация инноваций через права на интеллектуальную собственность, университеты и финансируемые государством центры исследований и обучения, которые заявляют о своих правах на доходы от своих услуг и продуктов. Монетаризация и финансиализация оказали значительное влияние, увеличив коммодификацию товаров и услуг. «Креатосфера» — важная часть культуры, которая глобализируется, коммерциализируется и монетизируется. Она приносит прибыль. Концепция «автоматизированного коммунизма» интригует, но ее реализация в ближайшем будущем представляется маловероятной.

Многие теоретики посткапитализма игнорируют сохраняющееся противоречие между силами производства (новые информационные технологии) и правом собственности на производственные активы (цели владельцев технологий). Посткапиталистические мыслители принимают форму технологического детерминизма. Это вполне оправданно, если показать, как информационные технологии влияют на другие части надстройки капитализма — они

⁴²² Бузгалин А.В., Колганов А.И. Критическая политическая экономия. С. 592.

⁴²³ Bastani A. Fully Automated Luxury Communism. London: Verso, 2019. P. 12. (А. Бастани. Полностью автоматизированный коммунизм роскоши.) Лондон: Verso, 2019. С. 12.

⁴²⁴ Ibid. P. 48.

⁴²⁵ Ibid. P. 50.

⁴²⁶ Ibid. P. 200.

формируют трудовой процесс, образование, типы производимых товаров, способы их сбыта и потребления. Однако она не заменяет движущие силы современного капитализма — финансовые и нефинансовые корпорации, стремящиеся к максимизации прибыли. Как признал Кастельс, «по мере того как Интернет становится всепроникающей инфраструктурой нашей жизни, вопрос о том, кто владеет и контролирует доступ к этой инфраструктуре, становится важнейшей битвой за свободу»⁴²⁷.

Выводы авторов, пишущих о посткапитализме, нуждаются в уточнении. «Креативные» индустрии находятся в зачаточном состоянии, в силу чего еще далеки от того, чтобы стать по-настоящему решающей силой. Рассмотрим место экономических корпораций «креатосферы» в рейтинге глобальных компаний. Высокотехнологичные цифровые компании преследуют свои цели и получают прибыль. Но они отнюдь не являются доминирующими экономическими силами ни в мировой, ни в национальных экономиках. Рейтинг компаний, основанный на среднем показателе продаж, прибыли, активов и рыночной стоимости, дает хороший показатель относительной силы различных секторов. Корпорации, которые можно отнести к «информационно-ориентированному сектору, основанному на знаниях», не так уж незначительны. В издании Global 2000 за 2022 г.⁴²⁸ из 15 крупнейших корпораций три относятся к «креатосфере»: Apple (7-е место), Microsoft (12-е) и Samsung (14-е). Далее в списке расположились AT&T (20-е место), China Mobile — на 31-м, Verizon — на 19-м, а Vodafone — на 479-м⁴²⁹. Доминирующие мировые компании состоят из финансовых, энергетических и производственных корпораций.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА

Посягательство государства на рынок, согласно этим теориям, является еще одним важнейшим элементом, потенциально подрывающим глобальный капитализм. На это обратил внимание Йозеф Шумпетер, который после Второй мировой войны⁴³⁰ утверждал, что рост крупных корпораций в сочетании с бюрократическим и научным управлением сделает предпринимательство устаревшим. Капитализм умирает, заявлял он; традиционная буржуазия — национальный малый и средний бизнес, независимые профессии — сокращается в численности и значимости. Чтобы управлять капита-

⁴²⁷ Castells M. The Internet Galaxy. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 277. (Мануэль Кастельс, Галактика Интернета). Оксфорд: Oxford University Press, 2001. С. 277.

⁴²⁸ Forbes. The Global 2000. Available at: <https://www.forbes.com/lists/global2000/?sh=d208f55ac0>

⁴²⁹ Рейтинг представляет собой среднее значение продаж, прибыли, активов и рыночной стоимости. Источник: Forbes 2000 World Companies за 2017 год. Данные за 2017 г. доступны на сайте: <https://www.forbes.com/global2000/list/#tab:overall>

⁴³⁰ Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. (5th edn). London: Routledge, 1976. (Йозеф Шумпетер. Капитализм, социализм и демократия) (5-е изд.). Лондон: Routledge, 1976.

лизмом нового типа, государство постепенно заменит рынок в управлении экономикой и социализирует издержки капитализма через государство всеобщего благосостояния. Более активное участие государства также приведет к участию общества. Буржуазные ценности, считал он, находятся под угрозой, поскольку капиталистический процесс подрывает «моральный авторитет» буржуазии. Точно так же, как пострадал авторитет королей и пап, пострадает и частная собственность, «и вся схема буржуазных ценностей»⁴³¹. Интеллектуалы, продолжал он, станут решающей группой, выступающей против капитализма. Он предвосхитил многие из упомянутых ранее утверждений, признав креатариат основным элементом восходящего класса.

В отличие от тех, кто рассматривает глобализацию как процесс, подрывающий государство, Шумпетер, Бузгалин и Мейсон подчеркивают важную и растущую роль государства, которое, по их мнению, вытесняет капиталистический рынок. Мейсон подчеркивает, что государство вносит «огромный экономический вклад», составляющий около 45% национального ВВП во всех странах⁴³². По мнению Бузгалина и Колганова, рыночные отношения вытесняются обширной перераспределительной ролью государства в предоставлении товаров и услуг в социальной и культурной сферах. Социально-экономическая деятельность государства — одна из важнейших форм переходного периода. Такие переходные формы включают в себя зачатки пострыночных отношений, в частности сознательных, непосредственно социальных средств координации, регулирования пропорций и распределения (выделения) ресурсов⁴³³. «Государственная собственность», по их мнению, является еще одной формой, способной подорвать рыночный центризм и обеспечить новую экономическую формацию. Государство «вовлечено в сознательное регулирование экономических процессов в общенациональном (или региональном) масштабе»⁴³⁴. Все эти наблюдения означают, что глобальный капитализм подчиняется государственной власти.

Вопрос о том, подрывает ли такая деятельность государства капитализм, остается открытым. Участие государства, измеряемое в расходах в виде доли от ВВП, возросло, но рыночные силы не уменьшились. Государственные расходы используются не только для выплаты пособий и проведения исследований, но и для поддержания репрессивных полномочий и идеологических функций государства. Даже в государствах всеобщего благосостояния постепенный перенос государственной деятельности в частный сектор обеспечивает не только источник прибыли, но и одновременно снижает способность государства выступать в качестве противодействующей силы капиталу. Неолибералы одобряют выделение государством средств на обеспечение соблюдения правил капитализма и на военную оборону. Они выступают против го-

⁴³¹ Schumpeter J. *Capitalism, Socialism and Democracy* (5th edn). London: Routledge, 1976. P. 143 (Йозеф Шумпетер. Капитализм, социализм и демократия) (5-е изд.). Лондон: Routledge, 1976. С. 143.

⁴³² Mason. *PostCapitalism*. P. 273.

⁴³³ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Критическая политическая экономия. С. 584.

⁴³⁴ Там же. С. 595.

сударства как поставщика услуг и гегемонистского органа, конкурента рынка и частной собственности. Государства также являются источниками контрактов для экономики, основанной на частных предприятиях, — США имеют огромный бюджет на закупки для своих вооруженных сил и финансово поддерживают университеты и исследовательские институты, а также электронную, авиационную, судостроительную, оружейную, швейную, обувную и пищевую промышленность.

Ошибка в этом аргументе заключается в предположении, что уровень ВВП при государстве коррелирует с независимой государственной властью: государственный бюджет может увеличиваться, но политическая власть государства над корпорациями может уменьшаться. Неолиберализм предлагает уменьшить роль государства в предоставлении услуг и товаров. В мировом масштабе была проведена значительная приватизация государственных активов, что привело к сокращению производственного потенциала государства (непосредственное предоставление товаров и услуг). Роль государства как координатора и поставщика факторов производства снизилась в условиях свободного движения капитала, рабочей силы, товаров и услуг и появления международных регулирующих органов⁴³⁵. Однако верно то, что неолиберальные силы преуспели в укреплении и расширении полномочий государства по принуждению к соблюдению либеральных рыночных правил. В этом случае возникает напряженность между государственной администрацией и демократически избранными представителями.

Экспоненциальный рост транснациональных приобретений и слияний привел к многонациональному составу советов директоров транснациональных компаний, в результате чего власть перешла от национальной буржуазии к глобальному капиталистическому классу⁴³⁶. Государства различаются по своим регулирующим полномочиям. Бодрунов, Бузгалин и Коновалов справедливо полагают, что в России растет более независимая форма государственного обеспечения и регулирования. Возможно, это особый случай, связанный с наследием государственной собственности и контроля, доставшимся

⁴³⁵ См.: Crouch C. The global firm: The problem of the giant firm in democratic capitalism. In: Coen D., Grant W., Wilson G. (Eds) *Business and Government*. Oxford: Oxford University Press, 2010. Pp. 148–472; Wilks S. *The Political Power of the Business Corporation*. Cheltenham: Edward Elgar, 2013. Колин Крауч. Глобальная фирма: Проблема гигантской фирмы в демократическом капитализме) в кн.: D. Coen, W. Grant and G. Wilson (Eds) *Business and Government* (Д. Коэн, В. Грант и Г. Уилсон (ред.). Бизнес и правительство) Оксфорд: Oxford University Press, 2010. С. 148–472; S. Wilks, *The Political Power of the Business Corporation* (С. Уилкс. Политическая власть бизнес-корпорации). Челтнем: Edward Elgar, 2013.

⁴³⁶ См.: Robinson W.I., Harris J. A global ruling class? Globalisation and the transnational capitalist class. *Science and Society*. 2000. Vol. 64 (1). Pp. 5380–5411; Sklair. *Globalization*; Staples J. Cross border acquisitions and board globalisation in the world's largest TNCs 1995–2005. *Sociological Quarterly*. 2008. Vol. 49. Pp. 31–51. (Уильям И. Робинсон и Джерри Харрис. Глобальный правящий класс? Глобализация и транснациональный капиталистический класс.) *Science and Society*, 64:1 (Spring 2000). С. 5380–5411; Sklair, *Globalization*; J. Staples, Cross border acquisitions and board globalisation in the world's largest TNCs 1995–2005 (Склер. Глобализация; Дж. Стейплз. Трансграничные приобретения и глобализация правления в крупнейших мировых ТНК 1995–2005 гг.). *Sociological Quarterly*, 49 (2008). С. 31–51.

нам от плановой экономической системы. Историческое наследие усилилось в результате неспособности постсоциалистического неолиберального государства эффективно функционировать в России. Отдельная прослойка политиков может заполнить пробел, чтобы контролировать государственный аппарат и действовать в соответствии с интересами частных глобальных корпораций. Необходимо учитывать положение различных стран в мировой системе капитализма. Как отмечалось в главе 9, страны неравномерно встроены в глобальную систему. Они образуют международную иерархию, обусловленную географией собственности и региональными сетями политических союзов и коммуникаций. Траектория развития России и Китая от доиндустриальной к индустриальной экономике определялась государством, а не национальной или международной буржуазией, а национальная собственность и контроль над основными активами четко отделяют эти страны от основных государств мировой системы. Хотя они являются членами таких международных институтов, как ВТО, ООН и МВФ, они держатся в стороне от военной организации ядра (НАТО) и символического политического ядра «Большой семерки» (Франция, Германия, Италия, Япония, США, Великобритания и Канада). Общества с государственным регулированием, такие как Китай, в меньшей степени подвержены влиянию глобализованных западных корпораций, мы вернемся к Китаю в главе 15. Хотя государство может стать «новой экономической силой», в нынешних условиях в основных капиталистических странах государства не представляют собой альтернативную форму капитализма.

СОБСТВЕННОСТЬ НА СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА

Хотя «посткапиталистические» авторы указывают на значительное развитие производственного процесса и заметные изменения в социальном расслоении, можно усомниться в том, что эти события еще представляют собой «зародыш» нового способа производства. Технологический прогресс следует рассматривать с двух сторон: уровня производительных сил и формы собственности. Пароэнергетика и машиностроение освободили армии рабочих от изнурительного физического труда, но одновременно создали прибавочную стоимость для владельцев машин. Технологии не только выполняют положительную социальную функцию, но и являются средством эксплуатации. Динамика глобального капитализма определяется уровнем развития технологий, обусловленным собственностью и рыночными отношениями — возможностью получения прибыли для коммерсантов и акционеров. Финансирование и спекуляции принимаются в глобальном масштабе, потому что они приносят больше прибыли, чем инвестиции в промышленность.

В «креатосферу» все больше проникают неолиберальные тенденции. Элита в бизнесе, политике, СМИ и академических кругах становится крайне вза-

имозависимой и распространяет легитимирующую (и легитимируемую) неолиберальную идеологию. Высшие учебные заведения подчиняются рыночным критериям; интеллектуальные продукты оцениваются по их вкладу в производство, ориентированное на прибыль. «Полезность» знания отождествляется с его прибыльностью. Коммерческие интересы обеспечивают права собственности на изобретения через владение патентами. Хотя появление бесплатных продуктов, таких как Википедия, отсутствие авторского права и открытый исходный код, действительно, является нерыночной деятельностью, не следует игнорировать связанные с цифровизацией рыночные структуры⁴³⁷. ИТ-продукты необходимо производить, и их производством занимается низкооплачиваемая рабочая сила, занятая в условиях нестабильной занятости, как правило, за пределами основных постпромышленных стран. В кол-центрах работают низкооплачиваемые сотрудники, выполняющие в основном рутинную и строго контролируруемую работу по обслуживанию. Судьба культурных артефактов зависит от меценатства, спонсорства и коммерциализации. Программное обеспечение постоянно (часто без необходимости) обновляется и не является бесплатным. Социальные сети и СМИ, такие как Google и Face Book, привлекают колоссальные объемы рекламы, которая приносит прибыль не только медиакомпаниям, но и рекламодателям. Например, Google, находящийся в центре сетевой глобальной экономики, является высококоммерциализированной и высокоприбыльной компанией. Правда, существуют «альтернативные» веб-платформы, управляемые добровольцами и поддерживаемые за счет пожертвований (например, Diaspora* и Occurii). Но, как отмечает Кристиан Фукс, пользователей у них гораздо меньше, чем у коммерческих подразделений. Например, в 2012 г. у Facebook был 1 млрд пользователей, в то время как у некоммерческой организации Diaspora* — 90 000, а у Occurii — всего 5303⁴³⁸. Рынком движет мотив прибыли и коммерческие интересы, а не альтруистическое сообщество взаимопомощи. Как и многие другие платформы, он привлекает рекламу и выбирает свои собственные мотивы. Школа «посткапиталистической» экономики подчеркивает широкое использование и относительно свободный доступ к медиа — при этом такие ученые недооценивают или даже игнорируют доминирующую роль собственности и коммерческой выгоды. Любые серьезные дискуссии об альтернативах капитализму фактически исключены из средств массовой информации.

Даже если альтернативные сети производства и обмена расширятся, у нас нет анализа того, как изменятся оставшиеся формы производства и распределения, включая их контроль со стороны ТНК. Производство, финансы, а также потребление, массовый досуг, СМИ и спорт стали коммерциализированными в глобальном масштабе. Только в очень отдаленном будущем идеи

⁴³⁷ См.: Fuchs Ch. *Digital Labour and Karl Marx*. Routledge: New York and London, 2014. В частности, часть II. (Кристиан Фукс. *Цифровой труд и Карл Маркс*.) Routledge: Нью-Йорк и Лондон, 2014.

⁴³⁸ Данные приведены в: Fuchs Ch. *Digital Labour and Karl Marx*. P. 302. (Фукс. *Цифровой труд и Карл Маркс*). С. 302.

Флориды об автономном эгоцентричном производстве и обмене могут заменить глобализованное производство. Точно так же идея «полностью автоматизированного коммунизма роскоши» остается скорее возможной долгосрочной целью, чем практической альтернативой.

До экономики нулевых издержек еще очень далеко. «Консюмеризм» является доминирующей идеологией, и его значение растет, а не падает. Рассмотрим, например, соревновательные массовые виды спорта (такие как Олимпийские игры, Кубок Европы и Кубок мира по футболу), которые являются частью «суперкреативного ядра» экономической деятельности. Это глобальные события, которые транслируются через глобальные компании и ассоциации и «потребляются» глобальной аудиторией. С одной стороны, верно, что предельные затраты на просмотр этих игр близки к нулю, просмотр по телевизору стоит недорого — или можно бесплатно пойти в спорт-бар, или купить там тонизирующие напитки, хотя зрители будут вносить свой вклад в доход бара. Все это указывает на наличие «бесплатной услуги» — но не на приход посткапитализма. Успех английской футбольной Премьер-лиги олицетворяет общество конкурентного рынка. Он опирается на массовую аудиторию, что становится возможным благодаря развитию сети Интернет. Другая сторона — колоссальная коммерциализация, движимая корпоративной ответственностью и мотивом прибыли. Показы высококоммерциализованны — подписчики платят медиакомпаниям, зрителей отвлекает мигающая реклама на щитах по периметру. Команды принадлежат иностранным олигархам, финансируются с помощью финансовых инструментов и продаются по всему миру через коммерческие розничные и медиакомпании. Существует неоправданное неравенство в доходах и условиях работы сотрудников клубов, в частности между игроками и обслуживающим персоналом и службой безопасности. Хотя многие наблюдатели признают наличие противоречий, они вслед за Беллом, а не Марксом, приписывают их причины иерархии, а не капитализму. Как говорит Мейсон: «все пронизано борьбой между сетью и иерархией»⁴³⁹. Но борьба за коммерческие контракты, за покупку клубов и франшиз, за права на СМИ, за заключение контрактов с игроками (основа успеха спортивных компаний) определяется деньгами.

Более того, понимание «креатосферы» фокусируется исключительно на западных странах-гегемонах и игнорирует усиливающиеся экономики капиталистического Юга, где основными видами экономической деятельности по-прежнему являются сельское хозяйство и производство. Если рассматривать капитализм как глобальный процесс, то классификация рабочей силы на «креативный класс», рабочий класс, класс сферы услуг и сельскохозяйственных рабочих принимает совершенно иную форму. Работающие классы территориально разделены в глобальном пространстве, в отличие от глобального капиталистического класса, который интегрирован в глобальном масштабе.

Мы еще далеки от того, чтобы стать свидетелями перехода от капитализма к более высокому способу производства. Хотя в некоторых классах и стра-

⁴³⁹ Mason P. PostCapitalism. P. 144.

нах наблюдается рост личного благосостояния, это не повсеместно. Данные, собранные в главе 9 (рис. 9.8), не показывают разделения между классами в различных социальных категориях. Можно с уверенностью сказать, что доля доходов, идущих на оплату труда, снизилась. Томас Пикетти, например, также приводит данные, свидетельствующие о снижении доли трудовых доходов в Великобритании с 80% в 1970 г. до 73% в 2010 г. (данные по Франции аналогичны)⁴⁴⁰. Эти цифры занижают степень снижения доходов неквалифицированных и полуквалифицированных работников и включают (в «долю труда») зарплаты специалистов и руководителей, которые растут экспоненциальными темпами. Хотя изменения в характере рабочей силы очень важны, их необходимо рассматривать в контексте глобального капитализма с его территориальным разделением труда, а также структур транснациональных финансовых и нефинансовых компаний.

Не все представители креатариата имеют высокие зарплаты, а в новых отраслях обслуживания и производства работает большое количество низкооплачиваемых полуквалифицированных работников. Иной анализ распределения труда по слоям предлагает Гай Стэндинг⁴⁴¹, который признает многие из этих изменений, но выделяет совершенно другую категорию — прекариат. В отличие от традиционного рабочего класса прекариат не имеет регулярной занятости или даже гарантированного рабочего дня. Оплата труда не связана с профсоюзными или национальными соглашениями о заработной плате, обычно отсутствуют права на пенсию и отпуск, а в некоторых местах такие работники не имеют доступа к государственному здравоохранению и социальному обеспечению. Открытый рынок труда, поддерживаемый неолиберализмом, ослабляет позиции значительных групп населения. Прослойка, состоящая из недавних иммигрантов и молодых людей (многие из которых имеют высокий уровень образования), составляет этот низший класс. Значительная часть таких работников занята в низкооплачиваемых секторах здравоохранения, социального обеспечения и персонального ухода. Существование прекариата иллюстрирует негативные черты «посткапитализма» — совершенно противоположные тем, которыми пользуется предполагаемый креативный класс.

Тем не менее эти авторы отмечают значительные изменения в профессиональном составе стран с развитой экономикой. Они рассматривают важные изменения в способах выполнения работы в постиндустриальном обществе и их влияние на систему социальной стратификации. Чаба Мако и Миклош Иллеси подробно описали изменения, произошедшие в Европе в XXI в.⁴⁴²

⁴⁴⁰ Piketty T. *Capital in the Twenty- First Century*. P. 200–201.

⁴⁴¹ Standing G. *The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury, 2011. (Гай Стэндинг. Прекариат: Новый опасный класс). Лондон: Bloomsbury, 2011.

⁴⁴² Mako C., Illesy M. Automation, creativity, and the future of work in Europe: A comparison between the old and new member states with a special focus on Hungary. *Intersections EEJSP*. 2020. Vol. 6 (2). Pp. 112–129. doi: 10.17356/ieejsp.v6i2.625 <http://inters.ecti.ons.tk.mta.hu> (Чаба Мако и Миклош Иллеси. Автоматизация, творчество и будущее работы в Европе: Сравнение между старыми и новыми странами — членами ЕС с особым акцентом на Венгрии). *Intersections EEJSP*, 6:2 (2020). С. 112–129, doi: 10.17356/ieejsp.v6i2.625 <http://intersections.tk.mta.hu>

Основываясь на данных, собранных в рамках европейского исследования условий труда, они делят профессии на три различные категории: творческие работники, работники, решающие ограниченные проблемы, и «тейлоризованные» работники. На творческих работах сотрудники должны в значительной степени использовать свои когнитивные способности и пользоваться высокой степенью автономии в работе. Рабочие места, организованные по тейлоровским принципам, предполагают наименьшее использование когнитивных способностей и автономии. По сути, эта группа представляет собой пролетариат, о котором мечтали социалисты XIX в. Между этими двумя группами находятся «люди, решающие ограниченные проблемы», у которых «относительно сильные ожидания относительно когнитивного обучения и крайне низкий уровень автономии».

Согласно опросам, проведенным в ЕС в 2015 г., 59% рабочих мест относились к категории «творческих» и только 20% — к «тейлоризованным». Однако между странами существуют значительные различия: в Дании, Швеции, Германии и Великобритании было соответственно 77, 74, 49 и 59% рабочих мест в «творческом секторе». Другие страны остаются более «тейлоризованными»: Латвия, Венгрия и Румыния сохранили большую часть традиционной рабочей силы, при этом только 35, 37 и 35% рабочих мест относились к «творческому сектору». Последствия этого весьма важны для дифференциации и географического расположения рабочего класса.

Роботизация и использование искусственного интеллекта, безусловно, приведут к сокращению числа работников всех профессий, включая нефизического труда. Как отмечают Мако и Иллесси, люди, занимающие «творческие» позиции, с меньшей вероятностью окажутся под угрозой технологических инноваций и будут заменены машинами (управляемыми искусственным интеллектом), чем те, кто относится к категории «тейлоризованных»⁴⁴³. Исследование компании PriceWaterhouseCooper показало, что к 2030-м гг. автоматизация коснется всех видов рабочих мест, как физического, так и нефизического труда: 20% в Восточной Азии, 38% в США и 25% в России. В общей сложности под угрозой оказались 35% рабочих мест в административной сфере, 30% — в финансовой, только 9% — в сфере образования. Как и Мако, и Иллесси, авторы исследования пришли к выводу, что больше всего шансов потерять работу у людей с более низким уровнем образования⁴⁴⁴. Такая форма стратификации привела не к появлению нового класса, а к ассимиляции креатариата в буржуазную систему и отсеву менее образованных и неквалифицированных людей, которые мало выиграли от технологического

⁴⁴³ Illesy M., Illesy M. Automation, creativity, and the future of work in Europe. Pp. 120–121. (Мако и Милош Иллеси. Автоматизация, творчество и будущее работы в Европе.) См.: С. 120–121.

⁴⁴⁴ PwC. Will robots really steal our jobs? UK Economic Outlook (March 2017). Available at: <https://www.pwc.co.uk/economic-services/ukeo/pwc-uk-economic-outlook-full-report-march-2017-v2.pdf> (PwC. Действительно ли роботы украдут наши рабочие места?) UK Economic Outlook (март 2017 г.). Доступно по ссылке: <https://www.pwc.co.uk/economic-services/ukeo/pwc-uk-economic-outlook-full-report-march-2017-v2.pdf>

прогресса. «Реформированные» или «новолейбористские» социал-демократические партии культивировали среди «сетевой» молодежи новый «креативный» рабочий класс, не имевший особого успеха на выборах (см. главу 6).

ПЕРЕСМОТР МАРКСИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

При обсуждении роли «нового господствующего» класса, а именно класса, предрасположенного к оттеснению доминирующего правящего класса, возникает вопрос о том, как политические возможности превращаются в политическую власть. Авторы, критикующие как ленинскую «авангардную партию», так и традиционный социал-демократический партийный подход, занимают позицию, которую иногда называют «открытым марксизмом»⁴⁴⁵. Существенные изменения предлагают внести Антонио Негри и Майкл Хардт⁴⁴⁶. Они повторяют широко распространенное признание негативных последствий бюрократического контроля, поддерживая критику Роберта Михельса⁴⁴⁷ о том, что все типы партийной иерархической организации ведут к олигархии. Контраргумент исследователей основывается на том, что, по их мнению, постиндустриальный капитализм создает «формы сотрудничества», возникающие в процессе производства. Здесь они следуют за авторами, обсуждавшимися ранее, и полагаются на развитие новых форм технологий: «цифровых и коммуникативных технологий», которые устанавливают «новый способ производства». Эта «разнородная» формация содержит элементы прежних форм производства⁴⁴⁸. Их предложения выступают за формирование автономных экономических и политических формаций. Негри и Хардт продвигают новую идею «множества» как революционного актора, обладающего эмансипационным потенциалом.

Такой подход сочетает детерминистский способ трансформации с более волюнтаристской политикой. Ленинская организационная форма «демократического централизма», по мнению Хардта и Негри, должна быть обращена вспять⁴⁴⁹. Всеобъемлющие долгосрочные политические проекты больше не должны быть ответственностью лидеров или партии, но «должны быть доверены массам»⁴⁵⁰. Долгосрочные планы и стратегические цели должны опре-

⁴⁴⁵ Обзор см. в книге: Bonefeld W., Gunn R., Psychopedis K. *Open Marxism. Vol. 1. Dialectics and History*. London: Pluto Press, 1992. (В. Бонефельд, Р. Ганн и К. Психопедис. *Открытый марксизм. Том 1. Диалектика и история*). Лондон: Pluto Press, 1992.

⁴⁴⁶ Hardt M., Negri A. *Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000; Hardt M., Negri A. *Assembly*. New York: Oxford University Press, 2017. (М. Хардт и А. Негри. *Империя*.) Кембридж, МА: Harvard University Press, 2000 и М. Hardt and A. Negri, *Assembly* (М. Хардт и А. Негри. *Ассамблея*.) Нью-Йорк: Oxford University Press, 2017.

⁴⁴⁷ Michels R. *Political Parties*. New York: Hearst, 1915. (Роберт Михелс. *Политические партии*.) Нью-Йорк: Херст, 1915.

⁴⁴⁸ Hardt M., Negri A. *Assembly*. New York: Oxford University Press, 2017. Pp. 144–145.

⁴⁴⁹ Ibid.

⁴⁵⁰ Ibid. P. 291.

делиться народом, а политическое лидерство должно быть «ограничено краткосрочными действиями и привязано к конкретным случаям»⁴⁵¹. Лидеров должна волновать только текущая тактика. Лидерству есть место, но оно сводится к конфронтации с существующими институтами, носит временный и разовый характер и всегда подчинено массам.

Этот подход — возвращение к идее о том, что капитализм подвержен метаморфозам. Предлагаемая альтернатива — это не форма национальной коллективистской плановой экономики, а внедрение в капиталистическое пространство автономных самоуправляемых и самодвижущихся единиц. Новый, преобладающий способ производства, социализм, придет через изменения, происходящие внутри капиталистической формы, а не через революционную трансформацию под руководством партии. Агентом будет не рабочий класс. В своей книге «Empire»⁴⁵² Хардт и Негри формулируют идею «масс» как революционного противовеса «империи»⁴⁵³. Массы состоят из всех тех, над кем господствует правящий капиталистический класс — этот термин гораздо шире, чем идея рабочего класса Маркса. Более того, «массы» спонтанно формируют свое собственное самосознание, обладая способностью «политического предпринимателя»⁴⁵⁴.

Однако такая позиция отрывает движущие силы перемен от анализа социального класса, выводя дискуссию за рамки историко-материалистического объяснения. Она является антитезой ленинской партии нового типа, которая дает сознание рабочему классу, ведет его за собой. Она отвергает также отличную от ленинской социал-демократическую позицию партии, представляющей рабочий класс в избирательной борьбе за парламентскую власть. Массы — это коллективность индивидов, действующих сообща, — спонтанное выражение интересов народа. Негри определяет стратегию революции как «выход масс рабочих из современного режима производства и господства капиталистов... Революционный процесс предстает как выход, конституирующий новый мир, созданный множеством в противовес структуре современного капитализма»⁴⁵⁵. Это утверждение означает, что индивиды и группы, составляющие массы, будут самостоятельно создавать свою собственную жизнь, вне зависимости от существующей капиталистической системы, но в оппозиции к ней. Эти предложения предусматривают более постоянные условия

⁴⁵¹ Hardt M., Negri A. *Assembly*. New York: Oxford University Press, 2017. P. 19.

⁴⁵² Hardt M., Negri A. *Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000.

⁴⁵³ См.: Hardt M., Negri A. *Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000; Hardt M., Negri A. *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. London and New York: Penguin, 2004. (Хардт и Негри. Империя. Множество: Война и демократия в эпоху империи.) Лондон и Нью-Йорк: Penguin, 2004.

⁴⁵⁴ Hardt M., Negri A. *Assembly*. New York: Oxford University Press, 2017. Pp. 280.

⁴⁵⁵ Negri A. Afterword: on the concept of revolution. In Foran J. David Lane and Andreja Zivkovic. *Revolution in the Making of the Modern World*. London: Routledge, 2008. P. 258. Курсив в оригинале. (Антонио Негри. Послесловие: о концепции революции.) В книге: John Foran, David Lane and Andreja Zivkovic, *Revolution in the Making of the Modern World* (Джон Форан, Дэвид Лэйн и Андрей Живкович. Революция в становлении современного мира.) Лондон: Routledge, 2008. С. 258.

жизни и работы, чем те виды народного спонтанного уличного сопротивления, которые можно было наблюдать во время антиглобалистских беспорядков в Сиэтле в 1999 г.

Эрнесто Лаклау иллюстрирует этот сдвиг. Он описывает сложность социальной структуры в конце XX в. в постмарксистской, по его мнению, форме. Для классического марксизма возможность преодоления капиталистического общества зависела «от упрощения социальной структуры и появления привилегированного агента социальных изменений [рабочего класса], в то время как для нас возможность демократической трансформации общества зависит от увеличения числа новых субъектов изменений»⁴⁵⁶. Этими субъектами являются группы людей, испытывающие социальную и политическую дискриминацию, — совсем другая группа, отличная от креатариата. Такая форма политики, основанная на недовольстве по этническому, расовому, кастовому, возрастному и гендерному признакам, какими бы реальными они ни были, неизбежно приведет к фрагментарной форме политики идентичности, заменяющей классы (см.: глава 7). Ник Срничек и Алекс Уильямс отмечают, что подобный подход является формой «народной политики», ставшей во главу угла краткосрочные локальные достижения, которые приносят лишь ограниченные результаты⁴⁵⁷. Действительно, современный капитализм вытеснил то, чего придерживались социалистические активисты начала XX в. и которые теперь не могут служить мерилom для определения революционной стратегии. Но выходит ли этот «новый мир», задуманный Негри и Хардтом, за рамки капиталистического общества, или это, по сути, форма анархического противостояния капитализму и государству, предполагающая уход из общества?⁴⁵⁸

На этот вопрос есть очень неоднозначные ответы. Славой Жижек⁴⁵⁹, Джон Холлоуэй⁴⁶⁰ и Крис Роджерс⁴⁶¹ стремятся преодолеть капитализм и перейти к другой форме общества, содержание которого будет охарактеризовано позже. Вслед за Негри и Хардтом они выражают разочарование в советской ленинской форме социализма и отчаяние по поводу социал-демократических правительств. Другие авторы приходят к пессимистическим выводам. Вольфганг Штрек утверждает, что альтернативы не видно — «на горизонте нет ни одной политико-экономической формулы, ни левой, ни правой, которая могла бы обеспечить капиталистическим обществам новый подходящий режим

⁴⁵⁶ Laclau E. *New Reflections on the Revolution of Our Time*. London: Verso, 1990. P. 41. (Эрнесто Лаклау. Новые размышления о революции нашего времени.) Лондон: Verso, 1990. С. 41.

⁴⁵⁷ Srnicek, Williams. *Inventing the Future*.

⁴⁵⁸ Критику анархизма см.: Choat S. *Marxism and anarchism in an age of neoliberal crisis*. *Capital and Class*. 2016. Vol. 40 (1). Pp. 95–109. (С. Чоат. Марксизм и анархизм в эпоху неолиберального кризиса). *Capital and Class*, 40:1 (2016). С. 95–109.

⁴⁵⁹ Zizek S. *The ongoing 'soft' revolution*. *Critical Inquiry*. 2004. Vol. 30 (2). Pp. 292–323. (Славой Жижек. Продолжающаяся «мягкая» революция.) *Critical Inquiry*, 30:2 (2004). С. 292–323.

⁴⁶⁰ Holloway. *Crack Capitalism*. (Холлоуэй. Капитализм с трещинами.)

⁴⁶¹ Rogers Ch. *Capitalism and Its Alternatives*. (Крис Роджерс. Капитализм и его альтернативы.)

регулирования»⁴⁶². По мнению Штрека, дезорганизованный капитализм, его «кумулятивный распад»⁴⁶³, просто уничтожит сам себя без какой-либо внятной альтернативы. Лесли Склер еще более пессимистичен, когда утверждает, что попытки преодолеть капитализм потерпят неудачу: «Легче представить конец света, чем конец капитализма». Капиталистическая гегемония «непреодолима»: ее невозможно преодолеть⁴⁶⁴.

Эти авторы явно отказываются от любой формы организованного политического движения, полагаясь на спонтанные объединения снизу вверх, которые действуют как самодостаточные и автономные сообщества. Внимание переключается с захвата государства (будь то революционное или социал-демократическое) на создание самоуправляемых сообществ, которые представляют собой альтернативу капитализму. Цель этой «автономной» спонтанной тактики состоит в расширении «трещин», возникших в стене капитализма. Развивая местные самоорганизованные формы производства, в этих «трещинах» может укорениться некапиталистическая форма экономики и общества. Как предлагает Джон Холлоуэй, «центральным вопросом является противопоставление совершенно иной логики... логике капитализма... [Здесь и сейчас мы отказываемся подчинять нашу деятельность господству капитала: мы можем, хотим и делаем что-то другое]»⁴⁶⁵. Альтернативой является формирование автономных анклавов, удовлетворяющих потребности устойчивого уровня жизни; следует стремиться к сдерживанию роста капитализма, что заменит обильное потребление (к этой теме мы вернемся в следующей главе).

Саморазрушение, являющееся следствием эксплуатации природы, ведет к уничтожению планеты и цивилизации, пришедшее на смену более позитивному видению марксистов XX в. Здесь существует опасность «чрезмерных и фантастических предсказаний о том, что капитализму придет конец... Левая политика обездвижена... идей... катастрофы и спасения»⁴⁶⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выше изложены взгляды исследователей, утверждающих, что спонтанная социальная активность способствует саморазрушению глобализованного капитализма. Под влиянием марксистского мышления существует предположение, что, как и в природе, в результате самоиндуцированной метаморфозы капитализм мутирует в нечто иное — либо в посткапитализм, либо в социализм. Другие авторы, настроенные более пессимистично, пред-

⁴⁶² Streeck. *How Will Capitalism End?* P. 58.

⁴⁶³ *Ibid.* P. 72.

⁴⁶⁴ Sklair L. World revolution or socialism, community by community, in the Anthropocene? *Journal of World System Research*. 2019. Vol. 25 (2). Pp. 297–305, цитату см.: p. 300. (Лесли Склер. Мировая революция или социализм, сообщество за сообществом, в антропоцене?) *Journal of World System Research*, 25:2 (2019). С. 297–305, цитаты с. 300.

⁴⁶⁵ Holloway. *Crack Capitalism*. P. 26.

⁴⁶⁶ Clark. *For a Left with no future*. P. 54.

полагают коллапс без ясного исхода. Новые социальные силы в условиях глобального капитализма движимы знаниями и творческим потенциалом в виде «креативного класса», который предпочитает совместное производство, а не конкуренцию. Хотя ростки перемен можно найти в производительных силах и они могут привести к появлению нового господствующего класса, в настоящее время они пребывают в состоянии становления, ожидая развития. Методология, используемая этими посткапиталистическими мыслителями, имеет детерминистское измерение. Существует спонтанное развитие производительных сил, бросающих вызов конкурентному рыночному капитализму и приходящих ему на смену. Проблема здесь в том, что семена могут не взойти, или ростки погибнут, так и не вырости. Их могут заглушить сорняки или уничтожить пестициды. Другими словами, саморазрушение капитализма может привести к чему-то худшему — регрессу общества с гораздо более низким уровнем производительных сил, порождающему отвратительную, жестокую и короткую жизнь. Или же саморазрушительные тенденции могут быть откорректированы.

Критики этой позиции утверждают, что такие восходящие силы могут занять место рядом с буржуазией, а не быть вызовом ей. Глобализованный капитализм XXI в. стал свидетелем роста и развития транснациональных компаний и интеграции бизнеса, правительства, СМИ и идеологических элит. Со стороны рабочего класса не последовало никакого противодействия. Трансформация к новому типу общества (способу производства) требует не только экономических и идеологических предпосылок, но и человеческих усилий для продвижения социальных изменений, демонтажа институциональных блокировок и нейтрализации противников, короче говоря, для создания лучшего мира. В отличие от видения социалистов начала XX в. здесь нет четкого видения социалистического или альтернативного будущего.

Другая группа критиков поощряет формирование очагов сопротивления, чтобы создать островки альтернативной экономики и альтернативного образа жизни. Пропагандируются общественные действия и коллективная деятельность, направленные на подрыв капитализма с помощью форм прямого действия. Развивая местные самоорганизованные формы производства, можно организовать некапиталистическую и неиерархическую форму экономики и общества. Мотивирующим фактором в этом подходе является осознанное желание людей выйти из капитализма и сформировать нечто иное. Если такие формы будут множиться, они придут на смену глобальному капитализму.

Бесспорно, самообеспечение может представлять собой иную общественную формацию; оно бы отказалось от современного производства. Но сомнительно, что без промышленного производства и роста производительности труда оно будет устойчивым. Представляется, что более реалистичное видение «современности левой направленности» можно найти в движениях, выступающих за «максимальное обеспечение основными ресурсами, необходимыми для полноценной жизни»⁴⁶⁷. Путь вперед — это содействие разви-

⁴⁶⁷ Srnicek, Williams. *Inventing the Future*. P. 80.

тию производительных сил для расширения предоставления товаров и услуг вне системы цен — коллективное обеспечение здравоохранения, жилья, транспорта и доступа в Интернет. Растущая автоматизация может привести к сокращению рабочей недели и увеличению свободного времени. Постиндустриальные общества достаточно богаты, чтобы обеспечить базовый доход для всех. Базовые технологические разработки приводят к растущему изобилию продуктов и услуг, вызванному новыми технологиями, роботизацией и искусственным интеллектом. Авторы, рассматриваемые в этой главе, пренебрегают ролью руководства, альтернативных партий и каналов, которые приведут к серьезным изменениям. Эти вопросы будут рассмотрены в последней главе этой книги.

В следующей главе мы обратимся к критикам посткапитализма, которые признают необходимость политических действий, чтобы обратить вспять и (или) заменить глобализованный капитализм. Антидвижения — это призыв к оружию, к политическим действиям. Антикапиталистические и антиглобалистские движения расцвели в условиях режимов жесткой экономии, последовавших за мировым экономическим кризисом 2007 г. Их также подпитывают проблемы окружающей среды, глобальное потепление и экологический кризис, которые будут исследованы в главе 13.

12 КРИТИКА «АНТИКАПИТАЛИЗМА»

В то время как критики глобализованного капитализма, рассмотренные в главе 11, считают, что капитализм будет заменен в результате метаморфозы или может быть подорван автономным параллельным развитием, другие занимают более жесткую позицию. Капитализму, по их мнению, необходимо противостоять, демонтировать его и, что очень важно, создать на его месте альтернативный тип общества. Политические движения, принявшие названия «антиглобализация» и «антикапитализм», направлены против различных частей и функций глобальных и национальных капиталистических механизмов. Они идеологически, социально и политически неоднородны и включают в себя отдельных людей и объединения с демократическими, социалистическими, либеральными и анархическими взглядами⁴⁶⁸. Мировая

⁴⁶⁸ Обзор см. в: Rogers *Capitalism and its Alternatives*; Callinicos A. *An Anti-Capitalist Manifesto*. Cambridge: Polity, 2013; Monticelli L. *Embodying alternatives to capitalism in the 21st century*. TripleC. 2018. 16:2. Pp. 501–517; Holloway. *Crack Capitalism*; Mason P. *Why It's Kicking Off Everywhere: The New Global Revolutions*. London: Verso, 2012; Taylor A. et al (Eds). *Occupy! Scenes from Occupied America*. London: Verso, 2011; *Occupy Wall Street* (2011). 'Declaration of the Occupation of New York City', www.nycga.net/resources/document/declaration; World Social Forum (2013). 'World Social Forum Charter and Principles', www.fsm2013.org/en/node/204; Bircham E., Charlton J. (Eds). *Anti-Capitalism*. London: Bookmarks, 2001; Hines C. *Localisation: A Global Manifesto*. London: no publisher, 2000. Об экологическом кризисе см: Lechner, Boli. *The Globalisation Reader*. Pp. 438–448; Castells M. *The crisis of global capitalism: Towards a new economic culture?* In Craig Calhoun, Georgi Derluguian. *Business as Usual*. Pp. 185–210. (Роджерс. Капитализм и его альтернативы) и Alex Callinicos, *An Anti-Capitalist Manifesto* (Алекс Каллиникос. Антикапиталистический манифест), Кембридж: Polity, 2013; Lara Monticelli, *Embodying alternatives to capitalism in the 21st century* (Лара Монтичелли. Воплощая альтернативы капитализму в XXI веке), TripleC, 16:2 (2018). P. 501–517; Holloway, *Crack Capitalism* (Холлоуэй. Капитализм с трещина-

система, основанная на потреблении, способствует нанесению вреда окружающей среде, что представляет собой экзистенциальную угрозу для цивилизации. Все они согласны с тем, что глобализация вредна. Такие критики стремятся обратить глобализацию вспять и укрепить местную экономику путем создания устойчивых автономных экономических, политических и социальных единиц (сообществ, производственных и потребительских коллективов). Вместо того чтобы сосредоточиться на замене глобализованного капитализма другим типом индустриального или постиндустриального общества, эти движения предполагают изменения на микроуровне, которые ведут к качественно отличной форме демократического и справедливого общества. Лесли Склер, например, призывает «выйти из капитализма и системы иерархических так называемых национальных государств в пользу «создания человеческих поселений меньшего масштаба, а не огромных городов и мировой революции»⁴⁶⁹.

Отвергается сам принцип захвата государства как средство достижения целей⁴⁷⁰. Скептицизм, проистекающий из неудач государственного социализма и неадекватности социал-демократии, привел к осуждению государственной власти, которая не смогла добиться демократии и остановить деградацию окружающей среды. Гнев несколько беспорядочно направлен на международных банкиров, международную систему, индустриализацию, глобализацию и капитализм в целом. Поскольку политическая власть носит глобальный характер, движения считают формальную избирательную политику бесполезной. Поэтому такие оппоненты полагаются на элементарные, часто спонтанные движения, стремящиеся обратить вспять текущие тенденции глобализации капитализма. Их диалог менее теоретический и научный и более активистский. Им нужны действия, а не слова. Лара Монтичелли назвала эти движения «префигуративными» в том смысле, что они «воплощают свои конечные цели и свое видение будущего общества через свою текущую соци-

ми); Paul Mason, *Why It's Kicking Off Everywhere: The New Global Revolutions* (Пол Мейсон. Почему это везде начинается: новые глобальные революции). Лондон: Verso, 2012; Astra Taylor et al (Eds), *Occupy! Scenes from Occupied America* (Астра Тейлор и др. (ред.) *Захвати! Сцены из оккупированной Америки*). Лондон: Verso, 2011; *Occupy Wall Street («Захвати Уолл-стрит»)* (2011), «Декларация об оккупации Нью-Йорка», www.nycga.net/resources/documents/declaration; World Social Forum («Всемирный социальный форум») (2013), «World Social Forum Charter and Principles» («Хартия и принципы Всемирного социального форума»), www.fsm2013.org/en/node/204; E. Bircham and J. Charlton (Eds), *Anti-Capitalism* (Э. Берчем и Дж. Чарлтон (ред.). *Антикапитализм*). Лондон: Bookmarks, 2001; C. Hines. *Localisation: Global Manifesto* (К. Хайнс «Глобальный манифест»). Лондон: без издателя, 2000. Об экологическом кризисе см: Lechner and Boli. *The Globalisation Reader* (Лечнер и Боли. Чтение о глобализации). С. 438–448; Manuel Castells. *The crisis of global capitalism: Towards a new economic culture?* (Мануэль Каstellс. Кризис глобального капитализма. На пути к новой экономической культуре?), в Craig Calhoun and Georgi Derluguian, *Business as Usual* (Крэг Калхун и Георгий Дерлугьян. Бизнес как обычно). С. 185–210.

⁴⁶⁹ Sklair L. *Second Thoughts on Capitalism and the State*. Newcastle: Scholars Press, 2022. P. 18. (Л. Склер. Вторые мысли о капитализме и государстве.) Ньюкасл: Scholars Press, 2022. С. 18.

⁴⁷⁰ Побродно см. в: Bircham, Charlton. *Anti-Capitalism*.

альную жизнь, социальные отношения, философию принятия решений и культуру»⁴⁷¹. Другими словами, они стремятся воплотить в жизнь элементы «желаемого будущего», которое в целом не может быть достигнуто. Эти движения выступают против иерархии и твердо следуют принципам коллективистской демократизации.

Рассела Брэнда⁴⁷² можно привести в качестве яркого примера популярно-го сторонника революционной антиглобализации. Он предлагает перейти от общества, основанного на конкуренции и доминировании, к обществу симбиоза и сотрудничества, перейти от жадности к альтуизму. После революции общество будет организовано на «принципах равенства, ненасилия и экологической ответственности»⁴⁷³. Главная цель — локализация производства продуктов питания и фермерства: «жизнь превыше прибыли». Основные требования движения против глобализации сводятся к призывам к самоуправлению, децентрализации власти, списанию несправедливых долгов и устранению «физических и психологических инструментов сильных мира сего»⁴⁷⁴. Важное место среди целей занимают «вопросы зеленой повестки».

Политические изменения через конкурентные выборы отвергаются. Альтернативная система не может быть достигнута через «бесплодную свалку жестикуляционной демократии» [парламентская демократия], которая является «пустым, заранее определенным ритуалом»⁴⁷⁵. Рассел Брэнд уверен, что революция возможна и может быть осуществлена мирными средствами. Используя аналогию с успешными кампаниями за равные права для гомосексуалистов, лесбиянок, бисексуалов и трансгендеров (LGBTQ+), он приходит к выводу, что если можно изменить гендерные отношения, то можно изменить и другие отношения. Движение «Захвати» — один из способов достижения этих идеалов.

ДВИЖЕНИЕ «ЗАХВАТИ»

Движение «Захвати» возникло в 2011 г. под лозунгом: «Мы — это 99%»⁴⁷⁶ — здесь отсылка к определению Джозефа Стиглица, который впервые определил 1% самых богатых, монополизировавший богатство и власть. В знак протеста группа недовольных людей «захватила» общественные здания: «Захвати Уолл-Стрит», «Захвати Биржу», «Захвати [Собор] Святого Павла». В рамках антикапиталистических и общественных движений «Захвати» встречаются люди, отчужденные от современной конкурентной капиталистической

⁴⁷¹ Monticelli. *Embodying alternatives to capitalism*. P. 509.

⁴⁷² Brand R. *Revolution*. London: Century, Random House, 2014. (Рассел Брэнд. Революция). Лондон: Century, Random House, 2014.

⁴⁷³ Ibid. P. 98.

⁴⁷⁴ Ibid. P. 89, 171.

⁴⁷⁵ Ibid. P. 77.

⁴⁷⁶ См.: Graeber D. *The Democracy Project*. New York: Spiegel and Grau, 2013. (Д. Грэбер. Проект «Демократия».) Нью-Йорк: Spiegel and Grau, 2013.

системы и не видящие в ней для себя будущего. Некоторые из них бездомные, без гроша в кармане и без будущего. Перефразируя Маркса, можно сказать, что они оказались в бессердечном мире. Другие — выходцы из хорошо образованных обеспеченных семей. Ноам Хомский считает это движение положительным и значимым, утверждая, что «Захвати — это первый крупный общественный ответ на тридцать лет классовой войны». Движение перешло от «оккупации палаточных лагерей к оккупации национального сознания». Движение поставило «вопросы неравенства повседневной жизни на национальную повестку дня»⁴⁷⁷. Прямые действия буквально тысяч людей стали выражением гнева против системы⁴⁷⁸ со стороны людей, которых она раздавила.

Хомский рассматривает движение как выражение недовольства людей, хотя оно и не имеет четкой политической программы. Как сказал один из участников протестной акции «Захвати»:

Мы до сих пор не знаем точно, каковы [наши] требования. Один из членов нашей группы, обсуждая критерии хорошего требования, отметил, что американцы любят «получать что-то» от политических действий. Отменить, ввести в действие, запретить. Мы хотим видимых, измеримых результатов. Но у нас нет ни Мубарака, ни Каддафи. Мы — страна, которая переизбрала Буша, которая взяла на поруки банки, которая зашла в тупик в Конгрессе из-за мизерного повышения налогов. Наша частичная безработица и отчужденная демократическая система могут быть вполне реальными, наши причины собраться вместе — конкретными, но до точных причин нашего бедственного положения еще далеко, а до конкретных решений — возможно, еще дальше⁴⁷⁹.

Рассел Брэнд вторит ему, размышляя о широко распространенном чувстве «неадекватности, изоляции и тревоги», которое он приписывает «согласованным усилиям» тех, кто имеет власть в обществе⁴⁸⁰. Эти эфемерные движения объединяют людей, перед которыми стоят совершенно разные задачи.

Отсутствует политическая повестка дня и конструктивные механизмы изменений. Они как грибы быстро растут, занимают заметное место, а затем исчезают. Где тактика более актуальна и практична, так это в странах, где крестьяне, не имеющие земли, успешно захватывают землю, чтобы работать на ней самим. Они оказывают положительное влияние на защиту, восстановление и создание новых пространств⁴⁸¹. Сапатистское движение в Мексике — пример такой формы антикапитализма⁴⁸². Однако в промышленно развитых

⁴⁷⁷ Chomsky N. *Occupy*. London: Penguin Books, 2012. P. 9. (Ноам Хомский. *Захвати*) Лондон: Penguin Books, 2012. С. 9.

⁴⁷⁸ *Ibid.* P. 10.

⁴⁷⁹ Taylor A., Gessen K. (Eds). *Occupy: Scenes from an Occupation*. London: Verso, 2011. P. 6. (Астра Тейлор и Кит Гессен (ред.). *Захвати: Сцены из оккупации*). Лондон: Verso, 2011. С. 6.

⁴⁸⁰ Brand. *Revolution*. P. 25.

⁴⁸¹ Monticelli. *Embodying alternatives to capitalism*. P. 510 (Монтичелли. *Воплощение альтернатив капитализму*). С. 510.

⁴⁸² Положительную оценку см. в: Rogers. *Capitalism and Its Alternatives*. P. 141–142.

странах подобные движения, примером которых являются захваты собственности в рамках движения «Захвати», быстро сошли на нет и были забыты. К 2014 г. исчезли прежние лагеря людей, часто насчитывающие более тысячи человек и располагавшиеся в 80 странах⁴⁸³. Значение этих народных восстаний рассматривалось многими социологами. В качестве основных причин рассматриваются изменения в классовой структуре (в частности, появление среднего класса «прекариата»), рост социальных сетей (влияние Twitter, Facebook и возможность мобилизации низов) и упадок эффективных парламентских типов политической борьбы⁴⁸⁴.

Некоторые комментаторы, однако, отмечают смещение политических акцентов в антиглобалистских движениях с внимания к формам идентичности и демократическому плюрализму (гендеру, этнической принадлежности, поколению, равенству взглядов) на проблемы, связанные с социальным классом, такие как доминирование финансовых интересов и отделение политического класса от демократической политики. По мнению Чомски, «движение «Захвати» воплощает видение демократии, которое в корне противоречит управлению обществом как пространством, контролируемым корпорациями, которые финансируют политическую систему для обслуживания богатых [и] игнорирования бедных»⁴⁸⁵. Кристиан Фукс идет еще дальше: «Важность движения "Захвати" в том, что оно показало актуальность проблем капитализма, эксплуатации и классов и поставило на повестку дня необходимость обслуживания общества, основанного на общинах, как альтернативы капитализму»⁴⁸⁶. Символический фокус заключается в том, чтобы «захватить» области финансовой и капиталистической власти — Уолл-стрит и фондовую биржу.

Движущей силой общественного движения является городской средний класс. По данным общего опроса Occupy Research General Survey⁴⁸⁷, 39% участников определяют себя как рабочий класс или низший средний класс; 29,3% — как средний класс; 10,9% — как высший средний или высший класс. В нем доминирует ядро людей среднего класса с университетским образованием. Образование — надежный проводник объективного социального класса: 70,9% имеют высшее образование, хотя только 31,6% имеют полную занятость. Эти результаты подтверждает Мануэль Кастельс, который подсчитал, что около

⁴⁸³ Обсуждение см.: Chou M. From crisis to crisis, crisis and the Occupy movement. *Political Studies Review*. 2015. 13:1. Pp. 46–58. (Марк Чоу. От кризиса к кризису, кризис и движение «Захвати»). *Political Studies Review*, 13:1 (2015). С. 46–58.

⁴⁸⁴ Дальнейшие интерпретации см.: Zizek S. *The Year of Dreaming Dangerously*. London: Verso, 2012; Chomsky. *Occupy*; Harvey D., *Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution*. London: Verso, 2012; Fuchs. *Digital Labour and Karl Marx*; Mason. *Why It's Kicking Off Everywhere*. (С. Жижек. Год опасных мечтаний). Лондон: Verso, 2012; Chomsky, Occupy; D. Harvey, *Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution* (Д. Харви. Мятежные города: От права на город к городской революции). Лондон: Verso, 2012; Fuchs, *Digital Labour and Karl Marx*; Mason, *Why It's Kicking Off Everywhere*.

⁴⁸⁵ Chomsky. *Occupy* Pp. 15–16.

⁴⁸⁶ Fuchs. *Digital Labour and Karl Marx*. P. 323.

⁴⁸⁷ См.: <http://occupyresearch.wikispaces.com>. Цитируется по: Fuchs. *Digital Labour and Karl Marx*. Pp. 319–320.

половины участников имели работу с полной занятостью. Из тех, кто работал, их доход был примерно равен среднему доходу американцев⁴⁸⁸. Кристиан Фукс указывает на значительное число участников, которых можно «назвать нестабильными и работниками-пролетариями сферы знаний»⁴⁸⁹. Хотя можно согласиться с мнением Фукса о том, что движение «Захвати» в большей степени связано с «классовыми структурами» и в меньшей — с индивидуальными свободами, вопрос о том, что движение «мотивировано социалистическими интересами», весьма сомнителен⁴⁹⁰. Деление населения на доминирующий 1% и остальные 99% («Мы — народ») само по себе не приведет к созданию последовательной политической оппозиции. 99% — это хороший клич, но социологически 99% политически разделены, они не видят мир в двоичных терминах, и большинство американцев, несомненно, относятся к партийной системе. Для многих американцев «остальные 1%» могли бы быть также демонстрантами, выступающими против Уолл-стрит.

Цели многих участников этих движений должны были быть достигнуты за счет возрождения американской демократии⁴⁹¹. Призыв демонстрантов на Манхэттене 17 сентября 2011 г. к президенту Обаме заключался в том, чтобы положить конец влиянию денег на избранных представителей. Лозунг гласил: «Демократия, а не корпоратократия»⁴⁹². Это не движение социализма против капитализма, это постулат демократии против господства корпораций. Среди участников было «значительное большинство избирателей демократической [партии], а также политически независимые люди»⁴⁹³. Важную роль в процессе мобилизации играет использование социальных сетей для организации демонстраций. Движение «Захвати Уолл-стрит» родилось в цифровом формате»⁴⁹⁴.

Пол Мейсон⁴⁹⁵ связывает эти народные протесты с событиями мирового масштаба. Рассматривая период 2009–2011 гг., он сравнивает всплеск уличных демонстраций в Европе (в частности, в Греции) и различных движениях «Захвати», на Ближнем Востоке и в США с революционным движением. По мнению Мейсона, революция, которую, как он считает, мы переживаем, была вызвана «близким крахом капитализма со свободным рынком в сочетании с подъемом технических инноваций, всплеском стремления к индивидуальной свободе и изменением в сознании людей того, что означает свобода». Вторя настроениям движения за автономию, он предполагает, что конкурентная демократическая политика стала «жестикюляционной», а нынешнее анти-

⁴⁸⁸ Цит. по: Castells M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge: Polity, 2012. Pp. 166–167. (Мануэль Кастельс. Сети возмущения и надежды: социальные движения в эпоху Интернета.) Кембридж: Polity, 2012. P. 166–167.

⁴⁸⁹ Castells. *Networks of Outrage and Hope*.

⁴⁹⁰ Fuchs. *Digital Labour and Karl Marx*. P. 320.

⁴⁹¹ Castells. *Networks of Outrage and Hope*. P. 161.

⁴⁹² *Ibid.* P. 160.

⁴⁹³ *Ibid.* P. 170.

⁴⁹⁴ *Ibid.* P. 171.

⁴⁹⁵ Mason. *Why It's Kicking Off Everywhere*.

капиталистическое движение — это «действие... символический контроль над территорией для создания островков утопии»⁴⁹⁶. В лучшем случае эти движения могут быть «префигуративными», означающими «потенциал эмансипации» — эту точку зрения разделяют такие исследователи, как Склер, Бранд и Монтчелли. Опасность заключается в том, что префигуративные движения не только создают островки, но и становятся ими, а их жители остаются изолированными от остального населения.

Координация экономики может быть достигнута с помощью рынков, иерархии (планирования), сетей, бартера или комбинации этих процессов. То, что группы «Захвати» разделяют со многими общественными движениями, — это вера в то, что неформальные сети ассоциированных производителей или потребителей — это путь вперед к более гуманному обществу и устойчивой экономике. Масштаб движений может быть микро-, локальным или общественным. Механизм их действий обеспечивается интерактивным, разнонаправленным общением в Интернете и беспроводными коммуникационными сетями⁴⁹⁷. Как это ни парадоксально, но антиглобализация стала возможной благодаря техническим средствам глобализации.

Различные движения стремятся «завоевать пространство внутри системы, а не заменить ее»⁴⁹⁸. Личная политика, отвоевывание символического пространства (Уолл-стрит, собор Святого Павла, площадь Тахрир) становятся формой освобождения, а не конституирования коллективной политики социалистических партий. Эмансипация возможна при осведомлении «инфокапитализмом» и связях через социальные сети⁴⁹⁹. Мейсон ищет «ростки» перемен внутри капитализма:

Сетевые движения служат свидетельством существования нового исторического субъекта. Это не просто рабочий класс в другом обличье; это сетевое человечество... Это сетевые индивиды, которые разбивали лагерь на городских площадях, блокировали места добычи нефти, исполняли панк-рок на крышах русских соборов, поднимали вызывающие банки пива перед лицом исламизма на траве парка Греси, выводили миллион человек на улицы Рио и Сан-Паулу, а теперь организуют массовые забастовки по всему южному Китаю⁵⁰⁰.

Сетевые люди — основа «твиттер-революций». Однако эти действия не имеют последовательной направленности, и следует скептически относиться к тому, приведут ли они к значительным политическим или экономическим изменениям. Несмотря на то, что движения объединяет некоторая форма мобилизации населения, они связаны с разными причинами и преследуют различные политические и социальные цели. Как утверждают Ник Срничек и Алекс Уильямс, их предложения — это «фетишизм локальных пространств,

⁴⁹⁶ Mason P. *Why It's Kicking Off Everywhere*. P. 3.

⁴⁹⁷ Castells M. *Networks of Outrage and Hope*. P. 220.

⁴⁹⁸ Mason P. *Why It's Kicking Off Everywhere*. P. 85. Курсив в оригинале.

⁴⁹⁹ *Ibid.* P. 211.

⁵⁰⁰ Mason P. *PostCapitalism*. P. 212.

немедленных действий, транснациональных жестов и партикуляризма»⁵⁰¹. Хотя их не следует отвергать как убедительные театральные уличные представления, они не представляют собой фундаментальной альтернативы глобализованному капитализму.

СЕТЕВОЕ ОБЩЕСТВО

«Сетевое общество», созданное благодаря контактам в сети, широко рассматривается как решающий инструмент альтернативных социальных движений. Мануэль Кастельс пишет: «Характеристики коммуникационных процессов между индивидами, участвующими в социальном движении, определяют организационные характеристики самого социального движения... Сетевые социальные движения цифровой эпохи представляют собой новый вид социального движения»⁵⁰². Мейсон и Кастельс подчеркивают мобилизующий эффект коммуникации через Интернет, который соединяет людей с идеями, и мобильные телефоны, которые могут координировать массовые протесты. Цифровые сети, безусловно, являются инструментами для мобилизации и организации, а каналы интернет-коммуникации становятся новым и важным явлением. Они позволяют массово распространять информацию для формирования альтернативной политики. Однако следует с осторожностью относиться к утверждению, что интернет сам по себе создает протесты; скорее, коммуникация позволяет людям откликаться на «призывы к действию». Движения «создаются не Интернетом, а антагонистическими экономическими, политическими и идеологическими структурами общества... он не имеет встроенных эффектов или детерминаций»⁵⁰³. Призывы к действию формулируются неформальным руководством социальных движений. Кристиан Фукс убедительно рассматривает как возможности, так и ограничения «твиттер-революций». Протесты создаются не в Интернете, а в социальных отношениях активистов, которые общаются друг с другом и связываются с другими»⁵⁰⁴. Таким образом, «твиттер-революции» зависят от идеологической критики, а также от лидерства, которое может вести в разных направлениях. Эти движения протеста могут привести как к реформам, так и к революции. Парадоксально, но они могут быть организованы как авторитарными движениями, стремящимися свергнуть демократические правительства, так и демократическими движениями, поддерживаемыми Западом, для замены «популистских» или антикапиталистических правительств (например, в Венесуэле). Феномен «цветных» революций является примером такого рода мобилизации в социальных сетях»⁵⁰⁵.

⁵⁰¹ Srnicek, Williams. *Inventing the Future*. P. 3.

⁵⁰² Castells. *Networks of Outrage and Hope*. P. 15.

⁵⁰³ Fuchs. *Digital Labour and Karl Marx*. P. 328.

⁵⁰⁴ *Ibid.* P. 341.

⁵⁰⁵ См. Lane D., White S. (Eds). *Rethinking the 'Coloured Revolutions'*. London and New York: Routledge, 2010; Д. Лэйн и С. Уайт (ред.). *Переосмысление «цветных революций»*. Лондон и Нью-Йорк: Routledge, 2010.

Антиглобалистские движения, однако, не представляют собой институциональную альтернативу современному капитализму, а некоторые из них вполне совместимы с различными формами капитализма. Составные части «антиглобалистских» движений стремятся изменить господство глобального капитализма, хотя целью обычно является глобализация, а не капитализм⁵⁰⁶. Целью реформ многих групп является восстановление суверенитета «народа», иногда на государственном уровне, но чаще на уровне местного сообщества. Считается, что глобализация ответственна за разрушение национально-государства, которое, как утверждается, делает избранные партии бессильными в своей собственной стране. Этот общий взгляд разделяет Всемирный социальный форум, который представляет собой объединение социальных сил, состоящее из «профсоюзов и НПО, движений и организаций, интеллектуалов и художников», стремящихся создать «великий альянс для создания нового общества... где человек и природа будут в центре нашей заботы»⁵⁰⁷. Борьба ведется «против гегемонии финансов, разрушения наших культур, монополизации знаний, средств массовой информации и коммуникации, экологической деградации и снижения качества жизни в результате деятельности транснациональных корпораций (ТНК) и антидемократической политики»⁵⁰⁸. Целью Всемирного социального форума является «достижение суверенитета народов и справедливого мира»⁵⁰⁹.

Альтерглобалисты вписываются в это пространство, они принимают интернационализм в форме «децентрализованной сетевой модели, основанной на деятельности коллективных и отдельных агентах, принимающих решения на основе консенсуса»⁵¹⁰. Акцент делается на возрождении народной формы демократии. По мнению Дж. К. Гибсона-Грэма, общество плюралистично и разнообразно и содержит множество видов сделок, форм труда и практик, которые обычно исключаются или сводятся к минимуму не только мейнстримной экономикой, но и историческим материализмом. Они утверждают, что не существует «единой капиталистической системы или пространства», а есть зоны или места «совместного обитания», в которых «процветает борьба между множеством экономических форм»⁵¹¹. Гибсон-Грэм обращает внимание на то, что даже при капиталистическом способе производства лишь немногим более 40% рабочего времени занято в товарном производстве, а не оплачиваемый труд в домашнем хозяйстве и общине имеет огромное значение⁵¹². Кроме того, к «нерыночным» операциям относятся государствен-

⁵⁰⁶ Обзор см.: Callinicos. An Anti-Capitalist Manifesto.

⁵⁰⁷ World Social Forum. Porto Alegre. Call for mobilisation. См.: Lechner, Boli. The Globalisation Reader. P. 435.

⁵⁰⁸ World Social Forum. Porto Alegre. Call for mobilisation. P. 435.

⁵⁰⁹ Ibid. P. 437.

⁵¹⁰ Maeckelbergh M. Will of the Many: How the Alterglobalisation Movement Is Changing the Face of Democracy. London: Pluto, 2009. P. 225. (М. Маекельберг. Воля многих: Как движение альтерглобализации меняет лицо демократии.) Лондон: Pluto, 2009. С. 225.

⁵¹¹ Gibson-Graham. The End of Capitalism. P. XXI.

⁵¹² Ibid. P. 68.

ные ассигнования и присвоение, труд заключенных, бартер и воровство. Гибсон-Грэм утверждает, что цель покончить с капитализмом должна включать в себя развитие некапиталистического сектора. «Экономика общины», в которой должны развиваться новые виды экономических субъектов: мелкоаппаратные, кооперативные, рассредоточенные, автономные, ориентированные на местный рынок, принадлежащие общине, руководимые и контролируемые, самодостаточные, взаимозависимые формы экономики — это «семена» для альтернативы капитализму. Альтернативой наемному труду являются самозанятость, биржа труда, бартер, государственное предпринимательство, некоммерческие организации, совместное питание, совместный уход за детьми и благотворительность. Их предложения иллюстрируются ссылками на многочисленные кооперативные ассоциации и корпорации. Например, «Мондрагон» — самоуправляемый партисипативный бизнес, в котором работает 81 тыс. человек (данные на 2019 г.), с финансовыми активами в 24 725 млрд евро в 2015 г.; в 2011 г. это была четвертая по величине промышленная и десятая по величине финансовая группа Испании⁵¹³.

Хотя эти предложения представляют собой альтернативу, они остаются разработками на периферии капиталистической системы, островками кооперативного самоуправления и саморазвития в глобальном море. Как отмечает Лесли Склер, Мондрагонское предприятие ближе к «заботливому капитализму, возможно, даже заботливой капиталистической глобализации... [чем] к образцу революционной социалистической глобализации»⁵¹⁴. Они являются частью той политики, которую Ник Срничек и Алекс Уильямс считают политикой, отдающей предпочтение местным жителям, благоприятствует небольшому сообществу, отвергает гегемонию⁵¹⁵.

Хотя эти движения показывают, что альтернативные кооперативные неденежные формы экономики вполне жизнеспособны на местном уровне, они не бросили существенного вызова глобализованному капитализму и, скорее всего, останутся параллельным сценарием периферийного развития. Локализированные альтернативы были частью капитализма в течение долгого времени и включают в себя начинания XIX в., такие как инициативы Роберта Оуэна, самодостаточные общества, такие как община амишей в Пенсильвании, и усилия профсоюзов по обеспечению благосостояния. С экономической точки зрения, они игнорируют рост производительности, который был отличительной чертой капитализма и который стал основой освобождения от бедности и обещания экономики изобилия. «Автономные» объединения зависят от национальной экономики в плане обеспечения культурными и медицинскими услугами, а также материальными товарами, такими как крупные промышленные товары (например, поезда и удобрения). Без поставок современной экономики они зачахнут и, возможно, исчезнут совсем.

⁵¹³ Данные взяты из Википедии: https://en.wikipedia.org/wiki/Mondragon_Corporation. Другие примеры приводятся из: Gibson-Graham. *The End of Capitalism*. P. 187.

⁵¹⁴ Sklair. *Second Thoughts*. P. 162.

⁵¹⁵ Srnicek, Williams. *Inventing the Future*. P. 11.

Примечательно, что антикапиталистические и антиглобалистские уличные протесты были организованы вне основных политических движений и партий, т.е. без их поддержки. Хотя левые политические лидеры политических партий (Джереми Корбин, лидер Лейбористской партии Великобритании) выступили в защиту демонстрантов, ни одна крупная политическая партия не имела значительного присутствия.

Мировоззрение таких движений весьма неоднородно, хотя есть и общие теоретические и политические ориентиры, о которых говорилось выше. Они одновременно призывают к созданию автономных производственных и распределительных единиц, а также к реформированию или роспуску глобальных институтов. Некоторые из этих взглядов отражают разочарование не только в капитализме, но и в индустриализме в целом, в неустанном экономическом росте и вытекающей из него культуре потребления. Стремление к автономии и самодостаточности перерастает в призывы вернуться к более простой экономике, основанной на сельском хозяйстве. Опора делается на сети и институт народной демократии, а не на рынки и иерархии. Другие, напротив, подчеркивают капиталистическую природу глобализации и выступают против нее.

РЕФОРМИСТСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Большинство этих контрдвижений затрагивают отдельные вопросы. Движения «Захвати Уолл-Стрит» и «Захвати Биржу» осуждают финансовую систему, демонстрируя свое неодобрение. Но они не предлагают, какая альтернативная финансовая система или форма собственности должна прийти им на смену. Кастельс отмечает, что движение «Захвати Уолл-Стрит» не является антикапиталистическим, но может привести к реформе капитализма⁵¹⁶. Исследование, проведенное Pew Research Center, показало, что среди тех, кто поддержал движение «Захвати Уолл-Стрит», 45% «положительно» относятся к капиталистической системе и 39% — к социализму⁵¹⁷. Пол Мейсон предлагает не «преодолевать капитализм», а «спасти глобализацию, отказавшись от неолиберализма»⁵¹⁸. Он видит «посткапитализм» — реформированный тип капитализма, сочетающий рынок с сетевым обществом. Он выражает опасения, что глобализация может «развалиться» и привести к конфликтам между государствами. В противном случае глобализация будет частично спасена ценой больших затрат в рамках программ жесткой экономии⁵¹⁹. Демонтаж неолиберализма, утверждает он, позволит обществу вытеснить

⁵¹⁶ Castells. *Networks of Outrage and Hope*. P. 197.

⁵¹⁷ Pew Research Center, *Little Change in Public's Response to 'Capitalism', 'Socialism'*. (Исследовательский центр Pew Research Center. Незначительные изменения в реакции населения на «капитализм» и «социализм».) Доступно по ссылке: www.people-press.org/2011/12/28/little-change-in-public-response-to-capitalism

⁵¹⁸ Mason P. *PostCapitalism*. P. XI.

⁵¹⁹ *Ibid.* P. X.

капитализм и перейти к посткапитализму⁵²⁰ — не к социализму. Такие авторы, как Дэвид Харви⁵²¹, определяют функцию захвата гражданского пространства. Но что делают оккупанты во время (и после) захвата, не определено.

Оппозиционные общественные движения полезны тем, что позволяют привлечь внимание общественности к определенным проблемам — таким, как влияние финансиализации, мошеннические действия банков, установление связи между такими явлениями, как глобализация и неравенство, гендер и неравенство, финансовый кризис и жесткая экономия, а также «экологические» проблемы и энергодобывающие компании. Критически настроенные авторы подчеркивают несправедливость и недобросовестность и призывают к реформам и даже революции. Но предлагаемые «альтернативы» касаются ограниченного числа аспектов капитализма и не касаются теории общества. Эти точки зрения имеют положительные черты, критикуя некоторые недостатки нелиберальной капиталистической глобализации, но вряд ли окажут более широкое системное воздействие в условиях современной политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все эти критические подходы к глобальному капитализму предлагают стратегии ухода от нынешних нелиберальных капиталистических способов ведения дел и указывают на эволюцию коллективистских образований, производящих товары и услуги для использования, а не для рыночного обмена. Эти взгляды объединяет призыв к действиям, выходящим за рамки традиционной избирательной политики. Они разделяют приверженность демократии и справедливости, основанной на широком участии, и противостояние власти и иерархии. Они продвигают цели, способствующие созданию мировой системы, основанной на справедливости, демократии, равенстве, экологической устойчивости и мире.

Большинство предложений по институциональной реформе призывают к созданию локальных автономных ассоциаций, сосуществующих с глобальными организациями. Другие требуют установить новый социальный порядок, способствующий экологической устойчивости и отказу от роста, что мы рассмотрим в следующей главе. Такие критики с оптимизмом смотрят на экономическую культуру без потребления. Этот переход к самоподдерживающемуся натуральному хозяйству может привести к бартерной форме экономической координации, сосуществующей с глобальным капитализмом.

Отражая эти разнообразные политические цели, средства их достижения варьируются от прямых действий до демонстраций, призывающих к изменению международной системы. Сети и партисипативная демократия, а не иерархия или рынок, являются предпочтительными организационными альтернативами. В качестве поведенческих ориентиров выступают микро-, а не ма-

⁵²⁰ Mason P. PostCapitalism. P. XI.

⁵²¹ Harvey. Rebel Cities.

кроизменения, предполагающие индивидуальную и групповую автономию. Теоретики посткапитализма, рассматриваемые в этой главе, рассчитывают на требования, идущие снизу, от ассоциаций гражданского общества. Однако стратегия использования гражданских прав (как предлагает Рассел Брэнд на примере LGBTQ+, или сексуального раскрепощения) представляется неправдоподобной стратегией изменения глобального капитализма. Гражданские права могут быть достигнуты в рамках плюралистической политической системы, но преобразование глобального капитализма требует серьезных изменений в экономических и политических институциональных структурах, а также в процессах современной глобальной экономики. Ограничение юридических прав на корпоративную собственность, на которой основаны классовые отношения, — это высокий порядок политических и экономических преобразований. Социальным движениям «Захвати Уолл-стрит», «Жизни черных имеют значение», «Восстание против вымирания» не хватает социологически обоснованного видения, сравнимого с историческим материализмом. Это лодки с очень большими риторическими парусами и легким теоретическим балластом. Они выявляют несправедливость и неравенство, но не имеют видения того, как перейти к новому посткапиталистическому образу жизни. Демонстрации, прошедшие в таких городах, как Сиэтл и у Собора святого Павла в Лондоне, не привели к каким-либо значительным структурным изменениям, хотя и имели некоторый краткосрочный эффект. Движение «Захвати», не имея иерархической организации и последовательной идеологии, растаяло. Аналогичная судьба, как я полагаю, постигнет и движение «Восстание против вымирания». Первоначальная идея «создания сейчас» такого общества, которое предназначено для идеализированного будущего, потерпит крах без изменений в мировой экономике.

Антиглобалистские движения — это выражение недовольства, которое выросло в результате изменения профессиональной структуры, сформированной неолиберальной глобализацией. Международное разделение труда привело к появлению капиталистического класса, многочисленного среднего класса и креатариата в странах ядра; промышленный рабочий класс и сельскохозяйственный прекариат выросли в растущих странах полуядра. Социальная нестабильность была спровоцирована неполной занятостью и безработицей в развитых странах. Многие из авторов, цитируемых в этой главе, признают, что для свержения доминирующих глобализованных политических и экономических классов и установления новой системы необходимы какие-то международные действия, но при этом они отступают или даже попадают в «трещины» стены капитализма. У таких критиков есть конструктивное видение непотребительской экономической культуры, основанной на производстве потребительных ценностей. Они начинают заполнять «пространства между капитализмом и социализмом»⁵²². Но их акцент на микро- и локальных уровнях не позволяет связать их с силами корпоративной и государственной власти, определяющими политическую экономию неолиберализма. «Образование

⁵²² Sklair. *Second Thoughts*. P. 161.

ванные и связанные между собой люди» и «сетевое человечество»⁵²³ не делают политическое движение ни в коей мере сопоставимым с социально-экономическими силами, которые двигали движение от феодализма к капитализму или, совсем недавно, переход от государственного социализма к капитализму. Более того, такие экономические сообщества не способны заменить нынешнее массовое производство национальных и глобальных корпораций. Они остаются небольшими сообществами взаимного производства в глобализованной капиталистической экономике. Они представляют собой островки несогласия, отрезанные от мира, населенного широкими слоями населения.

Альтернативный подход заключается в рассмотрении политики, способствующей экономическому и политическому прогрессу и изменяющей или преодолевающей нелиберальные капиталистические институты. Необходимо обратить внимание на макрособытия: финансиализацию, многонациональные корпорации, дестабилизацию и детерриториализацию национального государства, которые (за исключением некоторых крупных держав с сильной самоподдерживающейся экономикой, таких как Китай и США) ослабили политический контроль над национальными экономикими. Новейшая история показывает, что государства и международные агентства остаются главным агентом, с помощью которого коллективы могут менять формы собственности и влиять на политику в региональном и международном масштабе. Масштабная трансформация европейских государственных социалистических обществ была осуществлена за десять лет государствами и международными организациями, хотя и со значительными социальными издержками. Движущими силами трансформации являются человеческая активность и активное политическое вмешательство. Обеспечение власти государства с помощью электоральных или иных средств остается наиболее реалистичным методом достижения любых значительных политических и экономических преобразований.

Вместо того чтобы стремиться к долгосрочному «эмансипационному потенциалу», следует рассматривать политику, которая может быть реализована в реальные сроки. Государство или спонсируемые государством институты являются основными формами организации, способными противостоять власти современных глобальных экономических корпораций. Некоторые посткапиталистические авторы указывают на развитие государства, которое не только подрывает капитализм, но и представляет собой восходящие силы. Пол Мейсон, например, отрицая важную координирующую роль государства (как при централизованном планировании), признает, что национальные правительства и многосторонние соглашения необходимы⁵²⁴ для продвижения преобразований. Он заключает, что: «Какие бы действия на микроуровне мы ни предпринимали для снижения этих рисков, только национальные правительства и многосторонние соглашения могут реально их решить»⁵²⁵.

⁵²³ Mason. PostCapitalism. P. 212.

⁵²⁴ Ibid. P. 274.

⁵²⁵ Ibid.

Это обращение к государственному вмешательству сосуществует с автономным спонтанным развитием. Как представляется, следует принять ряд политических стратегий, использующих рынок, государственную иерархию и планирование. В этом сценарии государство введет некоторую форму предварительного планирования, а не реагирования по факту. Политика будет строиться таким образом, чтобы удовлетворять человеческие потребности и одновременно решать вопрос устойчивого экономического развития.

Альтернативная политика, призывающая бросить вызов глобальному капитализму на региональной или транснациональной основе, требует движений континентального или международного масштаба. Как ни странно, Маргарет Тэтчер признавала необходимость глобального решения глобальных проблем. В своих мемуарах она отмечает, что, «очевидно, что ни один план по изменению климата не может рассматриваться иначе, как в глобальном масштабе, и это дает прекрасное оправдание для становления всемирного, наднационального социализма»⁵²⁶. Действительно, экологическая неустойчивость — одна из главных проблем антикапиталистического и антиглобалистского движений. Более того, экологическое движение ставит более широкий вопрос об экологической катастрофе и альтернативной экологической цивилизации, и к этому вопросу мы обратимся в следующей главе.

⁵²⁶ Цитируется в журнале *Ecologist*. 17 октября 2018 г. Доступно по ссылке: <https://theecologist.org/2018/oct/17/who-drove-thatchers-climate-change-u-turn>

13 ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ «КАТАСТРОФА»

Экологическая неустойчивость⁵²⁷ и экологическая «катастрофа»⁵²⁸ — современные дилеммы, приводящие к поляризации политических позиций. Карл Полаanyi⁵²⁹ был одним из первых, кто признал, что, если не принять меры, «передача судьбы земли и людей в руки рынка будет равносильна их уничтожению». Если политические движения могут быть организованы для противостояния действиям рынка труда, то не существует аналогичного движения, которое могло бы противостоять эксплуатации природы. Превосходство человека, обеспечиваемое капиталистическим спо-

⁵²⁷ Обзор см. в: Mann M. *The Sources of Social Power*. Vol. 4. *Globalization* — 2011. Cambridge: Cambridge University Press, 2013, Chapter 12; Sklair. *Globalization: Capitalism and its Alternatives*. Pp. 53–57; Foster J.B. *The Return of Nature: Socialism and Ecology*. New York: Monthly Review Press, 2020; Foster J.B. *Materialism and Nature*. New York: Monthly Review Press, 2000; Malm A. *Fossil Capital: The Rise of Steam Power and the Roots of Global Warming*. London: Verso; Bookchin M. *The Ecology of Freedom*. Palo Alto: Cheshire Books, 1982. (Майкл Манн. Источники социальной власти.) Том 4. Глобализация — 2011, Кембридж: Cambridge University Press, 2013. Глава 12; Sklair. *Globalization: Капитализм и его альтернативы*. С. 53–57; John Bellamy Foster, *The Return of Nature: Socialism and Ecology* (Джон Беллами Фостер. Возвращение природы: Социализм и экология). Нью-Йорк: Monthly Review Press, 2020; John Bellamy Foster, *Materialism and Nature* (Джон Беллами Фостер. Материализм и природа.) Нью-Йорк: Monthly Review Press, 2000; Andreas Malm, *Fossil Capital: The Rise of Steam Power and the Roots of Global Warming* (Andreas Malm, *Fossil Capital*. Возвышение паровой энергетики и корни глобального потепления.) Лондон: Verso, 2016; M. Bookchin. *The Ecology of Freedom*. (М. Букчин. Экология свободы.) Пало Альто: Cheshire Books, 1982.

⁵²⁸ Held et al. *Global Transformation: Politics, Economics and Culture*. Chapter 8.

⁵²⁹ Polanyi. *The Great Transformation*.

собом производства, привело к господству человека над природой⁵³⁰. Различные экологические группы, выступающие как бы от имени природы, стремятся восстановить баланс между человеком и природой. Их цели различны: одни выступают против предположения о позитивности экономического развития и ставят вопрос о том, способствует ли экономический рост благосостоянию человека; другие стремятся ограничить вредные последствия индустриализма в процессе эксплуатации природы. Марксистская позиция заключается в анализе недостатков капиталистической формы индустриализации. Экологи рассматривают вопрос о том, как глобальный капитализм может решить эту проблему или должен ли он быть заменен какой-то другой формой производства, которая воссоздаст гармоничный баланс между человеком и природой.

Политическая проблема заключается в том, что экономическая и коммерческая деятельность в одной стране имеет непреднамеренные, неконтролируемые и пагубные последствия в глобальном масштабе. Одни уверены, что изменения в рамках существующей экономической системы могут снизить выбросы углерода и тем самым значительно уменьшить угрозу; другие стремятся к более фундаментальным изменениям в основе промышленной глобализации. Пути решения экологической угрозы зависят от того, что активисты и политики считают причиной такой угрозы. Экологи стремятся обуздать последствия промышленной революции, которые привели к использованию ресурсов Земли и злоупотреблению ими; другие связывают неустойчивость не с процессом индустриализации, а с хищнической природой капиталистической формы производства.

Термин «антропоцен»⁵³¹ был введен для описания процессов, ведущих к разрушению экологической системы. Он относится к воздействию человеческой деятельности на планету и включает в себя все взаимодействующие «физические, химические, биологические и человеческие процессы, которые влияют на окружающую среду»⁵³². Последствия этого разлома в системе Зем-

⁵³⁰ См.: Bookchin M. *The Murray Bookchin Reader*; Biehl J. (Ed) Montreal and London: Black Rose Books, 1999. P. 9. Available online at: <https://theanarchistlibrary.org/libr ary/ mur ray-bookchin-janet-biehl-the-murray-bookchin-reader>; Bookchin M. *Towards an Ecological Society*. Mantred-Buffalo: Black Rose, 1986. Murray Bookchin. *The Murray Bookchin Reader*. J. Biehl (Ed) (Мюррей Букчин. Читатель Мюррея Букчина. Дж. Биль (ред.)), Montreal and London: Black Rose Books, 1999; см.: введение с. 9. Доступно онлайн: <https://theanarchistlibrary.org/library/murray-bookchin-janet-biehl-the-murray-bookchin-reader>. См. также: Murray Bookchin. *Towards an Ecological Society*. (Мюррей Букчин. На пути к экологическому обществу) Мантрэд-Буффало: Black Rose, 1986.

⁵³¹ Angus I. *Facing the Anthropocene: Fossil Capitalism and the Crises of the Earth System*. New York: Monthly Review Press, 2016. (Иэн Ангус. Столкновение с антропоценом: Ископаемый капитализм и кризисы системы Земли.) Нью-Йорк: Monthly Review Press, 2016.

⁵³² Thomas Ju.A. *Why the Anthropocene is not 'climate change'*. *Climate and Capitalism* (31 January 2019). Available at: <https://climateandcapitalism.com/2019/01/31/why-the-anthro-opoc-ene-is-not-climate-change-and-why-that-matters/> (Джулия А. Томас. Почему антропоцен — это не «изменение климата». Климат и капитализм (31 января 2019 г.)). Доступно по ссылке: <https://climateandcapitalism.com/2019/01/31/why-the-anthropocene-is-not-climate-change-and-why-that-matters/>

ли угрожают «всей сфере человеческой цивилизации, в смысле развитого, упорядоченного общества, потенциально могут подорвать условия жизни самого человека, а также бесчисленного множества других видов живых существ»⁵³³. Многие используют этот термин в апокалиптическом ключе, чтобы описать последствия человеческой деятельности, которая не только угрожает планете, но и, если ее не контролировать, уничтожит ее. Экономический рост и развитие, согласно этой школе мысли, должны быть ограничены, чтобы с помощью политики экологической устойчивости сохранить природу. Некоторые идут еще дальше и призывают к совершенно иным отношениям между людьми и природой, что позволит отказаться от благ цивилизации, основанных на индустриализме, и покончить с капитализмом. Этот подход призывает к «деградации» — обращению вспять промышленной деятельности. На смену глобальному капитализму придет анархическая, децентрализованная, мутуалистическая, неиерархическая цивилизация⁵³⁴ — только такое общество способно решить экологические проблемы в приоритетном порядке. Другие признают достижения, которые индустриальная цивилизация привносит в человеческую цивилизацию: средства защиты можно найти либо в сдерживании эксцессов глобального капитализма — с помощью рыночных механизмов или государственного регулирования, либо в замене глобального капитализма системой социалистического планирования. Прежде чем перейти к изложению этих различных предложений, рассмотрим факты: в чем заключается угроза?

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА

Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) в своем докладе от октября 2018 г. предсказала, что без существенного сокращения выбросов углекислого газа к 2030 г. глобальное потепление приведет к глобальной катастрофе. Изменение температуры моря, ведущее к повышению уровня моря, таяние ледяных шапок, климатические явления, истощение почв и другие угрозы для экосистемы планеты объясняются глобальным потеплением, которое, в свою очередь, вызвано увеличением выбросов газов. У изменения климата много причин — как естественных, так и антропогенных. К последним относятся последствия индустриализации, а именно эксплуатация природных ресурсов и трансконтинентальные перевозки. Даже критики современной экополитики, такие как Стивен Кунин, согласны с тем, что «человек влияет на климат»⁵³⁵. Вопрос заключается в от-

⁵³³ Foster J.B. The Earth-system crisis and ecological civilization: A Marxian view. *International Critical Thought*. Vol. 7 (4). Pp. 439–458. (Дж. Б. Фостер. Кризис системы Земля и экологическая цивилизация: Марксистский взгляд.) *International Critical Thought*, 7:4. С. 439–458.

⁵³⁴ Bookchin. *The Murray Bookchin Reader*. P. 14.

⁵³⁵ Koonin S.E. *Unsettled: What Climate Science Tells Us, What It Doesn't, and Why It Matters*. Dallas: BenBella Books, 2021. Другой критический подход см.: Lomborg B. *False Alarm: How Climate Change Panic Costs Us Trillions*. New York: Basic Books, 2020. (С.Е. Кунин.

носителем участия человека в экологических проблемах (по сравнению с природными изменениями). Кунин утверждает, что влияние человека физически незначительно по отношению к климатической системе в целом. Он отмечает, что «ожидается, что антропогенное увеличение содержания углекислого газа в атмосфере к середине XXI в. приведет к прямому изменению естественного парникового эффекта атмосферы всего на 1–2%»⁵³⁶. Обоснованность этих аргументов выходит за рамки данной книги, однако к мнению Кунина следует отнестись серьезно⁵³⁷. Учитывая, что проблема существует, нас интересует, какие политические и экономические механизмы могут контролировать использование энергии. Глобализованный капитализм широко признается экологами как причина загрязнения окружающей среды, но это не единственная причина.

Проблема, которую необходимо решить, заключается в том, может ли глобальный капитализм решить проблемы с помощью рыночных механизмов (ответ либеральных экономистов) или же система требует фундаментальной трансформации. Значение понятия «устойчивое развитие» заключается в том, что экономический прогресс должен учитывать диспропорции между богатыми и бедными районами, а также потребности будущих поколений⁵³⁸.

РЫНОЧНОЕ РЕШЕНИЕ

«Рыночное решение» утверждает, что политики могут решить проблему в рамках параметров глобального капитализма. Проблемы, создаваемые опустошением окружающей среды, признаются доминирующей политической и экономической элитой, которая предлагает рыночные механизмы для ограничения пагубных последствий. Предполагается, что рынок с помощью финансовых стимулов найдет решение. Экономисты, такие как Джеффри Сакс, считают, что при наличии достаточного спроса новые технологии (например, энергия ветра или преобразование солнечного света) могут заменить ископаемое топливо. Рынок может быть использован для установ-

Непокоренные: Что говорит нам наука о климате, чего она не говорит и почему это важно.) Даллас: BenBella Books, 2021. Bjorn Lomborg, False Alarm: How Climate Change Panic Costs Us Trillions. (Бьорн Ломборг. Ложная тревога: как паника в связи с изменением климата обходится нам в триллионы.) Нью-Йорк: Basic Books, 2020.

⁵³⁶ Расчеты отражены в: Koonin S.E. Climate science is not settled. Climate science is not settled. Wall St Journal. 19 September 2014. P. 2.

⁵³⁷ Он физик, работал в компании ВСТР в качестве главного научного сотрудника, был директором Центра городской науки и прогресса при Нью-Йоркском университете, а с 2009 по 2011 г. занимал должность заместителя секретаря по науке Министерства энергетики в администрации Обамы.

⁵³⁸ World Commission on Environment and Development, Our Common Future, 1987. Available at: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию, Our Common Future (Наше общее будущее), 1987. Доступно по ссылке: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf>

ления цен на загрязнение, а рынок будет стимулировать инновации и изобретения. Предлагается политика «обеспечения экологичности экономики». Например, в 2007 г. встреча бизнес-форума в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата (в ней приняли участие 450 компаний из 65 стран) была созвана для того, чтобы «продвинуть силу устойчивого бизнеса». На сайте С4С заявлено: «Лидеры бизнеса во всем мире осознают, что изменение климата и деградация окружающей среды создают новые риски и возможности для конкурентоспособности, роста и развития их компаний. Благодаря инновациям и долгосрочным инвестициям в энергоэффективность и низкоуглеродные технологии у бизнеса есть решения, позволяющие превратить климатический вызов в рыночные возможности»⁵³⁹. Здесь мы наблюдаем неолиберальный политический ответ на экологические проблемы.

Основным механизмом обеспечения экологической политики являются международные соглашения, заключаемые на конференциях ООН по изменению климата (СОР) (сформулированные как Киотский протокол и Копенгагенское соглашение), направленные на ограничение опустошения окружающей среды и управление рисками. На СОР26 в Глазго (ноябрь 2021 г.) главы государств договорились о сокращении глобальных выбросов к определенным срокам. Такие предложения требуют государственного регулирования выбросов газа. Работая в рамках существующей системы глобализации, другие меры включают: сокращение выбросов углекислого газа, отказ от производства мяса, продвижение «зеленой» политики («зеленый камуфляж») и «устойчивое инвестирование». Помимо сокращения выбросов, заседания КОР способствуют передаче финансовых средств из богатых стран в более бедные для борьбы с последствиями изменения климата. Они также спонсируют инвестиции и займы частного сектора в «зеленые» технологии.

Многие предложения «зеленых», если они будут реализованы, изменят нашу нынешнюю жизнь: количество автомобильного и воздушного транспорта резко сократится, чтобы сжигать меньше топлива; электростанции, сжигающие ископаемые, будут закрыты; дома будут перепланированы, чтобы уменьшить потери тепла и использовать неуглеродные формы отопления; производство будет сокращено, а местное производство (особенно продуктов питания и предметов потребления) заменит транспортируемые товары. Некоторые критики предлагают превратить городскую индустриальную цивилизацию в экологическую — экономика, основанная на рыночных потребностях, будет заменена экономикой, основанной на поддержании природы для удовлетворения человеческих нужд. Одной из проблем здесь является дисбаланс мирового производства: индустриальные страны, такие как Китай и Индия, зависят от дешевых источников энергии, в то время как богатые постиндустриальные страны могут полагаться на импорт промышленных товаров и способны финансировать сокращение выбросов.

⁵³⁹ Цитируется по: Chiro G. Di. Care not growth: Imagining a subsistence economy for all. *British Journal of Politics and International Relations*. 2019. Vol. 21 (2). Pp. 303–311, цитату см.: Р. 305. (Г. Ди Чиро. Забота, а не рост: Воображаем натуральное хозяйство для всех.) *British Journal of Politics and International Relations*, 21:2 (2019). С. 303–311, цитату см.: С. 305.

«СПАСЕНИЕ ПЛАНЕТЫ»

К 2020 г. движение в защиту окружающей среды переместилось в центр внеполитической оппозиции. «Спасение планеты» стало главным вопросом для сторонников движения «Восстание против вымирания», которое в 2019 г. организовало протесты около 1,5 млн студентов, привлекая внимание к опасности изменения климата. По мнению сторонников движения «Восстание против вымирания», мир стоит перед вероятностью уничтожения человека как вида; экономика должна отказаться от экономического роста. Альтернативой является конец человеческой цивилизации⁵⁴⁰.

Эти народные движения не бросают вызов капитализму как таковому, но предлагают индустриализацию без углеродного следа. Устойчивое развитие, по их мнению, должно быть в центре политики. Их деятельность направлена на то, чтобы заставить правительства «делать больше» для сокращения выбросов углекислого газа. Движение «Восстание против вымирания» не основывается на какой-либо теории капитализма или индустриального общества для достижения устойчивого развития. Предложения сводятся к полному сокращению выбросов углекислого газа, что приведет к резкому сокращению промышленного производства, включая использование в сельском хозяйстве машин и химикатов. Такое развитие событий серьезно повлияет на современный образ жизни, и это будет иметь некоторые пагубные последствия: например, объемы производства продуктов питания снизятся из-за сокращения использования удобрений. Моральная дилемма заключается в том, что люди в бедных странах зависят от ископаемого топлива (необходимого для отопления, энергоснабжения и производства продуктов питания), которое производит парниковые выбросы.

Осложняет политические вопросы то, что распределение загрязнений — это глобальная проблема. Согласно расчетам, проведенным проектом «Глобальный углеродный бюджет»⁵⁴¹, основные загрязнители находятся в неиндустриальных странах, на которые в 2017 г. пришлось 6 027 млн тонн углерода в год; на страны ОЭСР — 3 455 (на страны ЕС — 967, Африки — 363, Азии — 4 617, Северной Америки — 1 729) из 9 867 млн тонн в мире в целом. Основной объем загрязнения приходится на Азию, который превышает аналогичный показатель ЕС и Северной Америки вместе взятых. Сокращение выбросов углерода, связанное с серьезными изменениями в формах производства и образе жизни в таких странах, как Великобритания, окажет очень незначительное влияние на глобальное потепление. В 2017 г. общий объем выбросов Великобритании составил 105 млн тонн углерода в год, Германии — 218, Японии — 329, России — 462, Индии — 673, а крупнейшими загрязнителями стали США — 1 438 и Китай — 2 685 млн тонн (уровень Китая почти в 3 раза выше, чем у ЕС). Здесь можно отметить, что более высокие эко-

⁵⁴⁰ Alexander S. This Civilisation is Finished. London: Simplicity Books, 2019. (Александр С. Эта цивилизация закончена.) Лондон: Simplicity Books, 2019.

⁵⁴¹ Available at: <http://www.globalcarbonproject.org/carbonbudget>

логические требования, предъявляемые к Индии и Китаю по мере того, как они догоняют промышленно развитый Запад, будут означать несправедливую дискриминацию, поскольку эти страны стремятся повысить уровень благосостояния. В Индии и Китае проживает большое количество населения при относительно низком уровне выбросов на душу населения. В 2015 г. выбросы углерода на душу населения (в метрических тоннах) в США составили 17,5 метрических тонн, в Китае — 6,18, а в Индии — всего 1,64; показатели европейских стран (Великобритании — 7,96 и Германии — 9,06) в расчете на душу населения превышали показатели Китая⁵⁴². В рейтинге стран по уровню выбросов углекислого газа на душу населения Китай в 2017 г. занял 47-е место, а США — 11-е⁵⁴³. Однако азиатские страны быстро индустриализируются, и можно ожидать, что их углеродный след будет увеличиваться.

Поэтому всеобъемлющие ограничения на использование ископаемого топлива серьезно ударят по бедным слоям населения Индии и Китая. Чтобы учесть эти проблемы, политика изменилась в сторону ограничения выбросов «роскоши», которые не угрожают жизни человека, и разрешения выбросов «выживания»⁵⁴⁴. Одно из предложений — перейти к системе «климатической справедливости», в которой удовлетворяются человеческие потребности (в жилье, пище, медицине, образовании), а выбросы, созданные для удовлетворения «ненужных» рыночных желаний (роскоши), сокращаются. Это различие выразил Генри Шу: «Главная мысль о справедливости заключается в том, что несправедливо просить одних людей отказаться от предметов первой необходимости, чтобы другие могли сохранить предметы роскоши»⁵⁴⁵. Хотя различие между потребностями и желаниями социально обусловлено, оно обеспечивает основу, на которой политика может проводить дискриминацию между различными видами конечного использования, и позволяет избежать наказания населения поздно развивающихся стран. Применяя это различие, можно отдать предпочтение выбросам метана, позволяющим бедным людям питаться полезной для жизни пищей («выбросы для пропитания»), и в то же время отказать другим людям в праве на ужин со стейком («выбросы для роскоши»). При рассмотрении мер по борьбе с изменением климата и устранению загрязнения нельзя игнорировать вопросы сокращения бедности и благосостояния человека. Некоторое загрязнение неизбежно, но его можно сократить. Проблема в том, как проводить такую политику — как контролировать или заменить глобальный капитализм.

⁵⁴² Сайт ООН. Показатели Целей развития тысячелетия. Доступно по ссылке: <http://mdgs.un.org/unsd/mdg/SeriesDetail.aspx?srid=751.Datafor2015>.

⁵⁴³ Cotap.org. На основе статистики ООН. Available at: https://cotap.org/per-capita-carbon-co2-emissions-by-country/?gclid=CjwKCAjwT07qBRBQEiwA15WC29zRUZeC-IAi4Tx4E1gT0SM31do_Uoq_OquTjqN2xfvUbQ6tsGg1bhoCEu4QAvD_BwE.

⁵⁴⁴ Shue H. Climate Justice: Vulnerability and Protection. Oxford: Oxford University Press, 2014. (Шу Х. Климатическая справедливость: Уязвимость и защита.) Оксфорд: Oxford University Press, 2014.

⁵⁴⁵ Shue H. Subsistence emissions and luxury emissions. Law and Policy. 1993. Vol. 15 (1). P. 56.

Политическое обеспечение выполнения соглашений затруднено из-за неравномерного распределения богатства и власти между странами и внутри них. Относительно обеспеченные люди в богатых странах не будут голосовать за политику жесткой экономии, которую подразумевает экономика, не способствующая росту. Понятие «пропитание» также определяется обществом и в развитых странах включает в себя гораздо больше, чем минимальный набор физических «потребностей». Цивилизации меняются и создают различные наборы «желаний» и «потребностей»; в настоящее время в современных обществах у людей есть «потребность» в высшем образовании, «потребность» в международных путешествиях, «потребность» в высокотехнологичной коммуникации — эти потребности требуют машин, книг, движущихся вагонов. При капитализме многие заявляют о «потребности» владеть и пользоваться своей частной собственностью. Чтобы избежать элитарности политиков и философов, склонных считать, что они знают, что людям «действительно нужно», необходимо полагаться на демократические процедуры, чтобы провести различие между потребностями и желаниями. Дилемма для экологов заключается в том, что демократический выбор, скорее всего, приведет к продолжению загрязнения окружающей среды, если «зеленая» политика будет угрожать нынешнему образу жизни. Предложения по сокращению выбросов вступают в конфликт с политикой правительств и политических партий, которые поощряют экономический рост и потребление для удовлетворения желаний потребителей. Значительное сокращение выбросов фактически приведет к «жесткой экономии» — прямо противоположной росту и увеличению рабочих мест, которые предлагают современные политические партии как в развивающихся, так и в развитых странах. Поэтому внутреннее давление на правительства — поддержание «современного» образа жизни, сохранение занятости в отечественной угольной промышленности и противодействие затратам на замену «загрязняющего атмосферу» отопления в домах — заставляет их неохотно идти на решительные шаги по сокращению выбросов.

Контроль над процессом добычи и производства вполне совместим с капитализмом, если он может способствовать развитию процессов добычи, которые являются более чистыми и экологичными. Государственная политика, такая как «Зеленый новый курс»⁵⁴⁶, — это попытка уменьшить глобальное потепление. Они включают в себя продвижение политики налога на углеродный след и административных мер (постепенный отказ от ископаемого топлива), переход от угля и нефти к возобновляемым источникам энергии, сокращение количества транспорта, который является источником выбросов углекислого газа, отказ от производства мяса и субсидирование возобновляемого отопления домов. Эти меры, несомненно, приведут к перестройке производства и типов потребления по сравнению с существующей практикой;

⁵⁴⁶ См., например: Klein N. On Fire: The (Burning) Case for a Green New Deal. New York: Simon & Schuster, 2020. (Наоми Клейн. В огне: (горящий) пример «зеленого» нового курса) Нью-Йорк: Simon & Schuster, 2020.

они бросают вызов неограниченной глобализации, настаивая на государственных соглашениях по поводу производства и отдавая предпочтение защите окружающей среды перед эффективным производством. Они представляют собой форму «зеленого» капитализма, а не его замену.

КРИТИКА МАРКСИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Существует существенная разница в том, как экологи и марксисты понимают проблему. Экологи стремятся ограничить последствия индустриализма, контролируя уровень добычи и последствия индустриализма. Они фокусируются на эксплуатации природы и ищут решения для контроля последствий индустриализма, в то время как марксистский анализ капитализма основан на эксплуатации труда и производства ради прибыли⁵⁴⁷, которая, благодаря росту производства, имеет положительные освобождающие эффекты. Джон Беллами Фостер⁵⁴⁸ однозначно считает, что капитализм — действующий ради прибыли через рынок — несет ответственность за ухудшение окружающей среды. Капитализм является движущей силой чрезмерного и неправильного использования ресурсов, и его разрушительные силы невозможно обуздать⁵⁴⁹. Средством решения проблемы является замена капитализма социализмом, чтобы ограничить эксцессы индустриализации и одновременно улучшить условия жизни растущей численности населения планеты. Вслед за Полом Суизи Фостер утверждает, что социалистические общества не имеют такого же «внутреннего побуждения» к накоплению капитала и что планирование может успешно решить эти проблемы⁵⁵⁰. Тем не менее, если при социализме государство имеет возможность действовать экологически безопасно, то при переходе к социализму такая политика влечет за собой и социальные издержки. Индустриализм — это положительное явление, поскольку он повышает производительность труда и качество жизни людей, а руководство социалистических государств не желает жертвовать промышленными достижениями ради экологичной политики. Коммунистический Китай стал центром этих дебатов.

⁵⁴⁷ Benton T. Marxism and natural limits: An ecological critique and reconstruction. *New Left Review*. 1:178 (November/December 1989). Pp. 51–88. (Т. Бентон. Марксизм и естественные пределы: Экологическая критика и реконструкция), *New Left Review*, 1:178 (ноябрь/декабрь 1989). С. 51–88.

⁵⁴⁸ Foster J.B. *The Return of Nature*; Foster J.B. *Against Capitalism*. New York: Monthly Review Press, 2002; Foster J.B., McChesney R.W. *The Endless Crisis*. New York: Monthly Review Press, 2012. (Дж. Б. Фостер. Против капитализма.) Нью-Йорк: Monthly Review Press, 2002; J.B. Foster and R.W. McChesney, *The Endless Crisis*. (Дж. Б. Фостер и Р. У. Макчесни. Бесконечный кризис) Нью-Йорк: Monthly Review Press, 2012.

⁵⁴⁹ Foster J.B. *The Earth-system crisis and ecological civilization*.

⁵⁵⁰ *Ibid.* P. 442. Курсив в оригинале.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

Несмотря на то, что Китайская Народная Республика является источником экологической опасности, китайское правительство предлагает снизить уровень загрязнения окружающей среды по мере продвижения к социализму⁵⁵¹. В 2017 г. при президенте Си Цзиньпине политическое руководство Китая внесло в Конституцию страны концепцию «социалистической экологической цивилизации». Китай столкнулся с необходимостью улучшения условий жизни населения и одновременного решения проблем загрязнения и экологической нестабильности. В документе Коммунистической партии 2015 г. («Мнения Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Государственного совета по дальнейшему продвижению развития экологической цивилизации»⁵⁵²) признается необходимость смены приоритетов с экономического роста на устойчивое развитие:

Природу следует уважать, адаптироваться к ней и защищать ее; ... прозрачные воды и горы с пышной растительностью являются бесценным достоянием; [мы должны] придерживаться принципа приоритетности ресурсосбережения и охраны окружающей среды и позволять природе восстанавливать себя; и идти по позитивному пути развития, обеспечивающему рост производства, повышение уровня жизни и здоровье экосистем. Партия должна стремиться к построению ресурсосберегающего [общества]⁵⁵³.

Правительство стремится принять меры по защите окружающей среды, включая сокращение вредных выбросов, увеличение использования возобновляемых источников энергии, продвижение «многооборотной экономики» и в целом поддержку «зеленого и низкоуглеродного развития»⁵⁵⁴. Китай поддержал такие мировые инициативы, как Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. и Парижское соглашение по изменению климата (2015). Однако, следуя предыдущей линии аргументации, Китай продолжает политику индустриализации, и уровень загрязнения окружающей среды существенно не снижается. Китайская концепция экологической цивилизации встраивает экологизм в контекст рыночного индустриального общества, управляемого коммунистическим государством. Китайская идея эко-

⁵⁵¹ Если они окажутся успешными, то подтвердят выводы Суизи. См.: Sweezy P.M. Socialism and Ecology. Monthly Review. 1989. Vol. 41 (4). Pp. 1–8.

⁵⁵² Цитируется по: Kuhn V. Ecological civilisation in China. Dialogue of Civilisations Research Institute (DOC) (Berlin). September 2019. Available at: https://researchgate.net/publication/335661761_Ecological_civilisation_in_China. (Бертольд Кун. Экологическая цивилизация в Китае.) Dialogue of Civilisations Research Institute (DOC) (Берлин). Сентябрь 2019. Доступно по ссылке: https://researchgate.net/publication/335661761_Ecological_civilisation_in_China.

⁵⁵³ Constitution of the Communist Party of China, adopted at the 19th Congress of the CPC (Конституция Коммунистической партии Китая, принятая на 19-м съезде КПК) от 24 октября 2017 г., цитату см.: с. 6.

⁵⁵⁴ Цитаты взяты из книги: Kuhn. Ecological civilisation in China.

логической цивилизации разработана в контексте развития производительных сил под руководством государства для повышения благосостояния людей.

Будет ли Китай следовать «либеральному» или «авторитарному» экологизму — это спорный политический вопрос. Такие авторы, как Стивен Бернштейн⁵⁵⁵, утверждают, что в Китае пропагандируется либеральный подход к экологии, но он достигает лишь ограниченных результатов. Бертольд Кун пришел к выводу, что «партийное государство не только сильно зависит от сотрудничества с различными заинтересованными сторонами, включая ученых, экспертов и бизнес-сообщество, но и от частных инвестиций, технологических инноваций и творческого подхода к созданию пригодной для жизни окружающей среды. Для продвижения своего видения ему нужны заинтересованные стороны, не входящие в сферу влияния партийного государства»⁵⁵⁶. В настоящее время есть основания полагать, что индустриализация Китая будет продолжаться, а приоритет будет отдан повышению уровня жизни, при этом правительство будет по возможности обеспечивать защиту окружающей среды. Принятие экологической цивилизации потребует значительного отхода от общества потребления, которое в настоящее время в Китае пользуется широкой социальной поддержкой. Проблема экологического общества или цивилизации для глобального капитализма заключается в том, как оно может способствовать рациональному сосуществованию человека и природы, а не «иррациональному сосуществованию»⁵⁵⁷.

ЭКОНОМИКА НОН-КОНСЬЮМЕРИЗМА

Одна из альтернатив — принятие «непотребительской» экономической культуры, которая движется в направлении экономической автономии, описанной в предыдущей главе. Мануэль Кастельс предполагает развитие трехуровневой экономики, которая включает в себя: «обновленную информационную капиталистическую экономику»; расширенный государственный и полугосударственный сектор и меньший рыночный сектор с более жестким регулированием финансовых институтов; а также экономику потребительских ценностей.⁵⁵⁸ Бартерные сети и неденежный обмен через интернет заменят рынок. Городское фермерство значительно увеличит самопроизводство (он рекомендует последовать примеру Мишель Обамы, выращивающей помидоры и овощи на лужайке Белого дома), и он отмечает, что транспорт в городах может быть преобразован, если мы будем больше использовать велосипеды, скейтборды и пешие прогулки. По словам Кастельса, «решающая битва против капитализма может развернуться не вокруг средств производства, а вокруг

⁵⁵⁵ Bernstein S. Liberal environmentalism and global environmental governance. *Global Environmental Politics*. 2002. Vol. 2 (3). Pp. 1–16. Цитируется по: Kuhn. *Ecological civilisation in China*.

⁵⁵⁶ Kuhn. *Ecological civilisation in China*.

⁵⁵⁷ Bookchin. *The Murray Bookchin Reader*. P. 232.

⁵⁵⁸ Castells M. *The crisis of global capitalism*. P. 205.

средств потребления»⁵⁵⁹. Он предвидит противостояние между различными экономическими культурами, основанными на общинном и капиталистическом производстве. Упомянутые ранее виды автономных единиц будут сосуществовать с глобальным капитализмом. Влияние Интернета — один из главных факторов в этих подходах. Совместное использование цифровой культуры и инновации с открытым исходным кодом в компьютерном мире станут еще одной областью, оспаривающей производство, основанное на мотиве прибыли. Эти предложения направлены на решение экологических проблем путем ограничения и контроля объемов производства на микроуровне, а не на основе нисходящих процессов социалистического планирования, которые принимают индустриализм и введение государственной собственности и контроля. Эти меры на уровне общин имеют те же недостатки, что и меры, описанные в главе 12.

ДРУЖЕЛЮБНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНТИРОСТ

Лесли Склер использует схожий подход, но приходит к совершенно иным выводам. Он утверждает, что экологическая неустойчивость, ведущая к экоциду, обусловлена производственными возможностями капиталистической глобализации и культурой-идеологией консьюмеризма⁵⁶⁰. Склер предлагает свою форму автономизма; он утверждает, что социалистическая глобализация будет достигнута с помощью «сетей относительно небольших кооперативов производителей и потребителей, сотрудничающих на различных уровнях для решения различных общественных задач»⁵⁶¹. Такие объединения «воссоединятся с природой» и будут обеспечивать необходимое для жизни: они будут удовлетворять человеческие потребности, а не желания, порожденные рынком. Однако они не приведут к возврату к бартерной экономике. Причина в том, что цифровые технологии позволяют небольшим сетевым объединениям достигать высокого уровня жизни и могут способствовать развитию современной цивилизации. Эти сетевые объединения будут основаны на высоких технологиях. Они обеспечат «реконструированные политические сообщества», которые создадут «более подлинно демократичные формы экономической, социальной и политической организации», которые станут убежищем для «тех, кто желает избежать капиталистического рынка и иерархического государства»⁵⁶².

⁵⁵⁹ Castells M. The crisis of global capitalism. Pp. 207–209.

⁵⁶⁰ Sklair L. World revolution or socialism, community by community, in the Anthropocene? In *Second Thoughts*. Chapter 11. Pp. 244–260 (Лесли Склер. Мировая революция или социализм, община за общиной, в антропоцене? Глава 11 (с. 244–260) в книге *Second Thoughts*).

⁵⁶¹ *Ibid.* P. 246.

⁵⁶² *Ibid.* P. 258.

Некоторые из этих авторов уверены, что такое развитие событий постепенно подорвет логику рынка и иерархического государства: «капитализм и государства, в конце концов, увянут». Вслед за такими авторами, как Натан Барлоу⁵⁶³, «дружелюбный антирост» будет представлять собой отступление от капиталистической глобализации, а также от государства развития⁵⁶⁴. Политика деградации, движимая снизу климатической и экологической справедливостью, а также социальными движениями коренных народов, обеспечит экологическую устойчивость и социальную справедливость. Предполагается, что не-иерархические социальные движения «переделают существующие институты», чтобы обеспечить деградацию⁵⁶⁵. В центре внимания западных антиглобалистских движений находится не забота о стимулировании экономического роста, а угроза деградации окружающей среды, вызванной индустриализацией. Однако капиталистическая система, по крайней мере в краткосрочной перспективе, не будет разрушена, и рынок труда будет существовать наряду с этими прогрессивными альтернативами. Идея о том, что может существовать альтернатива, напрямую бросающая вызов рыночной экономике, считается нереалистичной, и от нее следует отказаться⁵⁶⁶. Вместо этого альтернативой является отрицание и избегание капитализма путем развития параллельных институтов и процессов. Гибридная система, создающая параллельные миры, позволяет некоторым избежать глобального капитализма и его недовольства, но не преодолеть его.

Врагом экологизма является не только глобальный капитализм, но и современная потребительская цивилизация, которую, как мы уже отмечали в случае с Китаем, не смогла бы уничтожить современная социалистическая альтернатива. Государственный контроль над рыночными и плановыми обществами может способствовать развитию экологизма, но это сопряжено с социальными издержками, что поднимает вопрос о том, кто идет на жертвы. Западная цивилизация обеспечила позитивные достижения и обладает «огромным потенциалом» свободы⁵⁶⁷, от которого не следует отказываться. Экологический подход должен сочетать современную цивилизацию с более гуманистической, кооперативной формой сообщества; экологическое общество «должно само по себе представлять продвижение к цивилизации и прогрессу, иначе оно не будет достойным начинанием»⁵⁶⁸. Экологическое общество, с этой точки зрения, должно стремиться примирить потенциал индустриализации с сохранением природы. Одна из дилемм заключается в том, что основные источники загрязнения находятся в бедных азиатских странах, и поспешное сокращение использования ископаемого топлива будет иметь серьезные последствия для благосостояния бедных слоев населения. Индустриальную

⁵⁶³ Barlow N. et al. *Degrowth and Strategy*. Mayfly Books, 2022. (Н. Барлоу и др. *Деградация и стратегия*.) Mayfly Books, 2022.

⁵⁶⁴ Sklair L. *World revolution or socialism*. P. 260.

⁵⁶⁵ Barlow N. et al. *Degrowth and Strategy*. Mayfly Books, 2022.

⁵⁶⁶ Sklair L. *World revolution or socialism*. P. 248.

⁵⁶⁷ Bookchin. *The Murray Bookchin Reader*. P. 168.

⁵⁶⁸ *Ibid.* P. 226.

и постиндустриальную революции невозможно повернуть вспять без значительного ухудшения того, что люди в настоящее время ожидают от своей жизни. Государственная деятельность, организованная в международном масштабе, вероятно, станет наиболее успешным способом сдерживания растущего уровня токсичности. В следующей главе будут рассмотрены две политические перспективы — социал-демократия и социализм, предполагающие регулируемые государством рынки, которые стремятся заменить глобальный капитализм. При этом они обеспечивают дальнейшее проведение политики бережного отношения к окружающей среде.

14 СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

Политики и политические деятели признают, что капиталистическая глобализация нуждается в определенном регулировании. Проблема заключается в том, какое регулирование может быть введено, чтобы сохранить преимущества глобализации и в то же время ограничить ее эксцессы. Социал-демократический подход признает глобализационные тенденции, но стремится их регулировать. Под социал-демократическим подразумеваются избирательные политические движения (включая самоопределившиеся демократические партии), которые выступают за большее социальное равенство и большее государственное социальное обеспечение. Социал-демократы представляют глобализацию в благотворном свете, отделяя глобализацию от капитализма. Эти вопросы были затронуты в главе 9 Дэни Родриком, который указал на «политическую трилемму» между демократией, национальными политическими интересами и экономической глобализацией⁵⁶⁹. Экономическая глобализация (обмен без границ) подрывает государственную координацию и демократические процессы. Границы демократического выбора охватывают государства, в то время как экономические процессы глобализации проходят через все государства.

Социал-демократический подход стремится укрепить демократическую составляющую этой трилеммы. Она может быть решена на двух уровнях: во-первых, путем создания новой глобальной демократической системы управ-

⁵⁶⁹ Rodrik D. The Globalisation Paradox: Why Global Markets, States and Democracy Can't Coexist. New York: Norton, 2011. Pp. XVIII–XIX.

ления — глобальной демократии; во-вторых, путем укрепления власти национального государства против глобальных тенденций путем ограничения глобального охвата. Оба эти подхода предлагают изменить рыночную власть и политическое влияние, осуществляемые посредством глобализации. Такие авторы, как Дэвид Хелд, Энн Кейс и Ангус Дитон, придерживаются первого подхода: глобализацию можно «приручить», сделав ее более ответственной и демократичной⁵⁷⁰. Такие предложения признают процессы глобализации, но исправляют их худшие черты, делая институты более демократичными. Колин Крауч придерживается второго подхода, ограничивая полномочия глобальных структур, укрепляя государство и продвигая «демократические объединения на мировом и региональном уровне»⁵⁷¹.

Эти авторы выступают за такую форму интернационализации, при которой демократическое регулирование контролирует процесс глобализации⁵⁷². Государственный суверенитет ограничен и «делится» с региональными и международными органами, а не отходит к ним. С этим связана тема ограничения полномочий глобальных корпораций через требования социальной ответственности, которые должны учитывать общественные интересы. Это расширяет демократию, призывая корпорации действовать демократично⁵⁷³ и учитывать интересы соответствующих заинтересованных сторон, тем самым «разбавляя» капиталистическое стремление к прибыли. В настоящей главе раскрывается подход, основанный на социал-демократической позиции, а также идея корпоративной социальной ответственности (КСО). Вторая часть главы фокусируется на глубоком анализе социалистического подхода, который уделяет больше внимания общественной собственности и государственному планированию.

ГЛОБАЛИЗОВАННАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Глобализация, утверждают социал-демократы, должна регулироваться, и глобальная демократия является одним из средств для этого. Эта политическая точка зрения рассматривает глобализацию в техническом смысле как положительное явление, но требующее демократического участия

⁵⁷⁰ Case A., Deaton A. Deaths of Despair and the Future of Capitalism. Princeton: Princeton University Press 2020; Held D. Global social democracy. In: Global Covenant: Social Democratic Alternative to the Washington Consensus. Cambridge: Polity, 2004. P. 13. (Энн Кейс и Ангус Дитон. Смерть от отчаяния и будущее капитализма.) Принстон: Princeton University Press 2020; David Held, Global Covenant: Social Democratic Alternative to the Washington Consensus (Дэвид Хелд. Глобальная социал-демократия, в Дэвид Хелд. Глобальный пакт: Социал-демократическая альтернатива Вашингтонскому консенсусу). Кембридж: Polity, 2004. С. 13.

⁵⁷¹ Crouch. The Globalisation Backlash. P. 92.

⁵⁷² Ibid. Chapter 4.

⁵⁷³ См.: Crouch. The Strange Non-death of Neoliberalism. Pp. 125–143; Crane A., Matten D., Moon J. Corporations and Citizenship. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. (А. Крейн, Д. Маттен и Дж. Мун. Корпорации и гражданство) Кембридж: Cambridge University Press, 2008.

и контроля. Глобальная демократия описывается как «основа для продвижения верховенства международного права; обеспечения большей прозрачности, подотчетности и демократии в глобальном управлении; более глубокой приверженности социальной справедливости; защиты и возрождения сообщества на различных уровнях; и преобразования глобальной экономики в свободный и справедливый экономический порядок, основанный на правилах»⁵⁷⁴. Для достижения этих целей необходима «прогрессивная трансформация глобальных отношений»⁵⁷⁵. Мы видим новую глобальную социальную демократию, основанную на «руководящих этических принципах»: «равная моральная ценность, равная свобода, равный политический статус, коллективное принятие решений по общественным вопросам, облегчение неотложных нужд, развитие для всех, [и] экологическая устойчивость».

Неолиберальный глобальный свободный рынок необходимо жестко ограничить. Меры включают «укрощение глобальных рынков», «коррекцию рынка» (обязательные глобальные трудовые и экологические стандарты) и продвижение рынка (привилегированный доступ на рынок для развивающихся экономик). В политике призывают к демократизации надгосударственного управления, созданию международного суда по правам человека с мощными региональными судами и учреждению постоянных миротворческих сил⁵⁷⁶. Такие авторы признают ущемление возможностей государства, которое должно делиться властью в контексте «совместных механизмов управления на национальном, региональном и глобальном уровнях»⁵⁷⁷. При такой логике мышления происходит важный сдвиг — от воссоздания и укрепления национального государства (за что ратовали националисты-антиглобалисты) к формированию надгосударственных институтов.

Структурная проблема глобальной демократии была сформулирована Робертом Далем, который утверждает, что международные институты и организации слишком велики, чтобы позволить «рядовому гражданину эффективно участвовать в решениях мирового правительства»⁵⁷⁸. Однако путь, которым следуют рассмотренные выше теоретики, — это не путь альтерглобалистов (о которых речь шла в главе 12), а адаптация существующих институтов. Переход к демократии произойдет через «коалицию политических групп... включающую европейские страны с сильными либеральными и социал-демократическими традициями, [и] Соединенные Штаты [через либерально-демократические группы], которые поддерживают многосторонность и верховенство зако-

⁵⁷⁴ Held D. Towards a global covenant. Pp. 161–169.

⁵⁷⁵ Ibid. P. XV.

⁵⁷⁶ Здесь кратко изложены основные моменты. Подробнее см. в: Held D. The Global Covenant. Pp. 164–165.

⁵⁷⁷ Ibid. P. 15.

⁵⁷⁸ Dahl R.A. Can international organisations be democratic? A sceptic's view. In: Held and McGrew, The Global Transformation Reader. P. 532. (Роберт А. Даль. Могут ли международные организации быть демократическими? Взгляд скептика). В книге: Held and McGrew. The Global Transformation Reader (Хелд и Макгрю. Читатель о глобальной трансформации). P. 532.

на в международных делах»⁵⁷⁹. Такой подход опирается на противодействующие силы глобального гражданского общества, действующего через международные организации. Позитивное участие поощряется со стороны неправительственных организаций (НПО) и транснациональных общественных движений. Основными институциональными целями являются установление верховенства закона, демократической политики, глобальной социальной справедливости и глобального экологического баланса. Приоритетными задачами являются регулирование глобальных рынков, содействие развитию и отмена долгов для бедных стран с задолженностью. Для усиления политического и демократического контроля над региональными и международными органами предлагается отвести главную роль Совету Безопасности ООН. ООН будет обладать полномочиями по контролю и регулированию торговли оружием, а также по дальнейшему сокращению бедности в мире.

Коллин Крауч повторяет критику Даяля: «Демократия, отделенная от национального государства... подразумевает глобальную демократию, которую невозможно достичь»⁵⁸⁰. Его решение — усиление регулирования со стороны международных агентств, таких как Всемирная торговая организация (ВТО), которые должны подвергаться демократическому давлению. Государства также могут регулировать глобализацию, ограничивая пагубное влияние на свою экономику. Крауч одобряет развитие регионализма (например, в ЕС), при котором государства «объединяют свой суверенитет»⁵⁸¹. Таким образом, государства сохраняют полномочия по местному экономическому развитию и обеспечению благосостояния через процесс субсидиарности.

Проблемный элемент заключается в противостоянии интересам, связанным с транснациональными компаниями и международными организациями. Глобализация изменила «государственные институты, законы и процессы управления в соответствии с глобальными приоритетами, нормативными стандартами и планами действий»⁵⁸². Такие институты, как ВТО, обеспечивают соблюдение глобальных правил. Баланс сил переместился в сторону тех интересов, которые способны определять «глобальные приоритеты», «стандарты» и «планы действий». Глобальное гражданское общество может оказаться слишком слабым, чтобы противостоять глобальной либеральной рыночной политике, продвигаемой международными организациями и транснациональными корпорациями (ТНК), особенно когда они пользуются поддержкой ведущих неолиберальных государств.

⁵⁷⁹ См., например: Held D., Young K. Crises in parallel worlds: The governance of global risks in finance, security, and the environment. In: Calhoun, Derluigiuan. The Deepening Crisis. P. 41. (Дэвид Хелд и Кевин Янг. Кризисы в параллельных мирах: управление глобальными рисками в сфере финансов, безопасности и окружающей среды, в Calhoun and Derluigiuan). The Deepening Crisis. С. 41.

⁵⁸⁰ Crouch. The Globalisation Backlash. P. 110.

⁵⁸¹ Ibid. P. 111.

⁵⁸² Nameiri S., Jones L. Global governance as state transformation. Political Studies. 2016. Vol. 64 (4). Pp. 793–810. (С. Хамейри и Л. Джонс. Глобальное управление как трансформация государства.) Political Studies, 64:4 (2016). С. 793–810.

Лишь несколько государств имеют право изменять правила или игнорировать их. В период президентства Дональда Трампа США продвигали свою собственную версию глобальных правил. Экономические санкции, введенные ЕС, Великобританией и США против России в 2020-х гг., ясно показывают, что государства и группы государств могут устанавливать правила, которые подрывают глобализацию. В этом случае национальная безопасность берет верх над свободной торговлей.

Неправительственные организации (НПО), на которые возлагают большие надежды сторонники демократических реформ, находятся в двойственном положении. Неолиберальная стратегия направлена на уменьшение государства путем усиления организаций гражданского общества и, соответственно, ослабления местных и национальных органов власти. НПО несут ответственность не перед избранными представителями (как в национальных и местных органах власти), а перед спонсорами, которые представляют интересы, имеющие собственную политическую повестку. Цели спонсоров могут противоречить тем изменениям, которые предлагаются местными заинтересованными лицами. В более широком социологическом смысле неолиберализм способствует развитию рынков, финансированию услуг и приватизации общественного благосостояния. Попытки ввести государственное или региональное регулирование вступают в конфликт с принципами свободного движения капитала и рабочей силы. Как я покажу далее, социал-демократические партии, находясь у власти, шли на компромисс с доминирующей глобальной политической элитой, и скептик может предположить, что социал-демократические политики (Блэр, Обама и Байден) были или являются частью глобальной элиты. (Они — часть проблемы, а не решения.) Социал-демократический проект переместил дискурс с уровня национального государства на международный уровень, несмотря на то, что социал-демократические партии (а не их лидеры) остаются встроенными в национальную политику. Хотя в описании Дэвида Хелда и Колина Крауча, лицо демократии уютно расположилось в демократических национальных государствах и отзывчивых международных институтах, на практике национальным правительствам противостоят мощные корпорации и международные организации, продвигающие свои собственные интересы. Демократическая партия в США и социал-демократические партии в ЕС поддержали экономические санкции, даже если они нарушают правила ВТО. После разрыва производственных цепочек во время пандемии COVID-19 и последствий западных санкций, введенных странами НАТО в связи с началом специальной военной операции на Украине, усилилось движение в сторону большей экономической самодостаточности.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ У ВЛАСТИ

Рассмотрим политику британского лейбористского правительства при Тони Блэре и Гордоне Брауне. Лейбористская партия выступала за создание рыночного государства в рамках ЕС и не давала никакой последова-

тельной критики глобализационных тенденций. Например, в манифесте Лейбористской партии 2010 г. были главы, посвященные британской экономике, уровню жизни, образованию, здравоохранению, уровню преступности и иммиграции, семьям и старикам, сообществам, проблемам экологии и демократическим реформам. В нем был один раздел о том, как Британия может ответить на вызов глобальной эпохи, который в основном охватывал внутренние проблемы, связанные с пересмотром оборонной политики, борьбой с международным терроризмом, необходимостью сильного (и расширенного) ЕС и обязательствами перед западными силами в Афганистане⁵⁸³. Руководство парламентской Лейбористской партии было встроено в глобальный политический класс: лейбористское правительство участвовало в неолиберальном ЕС, Американском альянсе и НАТО. Оно предложило системные изменения: расширение полномочий G8 (теперь G7), Всемирному банку было предложено «сосредоточиться на низкоуглеродном развитии, а МВФ — на финансовой стабильности, при этом оба банка должны были стать более инклюзивными». Должно было произойти укрепление институтов ООН и Британского содружества (см.: Манифест Лейбористской партии 2010 г.). Приватизация, финансовализация, открытие рынков в глобальном масштабе и сокращение масштабов государства были общепризнанными, как и институциональная архитектура МВФ, БМР, ЕС, и предпосылки, на которых они были построены, — свободное перемещение рабочей силы, товаров, услуг и капитала.

По замыслу премьер-министра Гордона Брауна⁵⁸⁴ «Лондонский консенсус» должен был усилить международный контроль над мировой финансовой системой, следствием чего должно было стать ослабление контроля на государственном уровне⁵⁸⁵. Предложения по надзору за транснациональными корпорациями (ТНК) отсутствовали. Контроль над финансовыми компаниями был невозможен, поскольку глобальная архитектура не была создана для регулирования финансовых рынков и финансовых компаний. Предложения Брауна были частью процесса создания или укрепления наднациональных организаций (Банка международных расчетов, Совета по финансовой стабильности и МВФ). Они имели положительные элементы и свидетельствовали об укреплении глобальных институтов, управляемых, по крайней мере, условно, международными законами и обеспечиваемых через международные агентства и ЕС. Лондонский консенсус укрепил технические координирующие фракции глобального политического класса.

Браун последовал за более ранними предложениями о реформе, такими как проект Всемирного банка «Положение дел в меняющемся мире» (1997), который был призван обеспечить нормативную базу, в которой государства будут работать под руководством таких организаций, как МВФ и ВТО. Такое вмешательство не ограничивает частный сектор, а призывает к сокращению

⁵⁸³ Labour Party 2010 Manifesto. Available at: www.labour.org.uk/manifesto

⁵⁸⁴ До июня 2007 г. занимал должность канцлера казначейства.

⁵⁸⁵ На саммите G20 в апреле 2007 г. Браун изложил свою политику. См.: 2007 G20 Summit. Available at: www.press.run.net

штатов, урезанию государственных услуг (для облегчения контроля над государственными расходами) и приватизации государственных активов (для развития конкуренции) — политика, соответствующая неолиберальным настроениям. МВФ является важным институтом в развивающейся глобальной капиталистической системе регулирования. Однако его регулирующая роль касается государств, многие из которых несут бремя расходов, связанных с банкротством финансовых и банковских корпораций. Он не имеет полномочий в отношении глобальных финансовых корпораций. Банк международных расчетов обеспечивает координацию и способствует финансовой стабильности, но не имеет эффективных полномочий над своими членами (центральными банками суверенных государств). Таким образом, предложения Брауна по реформированию были положительно восприняты транснациональными капиталистическими интересами, поскольку они обеспечивали стабильность через нормативную базу. Политика Лейбористской партии, которую представляла находящаяся у власти социал-демократия, принимала фундаментальные черты неолиберальной глобализации. Ее предложения представляли собой желательные корректировки, направленные на сдерживание неравенства и финансовой нестабильности, однако, находясь у власти, партия не имела последовательной политики сдерживания глобализации в контексте своей национальной политики.

Хотя руководство при Корбине, безусловно, значительно отклонилось от политики Новых лейбористов, экономический и политический анализ неолиберальной глобализации практически отсутствовал. Политика, изложенная в Манифесте Лейбористской партии 2017 г., не затрагивала проблемы глобализации; по сути, она представляла собой список предложений, защищающих позицию Великобритании после выхода из ЕС в контексте Всемирной торговой организации, принципы которой она поддерживала. Политика Корбина, если бы она была реализована, содержалась бы в рамках институтов конкурентного глобального капитализма.

Социал-демократические партии, борющиеся на выборах за политическую власть, вписаны в политическую систему национального государства. Политика и дебаты на широком фронте ведутся с точки зрения национальных экономических потребностей. Социалистическая партия, находящаяся у власти в демократической избирательной системе, оказывается в затруднительном положении: значительные шаги по переходу к государственной собственности (например, национализация финансовых компаний в лондонском Сити) могут привести к экономическим санкциям и экономическим неурядицам, а, следовательно, к вероятному отказу на избирательных участках. В то время как незначительные изменения (усиление государства всеобщего благосостояния, обязательное вхождение работников в советы директоров компаний) со временем приводят к ассимиляции капиталистической системы и придают ей еще большую легитимность. Ценности этики капитализма и рынка как образа жизни очень глубоко укоренились и противостоят реализации социалистических ценностей и политики. Без конкурирующей и обоснованной альтернативной социалистической идеологии любая значительная рефор-

ма глобального капитализма маловероятна, и это превращает британскую Лейбористскую партию в «калечашую иллюзию»⁵⁸⁶. Преодоление этой иллюзии, по словам Панича и Лейса, является «центральной дилеммой для демократических социалистов не только в Британии, но и повсюду»⁵⁸⁷. В заключительной главе исследования предлагаются некоторые пути ее решения.

Неудачи политики как механизма перемен привели к появлению альтернативного социал-демократического подхода, целью которого является «демократизация» институтов, обладающих экономической властью: финансовых и нефинансовых корпораций. Вопрос заключается в том, в какой степени власть уже перешла из формальной политической сферы — государства, политических партий, электоральной политики — к транснациональным экономическим корпорациям и глобальным координационным институтам. Как пояснил Колин Крауч:

Представители современных транснациональных корпораций вовсе не находятся в лобби, за пределами реального пространства принятия решений правительством. Они находятся прямо в комнате принятия политических решений. Они устанавливают стандарты, создают частные системы регулирования, выступают в качестве консультантов правительства, даже имеют сотрудников, прикомандированных к кабинетам министров... Эти корпорации существуют *рядом* с международными и транснациональными агентствами, а не подчиняются им⁵⁸⁸.

А что происходит в «совещательной комнате»? Могущественные государства, такие как США, Великобритания и Франция, могут отменить одни транснациональные интересы и отдать предпочтение другим. Американские политики могут выслушивать мнение европейских транснациональных корпораций (ТНК), но прислушиваться к советам американских корпораций и действовать в соответствии с ними. Как мы отмечали в главе 10, экономические санкции в отношении России и Китая негативно влияют на некоторые ТНК, а также на их клиентов и акционеров, но другие от этого только выигрывают.

Еще одна социал-демократическая стратегия заключается в том, чтобы заставить национальные и транснациональные корпорации отказаться от максимизации прибыли и действовать в патерналистском ключе и более ответственно. Акционеры станут одной из многих заинтересованных сторон, а корпорации будут продвигать корпоративную социальную ответственность (КСО).

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Корпоративная социальная ответственность (КСО) рассматривается как средство, с помощью которого компании берут на себя часть обя-

⁵⁸⁶ Miliband R. *Moving on*, Socialist Register. London: 1976. P. 128. (Ральф Милибэнд. Двигаюсь дальше. Социалистический регистр.) Лондон: 1976. С. 128.

⁵⁸⁷ Panitch, Leys. P. 255.

⁵⁸⁸ Crouch. *The Strange Non-Death of Neoliberalism*. Pp. 131; 133. Курсив в оригинале.

зательств, обычно выполняемых правительствами. Она подразумевает модель управленческого поведения, учитывающую более широкие социальные обязательства компаний. В августе 2019 г. на круглом столе Американского бизнеса было заявлено: «Хотя каждая из наших отдельных компаний служит своей собственной корпоративной цели, мы разделяем фундаментальные обязательства перед всеми нашими заинтересованными сторонами — клиентами, сотрудниками, поставщиками, сообществами и — последними в списке — акционерами»⁵⁸⁹. В этом заявлении воплощены идеи, лежащие в основе КСО: компании обязаны защищать окружающую среду, выполнять социальные и экономические обязательства, признавать права сотрудников и других лиц, имеющих «долю» в компании, перед обществом. Компании должны осуществлять свои права как граждане в глобальном контексте. При социал-демократическом анализе заинтересованные стороны имеют право на представительство в советах директоров компаний, а советы директоров несут ответственность перед местными сообществами.

Компании могут руководствоваться иными ценностями, нежели максимизация прибыли, и эти ценности влияют на политику компании независимо от глобальных рынков или давления государства. Корпорации должны принимать на себя социальную ответственность и тем самым противостоять критике, согласно которой глобализация ведет исключительно к максимизации прибыли и ослаблению социального благополучия. Утверждается, что социальная деятельность, не связанная с бизнесом, может иметь преимущества для компании: она может снизить социальные издержки (сократить загрязнение окружающей среды, устранить дискриминацию, ограничить увольнения) и поощряет инвестиции в развитие благосостояния (поддержка проектов в области здравоохранения, благотворительных организаций, местных общественных работ, образовательных инициатив). Она демократична в том смысле, что компании реагируют на запросы заинтересованных сторон и обществу. Участники компаний становятся важными источниками давления, которое может негативно сказаться на компаниях, если они не выполнят требования. Такая политика значительно отходит от неолиберальной рыночной экономической философии.

Проблема заключается в том, что компании, чтобы работать эффективно, обязаны способствовать увеличению акционерной стоимости. Вот как об этом пишет Милтон Фридман:

Социальная ответственность бизнеса заключается в увеличении его прибыли... В системе свободного предпринимательства, частной собственности, руководитель корпорации является сотрудником владельцев бизнеса. Он несет прямую ответственность перед своими работодателями. Эта ответственность заключается в том, чтобы вести бизнес в соответствии с их желаниями, которые, как правило, заключаются в том, чтобы заработать как можно больше денег, соблюдая при этом основные правила общества, как закрепленные в за-

⁵⁸⁹ Цитируется по: Hill A. The limits of the pursuit of profit. Financial Times, 24 September 2019. (Эндрю Хилл. Пределы погони за прибылью.) Financial Times, 24 сентября 2019 г.

коне, так и воплощенные в этических обычаях. Конечно, в некоторых случаях работодатели могут преследовать иную цель. Группа людей может создать корпорацию с благотворительной целью, например для больницы или школы. Для руководителя такой корпорации целью будет не денежная прибыль, а оказание определенных услуг⁵⁹⁰.

По мнению Милтона Фридмана, КСО — это форма витрины, которая не только не нужна, но и вредна, поскольку мешает рынку работать. Суть либерального экономического подхода заключается в том, что конкуренция на рынках должна работать без вмешательства извне. Если общество хочет, чтобы услуги корпораций были направлены на благо общества, то, по его мнению, следует убедить правительства обложить корпорации налогами. КСО, по его мнению, является извращенной формой коллективистской деятельности: «исповедуя веру в то, что коллективистские цели могут быть достигнуты без коллективистских средств». Именно это и предлагает КСО. Фридман, однако, не учитывает необходимость для корпоративного капитала легитимировать себя в глобальной среде. Рост транснациональных корпораций оставил политический вакуум и привел к протестам против неограниченной деятельности компаний, особенно энергетических корпораций, таких как Shell и BP. Как признает Фридман, корпорации подчиняются «основным правилам» общества. Аргумент КСО заключается в том, что можно ввести «базовые правила», которые ограничивают прибыль ради общественного блага. Глобальные компании, внедряющие КСО, могут оправдать такие расходы, руководствуясь просвещенным собственным интересом. Они улучшают имидж своего бренда (поддерживая местный спорт), минимизируют риск общественного протеста (финансируя экологическую инфраструктуру) и, выплачивая зарплаты выше минимального размера, улучшают отношения с персоналом. Можно ожидать, что в странах с большим количеством транснациональных корпораций корпоративная социальная ответственность будет выше⁵⁹¹. С этой точки зрения КСО, как представляется, легитимизирует глобализацию и тех, кто получает от нее выгоду.

Мария Гьолберг считает, что политическая культура может оказывать существенное влияние на поведение компаний. Сильное гражданское общество с активными общественными дебатами будет способствовать развитию КСО⁵⁹². Общественные кампании («Восстание против вымирания»), освещение в прессе, действия правительства (например, против разливов нефти компанией BP в США) могут повлиять на правила, ограничивающие поведение

⁵⁹⁰ Friedman M. The social responsibility of business is to increase its profits. *New York Times Magazine*, 13 September 1970. Available at: <http://www.colorado.edu/studentgroups/libertarians/issues/friedman-soc-resp-b-usin-ess.html> (Милтон Фридман. Социальная ответственность бизнеса заключается в увеличении его прибыли.) *Журнал New York Times*, 13 сентября 1970 г. Доступно на сайте: <http://www.colorado.edu/studentgroups/libertarians/issues/friedman-soc-resp-business.html>

⁵⁹¹ Gjolberg M. The origin of corporate social responsibility: Global forces or national legacies? *Socio-Economic Review*. 2009. Vol. 7. Pp. 605–637 (в частности, p. 608). (Мария Гьолберг. Зарождение корпоративной социальной ответственности: Глобальные силы или национальное наследие?) *Socio-Economic Review*, 7 (2009). С. 605–637, в частности с. 608.

⁵⁹² Gjolberg. The origin of corporate social responsibility. P. 611.

глобальных компаний. Однако даже добродетельные ассоциации гражданского общества в настоящее время не могут сравниться с глобальными корпорациями по силе воздействия. Существует предел, до которого любая компания будет действовать в интересах общества: корпорации руководствуются необходимостью получать прибыль и расширять бизнес.

Можно также задаться вопросом, являются ли глобальные компании лучшими организациями для принятия решений об интересах общества. Для того чтобы КСО была эффективной, корпорации нуждаются в регулировании; необходимо ввести законодательство, обязывающее публичные компании выполнять критерии, прописанные в их уставах⁵⁹³. Именно в условиях политического капитализма (см. главу 15), как, например, в России и Китае сегодня, рыночные ценности могут реализовываться компаниями, контролируемые государством. С реформистской социал-демократической точки зрения, КСО, если она будет успешно реализована, предлагает некоторые важные изменения в глобальном капитализме. Заинтересованным сторонам может быть отведена законодательно установленная роль в управлении компаниями: КСО также может стать требованием, прописанным в законах о компаниях, чтобы способствовать общественному благосостоянию. Подобные предложения являются позитивным шагом вперед, и мы вернемся к ним в главе 16. Скептики призывают к более радикальной политике, отвергая эти фрагментарные меры главным образом на том основании, что при капитализме акционерная стоимость будет оставаться доминирующей целью.

В нынешних условиях реформистская программа социал-демократов, рассмотренная выше, имеет ограниченные рамки. Возьмем Грецию. После экономического кризиса 2007 г. страна накопила 320 млрд евро долгов, и избиратели проголосовали за то, чтобы не принимать условия жесткой экономии, навязанные им ЕС, европейскими банками и МВФ. Однако не было ни политических, ни финансовых возможностей изменить условия. Государство было подавлено властью наднациональных органов, и не существовало приемлемой альтернативы объявленным ими условиям. Экономическая мощь взяла верх над демократическими возможностями. Национальные избирательные системы, когда им противостоят агенты доминирующих глобальных капиталистических интересов, ограничены как средства общественного выбора.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ: ПЕРЕХОД К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ?

Социалистические взгляды обеспечивают критику противостоящих сил капиталистического накопления и военной власти, расположенных

⁵⁹³ Hutton W. How Good We Can Be. London: Little Brown, 2015. (Уилл Хаттон. Как хорошо мы можем жить.) Лондон: Little Brown, 2015.

в капиталистических государствах ядра⁵⁹⁴. В 1950-х гг. К.У. Миллс ввел термин «властная элита», состоящая из военной, политической и экономической элит, которые образуют унитарный социально-политический блок, отстаивающий интересы американского политического класса. Для Миллса властная элита была национальной по своему масштабу и определялась в контексте американского общества. Демократические процессы, по мнению Миллса, просто не имели возможности преодолеть национальную властную элиту. Даже в 1950-е гг., когда он писал, международным связям уделялось недостаточное внимание, а в XXI в. национальные властные элиты сосуществуют с глобальными (об этом говорится в главе 9). Фокус власти сместился с государственного уровня на разделение власти в глобальной перспективе. Следовательно, предложения социал-демократов, описанные ранее, скорее всего, останутся неэффективными для сдерживания глобальных политических сил.

Избрание Дональда Трампа президентом США выявило транснациональную природу властной элиты. Его критика НАТО и внешней политики США в Сирии и Афганистане вызвала быструю реакцию со стороны тех, кого Трамп называл «глубинным государством»: американских СМИ и силовых структур — Пентагона, ЦРУ. Их противодействие фактически заблокировало попытки Трампа улучшить отношения между США и Россией, и ему не удалось вернуть президента Путина в Большую семерку. Властная элита Миллса теперь включает в себя не только политическую элиту Конгресса, военную элиту Пентагона и корпоративную элиту, но и Центральное разведывательное управление, ведущие печатные и медиакорпорации, большинство академических «мозговых центров», занимающихся вопросами международных отношений. Все эти институты имеют глобальный, а не национальный охват. НАТО — это военный инструмент американской власти⁵⁹⁵. «Социалистическая глобализация» предлагает изменить структуру международной власти, но сохранить преимущества глобализации. При правильных условиях глобализация несет в себе освобождение. Но нынешняя глобальная система порочна тем, что она встроена в классовые и связанные с ними институциональные структуры глобального капитализма.

Можно провести аналогию с индустриальными структурами XIX в. Изменения в производительных силах (появление парового двигателя, разделение труда и массовое производство) имели долгосрочные положительные последствия, но возможности для всецелого освобождения человека были ограничены их капиталистическими формами. Транснациональная корпорация

⁵⁹⁴ Callinicos. An Anti-Capitalist Manifesto. Chapter 1. Pp. 64–65; Robinson W.I. Promoting Polyarchy: Globalisation, US Intervention and Hegemony. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. Каллиникос. Антикапиталистический манифест. Глава 1. С. 64–65; William I. Robinson. Promoting Polyarchy: Globalisation, US Intervention and Hegemony (Уильям И. Робинсон. Продвижение полиархии: Глобализация, вмешательство США и гегемония.) Кембридж: Cambridge University Press, 1996.

⁵⁹⁵ Cockburn A. The Spoils of War: Power, Profit, the American War Machine. London: Verso, 2021. (А. Кокберн. Военные трофеи: власть, прибыль, американская военная машина.) Лондон: Verso, 2021.

(ТНК) — это доминирующий экономический институт, который формирует характер и определяет транснациональный капиталистический класс. В своей неолиберальной форме она принимает глобальную перспективу, подкрепляемую (когда рыночная конкуренция терпит неудачу) экономическими и военными санкциями. Это направление мысли было обобщено как форма «капитализма наблюдения», при которой интернет-провайдеры могут осуществлять «тоталитарный контроль» над людьми⁵⁹⁶.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Лесли Склер выделяет общую форму глобализации, которая потенциально несет в себе универсальные человеческие блага, но может быть достигнута только при социализме. Лесли Склер одобряет глобализацию, а именно электронную революцию, транснациональные социальные пространства и космополитизм; он утверждает, что эти явления обладают «огромным освободительным потенциалом по широкому кругу экономических, политических и социальных вопросов»⁵⁹⁷. Мы можем отметить четыре фундаментальных различия между социалистической и капиталистической глобализацией: в экономическом, политическом, идеологическом плане и в плане социализации посредством СМИ и образования. В табл. 14.1 представлены основные компоненты. Вместо прибыли, выборной демократии, психологии и идеологии потребительства социалистическая форма глобализации продвигает экологическую устойчивость, демократию участия и права человека.

Как отмечалось в главе 10, глобальная капиталистическая классовая структура состоит из экономических интересов (ТНК), политических институтов — неолиберальных правительств в государствах-гегемонах (США, ЕС) и международных глобальных организаций (МВФ, БМР, Всемирный банк и ВТО). Предложение Склера состоит в том, чтобы перейти от глобальной экономики, в которой доминируют интересы тех, кто владеет, контролирует и представляет ТНК, к экономике, организованной вокруг глобальных сетей кооперативов производителей и потребителей. Здесь его идеи схожи с аргументом плюралистической автономии, рассмотренным ранее. Обеспечение занятости будет одной из главных задач глобализованной социалистической системы. Она будет иметь прямую демократическую форму участия, а не представительную, и будет выходить за пределы государственных границ. Депутаты подлежат немедленному отзыву. Доминирующие военные силы, поддерживающие мировой порядок, в лице НАТО, будут заменены Организацией Объединенных Наций.

⁵⁹⁶ Подробно об этом см.: Zuboff Z. *The Age of Surveillance Capitalism*. (Зубофф. Эпоха капитализма, основанного на наблюдении.) Лондон: Profile Books, 2019.

⁵⁹⁷ Sklair L. *The emancipatory potential*. Кроме того, см.: Harris. *The Dialectics of Globalisation*.

На смену придет культура-идеология потребительства, которая ставит во главу угла предоставление и потребление товаров и услуг, побуждает к труду и является источником социальной дифференциации и удовлетворения. Альтернативой может стать идеология прав и обязанностей.

Таблица 14.1

Капиталистическая и социалистическая глобализация

	Капиталистическая глобализация	Социалистическая глобализация
Область применения	Глобальная экономика, подчиняющаяся экономическим правилам и национальным законам	Международная экономика, подчиненная национальным интересам
Экономика	Создание богатства, накопление прибыли	Создание благосостояния, создание рабочих мест, экологическая устойчивость
Политика	Электоральная демократия, основа национального государства	Демократия, основанная на участии, на международном, национальном и местном уровнях
Культура и психология	Свобода, потребительство	Равенство, права/обязанности человека
Военная сфера	Утверждение западных ценностей и интересов	Ценности мира
Социализация (СМИ и образовании)	Идеология: продвижение вышеперечисленного	Идеология: продвижение вышеперечисленного

Источник: взято из Sklair L. The emancipatory potential of generic globalisation. 2009 (December). Vol. 6 (4). Pp. 525–539; таблица адаптирована со с. 534. Добавлены строки о социализации и военной сфере.

Другими словами, потребности в потреблении сдерживаются ответственностью в экономической и политической сферах, в частности в сохранении окружающей среды. Экологические проблемы будут соизмеряться с другими целями, такими как обеспечение занятости и улучшение жизни. На смену нынешней олигополистической структуре национальных и транснациональных компаний придут более плюралистичные структуры, более децентрализованные и автономные организационные формы — такие, которые обсуждались в предыдущих главах.

Социалистическая глобализация может быть дополнена традиционными национальными социалистическими мерами, некоторые из которых отстаивают социал-демократические лидеры. Например, экономическая политика может быть направлена на увеличение государственного сектора, расшире-

ние государства всеобщего благосостояния и перевод ключевых отраслей под государственное управление. Государственный контроль может быть распространен на крупные частные банки. Произошел бы переход к смешанной рыночной социалистической экономике, управляемой государством. Такая структура, кроме того, могла бы способствовать повышению роли автономных экономических субъектов, которые заняли бы свою нишу в смешанной экономике.

Социалистическая форма глобализации идет гораздо дальше, чем нынешние социал-демократические предложения. Это видение экономики, функционирующей в глобальном масштабе, но не так, как глобализованные неолiberaльные экономики. На национальном уровне в управление частными и государственными компаниями будут входить заинтересованные стороны, как уже говорилось, что означает развитие корпоративной ответственности. Такой социализм заинтересованных сторон обратит вспять разграбление национальных ресурсов. Он может включать в себя контроль заинтересованных сторон над телевидением, газетами, профессиональными спортивными клубами и шоу-бизнесом, тем самым преобразуя средства массовой информации в более плюралистическую демократическую форму. Занятость стала бы главной целью политики, было бы создано министерство занятости, которое разрабатывало бы и проводило политику полной занятости, смягчало бы последствия роботизации и автоматизации. Оно будет реализовывать предложения по обеспечению полноценной работы⁵⁹⁸. Такие меры значительно снизят акцент на частной прибыли, а также окажут положительное влияние на распределение доходов и богатства. Культурно-идеологический сектор будет перестроен с максимизации прибыли на культивирование счастья (например, будет проводиться политика борьбы с одиночеством). Международные дела будут строиться вокруг ООН. Здесь есть видение социалистической альтернативы.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ СКООРДИНИРОВАННАЯ ЭКОНОМИКА В МИРОВОМ МАСШТАБЕ

Любые попытки регулирования существующей системы, скорее всего, не увенчаются успехом, если не будут внесены существенные изменения в ее структурные формы. Более того, реформы на уровне национального государства ограничены, если они не дополнены реформами в глобальном масштабе. Алекс Каллиникос утверждает, что только «революционные преобразования, устанавливающие новую глобальную экономическую систему, основанную на общественной собственности на основные производственные ресурсы и демократическом планировании» могут привести к подлинному

⁵⁹⁸ Srnicek, Williams. *Inventing the Future*.

всеобщему освобождению⁵⁹⁹. По мнению Каллиникоса, альтернативная форма интернационализма состоит в демократически планируемых национальных экономиках, координируемых в мировом масштабе⁶⁰⁰.

Хотя такие демократически планируемые экономики могут быть желательны, проблемы множатся, когда они применяются к мировой экономике. Для сохранения глобализованной системы потребуется новая институциональная структура, хотя некоторые из предложений Каллиникоса могут быть инициированы национальными правительствами⁶⁰¹. Понятие демократически планируемой глобальной экономики — это очень долгосрочная цель. Чтобы реализовать ее на практике, потребуется преобразовать такие институты, как ВТО, БМР, МВФ и Всемирный банк, а также региональные неолиберальные блоки, такие как ЕС. Глобальная экономическая политика также должна включать способы содействия развитию бедных стран и обращению вспять их упадка.

Проблема этого подхода (как и многих других в критическом поле) заключается не столько в желательности целей и задач, сколько в способах их реализации. Однако, как отмечал Милтон Фридман (см. главу 1 настоящей книги), по мере изменения ситуации теоретически желаемое может стать политически возможным. Во время политического или экономического кризиса альтернативные способы понимания или ведения дел могут быть рассмотрены в качестве вариантов политики. В анализе социальных наук существует тенденция чрезмерно определять будущие пути, чрезмерно сужая возможности до существующих институтов и норм. Даже в последней четверти XX в. социологи и политологи не смогли бы предсказать распад СССР его собственным политическим руководством, превращение Китая в крупную промышленную и политическую державу, выход Великобритании из ЕС и войну между Россией и НАТО/Украиной.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

И у Алекса Каллиникоса, и у Лесли Склер есть видение альтернативного будущего. Как его достичь и как его реализовать, Склер считает задачей социальной науки, увязанной с политическими реалиями. Он предполагает, что социалистическая глобализация может быть достигнута с помощью «сообществ, городов, субнациональных регионов, целых стран, многострановых союзов и даже транснациональных кооперативных ассоциаций, [которые] в принципе могут попытаться создать свои собственные механизмы для проверки и обращения вспять классовой поляризации и экологической неустойчивости»⁶⁰². Предполагается, что политические движения будут сти-

⁵⁹⁹ Callinicos. *An Anti-Capitalist Manifesto*. P. 148.

⁶⁰⁰ *Ibid.* P. 123.

⁶⁰¹ *Ibid.* Pp. 132–138.

⁶⁰² Sklair L. *The emancipatory potential*. P. 538.

мулировать политические изменения и будут шире, чем политические партии. Преобразования исходят не от контрэлита в виде политических партий, а снизу, от локализации, за которую выступают такие авторы, как Кастельс (см. главу 11). В конечном итоге появятся международные сети кооперативов производителей и потребителей и более децентрализованная система обмена. Но в этих предложениях не уделяется достаточного внимания тому, как заменить транснациональные компании и связанные с ними развитые глобальные производственные цепочки.

Проблема, стоящая перед социалистической формой глобализации, заключается в том, как ее достичь. Идеологическая, политическая и экономическая мощь находится на одних весах с предлагаемыми преобразованиями. Ресурсы «Гринписа», например, ничтожно малы по сравнению с ресурсами энергетических компаний, таких как BP. Разнообразные группировки НПО, либералов, демократов, анархистов и социалистов могут оказать влияние на местную политику, но не способны обеспечить эффективные международные действия⁶⁰³. Существует также важный вопрос о достижении договоренностей по общей программе. Демократические решения вполне могут отвергнуть многие из этих предложений — особенно там, где под угрозой оказываются занятость и консьюмеризм, а граждане глобального Юга, как можно ожидать, будут иметь иные цели, чем граждане глобального Севера. Движения прямого действия, такие как «Восстание против вымирания», отвергают мажоритарную демократию и полагаются на прямые действия, которые не имеют широкой общественной поддержки.

РЕФОРМЫ ВНУТРИ СИСТЕМЫ

Еще один источник изменений может исходить от существующих международных организаций, которые являются частью глобального капиталистического класса. Они могут проводить различную политику, поскольку несут ответственность перед правительствами государств и финансируются ими. Серьезное потрясение в виде тяжелого и продолжительного экономического кризиса, дискредитирующего либеральные методы ведения дел, может изменить политику организаций Бреттон-Вудского соглашения, таких как МВФ и Всемирный банк. Эти организации являются слугами правительств, и их политика может быть изменена. Действительно, с начала XXI в. МВФ и Всемирный банк стали более чутко реагировать на интересы заинтересованных сторон в вопросах неравенства.

После мирового экономического спада 2007–2008 гг. элиты и общественность Запада скептически оценили преимущества глобализации. Лидер Китая Си Цзиньпин выступил в ее защиту, в частности, в своей речи в Давосе

⁶⁰³ См.: Laibman D. Marxist-anarchist dialogue: A two-way learning curve. *Science and Society*. 2016. Vol. 80 (3). Pp. 414–418. (Дэвид Лайбман. Марксистско-анархистский диалог: Двусторонняя кривая обучения). *Science and Society*, 80:3 (2016). С. 414–418.

в январе 2017 г. Китай является одним из основных бенефициаров процесса глобализации. Си провел различие между общими достоинствами глобализации и многими из ее современных практик. Си Цзиньпин одобрил свободную торговлю и свободное движение капитала, но выступил за отход от неолиберальной формы. Он отметил, что она способствовала модернизации Китая и обеспечила значительное улучшение условий жизни для всего населения. Он призвал к «реформе системы глобального управления» и увеличению выгод для развивающихся стран. Различия между либеральной и китайской идеями глобализации представлены в табл. 14.2.

Таблица 14.2

Неолиберальная и китайская формы глобализации

	Капиталистическая глобализация	Китайская глобализация
Область применения	Продвижение на мировом рынке	Международный обмен, контролируемый государствами
Экономика	Повышение благосостояния, координация рынка, накопленные прибыли	Содействие всестороннему развитию и полная занятость Государственная координация рынка
Политика	Избирательная демократия, универсальные законы, основа национального государства	Признание национальных интересов и законов, партийно-государственное лидерство, реформа глобального управления
Культура-идеология	Свобода, потребительство, экология	Признание национальных цивилизаций, консьюмеризм, экология
Социализация (соц-сети, образование)	Продвижение вышеуказанного в контексте неолиберальных норм	Продвижение вышеуказанного в контексте социализма с китайской спецификой

Китайский подход в определенной степени отвечает целям Хельда, Крауча и Склера. Си Цзиньпин призвал к усилению регулирования и установлению нового баланса между «эффективностью и справедливостью, чтобы обеспечить... всем возможность пользоваться благами... [глобализации]»⁶⁰⁴. В данном случае речь идет о том, что глобализация должна осуществляться в рамках законов и культуры национальных государств. Подобные предложения пред-

⁶⁰⁴ Xi Jinping. Davos speech. Available at: [weforum.org/agenda/2017](https://www.weforum.org/agenda/2017). <https://www.weforum.org/agenda/2017/01/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum/>
Си Цзиньпин, речь в Давосе. Доступно по ссылке: [weforum.org/agenda/2017](https://www.weforum.org/agenda/2017). <https://www.weforum.org/agenda/2017/01/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum/>

полагают переход к интернационализации, которая предполагает мониторинг международных обменов со стороны государств и влечет за собой гегемонию партии-государства в Китае, против чего выступают западные политические элиты. По мнению Си Цзиньпина, не должно быть единого свода универсальных правил, установленных нынешними государствами-гегемонами.

Зависимые государства способны защищать свои экономические и политические интересы и культурные традиции, регулируя последствия глобализации. Глобализация становится формой интернационализации, координируемой международными органами, но подчиняющейся интересам государственных акторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Альтернативные сценарии капиталистической глобализации включают в себя три основные стратегии. В главе 12 описаны движения, основанные на спонтанной эволюции, параллельно с переходом к местным самоуправляемым автономным единицам. В настоящей главе будут рассмотрены два других подхода, основанных на социал-демократическом и социалистическом подходах. Первый предлагает сохранить основные институты капитализма и реформировать практику глобализации, что предполагает большую демократизацию глобальных политических организаций и институтов и разделение суверенитета (субсидиарность) между национальными государствами. Второй предполагает сохранение глобальных механизмов с большим государственным посредничеством и создание (глобальных) социалистических институтов, причем акцент делается на замене капиталистических институтов социалистическими.

Социал-демократические предложения о действиях через национальное государство, на мой взгляд, являются наиболее реалистичной формой, в которой могут быть достигнуты значительные изменения. Захват национально-го государства возможен через избирательный процесс. Реформы будут иметь характер альтернативных стратегий на национальном уровне, направленных на изменение неолиберальной политики и использование полномочий государства для влияния на политику международных организаций, таких как МВФ, Всемирный банк и ВТО.

В настоящее время эти организации несут ответственность перед государственным политиками, которые очарованы неолиберальным мышлением и способами ведения дел. Руководство государств должно будет проводить более национальную политику и, в свою очередь, влиять на политику глобальных координирующих организаций. Государство — единственный реальный инструмент, с помощью которого противники глобального капитализма могут провести реформы. То, что они этого не сделали, объясняется принятием неолиберальной глобализации устоявшимися политическими партиями. Такие изменения могут возглавить государства, различающиеся по сво-

ему отношению к глобальному капитализму. Некоторые из них больше других втянуты в глобальные сети и больше теряют, если неолиберальная система будет упразднена.

Альтернативная политика в этом случае укрепит государство, отменит приватизацию и внедрит интересы заинтересованных сторон в национальные формы управления. С практической точки зрения это означает поддержку движений в пользу ослабления неолиберальной политики в национальных государствах и международных организациях, таких как МВФ, ВТО и Всемирный банк. Если в некоторых отношениях эти организации можно изменить, то в других (например, в сфере финансовых услуг) политически более целесообразно выйти из их орбиты и создать альтернативные институты. В качестве примера можно привести финансируемый Китаем Банк развития. Во многих странах зависимость от иностранного глобального капитала имеет мало внутренней демократической политической легитимности, хотя в современных условиях многие страны поддерживают иностранные инвестиции как средство содействия развитию. Реальной возможностью здесь является возрождение государственнической формы социал-демократии. Социал-демократия, основанная на кейнсианской политике национального развития, поощряющая высокий уровень занятости и национального благосостояния, пользуется значительной поддержкой избирателей. Дэвид Эдгертон показал, что в послевоенный период, вплоть до 1980-х гг., Великобритания была в значительной степени самодостаточна в области инфраструктуры, производства и продовольствия; открытие экономики Великобритании привело к развитию внешней торговли и покупке британских финансовых и нефинансовых компаний, а следовательно, к чистому импорту продукции и продовольствия⁶⁰⁵. Экономический национализм может привести к развитию британских компаний в таких высокотехнологичных областях, как вычислительная техника, био- и экотехнологии. Такая политика отходит от нынешних тенденций глобализации.

Правила ВТО могут быть квалифицированы на основе демократически согласованных предпочтений, выраженных через национальные государства⁶⁰⁶. Как говорит Родрик: «демократии, если они превосходят глобализацию, сделают глобализацию более стабильной»⁶⁰⁷, и, можно добавить, глобализация будет не только более приемлемой, но и более эффективной. Национальные интересы могут быть защищены путем настаивания государств на соблюдении экологических, финансовых, трудовых и потребительских стандартов. В результате такого развития событий то, что сейчас считается глобализацией, перейдет в интернационализацию. Переговоры между государствами и международными регулирующими органами, такими как ВТО

⁶⁰⁵ Edgerton D. *The Rise and Fall of the British Nation*. London: Penguin Books, 2019. (Дэвид Эдгертон. *Взлет и падение британской нации*.) Лондон: Penguin Books, 2019.

⁶⁰⁶ Rodrik D. *The Globalisation Paradox: Why Global Markets, States and Democracy Can't Coexist*. New York: Norton, 2011, в частности Chapter 12.

⁶⁰⁷ *Ibid.* P. XIX.

и МВФ, станут одним из способов реализации предложений таких ученых, как Хелд и Крауч.

Еще одна альтернативная стратегия — возрождение национального государства в более национал-популистской, а не в социал-демократической форме. Национальный корпоративизм, основанный на политическом консенсусе между крупным бизнесом, организованным трудом и партийной политикой, является очевидной возможностью — и альтернативой социализму. Такие события являются скорее альтернативными формами капитализма, чем альтернативами капитализму.

Серьезные политические изменения могут произойти через формирование групп стран, использующих различные формы экономической и политической координации. Большинство дискуссий об «альтернативах» ведется вокруг западного ядра общества. Глобальный капитализм слабее в полуядре и в полупериферии. Формирование региональных блоков, таких как БРИКС, Евразийский экономический союз, а также подъем государственных экономик, таких как Китай, открывают возможности для альтернативного «государства развития», принимающего форму либо государственного капитализма, либо государственного социализма, анализу которых будет посвящен материал следующей главы.

То, как будет развиваться глобальный капитализм в будущем, зависит не только от политической обстановки в разных странах и регионах, но и от размера и уровня развития их производительных сил. Глобальная экономика состоит из разных компонентов, и их необходимо различать. Только крупные государства с сильной широкомасштабной экономикой, уверенными политическими лидерами и альтернативными идеологиями или бросающими вызов цивилизациями могут противостоять или изменить нынешний доминирующий атлантизм и его экономическую и политическую культуру. Даже в странах, которые бросают вызов нынешнему доминирующему мировому порядку, скорее всего, сохранятся культурные тенденции западного типа: к ним относятся западный материальный консьюмеризм в стиле жизни, спорте, моде, искусстве, а также развитие знаний, науки, популярного и элитарного досуга. США, Китай, Евразийский экономический союз и ЕС — экономические регионы, обладающие достаточной экономической массой для самостоятельного выживания. Продвижение их экономического и политического суверенитета предполагает переход к интернационализации, в которой государства могут выступать в качестве привратников глобальных потоков. Реакция государств на кризис COVID-19, энергетический кризис и последствия войны на Украине, вероятно, усилит регионализм и интернационализацию.

15 ВЫЗОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Политическая формация «государственного капитализма» представляет собой наиболее часто выдвигаемую альтернативу либеральному капитализму. Однако это понятие не только сложное, но и неоднозначное. Материал настоящей главы содержит уточнение его различного значения. Термин «государственный капитализм» — это общий термин, применяемый ко всем его формам и концепциям. Принято различать три разных типа политической экономии, в которых государство играет доминирующую роль: государственный социализм, государственно-бюрократический капитализм и капитализм, контролируемый государством. Все три типа представляют собой теоретические альтернативы либеральному капитализму. В свете этих определений обсуждается вопрос использования учеными этих феноменов по отношению к социалистическим обществам. Особое внимание уделяется тому, как Советский Союз был и современный Китай является сейчас «государственным капитализмом».

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Все государства, в той или иной степени, с момента зарождения капитализма осуществляли контроль над экономикой. Исторически государство обеспечивало соблюдение законов о сохранении собственности и организовывало охрану порядка, необходимую для поддержания законов и общественного порядка, а также для сбора налогов. Государство регулировало экономику для поддержания стоимости денег и определения условий торгов-

ли и отношений с другими государствами. В своей неолиберальной форме капитализм свободного предпринимательства опирается на государство не только для создания и обеспечения соблюдения правовых и политических рамок, но и для расширения географического охвата. Среди другой современной практики государств — инвестиции в суверенные фонды, сбор денежных средств через налоги и поддержка частных корпораций через выборочное государственное владение⁶⁰⁸. Осуществление такого рода надзорных функций над капиталистической экономикой обычно не называют государственным капитализмом. Термин «государственный капитализм» используется в общем смысле для описания экономик с современной капиталистической системой производства, в которых государство играет координирующую роль в экономике и активно присутствует в ней, основываясь (но не обязательно) на значительной собственности на производственные активы. Джошуа Курланцик, например, относит к таким странам государства, в которых государство владеет долей в «более чем одной трети из пятисот крупнейших компаний по объему выручки в данной стране»⁶⁰⁹. Такое определение включает в себя очень широкий спектр экономик и типов режимов, в том числе не только Россию, но и Таиланд, Бразилию, Турцию, Египет, Сингапур, Венесуэлу и Норвегию.

Термин «политический капитализм» часто используется как взаимозаменяемый с государственным капитализмом и относится к любой форме государственной власти, осуществляемой с целью получения экономических активов и богатства. Он также применяется к более ранним, досовременным формам того, что Вебер называл колониальным капитализмом или капитализмом «добычи»⁶¹⁰ (прибыль, полученная от политических прерогатив на завоеванных территориях, которые не касаются данного исследования). Эти формы государственного капитализма фокусируются на государстве как контролирующем или направляющем органе, действующем в различных формах капиталистической экономики.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ

В социалистических странах идея государственного капитализма возникла в противовес официальному самоназванию «социализм». Марксистский подход начала XX в. определял способ производства по характеру отношений собственности (которые определяли классы) и уровню производитель-

⁶⁰⁸ Обзор данной литературы см. в: Alami I., Dixon A.D. State capitalism(s) redux? Theories, tensions, controversies. *Competition and Change*. 2019. Vol. 24 (1). Pp. 70–94; Wright M., Wood G.T., Cuervo-Cazurra A., Sun P., Okhmatovskiy I., Grosman A. (Eds). *The Oxford Handbook of State Capitalism and the Firm*. Oxford: Oxford University Press, 2022; Kuriantzick J. *State Capitalism: How the Return of Statism is Transforming the World*. New York: New York University Press, 2016. Взгляды современных западных экономистов см. в: Kolodko G.W. *China and the Future of Globalization*. London: Tauris, 2020. Pp. 78, 112–113.

⁶⁰⁹ Kuriantzick. *State Capitalism*. P. 9.

⁶¹⁰ См.: Gerth, Mills W. *From Max Weber*. Pp. 66–67.

ных сил, состоящих из капитала, используемого в производстве, и процесса труда. В этой модели государство сочетает в себе государственную собственность, административную координацию экономики на основе плана и распределение экономического излишка для обеспечения экономического роста и общественного благосостояния. Государство владеет экономическими активами и осуществляет прямой контроль над распределением излишков, которые используются для обновления общества или для формирования капитала. Марксисты утверждали, что при социалистической государственной собственности не будет места выгоде класса или элиты, получаемой от «прибыли предприятия». Любое отвлечение экономических излишков в пользу тех, кто их распределяет, нелегитимно — это форма коррупции. Как отмечалось в главе 5, социализм обеспечивается заменой класса капиталистов рабочим классом — владением и контролем над производительными силами партийным государством, с одной стороны, и передовым уровнем производительных сил — с другой. Такой подход узаконивал построение экономической основы социализма, вытекающей из уничтожения класса капиталистов. Форма экономики определяется как социалистическая, потому что мотивирующими ценностями являются преимущественно коллективистские, движимые социалистической партией, а не индивидуалистические, движимые прибылью.

Эту формацию я назвал «государственно-социалистической», потому что государство в России играло доминирующую роль в создании постфеодальных производительных сил. Это было государство, возглавляемое Коммунистической партией, которая определяла его цели и организовывала процессы. Как гласила статья 6 Конституции СССР 1977 г.:

Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу. Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма⁶¹¹.

Социологи, такие как Влодек Весоловский⁶¹², утверждали, что эти условия влекут за собой ликвидацию присвоения прибавочной стоимости классом капиталистов.

Такая общественная формация, как утверждали марксисты-ленинцы, является первой стадией социализма. Классовые отношения определяют способ производства как социалистический, поскольку государство рабочих владеет средствами производства, управляется господствующей социалистической партией и осуществляет монополию политической и экономической власти в интересах всех членов общества. *Государственный социализм* определяется как экономическая система, в которой государство является основ-

⁶¹¹ Конституция СССР. Статья 6. 7 октября 1977 г.

⁶¹² Wesolowski W. *Classes, Strata and Power*. P. 120.

ным собственником средств производства, а доминирующая социалистическая партия регулирует экономику и извлекает прибавочную стоимость для дальнейших инвестиций и обновления общества. Марксистская государственно-капиталистическая критика, однако, отвергает эти рассуждения.

ГОСУДАРСТВЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ

От других форм капитализма государственно-бюрократический капитализм отличает то, что государство владеет производственными экономическими активами, а государственные чиновники контролируют экономический излишек и могут направлять его на разные цели: не только на переменный и постоянный капитал, но и на прибыль предприятия. Отличие этого подхода от государственного социализма заключается в характере государственной бюрократии, которая стремится к созданию прибавочной стоимости, часть которой — прибыль предприятий — используется для собственной экономической или политической выгоды. Такая выгода представляет собой процесс эксплуатации, который, согласно критической марксистской интерпретации, определяет классовую структуру. Такие ученые-марксисты утверждают, что Советский Союз и современный Китай являются государственно-бюрократическими в этом смысле.

Государственно-монополистические формы капитализма возникли как политические образования в конкретных исторических условиях. Неравномерное мировое развитие капитализма привело к появлению экономик с аграрными докапиталистическими производительными силами и отсутствием буржуазного класса. Такие общества, чтобы перейти к капитализму, подвергаются автократическому государственному развитию. Этот аргумент использовался марксистами (в основном меньшевиками), чтобы отрицать возможность развития социализма в царской России в 1917 г. Социализм не может быть построен, утверждали они, на фундаменте разваливающегося феодального общества, в котором нет зрелого рабочего класса и инфраструктуры развитого капитализма. Сначала должен быть построен капиталистический способ производства, а затем социализм. Социалистическое правительство должно использовать государство для создания экономических основ капиталистического способа производства в смысле повышения уровня производительных сил до уровня промышленной капиталоемкой экономики. Государственно-монополистический капитализм, утверждали они, — вот что получится в результате. Экономика останется капиталистической, поскольку эксплуатация труда будет выгодна тем, кто контролирует государственный аппарат, который будет извлекать экономический излишек и формировать себя как капиталистический класс. Критическая марксистская концепция *государственного капитализма* может быть определена как современная экономическая система, в которой государство является основным собственником

средств производства и в которой извлечение прибавочной стоимости происходит в интересах и целях исполнительного государственного правящего класса, имеющего эффективный контроль над средствами производства.

МАРКСИСТСКАЯ КРИТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛА СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Марксистская критика государственно-монополистического капитала обращается к государственной и плановой экономике, созданной в Советском Союзе, а затем в социалистических государствах Восточной Европы после Второй мировой войны. В то время как эти авторы оправдывают социалистические революции в докапиталистических экономиках, таких как Советская Россия, практика новых власти предрержащих подвергается осуждению. Государственный капитализм стал определяться в критических марксистских кругах не по уровню производительных сил или формам собственности, как у меньшевиков, а по осуществлению политического контроля над процессом труда, который приводил к присвоению прибавочной стоимости, значительная часть которой направлялась в государственный капиталистический класс⁶¹³.

Контроль над средствами производства является источником эксплуатации и прибыли. Капитализм определяется формой эксплуатации в процессе труда, которая приносит экономический излишек бюрократическому классу. Эти идеи популяризировали такие писатели, как С. Резнич и Р. Вольф⁶¹⁴, Р. Дунаевская⁶¹⁵, М. Постон⁶¹⁶, Т. Клифф, а в последнее время — *Aufheben Collective*. Резнич и Вольф утверждают, что государственно-капиталистическая монополия формируется «капиталистическими процессами производства, присвоения и распределения излишков, [которые] сосуществуют и взаимодействуют с процессами, которые ставят государственных чиновников (а не частных лиц) в классовую позицию присвоителей и распределителей излишков»⁶¹⁷. Роберт Бреннер занимает схожую позицию, определяя способы производства как «способы контроля над трудом»⁶¹⁸.

Как выразились писатели из *Aufheben Collective*:

СССР был, по сути, капиталистическим, поскольку был основан на наемном труде. Рабочие в СССР были оторваны как от средств существования, так

⁶¹³ См.: Marx K. Theory of Surplus Value (Internet edition, p. 261). Available at: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1863/theories-surplus-value/>; о прибыли предприятия — Marx K. Capital. Vol. 3. Chapter 23.

⁶¹⁴ Resnich S.A., Wolff R.D. Class Theory and History. New York: Routledge, 2002. Chapters 3–4.

⁶¹⁵ Dunayevskaya R. The Union of Soviet Socialist Republics is a Capitalist Society (1941). Available at: <https://www.marxists.org/archive/dunayevskaya/works/1941/ussr-capitalist.htm>

⁶¹⁶ Postone M. Time, Labor, and Social Domination: A Reinterpretation of Marx's Critical Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

⁶¹⁷ Resnich S.A., Wolff R.D. Class Theory and History. New York: Routledge, 2002. P. 86.

⁶¹⁸ Brenner R. The origins of capitalist development. New Left Review. 1977. Vol. 104. Pp. 25–72.

и от средств производства... Следовательно, как и их коллеги на Западе, российский рабочие были подчинены процессу производства, который был разработан и развит для максимизации производства при минимальном учете жизненного опыта рабочего на производстве.

Отношения производства — это отношения «саморасширяющегося отчужденного труда», которые являются «производственными отношениями капитала»⁶¹⁹. Тони Клифф говорит довольно просто: «Государственный капитализм... обозначает стадию, на которой капиталистическое государство становится хранителем средств производства»⁶²⁰. Подобные рассуждения имеют очень важные политические последствия.

Эти аргументы используются критиками для того, чтобы обозначить государственные социалистические общества как тоталитарные. Элвин Гоулднер формулирует эту позицию: Бюрократия — это «новый правящий класс», «новая, во много раз худшая [форма] господства» [чем капитализм]⁶²¹. Такие авторы подчеркивают не только наличие аппаратов контроля, но и зависимость от полного политического господства⁶²². Определяющими факторами являются извлечение прибавочной стоимости, обеспечиваемое доминирующими партийно-государственными аппаратами. В этой аналогии коммунистическая партия представляет собой крупных акционеров, а государственное управление — капиталистический управленческий класс. Природа эксплуатации предполагает конфронтационную классовую структуру, состоящую из государственно-бюрократического правящего класса и эксплуатируемого рабочего класса. С этой точки зрения партийное государство, какими бы ни были его декларируемые предписания, не функционирует в интересах рабочего класса. Суть в том, что эксплуатация бюрократическим классом происходит через трудовой процесс, представляющий собой государственную форму капитализма.

ОЦЕНКА ПАРАДИГМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

При таком подходе вопрос о капиталистическом характере правящего класса сводится к вопросу о собственности на активы и распределении прибавочной стоимости. Необходимо провести различие между, с одной стороны, администраторами и руководителями, нанятыми государством, которые могут контролировать, но не владеют и не могут продавать средства

⁶¹⁹ Aufheben Collective. Issues 6–8. What was the USSR? Pattern Books (No place of publication), 2020. Pp. 242–243.

⁶²⁰ Cliff T. Russia: A Marxist Analysis. London: International Socialism Publishers, nd [1964]. P. 154. См. также: Aufheben Collective. Issues 6–8. What was the USSR? Pattern Books (No place of publication), 2020.

⁶²¹ Gouldner A. The Two Marxisms. London: Macmillan, 1980. P. 382.

⁶²² Postone M. Time, Labor, and Social Domination: A Reinterpretation of Marx's Critical Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

производства, и, с другой стороны, капиталистами, которые владеют, контролируют, извлекают выгоду и могут продавать свои активы. Вопрос заключается в том, что в отсутствие прав собственности де-юре такой бюрократический класс осуществляет аналогичные права на собственность де-факто, извлекает прибавочную стоимость и затем действует как буржуазный класс. Эрнест Мандель приводит аргументы против:

Бюрократия не является новым правящим классом... Это привилегированный слой, который узурпировал осуществление административных функций в советском государстве и экономике и который использует свою монополию на власть для предоставления себе больших преимуществ как потребителям... [С другой стороны], капитализм — это специфическая система классового господства, характеризующаяся частной собственностью на средства производства, конкуренцией, обобществленным товарным производством, превращением рабочей силы в товар, необходимостью продавать все произведенные товары до реализации содержащейся в них прибавочной стоимости, неизбежностью периодических кризисов обобществленного перепроизводства. Ни одна из этих фундаментальных характеристик не может быть найдена в советской экономике⁶²³.

Государственно-капиталистический подход подчеркивает эксплуататорскую роль политического класса или политической элиты в присвоении прибавочной стоимости. Мандел прав в том, что такой подход игнорирует другие конституирующие черты социализма: коллективную форму собственности, доминирующие социалистические ценности в обществе, отсутствие экономических кризисов и, что самое важное, экономические цели развития, на которые государство направляет излишки. Административные формы нелегитимного использования политической власти достаточно реальны и не подлежат отрицанию. Чрезмерные заработки или бюрократические привилегии чиновников, конечно, неоправданны, а акты репрессий, принуждения и преследования при советской власти были неоправданными преступлениями. Однако в Советском Союзе они выражались как формы политического господства и чрезмерной бюрократической власти, а не как структурное условие классовой эксплуатации труда. Чтобы отличить государственный капитализм от государственного социализма, необходимо знать, какая часть прибавочной стоимости идет на общественное развитие, включая накопление капитала, а какая направляется на личные и семейные блага и на политические привилегии чиновников (класса российских чиновников). Слабость современных версий государственного капитализма заключается в том, что его сторонники не измеряют степень использования прибавочной стоимости эксплуататорским классом. Советская элита не могла накапливать капитал ни внутри страны, ни приобретать его за рубежом. Наследование личной собственности было разрешено, но не производственного капитала, а политическое положение было ограничено номенклатурной системой назначений, контролируемой аппаратом Коммунистической партии. Капиталистическая классовая система не была сформирована.

⁶²³ Mandel E. From Class Society to Communism. London: Ink Links, 1977. Pp. 111–112.

Следуя концепции Гаэтано Моска, класс бюрократии, на наш взгляд, лучше понимать как политический класс, а не как экономический класс, как его определял Маркс. Представители бюрократии могут получать завышенные зарплаты и другие служебные блага (заграничные поездки, превосходное жилье и медицинские льготы), но это привилегии потребления, они не определяют классовую позицию в марксистском смысле. Средства к существованию привилегированных групп зависят от статуса занятости, подкрепленного профессиональными заслугами или политической позицией. В отличие от акционеров, чье богатство формируется за счет владения активами, государственные чиновники не имеют юридических прав на производственные активы или продукцию экономических предприятий.

ЛЕНИНСКАЯ ВЕРСИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

На Ленина часто ссылаются как на одного из первых сторонников «государственного капитализма». Ленин использовал термин «государственный капитализм» для описания Новой экономической политики Советской России (1921–1928 гг.). Однако Ленин имел в виду не государственный капитализм в его прежнем понимании, а контроль социалистического государства над капиталистическими предприятиями, действующими на территории государства. В период после Октябрьской революции, в апреле 1918 г., большевики признали, что существует «роль государственного капитализма в построении социализма в крестьянской стране»⁶²⁴. Ленин использует этот термин в общем смысле, как определено в этой главе выше, а не как госкапитализм.

Переходная форма экономики позволяла частным предприятиям работать в условиях свободного рынка. Частная собственность (разрешенная для предприятий с численностью до 20 человек) и прибыль предприятий были мерами, направленными на восстановление экономики после разрушительной гражданской войны для сохранения власти большевиков. Это было оправдано руководством партии, поскольку позволяло рынку и частному предпринимательству работать для удовлетворения общественных потребностей в условиях, контролируемых социалистическим государством. Как выразился Ленин, «свободный рынок и капитализм, оба под контролем государства, теперь разрешены и развиваются»⁶²⁵. Ленин обосновывал это развитие тем, что Коммунистическая партия делает «первые шаги в переходе от капитализма к социализму»⁶²⁶, в котором рынок и частное предпринимательство подлежат

⁶²⁴ Политика Ленина 1918 г. изложена в: Lenin V.I. The New Economic Policy and the Tasks of the Political Education Departments. 17 October 1921; Lenin V.I. Collected Works. Pp. 60–79. Available at: <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1921/oct/17.htm>

⁶²⁵ Lenin V.I. Draft theses on the role of trade unions. Written 30 December 2021. Available at <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1921/dec/30b.htm>

⁶²⁶ Ibid.

социалистическому государственному регулированию. Ленин считал, что такая форма двойной экономики будет необходима в течение относительно короткого периода времени после периода военного коммунизма. Он признавал, что прямого перехода к социализму от феодализма не существует, необходимо создать экономическую основу капиталистического способа производства. В этот начальный период государство под руководством Коммунистической партии не строило социализм, а осуществляло контроль над предприятиями, торгующими продукцией на рынке с целью получения прибыли, многие из которых принадлежали капиталистам и ими управлялись.

Извлечение прибыли и элементы частной собственности не составляли государственного капитализма, как я его определяю. Прибыль (прибавочная стоимость) от частного бизнеса доставалась его владельцам, которые составляли класс капиталистов. Частный сектор зависел от КПСС, которая осуществляла контроль над экономическими, политическими, медийными и правовыми институтами и процессами. В то же время крупные промышленные предприятия оставались в государственной собственности и управлении, а излишки, полученные государственными предприятиями, возвращались в государственную казну. Ленин руководил переходной общественной формацией — смешанной экономикой с социалистическим политическим руководством. Государственный капитализм, описанный Лениным, представляет собой двойную экономику, и его следует определять как капитализм, регулируемый государством. Капитализм, регулируемый государством, представляет собой двойную политическую и экономическую систему, в которой частные предприятия производят продукцию для получения прибыли и получают «вознаграждение за предприимчивость» при условии морального, политического, экономического и принудительного контроля, осуществляемого доминирующими государственными механизмами и институтами. Однако дуализм в России в период новой экономической политики был неустойчивым и представлял собой временную формацию, предшествующую социализму. Концепция Ленина знаменует собой пересмотр марксизма: политическое не зависит от экономического; когда к власти приходит революционное социалистическое правительство, все происходит наоборот⁶²⁷.

Ленинская форма капитализма с государственным управлением часто одобряется учеными-социалистами как механизм перехода от феодализма к капитализму. Самир Амин отмечал:

Установление государственно-капиталистического режима неизбежно и будет оставаться таковым повсеместно. Сами развитые капиталистические страны не смогут вступить на социалистический путь (который сегодня не стоит

⁶²⁷ Более подробное исследование связи между экономикой государства и рынком см. в: Arrighi G. Adam Smith in Beijing. London: Verso. 2007. Политическая формация регулируемого государством капитализма необязательно должна быть социалистической, она может быть популистской или национал-капиталистической, и в этом случае она не будет основываться на какой-либо идеологии, ведущей к социализму. Такими экономикими являются «национал-социалистические» режимы, как в Германии и Италии между двумя мировыми войнами. Это направление исследований здесь не рассматривается.

на повестке дня), не пройдя через этот первый этап. Это предварительная фаза потенциальной готовности любого общества освободиться от исторического капитализма на долгом пути к социализму/коммунизму. Социализация и реорганизация экономической системы на всех уровнях, от фирмы (элементарной единицы) до нации и мира, требуют длительной борьбы в течение исторического периода, который нельзя сократить⁶²⁸.

Подобный образ мышления можно найти во взглядах Дэн Сяопина, который на 14-м национальном съезде Коммунистической партии Китая в 1992 г. указал на то, что для перехода к полному социализму с начальной стадии может потребоваться 100 лет. В этом процессе капиталистические формы организации должны быть использованы коммунистическим государством — хотя Дэн Сяопин не предполагал и не называл свои предложения «государственным капитализмом». Альтернативой либеральной форме развития, основанной на частной собственности и рыночной конкуренции, стала не социалистическая система, а государство развития, основанное на извлечении экономического излишка для развития государства под руководством правящей социалистической партии. Частный сектор позволяет извлекать личную прибыль — следовательно, он будет капиталистическим, но государство будет контролировать его уровень и вести общество к социализму. Для теоретиков государственного капитализма Китай после рыночных реформ представляет собой более сложный случай, чем Советский Союз: в нем растущая частная собственность погружена в мощное государство, контролируемое коммунистической партией. В отличие от Новой экономической политики в России, здесь нет ограничений на размер корпораций, которые могут находиться в частной собственности, хотя иностранная собственность регулируется.

КИТАЙСКИЙ ВАРИАНТ: СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА

В 1978 г. политика «открытых дверей» открыла Китаю доступ к мировой экономике. Во внутреннюю экономику были внедрены либеральные нормы. Успех Генерального соглашения по таможенным тарифам и торговле и Всемирной торговой организации (ГАТТ/ВТО) в открытии мировой торговли принес Китаю большую пользу. При Дэн Сяопине страна перешла к гибридизации экономики, сочетая государственное планирование с рыночными отношениями. В отличие от европейских посткоммунистических стран в стране сохранялась гегемония коммунистической партии и жесткий экономический контроль, часто игнорировавший советы либерализирующих институтов, таких как МВФ⁶²⁹. Изменения привели к высвобождению избыточной рабочей силы, и, в отличие от бывших европейских стран с государствен-

⁶²⁸ Amin S. China 2013. Monthly Review. 2013. Vol. 64(10). Available at <https://monthlyreview.org/2013/03/01/china-2013/>

⁶²⁹ Stiglitz J.E. Globalization and Its Discontents. London: Penguin, 2002. P. 63.

ной социалистической экономикой, в Китае наблюдался высокий уровень экономического роста. Государство под руководством Коммунистической партии осуществляло общее планирование на макроуровне, определяемое пятилетними экономическими планами. Распределение инвестиций оставалось в основном за плановиками. Идея заключалась в том, чтобы, по словам реформатора Чэнь Юня, «освободить рыночную птицу в клетке центрального планирования». В этой политике руководство страны находилось под влиянием других стран Юго-Восточной Азии (четырёх драконов — Гонконга, Южной Кореи, Тайваня и Сингапура), которые провели успешные экономические реформы в условиях авторитарного правления. Постепенно Китай превратился из ученика в мастера, а из ученика — в конкурента.

Прямая производственная роль государства сохранилась, но значительно сократилась: в 1978 г. на негосударственный сектор в промышленности приходилось менее пятой части промышленного производства, в 1990 г. он вырос до 45%, а в 1992 г. — до 61%⁶³⁰. Первоначально этот рост произошел в сельском секторе, где после деколлективизации сельского хозяйства были созданы квазичастные предприятия. Были внесены существенные изменения в права собственности, и государство уступило предпринимателям значительные сферы контроля. Например, в 1988 г. насчитывалось 18 882 млн независимых сельских предприятий⁶³¹, а к концу 1980-х гг. только треть рабочих мест в строительстве оставалась в государственном секторе. В сфере транспорта и связи государство сохраняло монополию. В розничной торговле широкое распространение получили рыночные отношения: к концу 1980-х гг. менее 40% розничных продаж осуществлялось в государственном секторе⁶³². К 1991 г. 85% определялись рыночными ценами⁶³³. Распределение товаров перешло к рынку, что дало положительные результаты.

Важным источником финансирования стал государственный банковский сектор. С 1979 г. государственные банки получили право распределять и регулировать кредиты. Они стали больше ориентироваться на прибыль и контролировать деятельность заемщиков. Таким образом, финансово-экономические критерии стали играть более важную роль в промышленности и торговле. Однако правительством не был утрачен экономический контроль, поскольку механизм планирования по-прежнему обладал значительными полномочиями по управлению экономикой, а банки находились в собственности государства и контролировались им. Распределение было подчинено государственному планированию, а распределение осуществлялось рыночными механизмами. Рынку было отведено законное и важное место, и связанная с этим большая разница в доходах между секторами экономики и между различными группами работников была приемлема для коммунистического руководства.

⁶³⁰ Lardy N.R. China: Sustaining development. In: Rozman G. (Ed) Dismantling Communism: Common Causes and Regional Variations. Johns Hopkins University Press, 1992. P. 208.

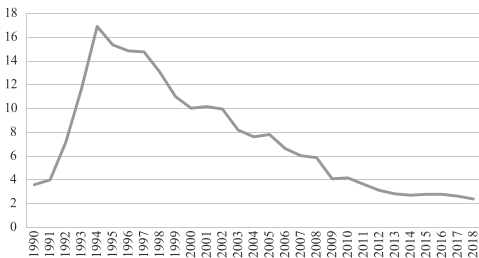
⁶³¹ Ibid. P. 208.

⁶³² Ibid. P. 219.

⁶³³ Zheng Qian. The Road to Socialism with Chinese Characteristics. Reading: Paths International, 2018. P. 257.

Рынок был признан не только как внутренний распределительный институт, но и как полезный международный рынок. В октябре 1993 г. Китай официально стал страной с «социалистической рыночной экономикой».

Иностранные инвестиции и интернационализация экономики принесли значительную экономическую выгоду. В период с 1979 по 1991 г. Китай получил 80 млрд долл. иностранного капитала и импортировал 24,6 млрд долл. иностранных технологий. Первоначально экономические реформы проводились на периферии экономики: вводились частные фермерские хозяйства и сельские предприятия, поощрялось индивидуальное предпринимательство и создавались специальные экономические зоны⁶³⁴. Иностранные инвестиции, как мы видим на рис. 15.1, достигли своего пика в 1994 г., но с тех пор их доля во внутренних инвестициях значительно снизилась; формирование основного капитала в значительной степени зависит от внутреннего финансирования. ПИИ за весь период, конечно, увеличились, но внутренние капиталовложения были бесконечно больше. Тенденция, показанная на рис. 15.1, свидетельствует о том, что Китай переходит от состояния периферийной зависимости от Запада к состоянию конкурентной взаимозависимости. К 2018 г. доля притока ПИИ в валовом накоплении основного капитала Китая (2,7%) была не только ниже, чем в среднем по развитым странам (5,4%), но и меньше, чем в развивающихся странах (7,4%)⁶³⁵. К 2010 г. Китай относительно мало зависел от ПИИ.

ПИИ как процент от накопления основного капитала (внутри страны)

Рис. 15.1. Китай: приток ПИИ (в %) от валового накопления основного капитала, 1990–2018 гг.

Источник: Unctad Statistics. Available at: Unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/TableView.aspx

⁶³⁴ Coase R., Wang N. How China Became Capitalist. Palgrave: Basingstoke and New York, 2012. P. 104.

⁶³⁵ UNCTAD. World Investment Report 2015. Table 7.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОБСТВЕННОСТИ

Право собственности и контроль над экономическими предприятиями имеют решающее значение для природы и характера любой экономики. В Китае реформы привели, во-первых, к созданию различных форм государственных предприятий и, во-вторых, к введению различных видов собственности. До реформ государственная собственность была прямой, а предприятия находились под административным контролем. При советской форме централизованного планирования активы предприятий находились в собственности государства, а руководств отвечало в конечном итоге перед министрами правительства (которые, в свою очередь, отвечали перед Советом министров и советским правительством). Финансы, дифференциация заработной платы, цены на продукцию и ассортимент продукции определялись государственным планом. После реформ стали создаваться коллективные предприятия, где капитал принадлежал «коллективам» (в основном низшим уровням власти). Также были созданы корпорации с ограниченной ответственностью: это были государственные корпорации, чья ответственность по долгам ограничивалась общими активами фирмы; они торговали товарами или услугами на рынке. Однако их активы принадлежали государству. Иностранцы граждане (частные лица и компании) также могли инвестировать в государственные корпорации, а те из них, в которых иностранцам принадлежит более 25% активов (не более 49%), были включены в реестр «государственных корпораций с иностранными инвестициями». Также существовали кооперативные, совместные и частные предприятия⁶³⁶.

Частная собственность и предприятия в Китае очень обширны, и в XXI в. они постоянно увеличиваются. На рис. 15.2 показаны огромные размеры частного сектора в 2017 г.

Показано также, что государственных и коллективных предприятий достаточно много (133 223 государственных в 2017 г.), примерно столько же, сколько и предприятий с иностранными акционерами (136 997). Кооперативные предприятия (всего 62 350), принадлежащие работникам (и другим лицам) в форме акций и работающие на основе прибыли и убытков, были менее многочисленны. Поражает огромное количество малых частных предпри-

⁶³⁶ Государственные предприятия — это некорпоративные экономические единицы, активы которых принадлежат государству. Предприятия с коллективной собственностью — это единицы, активы которых находятся в коллективной собственности. Кооперативные предприятия — это формы коллективных хозяйственных единиц, в которых капитал формируется в основном за счет работников, частично за счет внешних источников, производство является самостоятельной операцией, с демократическим управлением. Предприятия совместной собственности создаются двумя или более корпоративными предприятиями или корпоративными учреждениями одинаковой или различной формы собственности. Акционерные корпорации — это экономические единицы с капиталом, привлеченным путем выпуска акций. Частные предприятия — это экономические единицы, приносящие прибыль, созданные лицами или контролируемые лицами, использующими труд. Корпорации с ограниченной ответственностью — экономические единицы с инвестициями 2–50 инвесторов, каждый из которых несет ограниченную ответственность перед корпорацией в зависимости от своей доли инвестиций. Определения взяты из пояснительных записок к Статистическому ежегоднику Китая 2019.

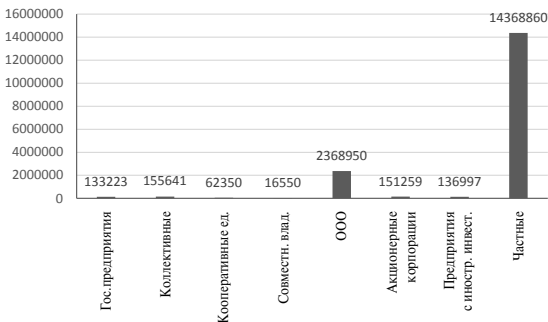

Рис. 15.2. Количество корпоративных предприятий по формам собственности, 2017 г.

Источник: China Statistical Yearbook 2019. Table 1–8.
Corporate Enterprises by status of Holdings.

ятий: в 2017 г. их число выросло более чем до 14 млн (14 368 860), а число преимущественно государственных обществ с ограниченной ответственностью увеличилось втрое — до 2 368 950; предприятия с иностранным капиталом и акционерные общества также выросли, но по количеству остались примерно на одном уровне с государственными предприятиями. Корпорации с иностранными инвестициями, акционерные корпорации и общества с ограниченной ответственностью дают значительную демографическую плотность предприятиям, ориентированным на рынок и приносящим прибыль.

Однако многие из этих предприятий, особенно те, которые определяются как частный бизнес, являются малыми. Изучение численности работников промышленных предприятий дает еще одно представление о балансе между частным и государственным секторами. С точки зрения общей занятости частный сектор составляет большую часть рабочей силы в промышленном секторе. Как показано на рис. 15.3, в XXI в. занятость в частном секторе росла экспоненциально и к 2006 г. превысила занятость в государственном секторе.

В КИТАЕ «ГОСУДАРСТВЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ»?

Государственно-капиталистическая интерпретация Советского Союза основывалась на бюрократическом политическом классе, извлекающем излишки в процессе труда в государственной экономике. В Китае, однако,

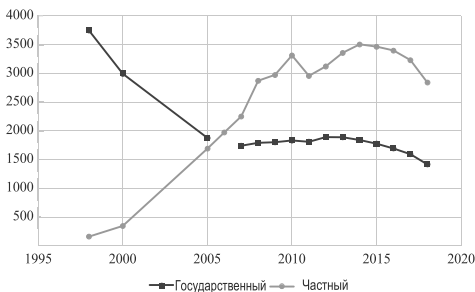

Рис. 15.3. Среднесписочная численность работников государственных промышленных предприятий и частных промышленных предприятий, 1998–2018 гг.

Единица измерения 1 = 10 000 человек. Данные о государственной собственности за 2006 г. отсутствуют.

Примечание. Пробел в строке «Государство» означает, что на данный момент данные не предоставлены.

Источник: China Annual Statistical Yearbook 2019. Таблица 13.5 (государственный сектор) и Таблица 13.7 (частный сектор).

также существует отдельный предпринимательский класс с правами частной собственности, узаконивающими прибыль. Саймон Гилберт называет это двойное развитие государственным капитализмом. Он приравнивает государственную бюрократию к классу индивидуальных собственников, с которым она переплетается⁶³⁷. В этой интерпретации наблюдается отход от взглядов Ленина. Для Ленина социалистическое государство сохраняло контроль над приватизированным экономическим сектором: им командовало политическое руководство. Для таких писателей, как Гилберт, существует слияние двух классовых фракций (государственного политического класса и класса частных капиталистов), образующих бюрократический правящий класс. Эти теоретики государственного капитализма определяют основные расколы в Китае между классовыми группами: партийные чиновники, государственные слу-

⁶³⁷ Говоря о Китае, он пишет: «Лучше всего понять высшие эшелоны государственной бюрократии, богатых частных капиталистов и ту мутную смесь, которая находится между ними как составляющие единый правящий класс». См.: Gilbert S. Class and class struggle in China today. International Socialism. June 2017. Vol. 155. Available at: <http://i.sj.org.uk/class-and-class-struggle-in-china-today>. В интернет-издании страница не указана.

жащие, частный корпоративный бизнес, с одной стороны, и рабочий класс — с другой. Первые получают прибавочную стоимость.

Другие западные комментаторы отмечают это различие без марксистского теоретизирования. Главной особенностью китайского капитализма является сопоставление государственных институтов развития сверху вниз и частных предпринимательских сетей снизу вверх, что часто приводит к противоречивым стимулам и трениям»⁶³⁸. Китайский капитализм, утверждает Кристофер Макнелли — это гибридная система, основанная на межличностных отношениях и использующая китайские культурные нормы, в которой государство способствует накоплению капитала и направляет его. Он является частью глобализованной системы, в которой приняты доминирующие англо-американские ценности и институты: он представляет собой «рыночно-либеральную форму государственного капитализма»⁶³⁹. Частный капитализм, с этой точки зрения, встроен в китайское партийно-государственное устройство; это дуализм ленинского государственного контроля и частного накопления капитала⁶⁴⁰. Поскольку промышленное развитие Китая происходило в условиях неолиберальной глобализации, иностранный капитал стал более доступным, как и глобальные рынки. Созданные гибкие рынки труда⁶⁴¹ и соглашения ВТО сделали Китай более глобализованным в плане торговли, что дало ему преимущество в мобильности движения капитала. Однако доминирование государственной политики, возглавляемой Коммунистической партией Китая, межличностные связи и отсутствие правовой экономической системы западного типа выносят Китай за рамки «международного порядка, основанного на правилах»⁶⁴². С этой точки зрения китайская система, действительно, является альтернативой неолиберальной глобализации и, по мнению критиков, нежелательной.

Бранко Миланович, пишущий о Китае, а также о Вьетнаме и Сингапуре, использует понятие Вебера политического капитализма. Под ним он понимает «приобретение богатства силой, политическими связями или спекуляцией»⁶⁴³. В Китае бюрократия, как утверждает он, «явно является главным бенефициаром системы»⁶⁴⁴ и легитимирует себя, обеспечивая высокие темпы экономического роста. Она осуществляет, не ограничиваясь законом, свою политическую власть над частным сектором. Эта система обеспечивает экономический рост одновременно с обогащением бюрократического класса. Миланович, следуя Брюсу Диксону⁶⁴⁵, показывает, что в том, что касается распределения доходов и богатства, в Китае с начала реформ наблюдается тенденция к усилению влияния деловых и профессиональных кругов как составляющей нового правящего класса.

⁶³⁸ McNally. Sino-capitalism. P. 747.

⁶³⁹ Ibid. P. 750.

⁶⁴⁰ Dickson B.J. Wealth into Power. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

⁶⁴¹ McNally. Sino-capitalism. P. 756.

⁶⁴² Ibid. P. 765.

⁶⁴³ Milanovic B. Capitalism. Alone. P. 91.

⁶⁴⁴ Ibid.

⁶⁴⁵ Dickson. Wealth into Power.

В то время как частные капиталисты обогащаются, партийное государство по-прежнему контролирует средства производства⁶⁴⁶. Поэтому, хотя Миланович называет эту систему политическим капитализмом, следует предпочесть термин «капитализм, контролируемый государством». Достоинством Милановича является количественное определение масштабов частной прибыли (экономического излишка). С ростом приватизации значение доходов от капитала значительно возросло, и исследования показывают, что доля доходов от капитала в 1% доходов самых богатых выросла до 37%, что делает источник доходов от капитала похожим на американский⁶⁴⁷. С ростом негосударственного бизнеса статус и доходы государственных чиновников снизились. Доля государственных чиновников, входящих в 5% самых богатых получателей доходов, снизилась с 25% в 1988 г. до 6% в 2013 г.⁶⁴⁸ Миланович считает, что новый капиталистический бизнес-класс остается «классом сам по себе» и не обладает классовым сознанием⁶⁴⁹. Он утверждает, что до тех пор, пока он может накапливать богатства, китайский буржуазный класс не будет стремиться к политической власти⁶⁵⁰.

В Китае новый класс способен владеть и превращать экономические излишки в активы и, следовательно, обладает характеристиками капиталистического класса. Направление развития экономической системы, по мнению Милановича, заключается в укреплении формы политического капитализма, при которой политическая элита сохраняет контроль, а не в том, чтобы следовать примеру бывшего Советского Союза, переходящего к либеральному капитализму. Партийное социалистическое государство по-прежнему формально контролирует экономику, в которой предпринимательские классы действуют в целях максимизации прибыли на рынке. Любая аналогия с ленинским государственным капитализмом должна быть отвергнута, поскольку Ленин не принимал буржуазные классы в партию, а Новая экономическая политика была рассчитана и длилась лишь короткий переходный период.

Самир Амин и Дэвид Харви также признают, что в Китае отношения к средствам производства имеют сходство с современным капитализмом. Для Амина это «покорный и отчужденный труд, извлечение прибавочного продукта»⁶⁵¹. Харви, рассуждая о неолиберализме, утверждает, что: «В той мере, в какой неолиберализм требует большой, легкоэксплуатируемой и относительно бесправной рабочей силы, Китай, безусловно, квалифицируется как неолиберальная экономика», при этом он добавляет: «хотя и «с китайской спецификой»»⁶⁵². Для Амина решающий фактор заключается в роли контроля Коммунистической партии над государственным аппаратом, и он счита-

⁶⁴⁶ Milanovic B. *Capitalism, Alone*. P. 106.

⁶⁴⁷ *Ibid.* P. 104.

⁶⁴⁸ *Ibid.* P. 106 (в частности, рис. 3.7).

⁶⁴⁹ *Ibid.* P. 105.

⁶⁵⁰ *Ibid.*

⁶⁵¹ Amin S. *The Implosion of Capitalism*. Лондон: Pluto Press, 2014. P. 71.

⁶⁵² Harvey D. *A Brief History of Neoliberalism*. P. 144.

ет, что излишки используются преимущественно для экономического и социального развития. Они используются «для создания интегрированной и суровой современной промышленной системы». По нашей классификации, это социалистическая форма капитализма, контролируемая государством.

В отличие от руководства Советского Союза, политические лидеры Китая интегрировали страну в мировую экономическую систему⁶⁵³. Для этого используются частный капитал и рынок. Марк Кнелл и Мартин Срхлек показали, что с точки зрения подхода «разновидностей капитализма» Китай перенял многие черты неолиберальной модели, но при этом остается экономикой с государственным регулированием⁶⁵⁴. Взяв несколько показателей для измерения социальной сплоченности, регулирования рынка труда и регулирования бизнеса, они показали, что до 2004 г. Китай был менее скоординированным, чем Франция или Германия (рис. 15.4). С 2004 г. неолиберальные тенденции усилились. В Китае относительно высокое неравенство доходов и низкий уровень регулирования рынка труда и бизнеса. Однако следует учитывать, что в Китае доминирует Коммунистическая партия, которая действует в масштабах, значительно превышающих масштабы партий в западных странах. Исходя из этих данных, китайская экономика действительно имеет неолиберальные черты, но приравнивать ее к таким неолиберальным странам, как США, Великобритания и Россия, совершенно некорректно.

Опубликованные Шанхайской фондовой биржей данные о китайских компаниях, зарегистрированных на бирже, дают некоторое представление о значительном и растущем уровне прибавочной стоимости, которая используется в качестве вознаграждения за капиталистическое предпринимательство. В 2007–2011 гг. доля дивидендов в чистой прибыли компаний, зарегистрированных на бирже, составляла в среднем 35%. В 2011 г. общая сумма, подлежащая выплате, составила 598,3 млрд юаней. Дивидендная доходность (для тех, кто получает дивиденды) в среднем составила чуть более 1% за тот же период. Среднее число фирм, выплачивающих дивиденды в год, выросло с 51% в 2007 г. до 76,3% в 2011 г.⁶⁵⁵ Хотя следует отметить, что около $\frac{2}{3}$ чистой прибыли было направлено на обновление и формирование капитала, значительная доля была получена собственниками. Хотя Самир Амин признает наличие противоречий и то, что рост предпринимательского и государственно-классов может привести к форме либерального капитализма, он считает, что это будет социалистический, а не капиталистический путь⁶⁵⁶. Это контрастирует с оценкой Милановича, который считает, что страна уже движется по пути к капитализму.

⁶⁵³ Amin S. *The Implosion of Capitalism*. Лондон: Pluto Press, 2014. P. 72.

⁶⁵⁴ Knell M., Srhlec M. *Diverging pathways in Central and Eastern Europe*. In: Lane D., Myant M. *Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries*. London: Palgrave, 2007. Pp. 40–62, quotation Pp. 46–47.

⁶⁵⁵ Qingsong An. *Research on the current status and trend of dividends of Chinese listed companies (на китайском)*. Securities Market Herald. Shenzhen Stock Exchange, 2012. О различных позициях левых см. в: Ruckus R. *The Communist Road to Capitalism*.

⁶⁵⁶ О различных позициях левых см. в: Ruckus R. *The Communist Road to Capitalism*. Oakland, CA: PM Press, 2021. Pp. 165–192.

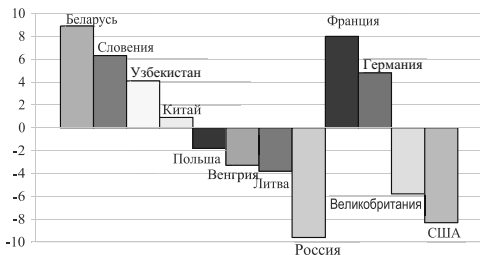

Рис. 15.4. Индекс скоординированного и рыночного регулирования: различные страны, 2004 г.

Примечание. Чем ниже индекс, тем больше роль рынка, чем выше индекс, тем больше роль государственного регулирования.

Источник: График построен на основе данных, приведенных в: Lane D., Myant M. *Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries*. London: Palgrave, 2007. Pp. 40–62.

Вопрос о том, перейдет ли Китай к социалистическому обществу, является спорным. Укрепление рыночной и частной экономики ведет к формированию капиталистического классового сознания, которое дестабилизирует социалистическое государство. Именно такой аргумент выдвигают противники введения рыночной системы в социалистическом обществе. Как уже отмечалось, капиталисты в частном секторе могут накапливать и накапливают богатство — они владеют финансовыми и физическими активами. Экономические излишки все чаще попадают в руки капиталистического класса, который может использовать доходы для покупки активов за рубежом.

Хотя структура власти в Китае определяется как корпоративным владением активами, так и бюрократическим положением, правящие группы формируются из представителей различных элит (партийной, правительственной, региональной, военной, экономической, медийной, академической), причем каждая группа имеет различные политические предпочтения. Партийная организация является гегемонистской и в условиях переходной общественной формации может использовать свою силу против капиталистической практики. Партия сохраняет решающий контроль над идеологией, законодательством, средствами массовой информации, а в экономике — контроль над банками, объемом и направлением инвестиций, а также значительную долю государственной собственности. Существует также неформальный контроль над частными корпорациями. Как подчеркивают такие авторы, как Ар-

риги⁶⁵⁷, в государствах, переходящих от автократии к капитализму, политические силы и на заре капитализма обладают значительными прямыми и косвенными полномочиями контроля над экономической жизнью, включая частные корпорации. Полномочия партийного вмешательства в экономику имеют решающее значение для проведения политики партии и являются средством, с помощью которого партия-государство может легитимно вмешиваться в управление корпорациями независимо от их собственных интересов.

Таким образом, современная китайская экономика представляет собой форму контролируемого государством капитализма, сохраняющего социалистические черты. В той мере, в какой прибавочная стоимость извлекается и используется в частных целях, экономика имеет капиталистические черты. Рост частной собственности на производственные активы, который в последние годы наблюдается в Китае, повышает уровень извлечения прибавочной стоимости и в этой степени сокращает объем средств, доступных для общественного использования. Каково же дальнейшее направление развития Китая?

СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО ДЛЯ КИТАЯ

Бранко Миланович предполагает конвергенцию политического капитализма с либеральным капитализмом; «экономическая мощь», утверждает он, «используется для завоевания политики»⁶⁵⁸. Это конвергенция в одну сторону: Китай переходит к капитализму. Его предполагаемый путь — это версия марксизма, подчеркивающая превосходство экономики над политикой. Миланович заключает: «Господство капитализма... кажется абсолютным»⁶⁵⁹. Могут существовать альтернативные виды капитализма, но альтернативы капитализму нет⁶⁶⁰. Этот вывод, на наш взгляд, является чрезмерно предопределенным. Китай — это, по сути, управляемая государством рыночная экономика, регулируемая политически заданным экономическим планом. Партия сохраняет важнейший контроль над идеологией, законодательством, средствами массовой информации, а в экономике — надзор над банками, объемом и направлением инвестиций, а также значительную долю государственной собственности. В этих условиях капиталистическое предпринимательство и неолиберальные процессы были приняты для содействия экономическому росту. Внутренняя цель — догнать Запад — привела как к партийным формам экономического контроля, так и к успешному развитию частного рыночного сектора: от этого выиграли все, а многие представители делового сектора — гораздо больше, чем другие.

Китай не представляет политической или экономической угрозы американской гегемонии. Он не оспаривает ни право на частную собственность,

⁶⁵⁷ Arrighi G. Adam Smith in Beijing. London: Verso. 2007.

⁶⁵⁸ Milanovic B. Capitalism, Alone. P. 217.

⁶⁵⁹ Ibid. P. 196.

⁶⁶⁰ Ibid. P. 185.

ни глобализованную систему производства, ни американское лидерство в западном либеральном международном порядке. Китай представляет себя как политический строй, способствующий общественному благосостоянию и международному миру, и отрицает, что глобальные рынки, работающие по навязанным Западом законам глобализации, могут привести к всестороннему экономическому развитию. Сближение с либеральной формой капитализма вряд ли будет поощряться внешней политикой США, которые считают Китай угрозой и ввели против него режим санкций. Регулируемый государством капитализм (с социалистическими чертами) является идеологической альтернативой неолиберальному капитализму и представляет собой набор политических решений, разработанных для экономики, выходящей из авторитарной формы феодализма. Он не претендует на роль модели для стран с развитой экономикой, а условия, в которых он возник, ограничивают его универсальное применение. Конкурентная взаимозависимость привела к формированию многополярного мирового порядка, который является альтернативой нынешней гегемонии США⁶⁶¹. Противодействие китайскому развитию на Западе, вероятно, приведет к укреплению экономического полуядра и противодействию доминирующему американскому ядру мировой системы (как это отмечалось в главе 10).

⁶⁶¹ Clegg. *China's Global Strategy*.

16 РЕГУЛИРУЕМЫЙ РЫНОЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

К началу XXI в. политический, экономический и моральный порядок неоллиберализма не имел эффективной конкурирующей идеологии или альтернативного политического праксиса. Фрэнсис Фукуяма, несмотря на широкую критику, остается культовым защитником «доброты либеральной демократии и принципов, на которых она основана»⁶⁶². Он признает, что либеральная демократия «страдает от множества проблем»⁶⁶³, таких как безработица, наркотики, загрязнение окружающей среды и преступность, и признает, что из-за «постоянного напряжения»⁶⁶⁴ между свободой и равенством возникает недовольство (как среди левых, так и среди правых). Тем не менее он утверждает вслед за более ранними авторами, такими как Дэниел Белл⁶⁶⁵, что существует согласие по поводу целей, что нет «больших причин, ради которых нужно бороться»⁶⁶⁶. Неолиберальный капитализм не только дал ключи к тому, как можно и нужно координировать экономику в мировом масштабе, но и захватил общественное воображение. Он стал здравым смыслом государственной политики, применимым не только к способам коорди-

⁶⁶² Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York: Avon Books Edition, 1992. P. 287.

⁶⁶³ *Ibid.* P. 288.

⁶⁶⁴ *Ibid.* P. 292.

⁶⁶⁵ Bell D. *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. Glencoe, IL: Free Press, 1960. Белл утверждает, что основные идеологии, противостоящие либерализму (коммунистическая и фашистская), исчерпали себя.

⁶⁶⁶ Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York: Avon Books Edition, 1992. P. 311.

нации экономики, но и в целом к тому, как следует управлять и организовывать общество.

При этом нами выделяются системные недостатки, которые являются более чем второстепенными проблемами. К ним относятся: повторяющиеся экономические кризисы капитализма; неоправданно неравные уровни богатства и доходов как внутри стран, так и между ними; социальные потрясения, вызванные рыночными процессами, в частности безработица, неполная занятость и миграция; недостатки демократического правления; экологическая неустойчивость и разрушение окружающей среды; экономические и политические конфликты между ядром, полуядром и периферией мировой системы, а также несовершенные механизмы поддержания мира и предотвращения войны. Любая альтернатива неолиберальному подходу должна решать эти системные проблемы. Однако не стоит приписывать все недостатки мира «глобальному неолиберальному капитализму». Многие дилеммы возникли до неолиберализма и глобализации или не зависят от них. Любая альтернатива может оказаться неспособной решить все эти вопросы, а их решение не только требует времени, но и часто порождает другие проблемы. Глобальный капитализм, тем не менее, является политической и экономической средой, в которой происходят кризисы.

В предыдущих главах подробно описана природа либерального капитализма, а также пять альтернатив — самоподдерживающиеся сообщества, социал-демократия, государственный капитализм, капитализм с государственным контролем и государственный социализм. В Приложении 16А приводится краткое описание и сравнение шести экономических формаций. Модели иллюстрируют основные характеристики этих общественных формаций. Реально существующие экономические формации на практике представляют собой смесь этих компонентов. В этой главе обобщаются альтернативные сценарии, а также описывается предпочтительный вариант — регулируемый рыночный социализм.

ПЯТЬ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

Либеральный капитализм — это экономическая система, основанная на рыночном обмене, частной собственности и предпринимательской прибыли. При либеральном капитализме форма использования прибавочной стоимости, обеспечивающая существование класса капиталистов, минимально регулируется государством посредством налогов. «Минимальное» государство выполняет важнейшие координирующие и правоприменительные функции. При *государственном социализме* (централизованное планирование советского типа) рынок играл незначительную роль, а собственность была общенародной. Государственная администрация полностью руководила ис-

пользованием прибавочного продукта. Основной экономической задачей социалистического государства является увеличение и использование прибавочного продукта для обновления и кумулятивного развития производительных сил — государство развития. В нем нет выплат (прибыли) государственным функционерам в качестве «вознаграждения за предприимчивость». *Государственно-бюрократический капитализм* имеет схожую с государственным социализмом структуру: государство юридически владеет и контролирует экономические предприятия. Хотя государство извлекает излишки для обновления и инвестиций, они также используются в интересах бюрократической прослойки или класса. Степень, в которой эта выгода приводит к появлению правящего класса, определяет формацию как государственно-капиталистическую и отличает ее от государственного социализма. Капитализм с *государственным управлением* — это форма капитализма с частной и государственной собственностью. Это гибридная многоуровневая рыночная экономика, в которой прибыль получает предпринимательский класс. Государство осуществляет власть над негосударственным сектором с помощью аппарата государственного управления экономикой, который использует административные средства, принуждение, социализацию и убеждение.

Регулируемый государством капитализм, государственно-бюрократический капитализм и государственный социализм — все они имеют государственно-бюрократические формы координации. Разница в том, что при регулируемом государством капитализме частные корпорации получают и распределяют экономический излишек, часть которого является «вознаграждением за предприимчивость». При государственно-бюрократическом капитализме значительная часть экономического излишка присваивается бюрократическим классом. При государственном социализме такого вознаграждения не существует.

В дополнение к этим государственным парадигмам существуют и другие формы координации. На другом конце шкалы — автономная *самоподдерживающаяся экономика*, основанная на коллективной собственности, извлечении излишков исключительно для удовлетворения коллективных потребностей; здесь нет ни государственной, ни рыночной координации, коллектив координируется на самоуправляемых демократических принципах. Эта общественная формация выходит из глобальной и национальной рыночной экономики, с которой она взаимодействует. *Социал-демократия* предлагает гибридную систему государственной собственности и частных корпораций, действующих через рыночные механизмы, с частично регулируемым извлечением экономического излишка и государственным обеспечением социальных услуг, встроенных в рыночную систему. С одной стороны, существуют разногласия между теми, кто видит социализм как воплощение достижения определенных политических целей — снижения уровня неравенства доходов, обеспечения равенства возможностей, предоставления всеобщего социального обеспечения (включая обеспечение занятости). При этом капиталистические отношения собственности остаются относительно нетронутыми. На другой стороне те, кто выступает за институциональные изменения — за

мену частной собственности на государственную и демократическое принятие решений. В этом варианте рыночный социализм сохраняет экономический рынок, созданный на основе общественной собственности при различных формах демократической государственной координации.

Основные альтернативы либеральному капитализму, представленные в первой половине XX в., возникли в социально-экономическом мире, значительно отличающемся от того, с которым политические движения сталкиваются сегодня. Государственный социализм и европейская социал-демократия, возникшие после Второй мировой войны, были реакцией против классовой формы промышленного капитализма, имевшей национальные корни. Это были классовые движения. Во второй и третьей четвертях XX в. государственный социализм оказался эффективной формой роста и модернизации, спонсируемой государством, для развивающихся стран. Позднее его политические, организационные и идеологические основы перестали эффективно отвечать условиям глобального капитализма XXI в.

Социал-демократия в Западной Европе обеспечила политическую среду для государственного восстановления после разрушений Второй мировой войны и социальной поддержки населения в форме государства всеобщего благосостояния. К последней четверти XX в. фабричный пролетариат переместился с промышленно развитого Севера на глобальный Юг. Глобализованный капитализм мутировал в более развитую и сложную форму, которая ослабила социалистические политические вызовы. В развитых западных обществах рабочая сила стала более неоднородной как в профессиональном, так и в социальном плане; национальные профсоюзные движения и национальные социал-демократические партии уменьшились без необходимой поддержки, как растения без полива. Западный рабочий класс ассимилировался в потребительском капитализме; приобретательский индивидуализм заменил классовую идентичность.

Капитализм XXI в. характеризуется асимметричной формой классового сознания: сильное осознание классовой идентичности и организации капиталистическим классом, хотя и с двойными глобальными или национальными рамками отсчета, в то время как средний и низший классы работников физического и нефизического труда имеют снижающийся уровень организации и самосознания и, следовательно, представляют собой слабый вызов капитализму⁶⁶⁷. Политика формируется под влиянием неоллиберализма (как социальной и экономической теории) и глобализации (технологических процессов, сжимающих время и пространство). Правила национальной политики все больше определяются глобальными политическими институтами, такими как МВФ, Всемирный банк, ВТО, в меньшей степени — ООН. Глобальные политики и чиновники из международных и региональных организаций обеспечивают соблюдение глобальных норм, которые легитимизируются и пропагандируются

⁶⁶⁷ Mann M. *The Sources of Social Power*. Vol. 4. Globalization — 2011. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 414.

соответственно аналитическими центрами, глобальными ассоциациями гражданского общества и средствами массовой информации. Однако существуют и противодействующие тенденции, сформулированные и представленные развивающимися государствами — Россией и Китаем.

Одновременно транснациональные финансовые и нефинансовые корпорации подрывают национальные капитализмы. Но не полностью, поскольку политические институты (политические партии, избирательные процедуры) и политические идентичности продолжают существовать в ослабленной форме в рамках национальной среды. Гражданство, дающее национальные демократические права, определяется государствами, а не присваивается глобальными акторами. Дилемма глобализации заключается в том, что экономические решения все чаще принимаются и реализуются на международном уровне, в то время как политические партии, выражающие интересы граждан, остаются на национальном уровне. Государства, даже если они ослаблены, остаются важными субъектами. Они защищают и обеспечивают соблюдение прав собственности, взимают огромные суммы налогов, обладают монополией на владение и использование тяжелого смертоносного оружия, а также объявляют войны.

Взаимосвязь политики и экономики, а также гегемонистская роль США сделали захват государственной власти антинеолиберальными движениями не только более проблематичным, но и менее эффективным, даже если он был осуществлен. За исключением доминирующих мировых держав, захват государства приводит к обладанию полупустой оболочкой. Могут возникнуть противодействующие силы, такие как Brexit, но национальная политическая база для любой формы альтернативы глобализованному капитализму ограничена. Brexit призвал к другой, более регулируемой национальной форме глобализации, а не к ее трансформации. ТНК хотя и подчиняются национальным законам в принимающих странах, не поддаются национальному политическому контролю, и очень трудно для некоторых и невозможно для большинства национальных правительств регулировать их деятельность. Военные/политические/идеологические действия гегемонистских капиталистических государств (во главе с США) решительно противостоят социалистическим или националистическим вызовам за политическую власть; и доминирующие мировые державы могут использовать силы гражданского общества для победы над оппонентами посредством «продвижения демократии». Демократии, определяемые в неолиберальных терминах, противостоят автократиям, определяемым в других терминах. Противоположные идеологии — социализм, коммунизм, фашизм, «популизм» и ислам — отодвинуты на второй план и даже подавляются в государствах основного ядра международной системы. Как будто население, благодаря социализации, получило некий массовый стадный иммунитет к чуждым идеям, который проявляется лишь время от времени в виде недовольных групп протеста.

МЕХАНИЗМЫ И ДВИЖЕНИЯ ЗА СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Каковы же тогда механизмы и движущие силы социальных изменений? В предыдущих главах были описаны два основных подхода. Во-первых, вера в то, что капиталистическая или индустриальная система через свои собственные противоречия или развитие мутирует в новый способ производства или социальный порядок. Во-вторых, что люди, несмотря на отмеченные ранее трудности, путем сознательных усилий и политического руководства могут создать альтернативные формы глобализации или капитализма, или более радикально преобразовать глобальный капитализм в нечто иное. Третья альтернатива представлена контролируруемыми государством экономическими формациями, расположенными за пределами основных капиталистических обществ в растущем полуядре государств во главе с Китаем.

Тенденции к саморазрушению (метаморфозы) в капитализме имеют долгую историю. Фридрих Энгельс утверждал: «Универсальность, к которой [капитализм] постоянно стремится, находит ограничения в своей собственной природе, которая на определенном этапе своего развития заставит его оказаться самым большим препятствием на пути этой тенденции, что приведет его к собственному самоуничтожению»⁶⁶⁸. По разным причинам этот вывод разделяют и другие критики XX в. Дж.К. Гэлбрейт и Йозеф Шумпетер утверждали, что развитие индустриального общества приведет к формированию классовой структуры, основанной на технологиях, и росту государства, что приведет к уменьшению буржуазного класса и его склонности к предпринимательству. Эти подходы предполагали системное развитие, которое в конечном итоге приведет к распаду либерального капитализма и его замене на государственные формы капитализма или переходу к новому способу производства — социализму.

Социалисты XX в., вслед за Энгельсом, видели причины краха капитализма не в развитии «индустриального общества», а в экономической эксплуатации труда, которая, с одной стороны, вела к перепроизводству и падению нормы прибыли⁶⁶⁹, а с другой — к росту безработицы и бедности. Перспектива экономического изобилия, открываемая передовыми технологиями, приведет к революции, а государственное планирование заменит анархию конкуренции. Отголоски этих позиций сегодня можно услышать в голосах Ника Срничека и Алекса Уильямса, которые прогнозируют будущее индустриального общества с изобилием производства, основанным на технологиях высокого уровня и постиндустриальной рабочей силе. Сергей Бодрунов идет еще дальше, предполагая, что более высокий уровень производства приведет к трансцендентности рыночных отношений по мере роста экономического

⁶⁶⁸ Marx K. Grundrisse. The rise and downfall of capitalism. In: McLellan D. (Ed) Karl Marx, Selected Writings. Oxford: Oxford University Press, 1977. P. 364.

⁶⁶⁹ Об этом пишут: Carchedi G., Roberts M. World in Crisis. London: Haymarket Books, 2018.

изобилия в условиях нового индустриального общества⁶⁷⁰. В данном случае речь идет о наступлении полностью автоматизированного коммунизма роскоши (см. главу 11). Это оптимистичные подходы, предусматривающие эмансипационную позитивную форму посткапиталистической современности. Однако они ограничены развитыми странами и требуют политических действий для их воплощения в жизнь.

Подход к социальной автономии, рассмотренный в главе 12, является одной из реакций на негативные тенденции глобального неолиберализма. Он предполагает отход от урбанистически-индустриального социального порядка, выход из глобального капитализма и переход к самодостаточным сообществам. Здесь предлагается формирование автономных экономических и политических формаций, а некоторые выступают за создание новой экологической цивилизации. Автономистские префигуративные предложения (о развитии альтернативных сетей сообществ, действующих параллельно с глобализованным капиталистическим обществом и постепенно заменяющих его) остаются долгосрочной стратегией. Современные общества, безусловно, могут способствовать развитию пространства для тех, кто хочет жить вне капиталистического рынка. Однако такие предложения не означают замены системы либерального капитализма — они образуют островки внутри нее, а островки, окруженные враждебными морями, могут легко оказаться отрезанными от материка.

Социально автономные экономики могут заполнить «трещины» в современных индустриальных и постиндустриальных обществах, но не вытеснить их. Предлагаемые автономные экономики зависят от развитых экономик, предоставляющих товары (электричество, инструменты, материалы) и услуги (здравоохранение, образование, связь), без которых жизнь была бы нестабильной. Хотя они смягчают некоторые недостатки современного общества, им не хватает технологической базы для обслуживания того типа общества, который ожидает большинство людей в постиндустриальном обществе. Что касается экологии, то разрешение выбросов в атмосферу только для обеспечения жизнедеятельности и ограничение выбросов, связанных с производством роскоши, потребует от развитых стран перехода к политике жесткой экономики, которая встретит широкое сопротивление. Кроме того, люди в развивающихся странах также стремятся к обществу потребления постиндустриальной стадии. Мировая экономика, не способствующая росту, не является жизнеспособной политической позицией.

Антонио Негри и Майкл Хардт⁶⁷¹ значительно отходят от традиционных марксистских рамок классового конфликта. Их аргументация основывается на том, что, по их мнению, постиндустриальный капитализм создает «формы сотрудничества», которые возникают в процессе производства и установ-

⁶⁷⁰ Bodrunov S.D. Prospects of transition to a new model for socioeconomic system organisation (noonomy). Global Journal of Human-Social Sciences. 2019. Vol. 19 (11). Version 1.0. Pp. 1–11.

⁶⁷¹ Hardt M., Negri A. Empire and Assembly.

ливают «новый способ производства». Они выдвигают идею о том, что «массы» обладают способностью «политического предпринимателя»⁶⁷² (см. главу 11). Исследователи утверждают, что социальные силы в форме человеческих «масс» способны действовать как настоящая демократия. Это гетерогенная формация, содержащая как современные элементы, так и элементы прежних форм производства⁶⁷³. Этот подход — возвращение к идее, что капитализм подвержен экономической метаморфозе, а не руководству социалистической революционной или реформистской политической партии. Любая реалистичная и эффективная альтернатива, как представляется, может появиться только благодаря действиям на государственном уровне (либо через отдельные правительства, либо в сотрудничестве с другими). Изменения в уровне производительных сил создают условия для метаморфозы, но для ее осуществления необходимы коллективные действия людей.

Напротив, капитализм, контролируемый государством (примером которого является Китай, рассмотренный в главе 15), в качестве модели развития представляет собой жизнеспособную экономическую альтернативу. В нем сохраняются рыночные формы экономической координации на базе национального государства, и в то же время рыночные отношения находятся под государственным контролем гегемонистской коммунистической партии. Хотя система «социализма с китайской спецификой» была эффективна для обществ, переходящих от докапиталистической экономики, она не представляет собой и не предлагается в качестве модели для современных развитых неолиберальных экономик, имеющих другую историю, политическую культуру и структуру. Однако модель капитализма, контролируемого государством, может быть адаптирована многими странами.

Хотя рассмотренные в книге альтернативы и обладают положительными качествами, однако они не лишены недостатков. Представляется разумным, что политическая и экономическая политика должны двигаться в направлении регулируемого рыночного социализма. На той основе автором предлагается гибридная система государственной и частной собственности, сочетающая преимущества экономического планирования на макроуровне с рыночными отношениями в розничных секторах, ключевая цель которой заключается в удовлетворении индивидуальных потребностей и достижении общественного благосостояния путем содействия максимальному использованию капитала и труда.

РЕГУЛИРУЕМЫЙ РЫНОЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Регулируемый рыночный социализм — это минималистский ответ на проблему перехода к социализму. Предложения регулируемого рыночного социализма предполагают ликвидацию процесса чрезмерного лич-

⁶⁷² Hardt M., Negri A. *Assembly*. P. 280.

⁶⁷³ *Ibid.* Pp. 144–145.

ного обогащения. Сторонники общественной собственности XX в., такие как Оскар Ланге, опасались, что национализация, лишив некоторых граждан их частного богатства, вызовет общественные разногласия, и предсказывали последствия «финансовой паники и экономического краха»⁶⁷⁴. Октябрьская революция в России привела к гражданской войне, затяжному внутреннему гражданскому конфликту и репрессиям, которые испортили дело социализма. Этих негативных последствий необходимо избежать, они не должны повториться. Одна из главных задач государственной политики в переходный период — предотвратить гражданскую войну. Традиционная революция в смысле насильственного захвата государства исключена. В отличие от бывших коммунистических систем и современного Китая, конкурентная избирательная система не будет упразднена, а гражданское общество останется плюралистичным. Формы избирательной конкуренции сохранятся, что даст гражданам возможность изменить или даже отменить изменения. Поскольку электоральной демократии ничего не угрожает, оппозиция против создания общества «тоталитаризма» будет обезоружена. Практика демократического участия может быть расширена и может включать в себя участие работников в экономических предприятиях. Преимущество таких предложений заключается в том, что переход может быть осуществлен в существующих политических рамках, он сохранит экономическую и политическую стабильность и даст немедленный положительный эффект.

В отличие от моделей рыночного социализма, рассмотренных в главе 5, регулируемый рыночный социализм основывается на национальном государственном плане. Современное государственное экономическое планирование не следует отождествлять с более ранним советским планированием. Экономические и социальные условия советского планирования, политические рамки, возникшие в результате Октябрьской революции, являются чуждым миром для современных западных постиндустриальных обществ. С развитием технологий и искусственного интеллекта можно представить себе экономику потенциального изобилия с коротким рабочим днем. С помощью компьютера можно моделировать спрос и сокращать детальные административные расчеты, необходимые для согласования прежних государственных планов. Такие условия способствуют переходу к социализму. В политическом плане доминирующая прослойка нынешнего капиталистического класса теряет свои активы, создающие богатство. Собственность крупных финансовых и нефинансовых корпораций может быть постепенно передана в коллективную собственность. Соответственно, государственный контроль над использованием экономических излишков трансформирует капитализм. Секторы экономики, формируемые малыми и средними предприятиями, продолжали бы оставаться в частных руках. Любое движение к социализму в нынешних гегемонистских капиталистических странах будет принимать мно-

⁶⁷⁴ Lange O. On the economic theory of socialism: Part two. The Review of Economic Studies. 1937. Vol. 4(2). Pp. 123–142, quotation P. 134.

гие нормы, поддерживающие капитализм, — некоторые «капиталистические характеристики» должны быть сохранены.

Джеймс Юнкер⁶⁷⁵ имеет, безусловно, наиболее проработанный экономический прогноз, который в точности соответствует условиям, существующим в развитых странах Запада. Важно не ставить под угрозу граждан, имеющих сбережения, заработанные тяжким трудом, или создавших (или намеревающихся создать) малый и средний бизнес; инициатива и инновации должны поощряться и вознаграждаться. Национализация собственности будет ограничена активами, которые создают незаконные социальные привилегии в ущерб большинству, или богатствами, препятствующими экономическому прогрессу. Накопленное семьями богатство, полученное в результате упорного в течение жизни труда, будет сохранено. Цель — создать политическую и социальную базу поддержки для передачи права собственности и контроля над корпоративной частной собственностью. Это позволит, даже поощрит, использование экономических излишков, способствующих экономическому развитию (например, «зеленые» технологии), но ограничит и будет контролировать уровень экономической эксплуатации. Прибыль в частном секторе будет по-прежнему облагаться налогом, как это происходит при конкурентном капитализме. Для компаний, переходящих в государственную собственность, соответствующая компенсация может быть представлена в виде облигаций, проценты по которым будут выплачиваться из будущих доходов компании. Подавляющему большинству населения не грозит лишение личного имущества. Корпорации, подлежащие национализации, будут приносить моментальную пользу обществу. Структура предлагаемого регулируемого рыночного социализма кратко изложена в Приложении 16В.

Хотя в настоящее время большинство изобретений создается в частных или корпоративных учреждениях, место для капиталистических предпринимателей остается и заработанным доходам ничто не угрожает, хотя экономическая рента и доходы от спекуляций будут сильно ограничены. Мелкая буржуазия — владельцы малого и среднего бизнеса, представители юридической, медицинской, бухгалтерской, театральной, спортивной, музыкальной и преподавательской профессий, а также духовенство — сохранится. Государственная собственность будет вводиться постепенно. В государственную собственность будут передаваться компании, которые не справляются с общественными задачами и явно не несут ответственности перед обществом. Банки и обмен валюты, энергетика, природные ресурсы, оружейная промышленность и общественный транспорт — вот главные отрасли — кандидаты на передачу в государственную собственность. Перераспределение богатства высшей прослойки помещичьего и капиталистического классов позволит усовершенствовать демократию, расширить сферу ее действия, сделать общество более справедливым и основанным на широком участии. Такая стратегия,

⁶⁷⁵ См. в частности: Yunker J.A. *Socialism Revised and Modernized: The Case for Pragmatic Market Socialism*. New York: Praeger, 1992; Yunker J.A. *On the Political Economy of Market Socialism*. Aldershot: Ashgate, 2001.

скорее всего, будет отвечать ожиданиям тех, кто убежден в том, что принципы демократии, творчества и самосовершенствование имеют неоспоримые достоинства. Наследственное богатство, кроме личного имущества, окажется под угрозой. Британская монархия потеряет свои права на наследственное богатство⁶⁷⁶, хотя их церемониальные и представительские функции могут сохраниться в виде оплачиваемой работы — если это потребует. Экономический моральный порядок самомотивирующегося индивидуализма сохранится, а политический порядок демократии расширится, включая участие в институтах труда (экономическая демократия). Социалистическая демократия будет занимать высокое моральное положение.

Ключевым фактором будущего развития является уровень и тип инвестиций. В настоящее время инвесторам зачастую выгоднее спекулировать на банковских рынках, чем вкладывать средства в неопределенные и зачастую менее доходные отрасли реальной экономики. Государство должно направлять прямые инвестиции в соответствии с долгосрочным планом, учитывая социальные издержки, развитие технологий и услуг, географическое положение и необходимость поддержания экономики полной занятости. Реиндустриализация, если потребуется, получит государственную финансовую поддержку. Планирование на макроуровне, связанное с рынками на микроуровне, приводит к гибридной форме экономической координации — регулируемому рыночному социализму.

Охарактеризованная выше форма регулируемого рыночного социализма предназначена для продвижения в направлении социализма в капиталистических рыночных обществах с установленными партийными избирательными политическими системами. Целью выступает обеспечение большей экономической стабильности и устойчивого развития, а также использование средств производства на благо общества, а не для частной выгоды. Однако мотивация прибыли для средних и малых фирм и соответствующие экономические вознаграждения будут сосуществовать с политикой, направленной на обеспечение большего равенства доходов и условий жизни. Социальный и моральный порядок будет более коллективистским и основанным на удовлетворении человеческих потребностей. Распределение розничных товаров и услуг (как в государственном, так и в частном секторе) будет координироваться рынком. Высокий уровень потребления будет обусловлен потребностями, а не искусственно раздутыми желаниями. Оппозиционные партии будут существовать и, как и в нынешних условиях, функционировать в рамках закона. Экономическая стратегия будет основываться на последовательной политике развития и экономической демократии.

⁶⁷⁶ В настоящее время монархия по закону не обязана платить подоходный налог, налог на прирост капитала или налог на наследство. Стоимость королевского имущества оценивается в 15,2 млрд фунтов стерлингов, а в 2021 г. доход, полученный королевой, составил 22 млн фунтов стерлингов. Данные взяты из: Boffey D. The Guardian (London). 14 September 2022. *Примечание:* частная резиденция британских монархов включает Букингемский дворец, замки Виндзорский, Сандрингем, Балморал (в Шотландии), Хайгроув и Ллангинвайд (в Уэльсе).

ПЕРЕОЦЕНКА МЕХАНИЗМА ПЛАНИРОВАНИЯ

В конце XX в., когда успех плановой экономики оказался под вопросом, предложения по реформированию социалистических стран предполагали переход к модели свободного экономического рынка. Однако ситуация изменилась. В XXI в. деградация постсоциалистических обществ и регулярные кризисы либерального рыночного капитализма поставили под сомнение эффективность неолиберальных рыночных процессов. Современная модель капиталистической экономической системы основана на спекуляциях, которые усугубляются приватизацией государственных активов. В этой связи следует пересмотреть изложенные выше критические соображения относительно государственного планирования.

Утверждение о том, что бюрократический аппарат склонен к коррупции, не ограничивается социалистическим планированием: коррупция и мошенничество существуют и в капиталистических рыночных обществах, где армии бухгалтеров обязаны проверять (не всегда успешно) счета компаний. Частные компании также занимаются получением экономической ренты (сверхприбыли), неоправданно высоких зарплат руководителей и взяточничеством для получения контрактов, обманывая акционеров и потребителей. Еще одно препятствие, выдвигаемое против государственного планирования, заключается в том, что управляемые государством предприятия не способствуют развитию изобретательства, т.е. без частной собственности отсутствует мотивация к инновациям. Однако это мнение весьма спорно. Социалистические государства имели относительно низкий количественный уровень бюджета на исследования, хотя планирование позволяло направлять имеющиеся средства без излишнего дублирования в приоритетные области инвестиций. СССР добился значительных успехов в производстве военной техники — танков, ракет и истребителей, а также в оптике и спортивной науке, освоении космоса и ядерной технике. Постреформенная китайская система добилась заметных успехов в области инноваций, спонсируемых государством. Более того, не все капиталистические страны с рыночной экономикой способны к инновациям. Великобритания, например, в конце XX в. потеряла большую часть своего производственного потенциала из-за неконкурентоспособности собственной продукции. В посткоммунистических государствах, в частности в России и Украине, инвестиции и инновации в условиях рынка были меньше, чем при плановой советской системе. Следовательно, для объяснения успеха и (или) неуспеха инноваций в государствах необходимо нечто большее, чем частная собственность и свободный рынок.

Государства даже в странах с рыночной экономикой вкладывают значительные средства в долгосрочные рискованные проекты, которые частный сектор считает слишком рискованными, чтобы поддерживать их. Государство в условиях капитализма поощряет инновации (в университетах и спонсируемых государством компаниях, таких как Airbus), внося заметный вклад в научные исследования. На смену независимого частного предпринимате-

ля-изобретателя, о котором много пишут неолиберальные авторы, пришли высокоорганизованные исследовательские группы и корпорации с огромными бюджетами на исследования. Бесспорно, социалистическая плановая система имеет свои преимущества⁶⁷⁷. Нет монополии на изобретения, в то время как при капитализме права на патенты переходят к владельцам, которые ограничивают копирование, чтобы сохранить источник прибыли. При социализме нет недостатков в проведении исследований, направленных на развитие общественных благ, а не прибыльных рыночных продуктов. Отсутствие частных монополий позволяет социалистической плановой системе сделать товары (например, новые лекарства) общедоступными и дешевыми.

Общепринятая критика государственного планирования неолиберальными экономистами заключается в том, что плановая система не может рассчитывать цены и эффективно координировать спрос и предложение. Вывод, который они делают, заключается в том, что даже если положительные моменты, связанные с плановой экономикой, верны, спланировать современную экономику практически невозможно, а результаты такого «планирования» будут ошибочными. Если в 1950-е это возражение имело под собой почву, то сейчас оно уже неактуально. Критики целесообразности планирования не могли знать о скорости и точности компьютеров, которые теперь могут эффективно рассчитывать цены, уравновешивающие спрос и предложение, заменяя тем самым необходимость рынка⁶⁷⁸. Достижения в области информационных технологий позволили решить многие технические проблемы, связанные с национальным планированием.

Применение компьютеров для решения задачи расчета оптимальных цен разработали Пол Кокшотт и Аллин Коттрелл⁶⁷⁹. Они противостоят пессимистическим выводам не только Фридриха фон Хайека, но и Алека Нове (экономиста, специализирующегося на Советском Союзе). В частности, Нове отмечает, что советская экономика включала 12 млн различных видов продукции, что, по его мнению, не поддается рациональному административному расчету в рамках государственного плана. Однако Кокшотт и Коттрелл отмечают, что современные компьютеры Fujitsu или Hitachi в ходе работы с большими объемами данных способны выполнять около 200 млн арифметических операций в секунду. Они считают, что с помощью подхода «последовательного приближения» поднятая Нове проблема может быть решена «за несколько минут», а не за годы, как считалось ранее⁶⁸⁰. Эдинбургский университет еще в 1993 г. располагал машиной с производительностью 10 000 млн операций в секунду. Ли Филлипс и Михал Розворски отмечают, что компания Walmart, чей объем производства равен ВВП Швеции, спроектирована, эф-

⁶⁷⁷ Обзор см.: Kotz D. Socialism and innovation. *Science and Society*. 2002. Vol. 66 (1). Pp. 94–108.

⁶⁷⁸ См.: Sorg. Failing to plan is planning to fail.

⁶⁷⁹ Cockshott, Cottrell. Towards a New Socialism; Jablonowski M. Markets on a (computer) chip? New perspectives on economic calculation. *Science and Society*. 2011. Vol. 75 (3). Pp. 400–418.

⁶⁸⁰ Cockshott, Cottrell. Towards a New Socialism. Pp. 55; 57–58.

фективна и успешна⁶⁸¹. Такие компании — острова планирования в океане рыночной экономики. Они учитывают спрос на свою продукцию и организуют внутренние процессы, чтобы производить тысячи товаров и услуг в определенное время, основываясь на предполагаемых количествах и ценах на компоненты. Современные вычислительные возможности, такие как штриховое кодирование товаров и универсальные штрихкоды, преобразовали практические операции экономического планирования⁶⁸². При наличии 1 млн товаров стоимость рабочей силы может пересматриваться (благодаря штриховому кодированию и кодам товаров) каждые 20 минут⁶⁸³. Марк Яблоновски заявляет о еще большей скорости и гибкости более поздних вычислительных режимов, повышающих как «осуществимость, так и реалистичность»⁶⁸⁴.

Я не предполагаю, что социализм с регулируемым рынком должен предусматривать детальное планирование всех товаров и услуг. Планирование может принимать более децентрализованные и ориентировочные формы. В государственном секторе может существовать долгосрочный план, который соотносится с рыночными отношениями. Сочетание государственной собственности на стратегические отрасли и контроля над экономическим механизмом регулирует объем излишков и ограничивает прибыль. Государство, контролируя банковский кредит, определяет объем и отрасли для инвестиций; оно также следит за уровнем инвестиций в частном секторе. Государство ставит во главу угла социалистические цели в сфере услуг и товаров, распределение между настоящими и будущими потребностями и баланс между безопасностью и благосостоянием, в то время как частный сектор удовлетворяет потребности общества потребления. Высокий уровень потребления домашних хозяйств будет поддерживаться. Возвращение к большей региональной самодостаточности по многим видам некапитальных товаров и услуг (продукты питания, ремонт, одежда, строительные материалы, личные услуги) может стать основой государственной экологической политики. Цель планирования — обеспечить разнообразие и дисперсию экономической деятельности в пределах национальных экономических регионов. В процесс планирования можно было бы встроить экологическую политику.

Вот в чем вызов: идея рыночного социалистического государства должна захватить общественное воображение. Образ может перейти от «государства всеобщего благосостояния» к «социальному государству», которое поддерживает более широкие социальные потребности граждан: безопасность в сфере занятости, минимальный доход, а также обеспечение счастья, здоровья, достойной старости и образования. Необходимо оправдать ожидания людей в отношении предоставления качественных товаров и услуг и поддержать индивидуалистические инновации в искусстве и бизнесе. Растущий уровень тех-

⁶⁸¹ Phillips, Rozworski. The People's Republic of Walmart. P. 29.

⁶⁸² См.: Morozov E. Digital socialism? *New Left Review*. 2019. 116/117. Pp. 33–67.

⁶⁸³ Cockshott, Cottrell. *Towards a New Socialism*. P. 59.

⁶⁸⁴ Jablonowski M. Markets on a (computer) chip? *New perspectives on economic calculation. Science and Society*. 2011. Vol. 75 (3). P. 403.

нологий, растущее изобилие продукции в сочетании со снижением спроса на труд требуют усиления государственного регулирования для сокращения продолжительности рабочего дня и обеспечения всеобщего базового дохода. С ростом валового национального продукта (ВВП) цель состоит в том, чтобы вывести товары и услуги из системы цен и предоставлять их бесплатно в момент использования. Производство потребительной стоимости будет играть большую роль в экономике, а меновая стоимость — меньшую: например, декоммодификация здравоохранения и образования, а местные органы власти смогут расширить предоставление экономических, культурных, спортивных и досуговых услуг. Такое «социальное государство» обеспечит видение посткапиталистического социалистического политического и морально-порядка — без ущерба для общества потребления.

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОРПОРАЦИЙ

Не все коммерческие предприятия будут находиться в государственной собственности. Национализация будет происходить постепенно. Кроме того, в дополнение к цели получения прибыли частные и государственные корпорации в законодательном порядке должны будут выполнять социальные и экономические обязательства. Регулируемый рыночный социализм мог бы способствовать реформам в структуре и обязательствах компаний. От государственных и частных корпораций можно было бы потребовать выполнения обязательств по социальной ответственности перед всеми заинтересованными сторонами, а не ставить во главу угла получение прибыли для акционеров. Такие предложения были сформулированы в рамках кампании «Закон о лучшем бизнесе», которая стремится изменить Закон о компаниях Великобритании, чтобы определить «цель компании... приносить пользу ее членам в целом, при этом работая таким образом, чтобы... приносить пользу обществу в целом и окружающей среде»⁶⁸⁵.

Частные и государственные корпорации могли получать лицензии и определять свои функции в уставах. До XX в. британские компании получали лицензии на выполнение определенных задач, и их уставы изначально имели ограниченный срок действия (15 лет для Лондонской Ост-Индской компании), который, в случае выполнения обязательств, мог быть продлен⁶⁸⁶. Статьи уставов компаний будут пересмотрены, чтобы уточнить их экономические и социальные обязательства с регулярной проверкой их выполнения⁶⁸⁷. В законах будут прописаны более широкие обязанности компаний, включая

⁶⁸⁵ Опубликовано в Financial Times (London). Moral Money. 23 April 2022.

⁶⁸⁶ Dalrymple W. The Anarchy: The Relentless Rise of the East India Company. London: Bloomsbury, 2019. На практике они были обновлены, но данный принцип важен для обеспечения эффективного контроля над корпорациями.

⁶⁸⁷ Hutton. How Good We Can Be.

признание социальных издержек. В этом плане происходит следование критериям, предложенным Уиллом Хаттоном. Правительства должны признать, что интересы общества и акционеров не всегда совпадают. Продление уставов компаний будет зависеть от реализации их экономических целей, а также от соблюдения ими своих общественных обязанностей. Как отмечает Хаттон, многие правила в настоящее время существуют, но не соблюдаются правительствами, в результате чего страдает британская промышленность и общественное благосостояние.

В частном секторе критерии частных слияний будут определяться заинтересованными сторонами, а не финансовыми интересами. Заинтересованные стороны (национальные и местные органы власти, представители работников) присоединились бы к акционерам и директорам в советах директоров крупных компаний. В 2014 г. более 41% акций британских компаний находились за рубежом, «как правило, в руках глобальной группы по управлению активами... [Значительная часть] их акционерной базы принадлежит глобальным управляющим активами, поддерживаемым обширной сетью посредников и агентов, получающих вознаграждение и комиссионные»⁶⁸⁸. Изменения в законодательстве о компаниях, принятые правительством, работающим в рамках планирования, могут способствовать развитию компаний как «создателей стоимости, а не добытчиков ренты»⁶⁸⁹. Некоторые публичные компании могут принимать форму ассоциаций взаимопомощи. Например, крупные коммерческие спортивные компании (ранее известные как клубы) могут стать главными кандидатами на объединение, предполагающее участие в советах директоров их сотрудников, членов клуба (болельщиков) и акционеров, а также местных властей, где они расположены. Такие изменения окажут существенное влияние на состав национальных органов управления спортом и позволят обратить вспять чрезмерную коммерциализацию спорта.

ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ МЕР

Значительные реформы, предложенные в этой главе, если они будут проведены в нужное время, потребуют поддержки избирателей, которая будет необходима для успешного проведения политики регулируемого рыночного социализма. Легитимность корпоративного капитала широко ставится под сомнение, и его непопулярность была особенно очевидна после финансового кризиса 2007 г., а также во время кризиса цен на энергоносители в 2022 г. Социалистические реформаторы будут искать поддержки не только у традиционного электората рабочего класса, но и у мелкой буржуазии и профессиональных классов (особенно в сфере государственной занятости —

⁶⁸⁸ Hutton. *How Good We Can Be*. Pp. 138–139.

⁶⁸⁹ *Ibid.* P. 141.

здравоохранении, социальном обеспечении и образовании). Обеспечение общественной поддержки имеет решающее значение и необходимо для того, чтобы обезоружить тех, кто утверждает, что социализм подразумевает диктатуру. В этом плане следует подчеркнуть мысль Карла Каутского: можно иметь демократию без социализма, но нельзя иметь социализм без демократии⁶⁹⁰. Бюрократические меры и негативное отношение со стороны чиновников небезосновательны, и необходимо найти способы расширить эффективное демократическое участие и контроль над бюрократическим управлением. Государственные чиновники должны считать себя слугами граждан, а не хозяевами общества.

Государство остается легитимным инструментом для осуществления значительных системных изменений. В отличие от государств (таких как ЕС и США), где законодательная власть подвержена правовым ограничениям, парламент Великобритании может на законных основаниях передать частные активы в государственную собственность. Однако подобные инициативы, несомненно, столкнутся с юридическими и политическими препятствиями. Разделение властей и верховенство закона разработаны таким образом, чтобы не позволить правительству проводить «популистскую» политику, даже если она пользуется поддержкой избирателей. Национализация собственности может быть оспорена как подрывающая индивидуальные права собственности. Серьезной проблемой являются ограничения, действующие через международные соглашения, обязательные для государств (например, такие соглашения, как Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, ТТИП). Транснациональная и иностранная собственность на экономические корпорации станет существенным препятствием. Однако «международный порядок, основанный на правилах», даже в капиталистических странах подвержен государственному вмешательству. Например, с началом специальной военной операции на Украине зарубежные активы российских владельцев были «заморожены», а некоторые конфискованы западными государствами — даже несмотря на отсутствие состояния войны, а их владельцы, «олигархи», не были обвинены ни в каких уголовных или финансовых преступлениях. При переходе к рыночному социализму, контролируемому государством, активы будут законно переданы из частной собственности в государственную.

Одним из главных препятствий на пути становления общественной собственности и укрепления социалистических координирующих полномочий государства стало влияние средств массовой информации на формирование общественного мнения. Средства массовой информации, принадлежащие корпорациям и глубоко укоренившиеся в устоявшихся капиталистических странах, социализируют людей, заставляя их критически и даже враждебно относиться к шагам по созданию коллективной собственности. Сформировался глубоко укоренившийся негативный политический иммунитет к соци-

⁶⁹⁰ Kautsky K. The Dictatorship of the Proletariat. Vienna: National Labour Press, 1918. Available at: <https://rowla.ndp.asari.bu.files.wordpress.com/2013/09/karl-kautsky-the-dictatorship-of-the-proletariat.pdf>

алистическим предложениям и политике. Если к коллективному предоставлению услуг образования и здравоохранения люди относятся положительно, то в других сферах государство часто рассматривается как негативная угнетающая политическая сила. Предложения, изложенные в главе, способствуют коллективному контролю заинтересованных сторон над медиакорпорациями, которые будут действовать в интересах общества.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕХОДА

В предыдущих главах мы отмечали значительный упадок европейских социалистических и социал-демократических партий. Несмотря на ослабление современного капитализма после финансового кризиса 2007 г., превращение политических предложений, подобных рассмотренным ранее, в предвыборную политическую программу, продвигаемую любой крупной политической партией, потребует серьезных изменений в политической культуре. Лидеры социал-демократических партий, опасаясь поражения на выборах, делают ставку на политику личностей, не предлагают и не ищут альтернативной политики даже во время капиталистических кризисов (см. главу 6). Известные писатели, симпатизирующие социалистическому делу, пессимистично оценивают саму возможность перехода к социализму. Дэвид Швайкарт считает, что «нет никаких свидетельств... движения за национализацию наших крупных корпораций»⁶⁹¹. Дэвид Миллер, подвергая сомнению возможность «социализма с избирательными урнами»⁶⁹², признает, что владельцы и топ-менеджеры проиграют⁶⁹³. Подобные настроения сохранились и в XXI в. Однако экономический кризис 2007 г. и повышение цен на энергоносители в 2022 г. привели к широкой общественной критике институтов финансовой системы, которые приватизировали прибыль и социализировали убытки. За огромные общественные деньги государство стало спасителем капитализма. В США и Великобритании не было общественного резонанса против национализации, которая спасла корпорации финансового сектора. Приватизация транспорта, коммунальных служб (в Великобритании — газ, электричество, железные дороги, водоснабжение, почта и телекоммуникации) привела к росту цен и последующему перенаправлению доходов в прибыль. Во время значительного повышения цен на топливо в 2022 г. Майкл Робертс подсчитал, что за первые шесть месяцев 2022 г. ведущие энергетические компании (Shell, ExxonMobil, Chevron и другие) получили прибыль в размере 100 млрд долл.⁶⁹⁴ Как отмечает Робертс, политические дискуссии сводятся к тому, как облегчить или избежать роста цен. В Великобритании только

⁶⁹¹ Schweickart. *Against Capitalism*. P. 323. Курсив в оригинале.

⁶⁹² Miller. *Market, State and Community*. P. 336. Однако управление не будет зависеть от личных желаний владельцев.

⁶⁹³ *Ibid.* P. 323.

⁶⁹⁴ Energy, cost of living and recession — Michael Roberts Blog ([wordpress.com](https://www.michaelrobertsblog.com))

Конгресс профсоюзов предложил национализировать сектор розничной торговли, но не крупные энергетические компании.

Хотя критики правы, утверждая, что в Великобритании и других европейских странах нет «движения» в поддержку коллективной собственности, существует множество данных опросов общественного мнения, свидетельствующих о значительной поддержке населением выборочной государственной собственности. В ходе опроса, проведенного компанией YouGov в мае 2017 г., британских избирателей спрашивали, одобряют ли они возможность того, чтобы различные британские компании и секторы экономики были «национализированы и управлялись в государственном секторе или управлялись частными компаниями». Результаты представлены в табл. 16.¹⁶⁹⁵

Таблица 16.1

Общественное мнение о частной и государственной собственности, 2017 г.

	Государственный сектор	Частный сектор	Не знаю
Государственная служба здравоохранения	84	5	10
Королевская почта	65	21	14
Железные дороги	60	25	15
Энергетические компании	53	31	16
Телефон и интернет	30	53	17
Авиакомпании	14	68	16
Водоснабжение	59	25	16
Автобусные компании	50	35	15
Банки	28	53	18
ВВС	58	25	17
Школы	81	6	13

Вопрос: Как вы считаете, что должно быть национализировано и управляться в государственном секторе или приватизировано и управляться частными компаниями?

Примечание. Процент респондентов, отдающих предпочтение государственной или частной собственности в данном секторе.

Источник: YouGov Survey. Опрос 1936 взрослых жителей Великобритании, проведенный 17–18 мая 2017 г.

⁶⁹⁵ См. также аналогичные данные за 8–9 мая 2014 г. Available at: <https://yougov.co.uk/topics/politics/survey-results>

В первом столбце показаны те, кто положительно относится к государственной собственности. Первая колонка показывает, что подавляющее большинство населения поддерживает государственный сектор, управляющий Национальной службой здравоохранения, Британской радиовещательной корпорацией, Королевской почтой, железными дорогами, компаниями водоснабжения и (хотя и в меньшей степени) энергетическими и автобусными компаниями. Однако следует с осторожностью относиться к степени общественной поддержки всеобъемлющей государственной собственности. На это указывает значительная поддержка приватизированных авиаперевозок, телефонных и интернет-поставщиков и банков. Несомненно, положительное влияние компаний в сфере воздушного транспорта (таких как Ryanair), 68% респондентов которых выступают за частную собственность, объясняется дешевой общественной транспортной. Даже энергетические компании получили поддержку 31% респондентов, хотя в 2022 г. это число снизилось из-за чрезмерной прибыли компаний. Опрос британской компании Survation, проведенный в июле — августе 2022 г., на тему «Как вы считаете, что должно управляться в частном или государственном секторе?» выявил подавляющую поддержку государственного сектора по следующим вопросам: водоснабжение — 69%, автобусы — 65%, железные дороги — 67%, Национальная служба здравоохранения — 78%, энергетика — 66%, Королевская почта — 68%⁶⁹⁶. Эти данные напоминают нам о том, что альтернативная система может быть создана при существенной и широкой социальной поддержке предлагаемых мер. Чрезмерные зарплаты руководителей, связанные с рыночной конкуренцией, и перекосы, вызванные огромным богатством спекулянтов, вызвали широкое общественное неодобрение.

Национализация не должна иметь значительных разрушительных последствий, которые могут привести к поражению на выборах. Государственный контроль может быть распространен на компании, которые терпят крах из-за плохого управления, и на те, которые потворствуют получению чрезмерной прибыли. В Великобритании финансовые компании и коммунальные предприятия могут быть переданы в государственную собственность при широкой поддержке общественности. Именно в периоды экономических неудач или кризисов альтернативная политика может найти политическую поддержку.

Писатели, заявляющие, что конец человеческой цивилизации выглядит более вероятным, чем конец капитализма, неоправданно пессимистичны. При благоприятных обстоятельствах социализм может стать весьма привлекательным — даже в США, где, согласно опросам Gallup, к «социализму» «положительно» относятся 38 и 40% респондентов в 2010 и 2021 г., соответственно. В то же время «свободное предпринимательство» имеет «положительный имидж» для 84% респондентов. Учитывая эти цифры, любой путь к социализму должен учитывать культурный и политический контекст. В 2021 г.

⁶⁹⁶ Survation (London). Available at: <https://www.surveion.com/new-poll-public-strongly-backing-public-owners-hip-of-energy-and-key-utilities>

65% респондентов, придерживающихся Демократической партии (США), положительно относятся к социализму⁶⁹⁷. Социалистическая политика (например, государственное здравоохранение) пользуется широкой популярностью. Выборочная национализация не станет помехой на выборах. Успех Шотландской националистической партии в сохранении социальных услуг перед лицом программ жесткой экономии дает уверенность в том, что такая политика может рассчитывать на значительную электоральную поддержку.

Политические партии как движущая сила социализма не потеряны. Привлекательность политики Джереми Корбина (на выборах 2017 г. лейбористы набрали 40% голосов — см. главу 7) и успех Берни Сандерса в президентской кампании 2016 г. в США — свидетельства такой поддержки. «Жадность, безрассудство и незаконное поведение крупнейших фирм Уолл-стрит ввергли страну в самый тяжелый финансовый кризис с 1930-х гг.», — написал Сандерс в своей «Программе для Америки» (набор из 12 экономических стратегий). Он поддерживает создание кооперативов, принадлежащих рабочим, и предлагает самоуправление рабочих и общественную собственность⁶⁹⁸. Президентская кампания и политика Сандерса были реформистскими, призывающими к значительным реформам в капиталистической системе. Хотя Сандерс вполне может придерживаться таких взглядов в качестве кандидата, их реализация — это другой вопрос. Перенос таких предложений в партийные манифесты, обязательные для лидеров, встречает сопротивление даже со стороны сторонников партии. Однако без политической организации настроения никогда не превратятся в политические достижения.

Более фундаментальным препятствием для социализма является широко распространенная вера в то, что рыночное вознаграждение отражает то, чего, по мнению людей, они действительно заслуживают, по крайней мере для тех, кто заработал его (а не получил в наследство). Какими бы убедительными ни были аргументы таких писателей, как Роберт Даль, о моральных основах экономической демократии, национализация⁶⁹⁹ не смогла заручиться устойчивой поддержкой. Мое предложение заключается в том, что «рыночное вознаграждение» для тех, кто его действительно зарабатывает, должно оставаться в силе, и одновременно с этим социалисты должны продвигать социалистическую политику, чтобы повлиять на общественное сознание. Наш вывод: необходимо сохранить большую часть культуры потребления. Форма социа-

⁶⁹⁷ Gallup (London). Available at: <https://news.gallup.com/poll/357755/socialism-capitalism-ratings-unchanged.aspx>

⁶⁹⁸ «Я считаю, что в долгосрочной перспективе основные отрасли промышленности в этом штате и стране должны находиться в общественной собственности и контролироваться самими рабочими». «Демократия означает общественную собственность на основные средства производства, она означает децентрализацию, она означает вовлечение людей в их работу. Вместо того чтобы иметь боссов и рабочих, это означает осуществление демократического контроля над фабриками и магазинами в максимально возможной степени». Bernie Sanders (Берни Сандерс), взято из записей в Википедии. Available at: [/en.wikipedia.org/wiki/Political_positions_of_Bernie_Sanders#Employee_ownership](https://en.wikipedia.org/wiki/Political_positions_of_Bernie_Sanders#Employee_ownership)

⁶⁹⁹ Dahl R.A. A Preface to Economic Democracy. Berkeley: University of California Press, 1985.

лизма будет нести на себе отпечаток его происхождения: «социализм с американскими или британскими чертами».

Регулируемый рыночный социализм имеет много противоречий, которые проистекают из его гибридных экономических форм. Автономные предприятия частного сектора, конкурирующие на рынках, стремятся получить прибыль для обеспечения инвестиций, а также в качестве «награды за предприимчивость». Опасность заключается в том, что рыночные компоненты будут стимулировать утверждение капиталистических черт, которые противоречат социализму. Люди начинают стремиться к корыстным целям — к накоплению и спекуляции. Рынок является формой социального контроля — он определяет те товары и услуги, которые люди имеют и должны иметь. Он вырабатывает критерии индивидуального успеха и статуса. Он определяет капиталистический экономический порядок как естественный и моральный. Чтобы предотвратить негативные последствия, конкуренция и рынок должны быть ограничены нормативными рамками экономического плана. Регулируемый рыночный социализм, если он будет принят, станет позитивным достижением с точки зрения перераспределения и перераспределения активов и доходов. Он изменит к лучшему природу морального и социального порядка.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МАСШТАБ

Любую рыночную социалистическую альтернативу необходимо рассматривать в контексте глобальной экономики, а развитию международных отношений выходит за рамки этой книги. Сильная критика перехода к регулируемому рыночному социализму заключается в том, что даже если он будет одобрен демократическим путем и принят правительством, он не состоится, потому что этому помешают иностранные интересы. Транснациональные корпорации, столкнувшись с национализацией, не станут безропотно «сдавать» право собственности на свои активы. Государства-гегемоны вмешиваются, чтобы поддержать корпорации, зарегистрированные в их странах. Вмешательство на Кубе, в Венесуэле, Боливии и Чили иллюстрирует предыдущие формы противостояния. Такие интересы заложены в международных структурах, которые ограничивают возможности государств служить своим гражданам. Однако в данном случае мы рассматриваем переходный период в развитых капиталистических государствах в условиях избирательной конкуренции и компенсации акционерам. Современный капитализм утратил высокие моральные принципы неприкосновенности частной собственности, когда активы российских «олигархов» были «заморожены», принудительно проданы, а некоторые и конфискованы на фоне специальной военной операции на Украине в 2022 г.⁷⁰⁰ Последствия санкций значительно ограничили свободный поток информации и подавили критику западных правительств.

⁷⁰⁰ The British (Conservative) government was considering the seizure of the assets of Russian oligarchs 'without the need to pay them compensation'. Financial Times (London) 3 March

Западное ядро капиталистических стран во главе с США больше не является безоговорочным лидером однополярного мира. Ему противостоит усиливающаяся полудядро государств во главе с Китаем, о чем говорилось в главе 10. Инициатива «Один пояс — один путь», создание Евразийского экономического союза и более тесное объединение БРИКС представляют собой альтернативный источник экономической и политической мощи, отличный от основных западных держав во главе с США. Китайские корпорации являются значимыми игроками в мировой экономике. Финансовую поддержку программе «Один пояс — один путь» уже оказывает спонсируемый Китаем Банк развития.

Нечто вроде «Пекинского консенсуса»⁷⁰¹ может прийти на смену «Вашингтонскому консенсусу» и стать основой для более плюралистического и многополярного мира. При таком сценарии альтернативный «капитализм с социалистическими характеристиками» не сможет быть легко подавлен гегемонистским капиталистическим блоком⁷⁰². Открытая глобализация начала XXI в. может быть заменена более ограниченной региональной формой интернационализации. Идея «развивающегося мира», способствующая экономическому и социальному развитию независимо от политической идеологии и структуры государств, для противостоящих держав является возможным альтернативным вариантом внешней политики. Если он будет принят, то позволит избежать негативных последствий продвижения западной демократии. Однако следует помнить об осторожности. Не следует подменять восточноазиатскую панacea «развития мира» западным «демократическим миром». Возникновение конкурирующего блока государств, сформированного из БРИКС, Евразийской экономической ассоциации и других государств (таких как Венесуэла, Куба) и возглавляемого Китаем, вполне может обострить противоречия с капиталистическим экономическим ядром во главе с США.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предположения, изложенные в настоящей главе, указывают путь от либерального капитализма. Социалистическое государство, контролируемое демократическим путем, может обеспечить иерархическую структуру, упорядоченную национальным планом, в рамках которого функционируют экономические рынки. Кристофер Пирсон утверждает, что «рынок незаменим... как наименее плохая форма организации в преобладающих условиях»⁷⁰³. Но «преобладающие условия» изменились, и многие функции рынка могут

2022. Применение санкций в отношении российских фирм и людей в западных странах сделало невозможным продолжение их бизнеса.

⁷⁰¹ Это не политическая позиция китайского правительства, хотя некоторые его заявления соответствуют такой позиции. Идеи приписываются Joshua Cooper Ramo. *The Beijing Consensus*. London: Foreign Policy Centre, 2004.

⁷⁰² Ibid.

⁷⁰³ Pierson C. *Socialism after Communism*. Cambridge: Polity, 1995. P. 88.

быть дополнены или заменены компьютерным моделированием. В «рыночном обществе» преобладают рыночные отношения, определяющие экономические результаты. Совсем другое дело — использовать экономические рынки для реализации потребительских предпочтений в контексте национал-социалистического плана. Рыночные отношения в системе планирования имеют свои недостатки, но, на мой взгляд, они меньше, чем недостатки, действующие в настоящее время в условиях неоллиберализма.

Представленные предложения описывают шаги на пути к регулируемому рыночному социализму. Крайние уровни неравенства будут сдержаны путем блокирования источников наследования богатства. Государственная собственность, налоговая политика, создание экономики полной занятости и предоставление всеобщих базовых услуг «выравниют» уровень. Государственная собственность также «выравнивается» за счет устранения источника нетрудовых доходов. Можно согласиться с Пирсоном в том, что главная претензия к рыночному социализму заключается в том, что его осуществимость перевешивает потерю масштаба и чистоты идеалистической социалистической программы⁷⁰⁴. На наш взгляд, это нечто большее, чем то, что Уилл Хаттон определяет как «капитализм заинтересованных сторон»⁷⁰⁵. Государство будет играть роль всеобъемлющего целенаправленного планирования и станет основным действующим лицом, владеющим значительной долей промышленных и финансовых активов. Экономический план будет определять параметры рынка. По мере роста благосостояния будет увеличиваться и бесплатное предложение коллективных благ (здравоохранение, образование, пенсии, экономическое благосостояние). По мере развития технологий рабочий день может быть сокращен. Такие меры приведут к кумулятивному сокращению прибавочной стоимости, прибыли для частных средств. Упор будет сделан на устойчивое экономическое развитие и социальную безопасность — предоставление основных социальных услуг, экологическую устойчивость, сокращение бедности, развитие человеческого потенциала, расширение местной и региональной промышленности. Удовлетворение потребностей потребителей не будет игнорироваться, и здесь рынок будет играть важную роль. Современная форма социализма предусматривает механизмы оценки социальных издержек, в частности экологических последствий индустриализации.

Остаются сомнения в его устойчивости. Ценности, нормы и институты, сформировавшиеся при капитализме, могут взять верх над социалистическими формами, которые предлагаются здесь. Корпоративные средства массовой информации представляют собой серьезную проблему. Однако СМИ будут подчиняться условиям, прописанным в уставах вещательных компаний и издательств. Олигархический контроль над СМИ будет ослаблен. Кроме того, в соответствии с законом будет обеспечено участие заинтересованных сторон, что позволит решить проблему и предотвратить превращение СМИ

⁷⁰⁴ Pierson C. *Socialism after Communism*. Cambridge: Polity, 1995. P. 189.

⁷⁰⁵ Hutton. *How Good We Can Be*. P. 141.

в инструмент собственников и их сторонников. Даже при благотворной политике развития страны будут испытывать внутренние конфликты, вызванные процессами доминирования, дискриминации между социальными классами и национальными элитами, элитами и неэлитами. По нашему скромному мнению, регулируемый рыночный социализм будет лучше, чем все остальное, что было испробовано.

Приложение 16А
СОЦИАЛЬНЫЕ ФОРМАЦИИ: МОДЕЛИ
КООРДИНАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ

В этом приложении представлено сравнение следующих элементов: самоподдерживающиеся сообщества, либеральный капитализм, социал-демократия, государственно-бюрократический капитализм, контролируемый государством капитализм и государственный социализм. Они анализируются по трем критериям: по типу собственности на производственные активы (частная или коллективная — показано на верхней горизонтальной оси), по форме координации (рынок, государство — вертикальная ось слева) и управления прибавочным продуктом (минимально регулируемый государством, частично регулируемый и регулируемый — вертикальная ось справа). Эти модели являются упрощенными, иллюстрирующими основные характеристики экономик. Реальные экономические формации на практике представляют собой комбинацию этих переменных.

ТИП СОБСТВЕННОСТИ		КООРДИНИРОВАНИЕ	ПРИВАТОЧНЫЙ ПРОДУКТ
Частная	Частная/коллективная		
Коллективное			САМОДОСТАТОЧНЫЕ СООБЩЕСТВА
Минимальное государство	ЛИБЕРАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ	Минимальное регулирование	Минимальный
Минимальное государство		Минимальное регулирование	Минимальное регулирование
Государственная	СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ	Частично регулируемое	Частично регулируемое
Государство (минимальный рынок)	РЕГУЛИРУЕМЫЙ ГОСУДАРСТВОМ КАПИТАЛИЗМ	Государственно- бюрократический капитализм	Регулируемый
Государство		Государственный капитализм	Частично регулируемый
			Регулируемый

Приложение 16Б

РЕГУЛИРУЕМЫЙ РЫНОЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Регулируемый рыночный социализм анализируется по четырем основным компонентам: тип собственности, форма распределения экономического излишка, экономическая координация и тип общества. Верхняя ось показывает распределение экономического излишка между частным сектором и государственным планом. Нижняя ось показывает форму собственности: частная и государственная. Правая ось показывает форму экономической координации: рынок и государство. Левая ось определяет тип гражданского общества: унитарное, в котором государство подавляет гражданское общество; плюралистическое, в котором существует множество групп. Существуют два экономических подсектора — государственный и частный. Оба координируются рынком, но подчиняются государственному плану, который эффективно контролирует и распределяет прибавочный продукт.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗЛИШКОВ

Частный/ государственный Государственный план

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО		ЭКОНОМИКА
Унитарное	—	Государство
Плюралистическое	—	Государство
	ОБЩЕСТВЕННЫЙ СЕКТОР	Рынок
Плюралистическое	ЧАСТНЫЙ СЕКТОР	Рынок
	Частная	Общественная/ Государственная

ФОРМА СОБСТВЕННОСТИ

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	V
Выражение благодарности	VI
Предисловие научного редактора к изданию на русском языке	VII
Предисловие Дэвида Лэйна к изданию на русском языке	XI
Пояснительная записка редакции	XVI

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

1 ВВЕДЕНИЕ	1
Критика глобального капитализма	3
Альтернативы	11
Неолиберализм и альтернативы	13
Структура книги	15
2 ГЛОБАЛЬНЫЙ НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ	19
Экономическая основа неолиберализма	21
Либерализм как всеобъемлющая идеология	24
Поддержание стабильности и содействие прогрессу	25

Человек и общество	28
Верховенство права	32
Неолиберальная социальная система	34
Финансирование и спекуляция	35
Регулирующая роль государства	37
Саморегулирующиеся рынки	40
Заключение	41
3 НЕОЛИБЕРАЛИЗМ: КРИТИКА	43
Психологический субъективизм	45
Каталлаксия и удовлетворение желаний	47
Экономические результаты не являются оптимальными	48
Владение и контроль	50
Глобальный экономический кризис	52
Политическая власть и собственнический индивидуализм	54
Заключение	55
ЧАСТЬ I	
СОПЕРНИКИ-СОЦИАЛИСТЫ И ИХ ГИБЕЛЬ	
4 СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ	60
Социализм как нормативный порядок	61
Определение социализма	62
Марксизм и социализм	64
Государственная социалистическая альтернатива	67
Плановая экономика: теория	67
Обоснование плановой экономики	69
Внедрение планирования в общество	73
Заключение	74
5 ВЫЗОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛИЗМА И ЕГО КРИТИКИ ИЗ ЧИСЛА РЫНОЧНЫХ СОЦИАЛИСТОВ	76
Создание основы социалистического общества	77
Возникновение государственного социализма	80
Экономические и социальные последствия модернизации	83
Критика системы планирования	87
Государственный социализм: оценка	91

Рыночный социализм в теории	93
Социалистическое коллективное планирование	94
Ограниченный характер реформ при государственном социализме	98
6 УПАДОК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ	100
Социал-демократическая альтернатива после Второй мировой войны	102
Достижения британской Лейбористской партии в области государственного управления	103
Трансформация западной социал-демократии	109
Утверждение традиционных ценностей лейбористов	111
Возникновение нелиберального консерватизма	114
Неолиберализм как политический проект	115
Падение социал-демократической альтернативы	116
7 ПРЕВРАЩЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В «ТРЕТИЙ ПУТЬ»	121
Политика на базе идентичности, разнообразия и класса	122
Политика идентичности	126
От правящих классов к плюралистическим элитам	128
Социал-демократия движется в сторону неолиберализма	130
Иностранные дела: глобальная перспектива	133
Оценка Новых лейбористов	135
Углубление экономического неравенства	137
Политика новых лейбористов в области доходов	139
Падение Новых лейбористов	142
Возрождение социализма в демократических рамках?	143
8 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ ПЕРЕХОДИТ К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ	147
Перестройка: от реформ к преобразованиям	148
Социальные основы для проведения радикальных экономических реформ и контрреволюции	149
Поддержка радикальных реформ	154
Трансформация и роль транснациональных корпораций	155

Факторы, лежащие в основе падения государственного социализма	160
Переход к капитализму	161

ЧАСТЬ II

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ПРОТИВНИКИ

9 ОТ ИНДУСТРИАЛЬНОГО К ГЛОБАЛЬНОМУ КАПИТАЛИЗМУ	163
От национального к глобальному капитализму	164
Феномен глобализации	166
Глобализация как форма капитализма	168
Экономическая основа глобализации	169
Мировая экономика	171
Варианты глобализации между государствами	173
Глобализация в сфере культуры и передачи информации	177
Межличностная глобализация	179
Глокализация	180
Ведет ли глобализация к неравенству?	181
Баланс глобализации	186
10 ИЗМЕНЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ И ВЫЗОВ СО СТОРОНЫ СТРАН ПОЛУЯДРА	190
Изменение структуры правящих классов	192
Задача стран полуядра	195
От периферийной зависимости к конкурентной взаимозависимости	197
Глобализация наоборот?	203
Заключение	206
11 СКЛОННОСТЬ ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА К САМОУНИЧТОЖЕНИЮ	208
Наступление посткапитализма	211
Возникновение «креативного класса»	212

Роль государства	217
Собственность на средства производства	220
Пересмотр марксистской идеологии	225
Заключение	228
12 КРИТИКА «АНТИКАПИТАЛИЗМА»	231
Движение «Захвати»	233
Сетевое общество	238
Реформистские перспективы	241
Заключение	242
13 ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ «КАТАСТРОФА»	246
Экологическая катастрофа	248
Рыночное решение	249
«Спасение планеты»	251
Критика марксистской идеологии	254
Экологическая цивилизация?	255
Экономика нон-консюмеризма	256
Дружелюбный экономический антирост	257
14 СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ	260
Глобализованная социал-демократия	261
Социал-демократические партии у власти	264
Корпоративная социальная ответственность	267
Социалистические перспективы: переход к социалистической глобализации?	270
Социалистическая глобализация	272
Социалистическая скоординированная экономика в мировом масштабе	274
Политическая мобилизация	275
Реформы внутри системы	276
Заключение	278
15 ВЫЗОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛИЗМА	281
Государственный капитализм	281
Государственный социализм	282
Государственно-бюрократический капитализм	284

Марксистская критика государственно-монополистического капитала советской экономики	285
Оценка парадигмы государственно-бюрократического капитализма	286
Ленинская версия государственного капитализма	288
Китайский вариант: социалистическая рыночная экономика	290
Дифференциация собственности	293
В Китае «государственно-бюрократический капитализм»?	294
Сценарии будущего для Китая	300
16 РЕГУЛИРУЕМЫЙ РЫНОЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ	302
Пять альтернативных экономических формаций	303
Механизмы и движения за социальные изменения	307
Регулируемый рыночный социализм	309
Переоценка механизма планирования	313
Изменение структуры и обязательств экономических корпораций	316
Препятствия на пути социалистических мер	317
К вопросу о необходимости перехода	319
Международный масштаб	323
Заключение	324
Приложение 16А	
Социальные формации: модели координации и управления	327
Приложение 16Б	
Регулируемый рыночный социализм	329

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ»

Дэвид Лэйн

ГЛОБАЛЬНЫЙ НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ И АЛЬТЕРНАТИВЫ

ОТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ К ДРУГИМ ФОРМАМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Монография

Научное издание

Научный редактор издания на русском языке
С.Д. Бодрунов

Подписано в печать 20.02.2025.

Формат 70×100/16

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Гарнитура *Newton*

Усл. печ. л. 28,5. Тираж 1000 экз.

ООО «Центркаталог»

123317 г. Москва, пер. Стрельбищенский, д. 30, стр. 1А-п.4, офис 429

Тел.: +7(926)000-33-92; +7(925)217-28-14

E-mail: zk-izdat@yandex.ru <https://zk-izdat.ru>